

Инна Волошина

**За порогом жизни,
или Человек живёт и
в мире Ином**

Книга из «Тонкого Мира»

Инна Волошина

**За порогом жизни, или
Человек живёт и в мире Ином**

(Книга из «Тонкого Мира»)

Москва
2016

ББК 53.59
УДК 001.94/.97
В68

Волошина Инна

В68 За порогом жизни, или Человек живёт и в мире Ином. Книга из «Тонкого Мира»— М.: ООО «Издательский дом "Роса"», 2016. — 430 с.

ISBN 978-5-903381-39-5

Книга, которую Вы держите сейчас в руках, ранее издавалась под именем Евгении, с названием «Человек живёт и в мире Ином». Теперь она вышла в наиболее полном изначальном изложении, под именем настоящего автора - Инны Волошиной, являющейся к тому же и участником событий, происходящих в книге.

Судьба произведения нелегка... Чтобы дойти до читателя в виде, задуманном автором, книга претерпела трудный путь длиной в двадцать лет...

Трудно найти более увлекательную книгу, если рассматривать её хотя бы просто как роман.

Есть ли жизнь после смерти? Что испытывает душа после ухода в Мир Иной? Встретимся ли мы после смерти со своими любимыми и близкими людьми? Слышат и видят ли они нас? Почему наши умершие родственники приходят к нам во сне? Эта тема волнует абсолютно всех: к ней не равнодушны и верующие, и люди с материалистичными взглядами... Ответы на эти вопросы можно получить, прочитав книгу Инны Волошиной и Николая Осеева «За порогом жизни, или Человек живёт и в Мире Ином».

Книга, которую мы предлагаем Вашему вниманию, принималась Инной под диктовку из «Тонкого Мира» с рабочим названием «Единство всех миров» на протяжении трёх лет в 1992-94 гг (этот метод называют психографией или автоматическим письмом). В ней описываются события, происходившие с несостоявшимся поэтом Николаем Осеевым с момента его смерти осенью 1851 года и до его нового рождения в конце XX века...

ББК 53.59

Рисунок «Закон притяжения» к обложке взят с сайта «Духовное Целительство и Рейки» <http://reiki-healing-l.org>

ISBN 978-5-903381-39-5

© Волошина И., текст, 1994
© ИД «Роса», 2016
© ИД «Роса», оформление, 2016

*Большое спасибо всем нашим друзьям и знакомым
за поддержку и помощь в издании книги.*

*Особая благодарность Алле Березовской, Геннадию
Белимову, Ольге Душевной, Сергею Куликову и
Галине Саломатиной за то, что книга вышла в свет.*

Инна и Алексей Волошины

Предисловие

«ЕДИНСТВО ВСЕХ МИРОВ» – РОМАН, НАПИСАННЫЙ ПОД ДИКТОВКУ

Сегодня я не нахожу оправдания себе, когда размышляю, почему затянулась история с рукописью романа, значение которого, на мой взгляд, велико. Речь идет о книге, дающей людям знания о том, что происходит с нами после физической смерти. Последние годы второго тысячелетия и начало третьего принесли нам массу необычных сведений, которые ставят в тупик официальную науку. У нее просто не оказалось исследовательских механизмов, чтобы подтвердить или опровергнуть ранее не известные законы и особенности бытия. Ну, точно так же, как современная наука не способна доказать или опровергнуть существование Бога.

В данном случае произошло следующее...

После того, как в 1996 году в одной из российских газет был опубликован мой материал с некоторыми фактами и размышлениями на вечно притягательную тему жизни после смерти, я получил отклики, в том числе и от неведомой Инны из города Сызрани.

Вот что было на двух листочках из школьной тетради:

«Пишет Вам Инна В. Если сказать откровенно, то не знаю, с чего начать свой рассказ, так как не уверена, что получу ответ на свое письмо. Все дело в том, что многое, происходящее со мной, я не могу объяснить сама себе и не нахожу подобного объяснения в литературе... Помню, буду-

чи студенткой Алма-Атинского сельхозинститута, писала курсовую работу и слушала телевизор. Не смотрела, так как телевизор находился в другой комнате, а просто слушала. Шел фильм «Полосатый рейс», который я неоднократно видела и знала все действия почти наизусть. В общем, я была в несколько раздвоенном состоянии: писала курсовую и слушала фильм. И вдруг как-то странно повела себя рука: она выводила слова, но не те, что я хотела писать, а помимо моей воли. Я чувствовала, как моей рукой управляет кто-то невидимый.

В первый раз добиться какого-то взаимопонимания не удалось. С этим вопросом обратилась к знакомой. Алла, насколько я знала, занималась спиритизмом и общалась при помощи блюдца с потусторонним миром... Она мне многое объяснила, в частности о том, что нужно суметь сосредоточиться и как бы услышать, а точнее — уловить идущую извне информацию... Потом были еще попытки к письму, и постепенно мы установили контакт. Это произошло в мае 1992 года. Конечно, у меня была масса вопросов к моему незримому другу, и поэтому беседы были оживленными. Но должна сказать, что не на все вопросы мой собеседник отвечал. Бывало, отмалчивался или отвечал односложно: «Я не имею права об этом говорить». У моего визави, как я позже поняла, была иная цель. Эта цель — книга...

Она принималась мною на протяжении двух-трех лет. Получилось 250 печатных страниц, но я не знаю, много это или мало? Вот о ней я бы хотела поговорить с Вами. Из-за этой книги я собственно и пишу письмо. Ее автор — он назвался Николаем Осеевым, лицом из потустороннего мира — настаивает на ее выходе в свет, то есть, чтобы ее читало как можно больше людей. Но у меня нет ни средств, ни каких-либо возможностей ее издать. Вернее, я даже не знаю, к кому и куда надо обращаться. Я писала в некоторые редакции, но ни от кого не получила ответа. Возможно, у меня не получается убедительно и обстоятельно написать, о чем эта книга. Но попробую еще раз.

Эта рукопись — путь души, духа Николая Осеева, его рассказ о своих переживаниях и трудностях постижения жизни «Иного Мира», параллельного земному, после ухода из нашего земного бытия. Так вот, он описывал свои впечатления — что видел, что познал, через какие испытания прошел в том мире после перехода. Он не употребляет слово «смерть». По-видимому, смерти вообще нет, а есть переход из одного мира в другой и не более. Он описывает миры грубые и тонкие, он встречался с людьми из разных стран и разных религий, беседовал с ними.

Но скажите, как можно в коротеньком письме передать большой объем информации? Я затрудняюсь. Эту книгу легче прочесть, чем пересказать, так как, казалось бы, даже мелочи приобретают особое значение в дальнейшем развитии сюжета.

Насколько я поняла, Вас интересует подобная информация и, быть может, я получу ответ. Чего я хочу? К чему стремлюсь? Я ищу возможность издать эту книгу. Надеюсь на помощь, поддержку или хотя бы совет. Разумеется, хотелось бы также получить от специалиста объяснение тому, что со мной происходило, как возможна эта связь с иным миром? Тем более, что это, в сущности, не единственная странность в моей жизни.

Но главное все же не это. Книга! Вот что меня больше всего беспокоит. Как же мне ее издать? Не знаю, могу ли я рассчитывать на Вашу помощь, но письмо написано, хотя я не очень-то надеюсь даже на ответ. Простите мне мое неверие, но...».

Я ответил не сразу, недели через две.

Помню, что в своем кратком ответе Инне я ссылался на опыт книги английской писательницы Эльзы Баркер «Письма живого усопшего», которая была получена ею таким же способом, то есть психографически, еще в начале XX века, так что прецеденты, дескать, уже есть, и сомневаться в подобном способе получения информации специалистам уже не приходится. Но главное — я просил прислать хотя бы фрагмент какой-либо главы, чтобы можно было судить о качестве написанного.

Выяснилось, что «Письма живого усопшего» Инна тоже читала, и некоторые параллели в описаниях Николая и канадца Дэвида Хотча из книги Э. Баркер, конечно, обнаружила. А на мои вопросы относительно деталей ее взаимоотношений с потусторонним контрагентом отвечала следующее:

«Николай Осеев передавал через мою руку опыт потусторонней жизни, который представил в виде диалогов и описаний. Он сказал, что старался сделать книгу доступной в восприятии каждому, может, потому она читается легко, хотя там есть и философские рассуждения.

Вас, конечно, интересует, как собственно я вышла на контакт с Н.? Все произошло как бы само собой. Однажды во мне прозвучал голос, исходящий извне. Этот голос сообщил, что есть во Вселенной душа, которая ищет со мною прямого контакта, более тесного общения. Речь шла о душе мужчины, ранее жившего на Земле, он был начинающим поэтом и прожил короткую жизнь. Мне не было об этом подробно рассказано, но в эти сло-

ва — «душа, которая ищет со мной контакт» — была вложена информация и о нем самом, и я ее свободно приняла.

Для продолжения диалога мне надо было взять лист бумаги и ручку, сосредоточиться и расслабить руку. Пусть не покажется странным, но я сразу согласилась и не столько из любопытства, хотя оно, конечно, присутствовало, сколько из-за того, что мое сознание было готово к этой встрече.

...Да, мне вот еще что хочется сказать: во время работы над книгой, вернее, в момент писания, я реально видела все события. Как видела? Я смотрела как бы в себя, словно у меня была вторая пара глаз, и на каком-то внутреннем экране видела картины, как правило, цветные, сопровождавшие текст. Это делало все описания очень достоверными. «Фильм» был без звука, и там не было движения. Скорее, это похоже на диафильм, когда одна картина сменяется другой, только быстро, довольно быстро. Это картины, а на них застывшие в движении люди, природа, события...».

Но самое поразительное было в конце письма. Инна сообщила, что выслала в мой адрес не фрагменты, а всю книгу целиком. Вот это была полная неожиданность для меня...

Книга была в ужасном состоянии. Это был фолиант, скрепленный тесемками, отпечатанный на машинке под копирку — примерно пятая, а может, и шестая копия. Видно, что рукопись побывала во многих руках. На захватанном руками титульном листе значилось маловразумительное название — «Единство всех миров». Многие строчки рукописи было трудно разобрать, и если учесть, что все было напечатано очень плотно, через один интервал, то браться за чтение такой книги попросту не хотелось. Я откладывал это испытание и на день, и на неделю, но поскольку от меня ждали ответа и, соответственно, оценки книги, то однажды я все же заставил себя ее открыть.

И незаметно для себя погрузился в мир, о котором немало думал, подсознательно догадывался о его реальности, что-то приблизительно знал, еще больше хотел бы узнать, но все же он ускользал, скрывался в тумане суеверий, «научного» отрицания, религиозных недомолвок и общей странной боязни людей заглянуть за грань, которая ассоциируется со словом «смерть». А здесь, в этой загадочной книге, шел как бы репортаж с того света, где бывший саратовский клерк и поэт Николай Осеев подробно, едва ли не день за днем, рассказывал о том, что он

увидел в мире ином, какие испытания перенес, с кем встретился и подружился, чему научился, а главное — что узнал и открыл нового для себя.

Мой вывод уже тогда был однозначным: эту книгу надо иметь в каждой семье! Ведь, посудите, как бы мы лихо ни проживали собственные годы, сколь много благ или несчастий ни имели, верили или, в большинстве своем, не верили в загробную жизнь — но все мы там, за чертой, рано или поздно будем! И разве не важно, пока еще живем и наслаждаемся земным бытием, знать, что же нас ожидает за смертным порогом?! Я был весьма заинтригован и самим сюжетом, и достоверностью рассказа, угадываемой за безыскусными строчками. От странной рукописи я не мог оторваться.

Почему такое предисловие необходимо? На мой взгляд, важно, чтобы это описание не сочли за обычное фантастическое произведение, или за плод воображения, или за мистификацию, к чему читатели отнеслись бы как к сказке. Книга, скорее всего, документальна. Это свидетельство очевидца, сумевшего передать свои впечатления с того света, и такой ее необходимо представить читателям. Это делает произведение гораздо важнее и значимее для человечества, нежели любые фантазии на подобную тему.

Так, психологически, писали если не все свои произведения, то многие, американец Ричард Бах, немец Герман Гессе, англичанки Анни Безант и Алиса Бейли. К примеру, наш современник, бразилец Шику Шавьер (Франсиску Кандиду Ксавьер) написал психологически более двухсот книг, многие из которых переведены на другие языки и изданы миллионными тиражами. И это при том, что Шавьер окончил только начальную школу и не знал ни одного иностранного языка, тогда как стихи, прозу и философские трактаты писал на разных языках.

Подобной способностью обладает и бразилец К. Мирабелли, который мог писать на 28 языках, зная всего три.

Поразительные знания в средневековой медицине продемонстрировала в своих романах американская писательница Тейлор Колдуэлл, которая сама врачеванием никогда не занималась, но получала исчерпывающую информацию о целительстве от неизвестного источника. А французской писательнице Кржижановской-Рочестер, автору более сорока романов, Парижская академия наук присудила особую премию за описание столь тонких особенностей древнеегипетских церемоний,

которые могли знать только немногие ученые-египтологи. В одном из интервью Кржижановская-Рочестер признавалась, что не знает источника своей осведомленности о Древнем Египте.

Одним словом, получая откуда-то извне разнообразную информацию, и сами психографы, и специалисты часто убеждались в ее необычайной точности и объективности.

...Задумаемся: рука сама пишет. Но кто-то же ею водит, кто-то передает словами чьи-то мысли, образы, чувства, сведения? Кто?

Одна из рабочих гипотез на сей счет — на людей воздействуют умершие земляне из потустороннего мира. Именно так диктовал свои впечатления с «того света» английской писательнице Эльзе Баркер, своей приятельнице при жизни, судья и незаурядный философ-эссеист Дэвид Хотч из Лос-Анджелеса, умерший незадолго до того. Его сообщения составили книгу «Письма живого усопшего», изданную в 1914 году и с тех пор многократно переиздававшуюся во многих странах, достигнув многомиллионных тиражей.

Исходя из собственного опыта исследователя, признаюсь, что я с достаточным доверием отношусь к рассказанному в книге «Письма живого усопшего». Я чувствую, что это не писательские фантазии, и верю Э. Баркер, которая отрицает какой-либо вымысел с ее стороны. Для религиозного человека, каким она была, розыгрыш подобного рода был бы слишком бессовестным занятием. Тем более, что многие сведения из ее книги прекрасно стыкуются, совпадают со сведениями из других источников. Да много, много подобных фактов.

А ведь в истории литературы известен, к примеру, поразительный случай, никак не объясненный до сих пор. Он касается последнего неоконченного произведения Чарльза Диккенса «Тайна Эдвина Друда». В 1872 году, через два года после своей физической смерти, писатель надиктовал окончание романа через некоего малограмотного молодого человека из Америки Джеймса из Батльборо, который никогда не читал «Эдвина Друда» и вообще не знал о таком писателе, как Диккенс. Запись велась психографически. Специалистами эта вторая часть книги признана за совершенное факсимиле слога Диккенса и его неподражаемого юмора. Книга была переведена на многие языки мира, хотя источник диктовки остался неразгаданным. Дух самого Диккенса? Такого не может быть! А я полагаю, именно это и произошло, но мы, люди, слишком упрямы в своем отрицании иных миров.

Я дал почитать рукопись заместителю редактора местной городской газеты Ольге Душевной — главным образом из-за сомнений в том, не слишком ли я субъективен в оценке книги? Да, тема жизни после смерти мне интересна, но я — исследователь аномалий, лицо в какой-то мере пристрастное, а как оценят достоинства книги другие?

Потом мы обсуждали свои впечатления.

К счастью, наши мнения совпали: книга сильная, и она имеет право на существование, и, безусловно, будет востребована читателем. Единственный недостаток, по мнению Ольги Николаевны, — она порой длинновата в диалогах, в подробностях, манера написания — явно из прошлого века. Однако я рассматривал это не как недостаток, а как элемент достоверности: личность из XIX века, каким был Осеев, и не должна была писать, как это делали в своей прозе наши современники — скажем, Ремарк, Хемингуэй или Юлиан Семенов. Сейчас век иной, и динамика повествования, язык — иные. Как этого не понять?

Мы обсуждали с Душевной и перипетии посмертных приключений героя. Они были захватывающими! Особенно, если учесть нашу слабую осведомленность о происходящем после смерти. Читателю тоже предстоит все это узнать. А вот примет ли он описание за реальность? Наверное, у каждого будет свое отношение.

Все это было поразительным для меня, читавшего книгу. Получается, там такая же природа, такие же деревья, трава, цветы, реки и озера? Как здорово! И есть люди, много людей, хотя они живут иначе, чем на Земле. Все это было ново и удивительно для меня. Как и то, что человек там может принять иной облик, из своего предыдущего воплощения, хотя способен и восстанавливаться в прежнем, особенно если он встречается с родственниками из своей последней жизни. Он также может приходить к живущим во сне... Так вот откуда целый пласт народного фольклора о встречах с умершими в сновидениях! А встреча Николая со Всевышним... Так вот, что такое страшный суд... Суд своей совести...

Тем временем, после небольшого перерыва, пришло письмо от Инны с ответами на мои многочисленные вопросы. Читать его было интересно, поскольку вырисовывался своеобразный характер человека и прояснялись некоторые детали ее феномена.

В начале письма Инна соглашалась на предложенное мною вступление, причем сослалась и на мнение своего соавтора: «Николай ответил на поставленный вопрос о вступлении одним словом: "Разумно"».

А дальше я просто приведу текст ее письма с небольшими сокращениями.

«Расскажу о первом впечатлении прикосновения к чему-то аномальному. Воспоминание относится к 1983 году, месяц — декабрь, число — 16.

В нашем поселке школу закрыли, так как в классах было по три-четыре ученика, а нас возили в соседний поселок. Я хорошо помню тот день. После окончания уроков мы, школьники, играли возле школы в снежки, ожидая свой автобус. Было облачно, солнце то выглядывало из-за туч, то накатывалась тень. Шел снег. Снежинки редкие и очень-очень пушистые.

Мне не нравилась эта игра — в «снежки». Мальчишки делали грубые снежки, стараясь побольше набрать талого снега, и комочки получались увесистыми, тяжелыми. Мне было и больно, и обидно за девчонок, о которых разбивались эти ледяные «снежки». Я стояла в стороне от играющих и ловила на варежку снежинки. Забавно! Они так переливались в лучах солнца, эти маленькие живые кристаллики, и так быстро таяли, но им на смену падали другие.

И вот в какой-то момент, когда легкое облачко закрыло на мгновение солнце, я непроизвольно резко посмотрела на дорогу. Мне показалось, что там кто-то стоит и смотрит на меня. Но я никого не увидела: улица и дорога были пусты. И все же я непроизвольно продолжала смотреть на дорогу и даже проводила взглядом нечто невидимое мне, но осязаемое... И тут кто-то, пробегая мимо, толкнул меня, и все исчезло, даже забылось. Однако в этот день, вернувшись из школы, я написала свое первое стихотворение:

*Снег идет, снег идет,
Легкий, белый, чистый,
И снежинок хоровод
В воздухе кружится,
И пушистым покрывалом
На землю ложится...*

До этого стихов я не писала, хотя мои сочинения учительница в школе хвалила.

Я не случайно так подробно описала это событие. Этот день до сих пор хранится в моей памяти. Подробнее я узнала о нем много позже, когда совместно с Н. писала книгу. Это тот самый момент, когда он впервые

увидел меня на Земле. Ему что-то во мне напомнило Тамару, его любимую, но сходство было мимолетное. В тот день он ушел. Я проводила его взглядом, хоть и не видела, но чувствовала. Он ушел, чтобы вернуться снова...

Геннадий Степанович, как Вы поняли, я полностью идентифицирую себя с героиней, что выведена в романе. Не знаю наверняка, но мне кажется, что ряд определенных событий в моей жизни привели к тому, что я встретила с Николаем, и я смогла принять его книгу.

Бывали моменты, когда Николай приходил ко мне, даже если я не выходила сама с ним на контакт. Он принесил мне цветы и украшал ими мою комнату. Их не видела, но чувствовала их присутствие, а порой и запах, четко различая их цвет и род (розы, гвоздики, сирень). Однако жизнь цветов того мира недолга, они угасают в два-три дня, и Н. приносил новые. Я чувствовала теплоту его отношения ко мне...

Было несколько путешествий с Н. в тот мир. Он показывал мне свои излюбленные места среди красивейших уголков природы. Мы были одни. Лишь однажды я побывала с Н. у старца Николоса (персонаж книги), но все разговоры были стерты из памяти, осталось только ощущение красивой местности. Когда я бывала в саду Николая, то что-либо потрогать, сорвать цветок, взять — нет, я не делала этого. Он срывал цветок сам и клал мне на колени, запаха я не помню и не ощущала. Когда катались на лодке, я опускала руки в воду, но я не помню ощущения мокроты и прохлады. Их не было. Я не видела Николая, но каким-то внутренним чутьем я знала, какой он. Высокий, худой, без бороды и усов. Лицо вытянутое. Тонкий профиль...

Как происходили эти путешествия... помню их обрывками. Я ложилась спать — и все. Н. забирал меня с собой. Он ждал, пока я усну, и душа моя уходила с ним. Но это не в астральном теле. Почему я так думаю? Потому что я та не похожа на себя земную! А астрал — повторение земного образа. Откуда я знаю, что мой облик иной? По ощущениям, которые хорошо помню. У меня той — волосы русые и длинные и глаза не карие, а светлые. Я видела себя в зеркале, когда прихорашивалась в доме Н. Но лицо стерлось из памяти, происходит блокировка в сознании. Отчасти поэтому младенцам не следует давать зеркал — они пугаются «не своего» образа, они помнят себя иными...

Общались мы больше посредством письма, вернее, диктовок. В книгу, конечно, не вошли наши «частные», так сказать, встречи. Мир тот вы-

глядит, как и здесь, — то есть все реально, только там свет не такой, как на земле.

Был и мой самостоятельный выход, из тела... Произошло это так: Как-то я легла днем немного поспать. Было около часа дня. Но когда я вернулась — было уже четыре пополудни! Да, я именно вернулась, а не проснулась, потому что я сознательно вышла из тела, а главное — нашла того, кого искала!..

Здесь следует кое-что объяснить...

Я искала Николая в том мире и... нашла! Но не сразу. Воспоминания о пути довольно смутные. Дом Николая я нашла, но его там не было. Мне пришлось ждать его возвращения в беседке возле дома. Кто-то, увидев меня, помню, сказал: «Как она, земная, могла зайти так далеко?» На вопрос, заданный в общем-то не мне, я мысленно ответила, что жду друга. И почти в тот же момент появился Н. Он испугался, увидев меня. Для него мое появление было полной неожиданностью. Между нами произошел диалог:

— Зачем ты здесь?

— Я искала тебя...

— Но ты должна вернуться назад!

— Я не знаю как...

— Я верну тебя... Такие переходы опасны для людей!

И я проснулась. На этом мои путешествия вне тела прекратились. Если не считать снов... Я сделала вывод, что переступила грань дозволенного, и меня лишили такой способности в наказание за нарушение неких правил.. Он же мне после этого случая сказал, что я слишком долго была в том мире, еще каких-то 10–15 минут земного времени, и я бы уже не смогла вернуться, войти в свое тело. Связь с телом оборвалась бы.

С каждым контактом понимание между нами было все успешнее. Потом Н. как-то спросил мое согласие на совместную работу. Речь шла о книге. И я согласилась. Меня никто и ничто не принуждало. Я была согласна помочь Николаю записать его книгу, так как понимала важность ее содержания. Мне же в ней было почти все известно. Не сам сюжет, а та жизнь, которая описывалась. Глубоко внутренне я это все знала и верила в существование потусторонней жизни. По-видимому, эти знания были во мне, но я не извлекала их из себя до определенного времени.

Как я «видела» картины того, о чем писала? Это были застывшие картины наподобие диафильма, но они очень помогли мне в работе. Изображение было цветным.

Что еще? Однажды Н. дал мне рецепт пасхального теста, как пекла его бабушка, когда он был ребенком. Еще посоветовал, как солить капусту рассолом. И то, и другое получается очень вкусно и необычно.

Вы спрашиваете, верила ли я в существование загробного мира до этого моего контакта? Я не верила, а знала о его существовании и не только по опыту общения с Н.. В этом письме я не стану описывать свои необычные «сны», как я их называю. Письмо и так велико.

Я еще никогда не писала таких больших писем...».

С уважением – Инна.

6 февраля 1997 г.

Сызрань».

Я поразился последней фразе Инны: не писала таких больших писем, а у самой за плечами роман почти в пятьсот страниц!

Зато эпизод встречи девочки-подростка с душой Николая я хорошо помнил из книги...

Книга очень понравилась кругу моих родных и знакомых. Помню, мой отец, человек военный, в прошлом коммунист и, как многие в нашей стране, воспитанный атеистически, с огромным интересом прочитал рукопись, принятую Инной. Вероятно, как всех пожилых людей, его тревожила эта тема – о жизни после смерти, и он постарался познакомить с книгой и мою мамушку – они читали ее по вечерам вслух. Отец и мама задавали мне много вопросов, читали некоторые письма Инны, и, кажется, прониклись верой в то, что за порогом жизни все так и есть, так будет, как рассказал Николай Осеев. Книга своей искренностью и непридуманностью вызвала у них глубокое доверие. Они пересказывали ее своим пожилым соседям по подъезду, а книжку Э. Баркер прочитали, по-видимому, все их знакомые.

У меня осталось ощущение, что мои родители значительно спокойнее уходили в тот мир именно из-за прочитанной повести о потусторонней жизни. Отец незадолго до смерти второй раз попросил у меня почитать книгу. Он окончил свой путь первым, в 80 лет, а мама умерла спустя полтора года. В последний день своей жизни мама так и сказала: «Я, сынок, умираю спокойно, без страха. Я верю, что там жизнь продолжается, и знаю, что там меня ждет наш папочка, – так звала она на закате жизни моего отца и своего мужа Степана Савельевича. – Только

б мне попасть в тот же мир, что и он. Но я более грешна, у меня были аборт, а наш папочка был святым человеком...».

В более драматической ситуации помогла эта книга старшему брату той самой Ольги Душевной, заместителя редактора газеты, которая первой из моих друзей читала рукопись Осеева. Ее брат умирал в 60 лет от рака. Умирал трудно, мучительно и в полном сознании. По-видимому, в какой-то момент ему стало невыносимо от безысходности положения, от боли и уколов, от тяжести мук, физических и душевных. Атеист по своим взглядам, не верующий ни в Бога, ни в ангелов, ни в черта, он однажды взмолился — попросил у сестры почитать что-нибудь из эзотерической литературы. И Ольга Николаевна взяла у меня эту рукопись...

Боже, что сделала с умирающим человеком эта книга!

«Геннадий, он так преобразился! — рассказывала Ольга о брате. — У него появилась в глазах надежда, он стал намного спокойнее, а главное, он обрел веру в будущее. Не в выздоровление, разумеется, а в ту потустороннюю жизнь, о которой прочитал. И, кажется, даже боль он уже переносил более стойко, чем до этой книги. Он уже не жаловался нам, а просто мужественно и просветленно ждал... Знаешь, его спасла эта книга!..»

Прошел год, потом другой, третий, шестой... Дело с рукописью Николая Осеева далеко не продвинулось. И в какой-то момент мы с О.Н. Душевной решили начать публикацию некоторых глав книги в сокращении в газете «Волжская правда». Ну, не может ведь газета печатать на своих страницах 500-страничный роман!

И пошли публикации. Мы назвали книгу «За порогом жизни», автор — Инна В.

После десятка номеров газеты, причем мы располагали материал только в субботних выпусках, я подготовил статью о книге Осеева и о том, как диктовался этот роман. А в конце, как и было задумано, обратился к зажиточным волжанам с просьбой о финансировании книги.

Мы не получили ни одного звонка, ни одного предложения от богатых...

Зато продолжения публикации книги потребовали простые волжане! Редакцию атаковали и звонками, и письмами с требованием одного — продолжать! Многие так и говорили: «Нам это нужно знать, мы из-за этого подписываемся на газету!..»

И роман Н. Осеева печатался почти три года! Его начали в 2001-м, а завершили 1 ноября 2003-го. И то лишь потому, что сменился редактор, и новому руководителю было жалко тратить газетную площадь на бесконечные продолжения.

Вот такая история... В ней ничего не придумано, все лица реальны, и рукопись книги вполне материальна и осязаема. И есть у меня уверенность, что книга будет необходима людям, что ее переведут и на другие языки.

Есть немало указаний, что книга Осеева верна. Это подтверждается и другими книгами, такими, как «Письма живого усопшего» Эльзы Баркер, «Мои посмертные приключения» Юлии Вознесенской, публикациями Роберта Монро, Раймонда Моуди, А. Форда и многих других.

А совсем недавно я сам получил подтверждение того, что душа существует, и она может передавать информацию. Случилось это при трагических обстоятельствах.

...Умирал от рака головного мозга мой брат Виктор, младший, ему исполнился всего 51 год. Он был для меня и помощником в моих исследованиях, и соратником, потому что понимал и поддерживал мои исследования аномальных явлений. Нередко помогал и материально. По крайней мере, компьютер, без которого мне сейчас трудно представить мою писательскую работу, подарен им.

Вот запись из моего дневника:

«В воскресенье около 12 приходили Марина и Валя. Витя лежал рядом. Слышал нас или нет — непонятно. Но глаза как открыл утром в 6, это увидела Оля, так и не закрывал. Вроде куда-то смотрит, но зрачками не водит, не реагирует на движение руки. Вообще никакой реакции.

Вскоре женичины ушли.

В 18 часов Оля зажгла свечу и села около Вити, стала читать молитвы, которые желательно читать перед уходом. Книгу с молитвами и обрядами принесла Татьяна. Сестра читала молитвы вполголоса, я лежал на диване напротив, читал газету. Показалось, что он стал так шумно дышать, сказал об этом Оле: «Ты слышишь, он вроде слабее стал дышать? Как же мы его ночью будем слышать?» Она тоже обратила на это внимание. И вдруг у меня неожиданно вырвались громкие рыдания. Я даже испугался — с чего такие громкие? Зажал рот, зарылся в подушку, сдерживая чуть ли не крик.

И вдруг встал: что с Витей? В это время Оля сказала, что, кажется, дыхания нет, я подбежал, пощупал область шеи. Вроде бы жив... Но дыхание не возобновилось, он только сделал слабое глотательное движение, глаза по-прежнему открыты. Тут мы догадались — он умер.. Дыхания не слышно. Я посмотрел на часы: 19 часов 18 минут...

Потом до нас дошло, что, видимо, моя душа раньше моего сознания узнала от Витиной души, что он умер — вот почему я вдруг, ни с того ни с сего заголосил! Он предупредил о своем уходе в ту же минуту, как остановилось дыхание и сердце. Может, попрощался...».

Да, я уверен, что и далее будут находиться новые подтверждения реальности потустороннего мира, появятся новые свидетельства об этом, и наши нынешние полужнания будут пополняться. Вероятно, пришло тому время, как оно неизбежно наступило и в эпоху Галилея и Коперника, первыми из людей осознавших, наконец, что Земля круглая и вертится вокруг солнца, а не наоборот. Но, Боже, как это возмущало невежд и сирых!? Поймем и мы однажды, что мир многомерен и многонаселен. И книга Николая Осеева поможет нам в этом.

Иногда мне приходят краткие письма от Инны:

«...В последние дни хожу с внутренней потребностью написать Вам. Чем объяснить? Не знаю. Не помню, писала ли, но больше года назад у меня родился сын. И после его рождения я утратила потребность что-либо писать. Даже письма! Порой хочется выплеснуть какие-то чувства в стихах на бумагу, но, увы!.. Ничего не получается. Не знаю, почему так? Может, это как-то связано с моим прошлым? Я имею в виду тот период, когда я общалась с Н. Осеевым и записывала его книгу. Возможно, это он всё вкладывал в мое сознание — и стихи, и прозу. А теперь эта связь полностью утрачена, и во мне нет никаких литературных способностей. А жаль... Что Вы думаете по этому поводу? Для Вас как исследователя этот факт, может быть, не безынтересен».

Или вот:

«Снится мне что попало. Чаше — бесконечные коридоры, из которых мне надо выбраться. И, как правило, это больничные коридоры с соответствующими видами и запахами. И постоянные поиски воды, чтобы умыться, и дороги ... Вот и сейчас у меня во снах лабиринты, лабиринты... Что они означают? Но это повторяется и повторяется. Значит, какой-то смысл имеет? Ну, рассуждаю: лабиринты — это поиск выхода, желание вымыться — освободиться от чего-то, очиститься, а дороги... Я

еду и возвращаюсь. Получается, топчусь на одном месте. Почему? Неужели это связано с неизданной книгой? Начинаешь подозревать и такое»...

И вот книга Инны Волошиной и Николая Осеёва с рабочим названием «Единство Всех Миров», выходит в свет под новым именем: «За Порогом Жизни, или Человек Живет и в Мире Ином». Хочется думать, что наконец-то у нее будет счастливая судьба. Мы должны знать, что ждет нас после ухода из нашего мира, и как следует строить свою земную жизнь, чтобы она состоялась, и чтобы не было потом стыдно перед собой и Богом за несправедливые поступки. Рано или поздно мы попадем в тот мир, когда закончится наш земной путь. Верим мы в него или нет – другое дело, но в любом случае полезно узнать о нем как можно больше.

Наверное, человечеству предстоит еще немало пройти и многое узнать о себе и окружающем мире, прежде чем общество и его важнейшие институты признают описанное соответствующим действительности. Но первые шаги уже сделаны...

*Геннадий БЕЛИМОВ,
доктор философии
г. Волжский*

ВСЁ О БЫЛОМ...

Я жил, не думая о многом.
Любил, страдал и счастья ждал.
Но жизнью мне отпущено не много.
И скоро час смерти настал.
Душа, покинув тело брренное,
Впала в отчаяние и смятение,
Я казался себе тенью белою.
И был полон чувства отчужденья
К самому себе и телу своему.
Я видел всё, что происходит вокруг,
Мне было страшно быть одному
И меня охватил смертельный испуг.
В отчаянии я рвался
К остывающему телу своему,
Но как я ни пытался,
Не было уже возврата к нему.
Я видел всё, что происходило...

Я оставлял Землю с болью
В сердце; я осознал, что лишь
Тело осталось там, а я тенью,
Как мне казалось, куда-то спешил.
Да! Меня несло потоком света
К невидимым мною вратам.
Я знал, что впереди где-то
Я встречу Его, кого — не знаю сам.
Пока моя душа стремилась ввысь,
Туда, откуда лился чудный свет,

Предо мной годы жизни неслись,
Жизни моей земной. И ответ
О том, как жил и что я делал
Мне выдержать пришлось не просто.
То, о чём я раньше не думал —
Меня по сердцу, что лезвием острым.
Но это было испытаниям начало...

Мне было трудно и сложно:
Здесь меня никто не встречал...
Изменить что-либо невозможно,
Но со временем я нашёл свой причал.
Я смирился, привык к новому
Телу своему. Я многому учился,
И учусь до сих пор... Но снова я
Стремился к Земле, так стремился,
Что прошёл сквозь грань миров.
Но что! Меня ждало — от тела прах...
Я долго не мог освободиться от оков,
Что тянули меня вниз. В стенаньях
Я прочь уходил от могилы,
Решив никогда туда не возвращаться.
Но сердцу дороги и милы
Места родные, с ними не расстаться.
Это было лишь тоске начало...

Я часто бывал среди родных,
Я радовался нашим встречам.
Я молился о людях мне дорогих
И ждал встречи с ними в вечности.
Я учился; время проходило
То быстро, то казалось, не будет
Конца занятиям. И всё мимо
Проходили воспоминания о буднях,

О жизни, о любви, о боли.
То было серое, мрачное время.
Я жил воспоминаниями, но не более.
А воспоминания – тяжкое бремя,
Когда понимаешь, что обман
Тобою не был понят при жизни.
Как я жил, не знаю сам:
Не было радости. Я трижды
Пытался уйти, уйти далеко-далеко...

Я трижды пытался уйти,
Но каждый раз возвращался:
От себя невозможно уйти.
Я так очень долго метался...
Со временем притупилась боль,
Разочарования отошли вдаль...
Я стал ждать свою любовь.
Я начал строить дом, но жаль,
Она не вошла даже в дом,
Мы расстались в парке у реки.
Она давно была здесь, но о том
Я не знал. Мы были очень далеки.
Она отдала мне дань
Наших встреч и прогулок под луной.
Она легче прошла через грань
Смятения; и не осталась со мной.
Это были самые тёмные дни...

Но однажды яркий блик
Я увидел во Вселенной.
Из груди рванулся крик:
«Мечта моя сбылась!»
О да, я здесь часто мечтал,
Что найду себе близкую душу.

Я этой идеей бредить стал.
Но я нашёл её и обрушил
Всё внимание Мечте моей,
В ней было всё прекрасно.
И перестал вести я счёт дней.
Я помогал ей! И не напрасно.
В душе моей жила вера,
Что когда-нибудь мы будем рядом...
И Господь открыл нам двери.
Это за боль — высшая награда!
Это самые светлые дни мои...

P.S.: Я поведал в стихах
Всю боль мою,
Но в письменах
Я большее открою...

Н. ОЦЕЁВ

ГЛАВА 1

Начиная своё повествование, я хочу рассказать о своей прошлой жизни.

Родился я 16 октября 1815 года. Всё моё детство прошло в родовом имении под Саратовом. Моя мать — незаконнорожденная дочь князя Андрея Голицына, а отец простой служащий. Детей в семье у нас было четверо. Мать умерла рано, отец вскоре вновь женился. Нас, меня и младшую сестру Анну, он отправил к бабушке в село Рудное. Дома мы бывали редко. В девять лет я был отдан в лицей в Саратове. Там я и начал писать свои стихи. Я рос в селе, мне была близка природа и первые мои стихи о природе. Я пробовал писать дружеские шаржи на друзей по лицейю. Но свои произведения я никому не показывал. Мне казалось, что они не достойны быть услышанными. Но так не могло долго продолжаться. И я однажды открылся нашему наставнику группы Андрею Петровичу Балдину. Он одобрил мои начинания, кое-что объяснил. Тогда я был счастлив. Уединяясь, работал над своими уже написанными стихами, пытался писать новые и вновь бежал к Балдину. Он во многом помог, но признания я, как поэт, так и не получил. Самое большое, что я имел — это публикации в журналах. Я был по-этом-неудачником.

На каникулы я уезжал к бабушке в Рудное. Анна всегда была рада мне. Взрослея, мы не становились чужими, скорее, наоборот: у нас были общие интересы. Сестра увлекалась поэзией, она была, пожалуй, единственной почитательницей моего таланта. Мы часто гуляли с ней в окрестностях села и подолгу могли беседовать, спорить. Она была для меня самым близким другом, несмотря на то, что я был достаточно общителен. Свои личные переживания я открывал ей, и только ей. Меня не останавливало то, что она была младшей. По-женски интуитивна, она была мудрой для своих лет. Анна для меня в одном лице была и матерью, и сестрой, и другом.

Первым ударом для меня было её замужество. А главное то, что я знал наверняка: с ним, красивым юношей гусаром, она не будет счаст-

лива. Так я потерял своего друга. После свадьбы я почти не виделся больше с сестрой.

На двадцатом году жизни я вышел из стен лицея. У меня было образование, но не было ни имени, ни положения в обществе. Отец помог мне найти работу в одной из Саратовских контор. И я стал клерком. Но и этому был рад: я получал неплохое жалование, а главное — у меня оставалось достаточно свободного от работы времени. И тогда я предавался своим мечтам. Я очень часто гулял по скверам Саратова, о многом думал, мечтал, писал стихи. Жизнь шла своим чередом, полная житейских проблем и разных событий.

О ком мне хочется рассказать, это, конечно, о Тамаре.

Однажды, гуляя в парке, я обратил внимание на изящную девушку, задумчивую и, как мне показалось, одинокую. Я несколько дней приходил в парк, но не решался подойти к ней, заговорить. Я видел, что она всегда гуляла одна, это было странным: разве у неё нет подруг? Однажды я всё-таки решился заговорить с ней. Она отвечала неохотно. Но меня поразил её чудесный голос, выразительность глаз. С того дня для меня началась другая жизнь. Ко мне вернулось желание творить чудеса.

Помню, когда я был маленьким, под Рождество я ждал чудо, и оно приходило: игрушкой ли, которую я находил под подушкой утром, или любимым яблочным пирогом, который пекла бабушка. Я был ужасным фантазёром: придумывал и клеил фонарики на ёлку, всяких мистических зверушек. А однажды, лет в шесть, я сделал из бумаги шкатулочку и поставил под ёлку в надежде, что Дед Мороз или Снегурочка подарят мне что-то особенное. Каждый день я заглядывал в неё, но там было пусто. И вот как-то мы обедали, и я пролил на себя суп, бабушка отругала меня и сказала, что Дед Мороз не любит непослушных мальчиков и не приходит к ним с подарками. Для меня это было самое страшное наказание: потерять доверие Деда Мороза. И тогда я помог бабушке привести мою рубашку в порядок, сбегал сам на кухню, принёс полотенце, вытер со стола, а когда поели, помог убрать посуду. Я рвался даже помыть её, но мне не дали. Мал ещё. Я помогал Анфиске подмести пол, принёс ей воды, чтобы она помыла пол, вместе с ней на снегу выбивал половики, а к вечеру на кухне помогал Анфиске чистить картошку: она чистила, а я мыл её и складывал в чистую кастрюлю с водой. Потом бегал в сарай за дровами, выгреб золу из печки, правда, перепачкался сам, но зато гордился — помогаю ведь. Бабушка только

руками разводила, глядя на меня. А вечером за ужином я выдал: «Бабушка, я ведь исправился, Дедушка Мороз придёт ко мне?» Она мне и говорит, что один день быть помощником, это не значит исправиться. Я обиделся. Но ожидание чуда было выше обид. Каждый день, сделал что-нибудь по дому, я бежал к шкатулочке, но она оставалась пустой. И вот однажды я открыл её и не поверил своим глазам: она была полна леденцов! Моих любимых леденцов! Я взвизгнул от радости и полетел к бабушке, я буквально чуть не сбил её с ног с криком: «Он простил меня!» «Кто? — удивилась бабушка. — И чего ты несёшься, как на пожар?» «Да как кто? Дед Мороз! На вот, посмотри!» — и я протянул шкатулочку с леденцами. Она приласкала меня и сказала: «Ну, вот видишь, если быть послушным мальчиком, то и Дед Мороз будет любить тебя!». Я был в восторге, и пошёл искать Анну, поделиться своей радостью.

Анна играла в детской. Я с заговорщицким видом подошёл к ней и протянул на ладони два леденца. Она взяла их своей пухленькой ручкой и спросила: «А тебе?» «У меня — есть», — ответил я, и гордо рассказал ей про шкатулку и Деда Мороза. Анна смотрела на меня, широко раскрыв глаза, и вдруг, словно снежный ком на голову: «Это неправда! Я видела, как баба положила туда что-то». Я же утверждал, что это Дед Мороз, а она твердила: «Нет, я же видела, я же видела, это баба». Я, со слезами на глазах, и, таща сестрёнку за руку, искал по дому бабушку. Она оказалась в гостиной. Пока мы нашли её, Анна почему-то тоже расплакалась. И мы двое в слезах, перебивая друг друга, говорили каждый о своём. Когда же бабушка поняла, что всё-таки произошло, она взяла нас за руки, повела к ёлке и сказала: «Вот, что я вам положила, а про шкатулочку мне ничего не известно, я даже не видела, где она стояла!» — ласково проговорила бабушка. Я запрыгал от радости и стал дергать Анну за руку, приговаривая: «Я же говорил, Дед Мороз! А ты мне не верила!» Анна удивлённо смотрела то на меня, то на бабушку, то на леденцы, зажатые в ручке, и вдруг озарилась какой-то внутренней радостью, пролепетав что-то вроде: «И правда Дед Мороз!» Она, счастливая, как и я, побежала искать Анфиску, чтобы рассказать о случившемся ей.

Тогда мы не сомневались, что это был Дед Мороз... И вот ко мне вернулась вновь вера в чудеса. Я каждый день стал приходить в парк, где гуляла Тамара. Она старалась делать вид, что не замечает меня. Но я следовал за ней как тень. И время сблизило нас. Однажды мы попали под дождь и, укрывшись в беседке, переждали непогоду. После дождя

стало прохладней, а мне было нечего предложить Тамаре накинуть на плечи, и она позволила обнять её за плечи, чтобы унять лёгкую дрожь в теле. Мы гуляли до утра. О, как я был счастлив! Это был наш первый рассвет, который мы встречали на Волге. Потом я проводил её, и мы договорились о встрече. С того дня мы виделись очень часто. Это был 1837 год.

В те дни я был влюблён и многого не замечал. Я был счастлив! Но недолгим оказалось моё счастье... Мы были по-дружески близки, и я Тамаре впервые рассказал о себе всё наболевшее, хотя и чувствовал, что она не всегда со мной искренна... Как-то раз я зашёл к ней домой, горничная проводила меня в гостиную, не извещая о моём приходе, так как я часто бывал здесь. Когда же я вошёл в гостиную, Тамара сидела у окна в кресле-качалке, её лицо было залито слезами, а на коленях у неё лежало вскрытое письмо. Она, задумавшись, смотрела в окно и не замечала меня. Я стоял в нерешительности, не зная, то ли подойти к ней, то ли уйти совсем. Когда я был готов уйти, с её уст слетело: «Господи, зачем так жестоко?!» Эти слова остановили меня. Я знал, что её больная мать была в деревне, и могло прийти известие о ней. Моё решение было молниеносным — остаться и помочь, если это в моих силах. Сделав вид, что я только вошёл, я заговорил нарочито шутивно. Тамара вздрогнула и быстро убрала письмо в конверт, свернув его так, чтобы не было видно на нём надписи. «А, это ты», — сказала она мне вместо приветствия, встала и подошла к окну, украдкой стирая слезу. В тот день я так и не узнал, что же случилось. Её взгляд был блуждающим, она избегала глядеть мне в глаза. Причину слёз объяснила тем, что ей немного взгрустнулось об ушедшем безвозвратном детстве. Но я же видел, что это не совсем так. Правды мне Тамара так и не сказала. После этой встречи я стал замечать, что, глядя на меня, Тамара меня порой не видит, её взгляд словно проходит сквозь меня, ища что-то вдали. Она нередко отвечала невпопад. Но я тешил себя мыслью, что она, просто увлечшись моей болтовнёй, на какой-то миг предаётся мечтаньям. Были же и минуты, когда Тамара, как казалось мне, всецело принадлежит только мне одному, и я для неё — самое главное. И тогда рождались прекрасные стихи, однако и в них присутствовали мои сомнения и моя неуверенность в преданности Тамары.

Каким же недолгим было моё счастье! Тамара была тяжело больна, но до последних дней она скрывала от меня неизбежное. Мы были знакомы почти два года — немалый срок. Да и я чувствовал себя уютно,

будучи холостяком. Я хотел иметь семью: жену, детей, уют в доме, где пусть бы не было избытка, лишь самое необходимое. И я открыто сказал об этом Тамаре и о том, что по жизни я бы хотел пройти рука об руку с ней. Тамара стояла ко мне спиной, я обнимал её за плечи и не мог видеть её лица. Когда же она повернулась ко мне, я отпрянул. Тамара плакала, плакала беззвучно, лишь слёзы текли по щекам. «Что с тобой, любимая?» – спросил её я. «Николай, милый, это невозможно! Мне не быть ни женой, ни матерью... В последнее время я всё чаще чувствую, что ухожу... Я давно уже прощаюсь со всем, что вижу. Николай, мне недолго осталось жить...». И она поведала мне о своей болезни. Врачи не скрывали от неё правды. «Года полтора-два назад я ещё бы могла родить малыша, но... теперь уже поздно...», – еле слышно прошептала Тамара.

О, если бы я знал всё это раньше! Пусть год, два, три..., но мы могли быть вместе и иметь ребёнка. Разве не воспитал бы я его после того, как Тамара оставила бы нас?! Почему Тамара, зная всё это, молчала? После того, что я узнал, я ещё больше стал превозносить её. Она стала для меня почти святой...

Шёл июль 1839 года, а в ноябре Тамары не стало... Я сильно переживал свою потерю, невзирая на то, что готовился встретить беду. Я не ожидал, что всё произойдёт так скоро... После смерти Тамары у меня не стало цели в жизни. И я просто существовал, а не жил. У меня не было увлечений, и..., помня с детства бабушкины рассказы о том, что души живут вечно, и после смерти люди встречаются, я верил и жил надеждой, что «там» я встречу с Тамарой. Я верил в то, что она будет меня ждать...

Недолго я скитался в одиночестве. Через 12 лет я тоже отправился в мир иной, за своей любимой. Это было так: я шёл, задумавшись, что часто случалось со мной после смерти Тамары, и, переходя дорогу, не заметил приближавшийся автомобиль, который и сбил меня. Машины в то время были несказанной редкостью, да и то, что я назвал автомобилем, для современного человека трудно назвать машиной – просто четырёхколёсная самоходная телега, с рычагом вместо руля...* Я шёл очень быстро... Водитель, не ожидая столь резвого пешехода, не успел затормозить... Один лишь миг!..

Боли я не почувствовал. Но ощущение было странным, словно я очнулся ото сна, и вот в таком состоянии, когда сон держит тебя в своих объятиях, я вначале с интересом, а потом с недоумением, наблюдал за

* - Смотрите примечания на странице 428

тем, что происходило внизу, потому что я был почти на уровне крыш домов. Я видел изувеченное тело, и когда в нём узнал себя, меня охватил страх, и ужас сковал моё «тело»! Превозмогая сопротивление, я ринулся вниз. Но не знал, что мне делать. Я хотел соединиться с тем, что оставил, но не знал, как это сделать. Возврата быть не могло: серебряная нить, связывающая душу и тело, оборвалась (но тогда мне это было неизвестно). Я видел, как суетились люди. Мне было оказано столько внимания, что вскоре появился врач и сухо констатировал: «Мёртв...». Моё тело было изувечено и беспомощно, в какое-то мгновение я почувствовал к нему отвращение, но лишь на мгновение... Я метался вокруг своего тела, и постепенно прояснялось сознание: если я там, то что же «ЭТО», которое вьётся вокруг меня самого?! Я чувствовал, что «ЭТО» тоже есть Я. Ведь у этого второго меня есть руки, ноги, способность думать и передвигаться. Как ни рассматривал я СЕБЯ, не видел ничего, лишь беловатую тень, которая проходила сквозь всё: и людей, и предметы. Я пытался заговорить, но меня не слышал никто; пытался кого-нибудь остановить, но моя рука проходила сквозь касаемый предмет...

Постепенно ко мне пришло окончательное убеждение, что я умер, но... и обрёл новую, ранее не знакомую мне жизнь. Я не был готов к подобному. Трудно описать хаос чувств и мыслей, овладевших мной. Я неотступно следовал за своим телом, словно оно влекло меня за собой. Я шёл за ним, пока меня не внесли в дом; я видел, как мыли тело, одевали, видел всю ту боль и горе, что принёс своим родным.

Отец приехал лишь в день похорон, утром. Анна была подле меня две ночи и два дня. Глаза бабушки и сестры не просыхали от слёз.

Отец оставался твёрдым, он не плакал. И лишь когда стали выносить гроб на улицу, с его уст слетела фраза: «Это мне в наказание! Прости меня, сынок...». Тогда я не понял, почему в наказание?.. Но отец, видимо, знал...

Надо мной совершены были все необходимые обряды...

Когда священник читал надо мной молитвенные песнопения, его слова были для меня целительным бальзамом, ведь предназначались они мне. Я не знал старославянского языка, да в этом нет особой нужды, важен их смысл, а не произношение. Я не отдавал себе отчета, чем именно, но они успокаивали меня, несли утешение. Я внимал гласу священника, и мои мысли светлели. А когда он ходил по комнате с ка-

диллом в руках, и запах ладана наполнял всё пространство, мне становилось легче от того, что метавшиеся вокруг меня тени отступали...

Постепенно пришло сознание, что «меня» — того похоронили, а этот — «я» продолжал жить. Я понял, что перешагнул грань, которую называют «смерть».

Я также приобрёл знание, что эта смерть даёт и рождение одновременно. С потерей плотного тела приобретается свобода души. Но понятие свободы относительно, здесь есть свои условности и законы, нарушить которые невозможно. Конечно, переступить дозволенное можно, запрета нет, только сделать это трудно... Трудно потому, что знаешь, **что нарушение дозволенного принесёт!**

Если человек за маской лица может скрыть истинные мысли и чувства, дух же, скрывая их, деградирует, что отражается очень сильно на его лице. Даже Ангела можно узнать; если он чист и добр — его взгляд прям и светел, полон добра, если Ангел зол — глаза его бегают, взгляд колюч и неприятен. Здесь нет отдельно рая и ада. Это аллегории. Потому что добро и зло идут рядом. Но в отличие от мира земного, в этом мире: добро есть добро, а зло есть зло. Человеку, возможно, сложно воспринять эту истину: дух точно знает, каким будет последствие его поступка, человек же не может определённо сказать, что ждёт его в дальнейшем.

Это отступление в моём повествовании не случайно. Хочу, чтобы дальнейшее было более понятно.

И ещё мне хочется сказать, что здесь есть всё то, что есть на Земле, и не только..., этот мир таит много интересного и необычного для человеческого сознания. Сознание людей заключено в узкий круг, ток (течение) временного пояса, иначе сказать, есть предел, через который могут прорваться немногие. У кого-то подобное происходит произвольно, кто-то преодолевает этот рубеж благодаря упорному труду — работе над самим собой, совершенствованию своего внутреннего мира. Многое, очень многое зависит от того, насколько человек осознает своё положение в Мире, значимость своей личности и, главное, от истинного его стремления и побуждений творить что-либо.

Я несколько отвлёкся от своего «путешествия» в мир иной... Продолжение во второй главе.

ГЛАВА 2

Первые девять дней, когда душа покидает тело, она не переходит в мир иной, а продолжает жить на Земле среди дорогих и близких людей. Так было и со мной. Несколько дней я был дома, мне никуда не хотелось уходить. Не было и сил о чём-то думать. Постепенно я освоился в своём новом состоянии. Я мог передвигаться и очень свободно. Но скорее всего не ходил, а «плавал», словно отдавшись на волю волн. С наступлением темноты ко мне приходили зрение и слух. А когда всходило солнце, всё начинало как бы удаляться, терялось в ярком свете, и я становился и слепым, и глухим. Хотя звуки доходили до меня, словно сквозь сон, но они не были чёткими и сливались в гул. С наступлением сумерек ко мне возвращалось зрение и слух, и я прислушивался, о чём говорят.

Наибольшим спокойствием обладала бабушка. Она почти всё время молилась, даже работая. Молилась она обо мне, и я внимал её словам: «Пресвятая Богородица, спаси и сохрани внучка моего на тяжком пути, огради его молитвами Твоими от чёрной нечисти, подари ему силу и смелость в тяжкий миг испытаний... Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй...». И так, то повторяясь, то ещё вспомнив о чём-то, она молилась. А то обращалась ко мне: «Николушка, кровиночка моя, услышь меня, старую. Молись, родненький, молись, ты всегда был умным мальчиком и знал молитвы, читай их и проси у Господа нашего Христа, проси: «Помилуй, Господи!», — так она причитала, и мне становилось легче от этих слов.

Анна же, моя милая сестра Анна, кажется, она обезумела от горя. Её стенания ввергали меня в отчаяние и зарождали во мне смятение: я был с ними, а они не видели меня, я был бодр и не чувствовал ни боли, ни тяжести в теле, а они жалели меня. Но я меньше всего нуждался в их жалости, наоборот, мне хотелось пожалеть их, потому что я чувствовал себя легко и свободно. И я пытался говорить, меня они не слышали и не видели, я пытался привлечь их внимание, но не мог: мои руки проходили через всё, к чему я прикасался. Да и сам я мог пройти через сте-

ну, как бы просочиться сквозь неё. Мне было страшно от того, что я был один среди близких мне людей.

Когда прошло первое чувство страха и неуверенности, я почувствовал рядом с собой чьё-то присутствие. Оно заговорило со мной, это живое существо. Я растерялся... Обращались ко мне, и я мог воспринимать смысл слов. Это существо имело очертания человека. С наступлением темноты я смог разглядеть его. Помню, как сейчас: он высокого роста, тёмно-русые волосы до плеч. Лицо с правильными чертами, почти идеально красиво. Что портило его внешность — это слишком крупный нос. Вообще же он производил приятное впечатление.

— Я — твой Учитель, — обратился он ко мне.

— Учитель? — я был удивлен.

— Да, Учитель. Я здесь ненадолго. Тебе пришло время покидать Землю. Ты совершишь несколько, может быть, жуткое путешествие. Но чтобы ни случилось с тобой — не бойся. Я буду встречать тебя там, по ту сторону...

— Что я должен делать? — я испытал новый приступ страха от неизвестности: что ждёт меня впереди.

— Будь стойким. До встречи..., — и он исчез.

Я был в полном смятении, а в глазах всё стояла изящная фигура человека, одетого во всё белое; и в напряженной тишине ночи звенел его голос: «Будь стойким. До встречи... Будь стойким. До встречи...».

Мысли путались: «Учитель»..., «время покидать землю»..., «я буду ждать тебя там, по ту сторону» ... Но я не хотел покидать Землю, где родился, жил, где встретил любовь. И впервые за несколько дней я вышел на улицу, и не во двор, а вообще вышел из дома. Я плыл мимо знакомых мне мест: дома, улицы — всё плыло подо мной. Было поздно, и во многих домах огни были уже погашены. А вот этот сквер, где мы так часто гуляли с Тamarой, а вот и Волга — сколько раз мы были здесь. Сколько воспоминаний обрушилось на меня... И радость и боль...

Поддавшись нахлынувшему чувству, я перестал замечать, что происходит со мной. А меня всё несло, несло... Находясь в горизонтальном положении, я плыл. Куда меня несло — не знаю, я почти не замечал, что происходит внизу. Я — романтик по природе, и очаровательная картина, открывшаяся моему взору, вырвала меня из отсутствующего состояния.

Зеркальная гладь воды изредка морщинилась от набегающего ветра. И отражение огромной луны оживало, оно лилось словно серебро. А на берегу поднималась небольшая скала, она осторожно входила в воду, и на ней, неизвестно каким образом, росла сосна. Огромная и величественно красивая, она поражала своей мощью, силой. Далее скала переходила в более ровную местность, сплошь покрытую лесом. Я был зачарован этой красотой.

Но где я нахожусь? Где я? Ещё на Земле, или уже там? Но где же тогда Учитель? Мне стало жутко, и я захотел вернуться домой. Через мгновение я был там, куда так хотел попасть. В доме было тихо. Все спали. И мне почему-то стало душно и тесно в доме. Стены давили на меня, а настенные часы, их ход: так — так — так — так... — приводили меня в уныние. Я вышел из дома и бродил по городу, если можно сказать «бродил», — я плыл, плыл по воздуху, как по волнам реки, находясь всё также в горизонтальном положении. Когда первые лучи солнца озарили Землю, я вернулся домой.

Бабушка была уже на ногах и вместе с Анфиской хлопотала у печи на кухне. Анна спала. Её лицо было спокойно. Я подошёл к ней и попытался провести рукой по лицу и подул, как раньше, когда мы были маленькими и жили у бабушки, я будил её так. Не знаю, почувствовала ли она это прикосновение, но моя милая сестричка во сне улыбнулась, и эта улыбка наполнила меня радостью.

Чем ярче было солнце, тем более далекими становились мои родные. Голоса, суматоха в доме... Анна, бабушка, отец, Тамара... мама... Учитель... Перед глазами всё плыло. Я силился сопротивляться, но не мог. Меня словно вихрь закружил. Отчаянно пытаюсь сопротивляться, я совсем выбился из сил, и тогда почувствовал, что меня куда-то несёт. Мне казалось я парил, испытывая лёгкость. Обессилев, я больше не сопротивлялся. Что-то неведомое влекло меня всё вверх и вверх. Постепенно увеличивалась скорость, я почти перестал ощущать своё «тело», а навстречу мне нарастающей волной неслось странное звучание: не то дробь барабана, не то звон колоколов — всё это сливалось воедино. Мне казалось, что я оглохну от невообразимого шума. Но вот всё это позади, хотя ещё болезненно отдаётся где-то внутри меня.

После ужасающего шума и захватывающей дух скорости, мне показалось, что теперь наступила безмолвная тишина, и темнота мягко окутывала меня. Несколько придя в себя, я осмотрелся. Здесь было достаточно света и не так уж тихо, как показалось вначале. Я продол-

жал двигаться, но очень медленно. Я двигался по Млечному Пути или по Долине Перехода. Это название я узнал позже от Учителя.

Двигался я по дороге неровной, изрытой. Вдоль дороги росли деревья, так похожие на ольху. Уже зеленела молодая листва, но в дорожной пыли проглядывали опавшие ольховые сережки, и мне казалось, что они едва уловимо похрустывают под ногами. Должно быть, здесь была весна.

Моя земная жизнь оборвалась 4 сентября 1851 года. Немного я не дожил до 36 лет.

Там, на Земле, была осень. И хозяйка осени — рыжая девица с грациозной походкой и зелёными глазами — уже коснулась природы своей рукой. Лёгким золотом подёрнулись берёзы, и клёны покрылись багрянцем..., пожелтела трава... Здесь всё было иначе. Прозрачный звенящий воздух был пропитан запахом весны.

Продвигался я очень медленно, но и спешить не хотелось. Вскоре я заметил идущих мне навстречу двух людей. Один в белых одеждах, как Учитель, и я подумал, что это за мной, но ошибся. Другой шёл, понуро опустив голову. Это была женщина. Она одета просто: длинное лиловое платье бесхитростного покроя, слегка ободранное по подолу. Ноги немного сбиты. Должно быть, она проделала долгий изнурительный путь. Её вид был подавленный. Идущий рядом с ней что-то убедительно говорил ей. Они не обратили на меня ни малейшего внимания. Я немного приостановился и посмотрел им вслед. До меня донеслась одна фраза, поразившая меня:

— Ты немедленно должна вернуться. Ты нужна детям. Их трое у тебя, подумай о них. Как будут они жить без тебя? Ты так хотела сына и он увидел свет и жизнь, а ты хочешь покинуть его, не приложив к груди?..

— Я не хочу возвращаться... — это был скорее стон, и именно это поразило меня.

Но какая-то сила повлекла меня снова вперёд. Впереди виднелось какое-то селение. Когда я подходил к нему, человек в белых одеждах, которого я видел не так давно, обогнал меня. Он был один. Что же стало с той женщиной? Но я не успел поразмышлять об этом... Откуда-то вылетела ватага мальчишек — подростков, они с криками пронеслись мимо меня. Что гнало их? Я предстал перед безобразным человеком, или тем, что от него осталось... От существа несло смрадом разложе-

ния. Лицо было искажено, всё в язвах, а кое-где сквозь драную одежду проглядывали кости. Это чудище злобно огрызнулось мне:

– Свеженький... – и продолжило свой путь преследователя за убежавшими.

Я шарахнулся от него в сторону и поспешил быстрее удалиться от этого места. Не успел я оглянуться, как селение осталось далеко позади. Я продолжал продвигаться всё дальше и дальше. Заросли ольхи вдоль дороги становились всё реже, и ощущалась жара. Чем дальше я двигался, тем жарче становилось. Хотелось пить, но нигде не было видно ни ручейка. Лишь изредка попадались иссохшие кустарники. Дорога стала ровней, но от этого идти стало не легче. Земля под ногами отливала глянцем и нестерпимо жгла подошвы. Чтобы меньше чувствовать жар, я постарался, насколько это возможно, двигаться быстрее. Это принесло некоторое облегчение. Силы постепенно уходили от меня. У меня возникло желание упасть на эту раскаленную землю и остаться здесь. Силы были на пределе. Как вдруг я услышал за собой хрипловатый голос:

– Привет, свеженький! Не думал, что ты так далеко уйдёшь, на силу догнал.

Я оглянулся. Это было то чудище, что попало мне на глаза в селении. Я испытал приступ тошноты. В раскалённом воздухе смрад, идущий от этого получеловека, был ужасающим. Должно быть, отвращение отразилось на моём лице, и чудище широко улыбнулось, если это можно было назвать улыбкой, обнажив беззубый рот:

– Что? Не нравлюсь! Но это, брат, ничего, догоняя тебя, я устал, так ты донесёшь меня, куда я тебе скажу, – и чудище стало приближаться ко мне.

Не знаю, откуда взялась у меня такая прыть, но я вибрировал достаточно далеко от него. Это озлобило его, и он прорычал:

– Всё равно ты будешь мой! Ты понравился мне, и я не оставляю тебя! – И он немедленно пустился преследовать меня. Было жутко. Первый страх прошёл, и я с ещё большей силой почувствовал, что слабею. Жара стала просто давящей, а чудище несло за мной, и расстояние между нами всё сокращалось. Большого я вынести не мог!

– Господи, помилуй! – вырвалось из моих уст. Это был зов сердца.

На какой-то миг я почувствовал, что куда-то падаю. Потемнело в глазах. Потом какой-то толчок..., и я снова оказался недалеко от уже

пройденного селения. Только теперь я был на развилке дорог. Ужаснувшись увиденным, я не заметил, что дороги расходятся, и, желая уйти подальше от чудища, попал к нему. Я сошёл на другую дорогу и продолжил путь. Вскоре я услышал журчание воды и испытал неописуемый восторг! Это было спасение — вода. Я утолил жажду и немного отдохнул, сидя под большим деревом у родничка, бьющего из-под сизого камня.

Силы возвращались ко мне, и я почувствовал голод. Присмотревшись, я увидел в траве белые глазки земляники, а кое-где проглядывали красные бусинки ягод. «Возможно ли это? — Пронеслось у меня в голове, — не брежу ли я»... Но голод давал о себе знать. Я встал и прошёл на поляну. Раздвигая руками траву, я собирал ягоды и с жадностью поедал их. Не скажу, что насытился, но стало легче. Можно было продолжить путь.

Как долго я шёл — не знаю. Снова подступала усталость. Хотелось есть. Вдали виднелось поселение, но сколько ни спешил я к нему, оно не становилось ближе. Рассудок мутнел. И тут в воспалённом мозгу всплыла картина: бабушка, она молилась: «Ты всегда был умным мальчиком и знал молитвы...».

Первое, что пришло на ум, — «Отче наш...». Сначала слова терялись, я не мог вспомнить, что следует за чем. Сбиваясь, я начинал читать молитвы снова и снова. Когда же я смог полностью прочесть молитву, то оказался у самого селения. Дома не были хорошо ухоженными, всё производило впечатление, что здесь живут временно, и лишь кое-где во дворах благоухали цветы и царил порядок. Людей почти не было видно, а те, кто видел меня, не обращали на меня внимания, должно быть привыкли к таким путникам, как я. Около одного домика у забора на лавочке сидела женщина. Я решил подойти и попросить хоть корочку хлеба. Я свернул в её сторону и, когда почти подошёл к ней, она зло глянула на меня, поднялась и ушла в дом. Какое-то время я подождал, не выйдет ли? Но напрасно. И я стал ходить между домов, приглядываясь, кто же здесь живёт, и что это за люди.

Я никогда не просил милостыню, а теперь был вынужден опуститься до этого. К тому же спускались сумерки, и надо было подумать о ночлеге, хотя я мог бы поспать где-нибудь на земле, было тепло. Пока я размышлял о том, что для меня нестерпимо просить о подавании, я почти прошёл всё поселение. У забора одного из опрятных домиков стояла девушка. Её глаза были лучистыми и приковывали внимание. Она с

аппетитом ела яблоко, оно было душистым, и я ощущал его аромат, а ещё одно она держала в руке. Мне показалось, что она уже давно наблюдает за мной. Я решился заговорить, искренне ей улыбнувшись:

– Поделись яблоком, прелестное создание!

– Я вижу – ты голоден, а путь твой долгий ещё. Заходи, – она так просто пригласила меня войти в своё жилище, что я оторопел.

– Ты не знакома со мной, а предлагаешь войти в дом. Не боишься? Ведь по дорогам разные ходят..., – и я вспомнил то зловещее чудовище.

– Ты не злой. Пока ты путник. Проходи же, – и я проследовал за ней в дом.

Девушка принялась хлопотать на кухне, а я мог дать себе возможность расслабиться и отдохнуть. За делом она расспрашивала меня. И за всё время, встретив подобное участие ко мне, я рассказал ей кое-что о том, что пережил. Она слушала внимательно, то улыбаясь, то бледнея. Потом я решил спросить её. Кто она и где я нахожусь?

– Меня зовут Ядвига. Я полька, – ответила она мне и добавила, – Ты ешь. В той комнате я приготовлю тебе постель, а утром продолжишь путь. Тебе надо отдохнуть, а я не буду утомлять тебя своим присутствием, отдыхай.

И прежде, чем я успел что-либо возразить, она вышла. Я слышал, как хлопнула входная дверь. Почему она ничего не сказала мне, и что вызвало в её сердце боль, ведь она о чем-то хотела рассказать мне, но ушла.

Мой ужин был прост: картошка, отваренная «в мундирах», и солёные огурцы. На какое-то время мне показалось, что я дома, и вот сейчас в проёме двери появится Анфиска с крынкой молока в руках и скажет: «Вот, молочка из погреба достала, сорванец ты эдакий, хоть и шалишь ты, а люблю я тебя».

От воспоминаний стало грустно. Я доел, что оставила мне Ядвига, и прошёл в другую комнату. Постель была послана, и, не задумываясь, я разделся и лёг спать. Сон сразу овладел мной.

Проснулся я от лёгкого прикосновения. Кто-то будил меня. Не сразу поняв, где нахожусь, я увидел перед собой златовласую Ядвигу.

– Тебе пора отправляться в дорогу, – тормозила она меня.

Повторять дважды не было нужды... Пока я завтракал, Ядвига смотрела на меня и молчала. Я пытался спросить снова, где же я нахожусь, но мой вопрос разбился о холодную стену молчания. Когда же я со-

брался выходить из дома, поблагодарив за тёплый приём и участие, она, оттолкнувшись от стены, схватила меня за руку.

— Будь осторожен в пути и молись, это поможет, — выпалила она на одном дыхании и, отпустив мою руку, легко подтолкнула меня к двери.

Я хорошо отдохнул, и идти было легко.

Но вскоре я снова заметил, что сбился с пути. Так мне казалось: дорога становилась всё уже и уже, а заросли ольхи всё гуще. А потом уж тропинка оказалась под моими ногами вместо дороги, а ольху сменил ельник, да такой густой, что день, казалось, померк. Тропинка вилась между деревьев, и, чтобы не сбиться с неё, мне приходилось продира́ться сквозь колючие лапы елей, могучих и угрожающих, давящих своей высотой и мощью. Я ощущал почти физическую боль: ветки хлестали по рукам, лицу, плечам, иголки болезненно впивались в тело. Тропинка стала извиваться и очень часто разветвляться, и мне приходилось, положившись на волю Божью, идти наугад. Я читал все молитвы подряд, которые приходили на ум. Но идти было не легче. Не знаю, как долго я так шёл, пока силы не оставили меня. И тогда я, свернувшись клубочком, опустился на мох, прямо там, где стоял, и сразу уснул. Проснулся я скорее от сырости и холода, чем от желания просыпаться. Я открыл глаза и не поверил тому, что мне привиделось: в нескольких метрах от меня виднелся просвет. Я спасён! Меня бил мелкий озноб, перед глазами всё плыло и, в довершение к этому, стоял туман. Я вышел на поляну и, словно маленький ребёнок, стал бегать, размахивая руками. Стало легче, тепло возвращалось ко мне. Хотя я не чувствовал, холодные мои руки или тёплые, они, казалось, были лишены возможности нагреваться или остывать. Я просто физически ощущал тепло, так же, как чуть ранее холод и сырость.

Очень хотелось есть. Я искал на поляне ягоды, но ничего не нашёл, зато мне попалась семейка сыроежек. Я никогда не ел их сырыми, но делать было нечего — пришлось съесть. Пока я пережёвывал грибы, почти не ощущая их вкуса, туман рассеялся, и я смог разглядеть, куда же вышел.

Радости поубавилось: это была не просто поляна, а скорее степь, степь бескрайняя. Я должен был идти, но куда? Учитель..., где же ждал он меня, где была та сторона, где он должен был встречать меня? А может, я сбился с пути? Меня стало одолевать сомнение, и ужас сжимал тисками горло. Я был один, совсем один. Возвращаться через лес к до-

роге, по которой я шёл, было бессмысленно. Я бы не смог найти её. Поднявшись, я побрёл, не думая, куда иду и куда выйду. Как долго я брёл так – не ведаю, только бескрайняя степь, открывшаяся моему взору, не была такой уж бескрайней.

Я увидел человека, идущего вдали. Сначала обрадовался, но вспомнив то «чудище», немного охладел, и решил идти за ним на расстоянии, не привлекая к себе внимания.

Но не тут-то было! Я хоть и шёл медленно, но не сразу понял, что он стоит, а я иду ему навстречу. Он словно поджидал меня. Деваться было некуда, и я решил идти. Немного не дойдя до старичка, я оказался на дороге. Человек с интересом разглядывал меня. Я тоже не скрывал своего любопытства к его особе. Это был низкорослый старичок, одет небрежно. Старомодный камзол неопределённого цвета помят и в пятнах. Обветшалые штаны заправлены в начищенные сапоги, отливающие глянцем, словно вышедшие только что из-под щётки обувщика. Волосы тёмные с проседью, спутанные и грязные. В них была труха и еловые иголки. «Должно быть, тоже ночевал в лесу», – предположил я. И он словно понял меня:

– А ты как думал, мил человек? Тебя одного носит по этим местам, где тропы так спутаны, что и не знаешь, куда идти?

Вроде бы он говорил ободряющие слова, но у меня по спине пробежал холодок. Вид этого старичка не внушал мне доверия. Лицо с мягкими чертами почти приятно, но глаза! Волосы на голове начинали шевелиться, когда я встречался с ним взглядом. А голос совсем не старческий: чистый, звучный, звенящий как металл.

Я хотел обойти его и продолжить путь по дороге, на которую вышел, но он схватил меня за руку выше локтя, да с силой, заставившей усомниться в его старости и дряблости.

– Куда ты спешишь? Пойдём вместе! Я могу многое показать тебе.

– Отец, – обратился я к нему вежливо, – дороги у нас с тобой разные. Иди, куда шёл, да и я спешу.

Моя вежливость привела его в ярость.

– Какой я тебе отец? Тоже мне – сын нашёлся!

Его глаза яростно бегали. Потом, немного поубавив пыл, он стал совсем «добреньким».

– Не принимай близко к сердцу, разошёлся я малость. Это бывает со мной. А и то правда, пойдём со мной, места райские покажу, нужды ни в чём знать не будешь.

Соблазн был велик! Я сбился с пути, потерял Учителя, чувствовал себя разбитым, и голод давал о себе знать. Но не нравился мне что-то этот старичок, не так уж он был слаб и беззащитен, каким выглядел. А сапоги? Дорога пыльная, ночевал, должно быть, в лесу, в волосах иголки еловые, а сапоги аж блестят. Тут что-то не так...

– Что ж ты сам в годах уже, а всё ходишь, бродишь невесть где. Места-то райские, что не держат? Пора бы и осесть.

Его глаза вспыхнули яростью, но заговорил он елейно, хоть и звенел металл в голосе.

– Да я вот таких, как ты, заблудших, собираю. Работнички мне нужны.

– А что ж у тебя за работа?

– Пойдём, всё узнаешь, увидишь сам. Сработаемся – нужды ни в чём знать не будешь. Всё, что пожелаешь, будешь иметь. Пойдём, пойдём, не пожалеешь, – лепетал он, похлопывая меня по спине.

От прикосновения его рук холод парализовал меня. Мы разговаривали и потихоньку шли. А тут я чувствую, что не могу двигаться, а старичок смотрит мне в глаза и что-то бормочет, однако я слов разобрать не могу. Совсем онемел. В голове пронеслось: «Да не сам ли это Сатана? Господи, спаси меня от нечистой силы... Господи, спаси!» Как оковы спали с рук. Помню, как бабушка крестила дорогу, когда чёрная кошка перебежала путь, и причитала: «Свят, свят, свят». Так и у меня произвольно правая рука чертила в воздухе крест, и я шептал: «Свят, свят, свят».

Старичок разразился диким хохотом.

– А ты что думал: Боженька тебя тут встречать будет в свои объятия? Здесь я хозяин, слышишь – я! – громыхал он, пока совсем не исчез из вида.

Я мог двигать руками, вертеть головой, но не мог сдвинуться с места. Мои ноги словно срослись с землей. Мне стало жутко. «Старичок» исчез, а пути свои с меня не снял. И тут я услышал со стороны голос, всё тот же, звенящий металлом:

– Ты мой! Слышишь?! И будешь стоять тут, пока я не сжалюсь над тобой. Не захотел подобра иди со мной, пойдёшь силой.

Я огляделся — никого не было; кожа стала гусиной от страха, охватившего меня. А в воздухе гремял его хохот, ужасающий хохот. Я невольно осенил себя трижды крестом, шепча: «Господи, помилуй; Господи, помилуй; Господи, помилуй» ... И... о, чудо! Я почувствовал легкость во всём теле. Пошевелил ногами — они двигались свободно. Я возликовал! Но тут передо мной появился снова этот «старичок», вне себя от ярости:

— Так просто ты от меня не уйдёшь! Ты выиграл в этот раз, но теперь очередь моя.

Должно быть, я изменился в лице и он захохотал:

— Ха — ха — ха! Нет, не сейчас! Ты можешь идти, куда захочешь. Но я ещё найду тебя... — и он исчез так же внезапно, как и появился.

Я, что было сил, пустился прочь от этого злосчастного места. Но, наученный горьким опытом, уже внимательно следил за дорогой, чтоб снова не свернуть куда-нибудь не туда, хотя где верное направление, я не знал. Вдоль дороги попадались небольшие колки берёзы и осины вперемешку. Кое-где к дороге склоняла свои ветви ольха. У меня потеплело на сердце: снова ольха, как и вначале пути, и я пытался себя этим успокоить. Места были благодатные. У родничка, испив воды, я немного притупил чувство голода. Это чувство, что я голоден, не давало мне покоя, как будто я никогда и ничего не ел. Я сошёл с дороги, заметив в траве яркие бусинки земляники. Сколько я ни ел ягод, чувство сытости не приходило, и я продолжил путь. Чтобы отвлечься от мыслей о еде, стал петь, как напевала Анфиска, ополаскивая бельё в реке:

«Лебёдушка белая, Сизый голубок...».

Я так увлёкся воспоминаниями, что не заметил идущих мне навстречу двух человек. Они были одеты в белое, но не шли, а, казалось, плыли над дорогой. Они смотрели на меня с интересом. Должно быть, я пел слишком громко, и они это слышали. Я сконфузился и замолчал. Решил, что больше петь не буду, а то слишком много привлекаю внимания. Пока я сообразил, что они так похожи на моего Учителя, и у них наверняка можно было бы узнать, на верном ли я пути, путники были уже далеко.

Всё было бы хорошо, меня не мучили ни жажда, ни жара, ни холод, но... нестерпимо хотелось есть. И, чтобы отвлечься, я стал думать о Тамаре и даже ругал себя за то, что только теперь вспомнил о ней. Ведь я так любил её, наверное она уже знает, что я где-то здесь, и, может

быть, выйдет навстречу мне. Я так явно представил её идущей мне навстречу, что отшатнулся от женщины, которую не заметил на дороге.

– Ты что, слепой? – спросила она не без зла.

– Да нет, просто задумался. Извините, – пытался я робко оправдаться.

– А о чём думал, если не тайна?

– О любимой, – не задумываясь, ответил я.

– Ты видел её?

– Нет, но хочу найти.

– Послушай, голубчик, зачем идти куда-то, искать неизвестно что, когда я рядом. Иди ко мне, и я буду любить тебя ещё жарче, чем твоя возлюбленная, – и, прежде чем я сообразил о её намерениях, девица повисла на мне. Её руки обвили шею, а губы жадно тянулись к моим. Это было мерзко. Я с силой оттолкнул девицу от себя, да так, что она, никак не ожидавшая такого оборота, полетела в дорожную пыль.

– Ты что, совсем ошалел? – простонала она.

«Всё-таки это была женщина, и она, наверное, больно ударилась», – подумал я, решив помочь ей подняться. Но это было глупой ошибкой.

Она воспользовалась моей добротой и, когда я протянул ей руку, предлагая встать, с силой дёрнула меня на себя. Я потерял равновесие, и мы оба покатались по земле. Девица оказалась очень вёрткой, она как угорь ускользала из моих рук, и мне пришлось собрать все силы, чтобы подмять её под себя. Она же рвала на мне одежду и пыталась завладеть моим ртом. Мне удалось завладеть одной её рукой, что слегка парализовало её действия. Свободной рукой я сжимал ей горло до тех пор, пока она не ослабла. И только тогда я отпустил её. О, нет! Конечно, я не думал её убивать. Я был далёк от подобного, но у меня не было другого выхода. Иначе бы я не избавился от её присутствия.

Девица, бормоча угрозы, и держась за горло, пыталась отползти от меня.

Я отряхнулся. Видеть себя со стороны я, конечно, не мог, но вид у меня был плачевный. Разъярённая фурия порвала на мне всю рубашку. Рукава жалко обвисли. И, выругавшись про себя, я снял с себя рубаху и бросил девице в ноги. Она схватила её и стала жадно целовать, всё так же сидя в дорожной пыли, а я пошёл прочь.

Похоже, я здесь приобретал себе врагов, один лучше другого, коварных каждый по-своему. Кроме Ядвиги, я ни с чьей стороны не

встречал к себе участия, да и она не была искренна со мной. Я чувствовал себя одиноким, совсем покинутым. И лишь мысли о Тамаре как-то утешали меня. А потом вспоминалась мама. Я почти не помнил её. Её лицо обрамляли белокурые волосы, этим Анна очень похожа была на неё, как говорила бабушка. Её облик рисовался мне смутным. И я подумал: «А ведь и мама где-то здесь, мне только надо найти Учителя, и тогда я смогу найти и её, и Тamarу...».

Я предался мечтаниям и не заметил, как день сменила ночь. Вечерняя прохлада была ощутима, ведь по пояс я был наг. Надо было найти место, где можно было укрыться. Я сошёл с дороги и пошёл в сторону леса. Я вглядывался в деревья, надеясь найти дупло. И я нашёл то, что искал: огромный вековой дуб, а в стволе зияла тёмная дыра. Дупло было достаточно большим, но не настолько, чтобы я мог свободно в нём поместиться. Я осмотрел дупло, на ощупь нарвал травы и застлал дно в дупле. Кое-как мне удалось влезть в него, но находиться здесь я мог, только сидя на корточках. Я смирился с этим. Голод не давал мне покоя, неудобная поза – ноги совсем затекли, но усталость взяла верх над неудобствами, и я погрузился в тревожный сон.

Разбудил меня неясный шум. Он всё нарастал. Я хотел вылезти из дупла, но не смог – ноги онемели. Я попытался выглянуть, насколько это возможно. Картина, представшая моему взору, привела меня в трепет...

«Старичок», тот самый «старичок»! Он катил по земле, пиная, что-то живое и стонущее. Я пригляделся, это была девушка, она молила о пощаде:

– Отпусти меня, отпусти! Мне больно... Мама, мамочка, помоги мне..., мне больно...

А он злорадствовал:

– Когда с соседским парнишкой в соломе валялась, маму не звала, больно не было! Когда в реку входила, о маме не думала, не звала, так что теперь вспомнила? Нету здесь твоей мамочки, нету! – громыхал металлический голос.

Больше я ничего не видел, но ещё было слышно:

– С ним была, а со мной не хочешь? Только по-моему будет! Как я захочу и скажу, иначе не жди пощады! Ха – ха – ха! – эхом разнеслось по лесу.

Всё стихло, а я не мог прийти в себя от увиденного, и онемевшие ноги не хотели повиноваться мне. Кое-как с трудом я выбрался из дупла, скорее скатился; ног не чувствовал.

Трава под дубом была высокая и мягкая, она приятно касалась тела, и я испытал почти блаженство, выпрямившись во весь рост. Было спокойно и тихо, лишь щебет птиц нарушал торжество леса.

Я снова почувствовал голод. А значит, надо было идти. Я встал, в глазах потемнело, но я устоял на ногах, хоть какое-то время всё плыло. Казалось, земля уходит из-под ног. Приступ лёгкой дурноты прошёл внезапно, как и накатился на меня. Снова я вышел на дорогу и продолжил путь.

Вдали показался одинокий домик, и потянуло прохладой. «Наверное там река», — решил я. Картина увиденного утром стояла в глазах. А что, если это дом «старичка»? Я решил осторожно приблизиться и всё узнать.

На мою удачу дорожка, ведущая к дому, была обсажена кустарником, изливавшим приятное благоухание и радовавшими глаз цветами. Бледно-розовые, собранные в кисти, они напоминали цвет акации.

Перед домом был сад. Я никогда и нигде не видел таких яблок! Не сдержавшись, я сорвал яблоко и жадно съел его. Это немного подкрепило меня и я подкрался к дому.

Во дворе что-то делала женщина, но из-за цветов я не видел, чем она занята. А на крыше над верандой сидел мальчуган, во рту держал гвозди и что-то мастерил, пытаясь, видимо, прибить. Женщина обратилась к мальчугану:

— Бен, спускайся. Позавтракаем, потом заделаешь дыру.

— Сейчас, мам, — отозвался рыжеволосый мальчуган, усыпанный конопушками.

Опасности не было никакой, и я, немного отойдя от дома, уже не прячась, направился к нему.

— Мир Вашему дому, хозяйка, — обратился я к женщине.

Она вздрогнула и недоверчиво оглядела меня. Да, мой вид не внушал доверия. В это время мальчуган юркнул с крыши и бросился ко мне:

— Мама! Это отец!?

— Нет, сынок, это не он.

Мальчишка был явно огорчён. Но любопытство взяло верх:

– Кто ты? – спросил он прямо.
– Путник, – а что я мог сказать?
– Коль с добром идёшь – входи в дом, как раз к завтраку подоспел, – вмешалась женщина, жестом приглашая войти. – Бен, покажи, где можно умыться.

Она вошла в дом, а я за мальчуганом проследовал в глубь двора. Пока я умывался, Бен поливал мне из кувшинчика и всё тараторил:

– А мы с мамой отца ждём. Я думал, что ты – это он. Крыша в доме прохудилась, а у меня не получается. Да арык надо в саду почистить, зарос совсем, цветы полить нечем. А малина будет мелкой, если не поливать. Ты не думай, что мама не добрая, она просто грустная. Дел много, а отца всё нет, а мы с ней не успеваем всё переделать.

Бен протянул мне рушник. Из дома послышалось:

– Бен, хватит тараторить, заговорил человека. Он устал с дороги, а тебе, мужчине, не гоже плакаться; меньше б по лесу бегал, больше сделать бы успел.

Бен обиделся:

– А я и не плачусь. Просто говорю. Что, и поговорить уже нельзя?

Я похлопал мальчугана по плечу и позвал:

– Пойдём к столу, а там видно будет, что можно с крышей сделать. Помогу.

– Правда? – веснушчатое лицо расплылось в довольной улыбке.

– Конечно, правда. Идём.

Бен торжественно шествовал впереди, в моём лице он нашёл поддержку и очень гордился этим.

– Там, на лавке, рубаха и штаны, переоденься, а то грязный..., – женщина смутилась от своих же слов.

– Спасибо, – я быстро переоделся и присоединился к Бену.

Завтракали молча. Я ел очень много, и женщина с интересом наблюдала за мной.

– Ты недавно здесь? – спросила она робко.

– Да, но...

– Ты ешь, а сытости не чувствуешь, это только первое время, потом привыкнешь, – и она убрала посуду со стола.

Мы с Беном вышли во двор, он был моим гидом, показывал, что у них есть. Ну вот мы добрались и до крыши. Я не был плотником, но со-

образил, как можно её починить. Мы с Беном работали, не замечая времени. Он раздувался от гордости: в нём видели не просто мальчишку, а помощника, почти мужчину. А мне было в радость помочь, ведь они нуждались в помощи.

— Вы что, ночевать там решили? — спросила женщина, когда Бен в очередной раз поднимался на крышу, неся гвоздочки.

— Нет, мама, всё уже налажено, осталось последнюю досточку закрепить, — ответил Бен.

Всё было сделано если уж не тонко, то добротнo. Я полюбовался на свою работу и спустился вслед за Беном.

— Спасибо, ты так помог нам. Я — Марта, — представилась женщина.

— Николай, — отозвался я.

Она так ласково посмотрела на меня, что я готов был сделать всё, что угодно для этой женщины, лишь бы её лицо озаряла улыбка — она так ей шла.

— Пойдём, я тебе сад покажу, — дергая за руку, звал Бен, да так настойчиво, что невозможно было отказать ему.

И мы пошли смотреть сад, часть которого я уже видел. Здесь всё было прекрасно, но арыки!.. Мы с Беном принялись их прочищать. Он принёс заступы, мы вновь углубились в работу. День незаметно угас. Марта позвала нас домой. Она улыбалась, глядя на нас, уставших, и радовалась. Её лицо светилось от счастья, понятного лишь только ей одной. В голубых бездонных глазах играли огоньки. Русые волосы с лёгким рыжеватым оттенком разметались по спине, выбившись из косы. В бежевом платье, перехваченном под грудью широким с вышивкой поясом, она металась по дому, готовя ужин, и казалась совсем девчушкой, чуть постарше своего сынишки.

Я много работал, усталость сморила меня. И, сидя на лавке, прислонившись к стене, я уснул. Марта разбудила меня:

— Бен нальет тебе, иди, умойся, а я приготовлю тебе постель. — Борясь с усталостью, я вышел во двор. Холодная вода, плескавшаяся из кувшинчика, взбудрила меня. Сон улетучился. Немного постояв во дворе, я вернулся в дом.

— Там все готово. Ложись, отдыхай, — жестом Марта указала на комнату.

Я лёг в постель, но сон прошёл. Я слышал, как Марта ещё хлопотала по дому, но вот скрипнули половицы в последний раз и всё стихло.

Сон прошёл совсем, а в голове вертелись слова Бена: «Когда мы пришли туда, мама не захотела остаться там, сказала, что будет ждать отца здесь; вот и живем мы тут». Какая разница между «там» и «тут», Бен не мог объяснить, но сказал, что «там» лучше. Меня снова глодала мысль: «Где я? Куда иду?»

Незаметно я погрузился в сон, но проснулся быстро от лёгкого толчка. В голове пронеслась мысль: «Что я делаю тут? Ведь мне надо идти». Но я обещал прочистить арык и не мог вот так уйти. Потихоньку вышел из дому, было достаточно светло, я нашёл под стеной заступ и пошёл в сад. Работа отвлекла меня от тяжёлых вопросов, на которые я не знал ответов.

— Бен, ты видел Николая? Не мог же он уйти, не сказав ничего, — донеслось до меня со стороны дома.

— Как, он ушёл?! — Бен, видимо, был в недоумении.

— Я здесь, в саду. Бери заступ, Бен, и иди сюда, помоги мне, немного уж осталось, — отозвался я.

Через мгновение сияющий Бен был рядом, а следом за ним шла Марта. Она улыбалась мне.

Бен принялся помогать мне, а потом и Марта стала прорывать канаву. Втроём мы быстро всё сделали и, счастливые проделанной работой, вернулись в дом.

Марта на скорую руку накрывала на стол.

— Марта, — обратился я к женщине, — мне надо идти, но я не знаю, где нахожусь и куда держать путь.

Улыбка сбежала с её лица.

— Да, тебе надо идти. Я знаю... — она замолчала, а потом продолжила: — До колодца тебя проводит Бен, а там одна дорога, все по ней идут...

Я поблагодарил Марту за радушный прием, и мы с Беном вышли на улицу.

— Это я должна благодарить тебя, ты так помог нам... Удачи тебе..., — услышал я вслед слегка дрожащий голос Марты, но оглядываться не стал, она, наверное, плакала, а я не хотел видеть её слез. Пусть останется она в моей памяти улыбающейся и весёлой.

С Беном мы шли всю дорогу молча, Он шёл впереди, а я за ним по едва заметной тропке. Мы пересекли дорогу, по которой я шёл ранее.

— Бен, куда ведёт эта дорога? — поинтересовался я.

— Не знаю, но там очень страшно. Говорят, она обрывается, и можно упасть в бездну, а иногда разверзается сама по себе, но не здесь, там, дальше, — он махнул в сторону рукой. — Я как-то раз ходил вдоль неё, но жутко стало, вернулся, — добавил он, немного помолчав.

Потом он резко повернулся ко мне и запричитал.

— Возьми меня с собой! Возьми! Я не хочу оставаться здесь, возьми меня туда, я буду тебе помогать.

— А как же мама? — спросил я.

— Мама..., — смутился он, — Мама... — она знает, что я не хочу жить здесь, она поймёт...

— Нет, не могу я тебя взять, а ты маме нужен. Как она останется одна? Здесь так пустынно, ты опора ей, — я пытался убедить его.

— Она любит его больше, чем меня! — бросил он мне в сердцах и, повернувшись ко мне спиной, быстро зашагал по тропинке. Я едва поспевал за ним.

Ещё издали я заметил оживление впереди. Там была та дорога, по которой я должен был идти. Мы подошли к колодцу, о котором говорила Марта. Это был деревянный сруб с журавлём. Но никто не подходил к нему.

— Он давно высох, — объяснил Бен.

Пора было прощаться.

— Будь молодчиной, помогай маме. А мне пора в путь, — и я прижал к себе Бена.

— Значит, не возьмёшь меня с собой? — спросил Бен, заискивающе глядя мне в глаза.

— Нет, Бен, возвращайся домой.

— Хорошо... Я пойду, — вздохнул он, понунив голову... Он сжал мою руку, и отпустив её, не оглядываясь, зашагал назад к дому.

Я смотрел Бена в спину до тех пор, пока он не исчез из вида. Потом огляделся, что же происходит вокруг. Место было оживлённым. Люди, не глядя друг на друга, шли, словно онемевшие. Лишь изредка можно было услышать чьи-то стоны или всхлипывания. Кто они и куда идут, почему они так угрюмы? Я не мог ответить на эти вопросы, и решил идти чуть поодаль от них. Но любопытство брало верх, и я решил заговорить.

— Скажите, кто все эти люди и почему они так мрачны? — спросил я у пожилой женщины, отставшей от всех. Она шла, тяжело опира-

ясь на посох, а рядом с ней семенила девочка, совсем ещё маленькая, лет восьми на вид.

Женщина окинула меня недоверчивым взглядом, а мой вопрос повис в воздухе, но она попросила:

- Помоги нам.
- Чем я могу помочь?
- Найди что-нибудь поесть, внучка голодна, а я не в силах сойти с дороги в поисках еды...

Ребёнок ведь совсем... жалко. У меня в кармане было яблоко. Я вынул его и протянул малышке. В её серых глазах отразился восторг! А у её бабушки на глазах выступили слезы... Какое-то время мы шли молча. Не хотелось казаться сильно назойливым и надоедать с вопросами. Потом я сошёл с дороги и отправился искать еду. Мне пришлось долго блуждать, прежде чем на глаза попались сливы. Плоды тёмно-синие, с сизым отливом, крупные. Я попробовал — очень вкусные! Я ел их, пока свежесть ягод не утолила мучившую меня жажду. Немного отдохнув, я снял с себя рубаху и набрал в неё плодов. Когда я нашёл пожилую женщину с девочкой, загадочные люди исчезли из вида. Женщина сидела на земле, опершись на ствол берёзы, большой и развесистой, а девочка полулежала у неё на руках. Женщина была в светлом длинном платье свободного покроя, похожем на длинную рубаху. Волосы, хорошо уложенные в косу вокруг головы, уже растрепались. Лицо избородили морщинки, мелкие и лучистые, они разбежались от глаз. Девочка же была в белой одежде: поверх просторной рубахи, доходившей ей до щиколоток, была надета безрукавка, тоже белая, но расшитая золотом, с затейливым узором. Когда я подошёл к ним, женщина сказала:

- Устала, пусть поспит. Идти будет легче.
- А я вот сливы принёс, будете?
- Сливы? Я люблю сливы. — Она взяла протянутую ей рубаху со сливами и ахнула: — Ах, мои любимые! — и её лицо озарилось радостью восторга, — Трудно представить, что такое чудо может быть здесь.

Она съела несколько ягод, остальные оставила внучке. Я опустил рядом с ними и решил немного отдохнуть. Но только расслабился, как девочка зашевелилась, и, едва открыв глаза, попросила:

- Бабушка, я хочу пить и кушать...
- На вот, поешь ягодок, легче будет, — бабушка отдала малышке сливы, которые в одно мгновение исчезли.

Девочка, как и я, ела, но сытости не чувствовала, мне стало её жаль. И когда, продолжив путь, она устала, я увидел это и взял её на руки. Солнце завершало свой дневной бег. Опускались сумерки. Но солнце! Это я так совсем по земному сказал. То был свет, исходящий непонятно откуда. Этот свет становился то ярче – наступал день, то угасал – надвигалась ночь.

Эту ночь мы провели под открытым небом. Малышка спала между нами, ей так было теплее. А день... День прошёл в молчании. Женщина не хотела отвечать, мои вопросы оставались без ответов.

Лишь однажды она заговорила, когда девочка спросила:

– Когда мы придём, баба, ещё нам долго идти? Я так устала...

– Скоро, девочка моя, скоро, маленькая. Потерпи. Вот поспим, а утром ещё пройдем немного и будем дома.

– А где дома? – видя, что бабушка разговорилась, малышка осмелилась спросить то, что, видно, давно занимало её мысли.

– Ко мне домой. Мы будем жить вместе.

– А мама, дед, тятя? Они тоже будут с нами?

– Нет, они потом придут.

– А пойдём к ним. Зачем ты ушла от нас? Пойдём к нам жить, мама будет рада, а деда будут цветы твои любимые тебе дарить, а то он их на могилки зачем-то носит.

– Помолчи, доченька. Устанешь быстро, – только и ответила она, тяжело вздохнув.

Утром мы снова двинулись в путь. Немного пройдя, я заметил заросли малины, и мы все трое радовались находке. Пока собирали малину, малышка немного оторвалась от бабушки, и я решил поговорить с ней.

– Как тебя зовут, малышка?

– Любаша, а бабушка – Вера; она у меня строгая.

Да, насчёт бабушки у меня сомнений не было.

– А куда вы идёте?

– К бабушке, она меня к себе жить взяла.

Больше я ни о чём не успел спросить.

– Заканчивайте, нам пора! – Оборвала наш разговор строгая бабушка Вера.

Ободрённые сном и завтраком, мы шли легко. Любаша резвилась, забегая вперёд.

— Ну вот мы и пришли, — сказала бабушка Вера, останавливаясь у развилки дорог. — Нам сюда, — указала она вправо, — А тебе идти дальше этой дорогой. Я только внучку ходила встречать, — продолжила бабушка Вера, словно оправдываясь.

Сколько я ни спрашивал её, о чём бы ни заговаривал, она молчала, а тут вдруг:

— За доброту твою тебе — спасибо! И на прощание послушай совета: встретишь воду, как бы велика она ни была, смело входи и плыви. Не мастера ни плотов, ни лодок. Не поможет тебе это, только хуже будет.

И прежде, чем я успел что-либо сказать, она повернулась ко мне спиной и, взяв малышку за руку, двинулась прочь.

— Спасибо за доброе слово...

И я снова остался один. Меня мучил голод, но я понемногу стал привыкать к нему. Хотелось пить, и я стал искать родничок или речушку. Но безуспешно... Я шёл один, томимый жаждой и голодом. И ещё одна ночь была проведена под открытым небом, только отличалась она от прежней тем, что я был один и голоден, а в довершение ко всему — сильно хотелось пить. Эта ночь была невыносимо долгой. Сон не шёл ко мне. И я всё думал, думал... О чём — не знаю сам, — всё слилось воедино: и хорошее, и плохое.

Темнота стала рассеиваться, когда я почувствовал чьё-то присутствие рядом. Приподнявшись на локте, я присмотрелся. И... о, Господи, «старичок», тот самый «старичок» ... Моё лицо исказила гримаса ужаса, а он:

— Ха — ха — ха! Не то ещё будет..., — и исчез.

Если бы не запах от начищенных сапог, я бы подумал, что мне это привиделось.

Всю усталость сняло, как по волшебству. Но голод и жажда становились всё сильнее и сильнее. И я шёл, утешая себя мыслью: «Где-то там вода большая или малая; я могу испить, прежде, чем плыть, — станет легче...».

Не знаю, сколько времени я так шёл. День угасал, уходила ночь, и снова день мерк, и снова светлела ночь. Ни единого живого существа! Я ничего не мог найти — ни воды, ни еды. Я только тратил силы на эти поиски. Пробовал жевать траву и листья с деревьев, но сделал себе только хуже: сок жёг горло.

Не знаю, день ли был или ночь. Но «старичок» виделся мне чётко, хоть и темнело в глазах. Он держал какой-то сосуд в руках и тонкой струйкой лил воду наземь. Я лежал ничком и не мог сдвинуться с места... А он хохотал жутким хохотом, от которого шевелились волосы.

— Что, голубчик, занемог! Ха — ха — ха!.. — и он снова исчез.

Не брежу ли я? Да нет, передо мной тёмное пятно на земле. Всё-таки это была влага! Собрав все силы, я сделал рывок и уткнулся лицом во влажную землю. «Господи, — взмолился я, — дай мне силы встать и найти воду! Богородица, помоги мне!» И откуда взялись силы! Я встал и пошёл. Меня мотало от слабости из стороны в сторону, но я шёл... Мне словно ветер дул в спину, помогая идти.

И... о, чудо! Я увидел реку! Но вода в ней была темна. Испытывая невообразимую радость, напрягая остатки сил, я спешил к ней. «Вода! Вода!» — мельтешило в голове.

Когда же я подошёл к реке, то увидел: вода тёмная, сероватая. И как-то не видно дна даже у края. Зачерпнув пригоршню воды, поднёс к лицу, но умыться не смог! Вода показалась мне свинцово-тяжёлой, и я непроизвольно стряхнул её с рук; мелкие шарики жидкости скатывались с пальцев, падая в реку, бесследно исчезали, не оставляя ни единого круга от удара капелек.

Я посмотрел вдаль. Река не была большой. Ведь вырос я близ Волги! Близ реки могучей и великой! Вспомнились слова бабушки Веры: «...встретишь воду, как бы велика она ни была, смело входи и плыви...». Если б я так не устал, не задумываясь, вошёл бы в воду. Но жажда, теперь она мучила меня больше, чем голод!.. Я решил поискать на берегу, может, найду что-нибудь попить. Всё безуспешно. Идя, как мне казалось вверх по реке, хотя трудно было сказать, в какую сторону она несёт свои воды, я всматривался в тот берег. Он был пустынен!

Вдруг я услышал нарастающий шум. На какое-то мгновение я замер: «Что это?» И на возникший вопрос сразу получил ответ: недалеко от меня стоял «старичок» в начищенных до блеска сапогах.

— О, Господи, это снова он! — вырвалось у меня и я бросился в воду, собирая все силы, чтобы плыть. А он стоял на берегу и смеялся. Я оглянулся, думая, что отплыл от берега достаточно далеко. О! Это была моя роковая ошибка!

Я был почти у берега, а «старичок» у меня на глазах обратился в ворона с огромным клювом и взмыл вверх. Я продолжал плыть, а ворон кружил надо мной, я видел тень его крыльев на поверхности воды. Он

кружил надо мной, но не пикировал, почему? Я оглянулся на него ещё раз, посмотреть, что же он делает. И это чуть не стоило мне жизни!

«Старичок-ворон» только и ждал моего взгляда, как сигнала к действию. Стремительно он спикировал на меня, больно ударив клювом по голове, а потом стал бить крыльями по воде. Вода касалась моего лица и жгла! Хотя я сам весь был в воде, жжения не ощущал, горело только лицо. Мелкие капельки впивались в тело и обжигали. Я пытался отбросить ворона, но тщетно, он был сильнее меня; я же изнемогал от слабости и боли. Закрыв глаза, я пытался плыть быстрее, насколько это было возможно, а ворон, сидя у меня на спине, всё долбил по голове и разбрызгивал воду. Не знаю, где я черпал силы плыть! Но молился: «Господи, помилуй...». Это всё, что приходило мне на ум. Страха не было, вода плотная, и я свободно держался на поверхности реки. Несмотря ни на что, я продолжал плыть... Тут ворон пришёл в ярость! Вцепившись в одежду клювом, он куда-то тянул меня, а крылом черпал на меня воду, под тяжестью которой я стал тяжелесть, словно некий груз вливался в меня, разбегаюсь по телу и делаю его тяжёлым и неповоротливым. Я вновь попытался отбросить ворона. И в какой-то миг я почувствовал под ногами что-то твёрдое, оттолкнулся и глотнул воздуха, так как ворон почти с головой погрузил меня в воду. Потом, скидывая с себя ненавистную птицу, встал на ноги. Я был в двух шагах от берега, но ворон не унимался. Отлетев, он бросился на меня вновь, да с такой силой, что я едва устоял на ногах. Чтобы нанести ещё удар, ставший, может быть, последним для меня, ворону нужно было время, чтобы подлететь ко мне ещё раз. И этот миг я использовал, — шагнул на берег. Ворон же, метаясь в меня, лишь крылом задел воду, взметнул высь и исчез!

Я взглянул вперёд, и что же увидел? Передо мной стоял мой Учитель. Он улыбался мне и протягивал руки. Я сделал шаг ему навстречу, и он заключил меня в свои объятия. Но я оттолкнулся от него, боясь испачкаться, ведь я был мокрый и грязный, как мне казалось. Учитель словно понял мои мысли, притянул к себе сильной уверенной рукой и сказал:

— Не бойся испачкаться меня, — ты чист! Посмотри.

Я взглянул на себя и не поверил глазам: на мне была сухая чистая белая рубаха до пят, почти как у Учителя, но более грубой материи.

— А глянь туда, — и он указал рукой в сторону реки.

Вода в ней была чиста и прозрачна, даже со стороны было видно отражение дна. Камешки, ровные и гладкие, казалось, были у самой поверхности.

Отпустив руку Учителя, поддерживающего меня, я подошёл к реке и увидел, должно быть, своё отражение. Почему, должно быть? Да потому, что я не узнал себя. Я — не был я! Хоть и чувствовал себя прежним, те же руки, ноги, всё тело, но лицо?.. А волосы? Куда делись мои каштановые кудри? Вместо них лицо обрамляли прямые волосы тёмно-русого цвета. Мне казалось, что я стал выше самого себя на голову, если не больше. А лицо? Оно было совсем не моим! Я с изумлением рассматривал своё «чужое» отображение. Ко мне подошёл Учитель, положил руку на плечо и сказал:

— Пойдём, нам пора в путь.

Но я не мог оторвать взгляда от поверхности реки. Пытался осознать, что там отражается мой облик. Да и сама река не давала мне покоя: вода была чистой и, казалось, было совсем не глубоко. Почему же я чуть не утонул? Этот вопрос вертелся в голове, и я спросил у Учителя.

— Она не глубока, — указал я на реку, — но мне переправа чуть не стоила жизни!

— Ты мог перейти её вброд, воды чуть выше пояса тебе пришлось бы. Но страх закрыл глаза твои и ты сделал две ошибки, за что чуть не поплатился жизнью. Я знаю, у тебя много вопросов, но ещё не пришло время ответов. Ты только перешёл грань, перейдя которую, возврата на Землю нет. Время испытаний продолжается. Идём.

Он так много мне сказал, что какое-то время мы шли молча, я обдумывал слова Учителя и почти не обращал внимания на то, что меня окружает. А шли мы по лугу. Благоухали травы и цветы. Звонко перекликались птицы, а над цветами кружили большие бабочки. Это то, что я замечал, погружённый в раздумья. Учитель ничем не выдавал своего присутствия, он шёл чуть позади меня. Потом он остановил меня и сказал:

— Сейчас я покину тебя. Мы встретимся позже. Путь ты продолжишь один. Помни, час испытаний ещё не закончился. Будь внимателен. Ты должен прийти в селение, оно по левую сторону от этой дороги. В нём есть Храм Господень, там я буду ждать тебя.

Больше не было сказано ни слова, и Учитель исчез. Я был в недоумении: что всё это значит? Но надо было продолжать путь. Теперь я

чувствовал себя увереннее. Встретив Учителя, ко мне вернулась решительность, теперь я был не один. Хоть кто-то меня ждал.

И я продолжил путь. Постепенно открытая поляна, где оставил меня Учитель, перешла в прекрасный сад. Я шёл, с интересом разглядывая сказочные, как мне казалось, деревья, плоды. Всё казалось необычным, словно за каждой веточкой сидел волшебник и творил чудеса.

Но вот моё внимание привлекло что-то бьющееся, трепещущее. В ветвях дерева, почти у земли, были расставлены сети паука — тонкая звенящая паутина, а в ней трепетала бабочка. Это было сказочно-прекрасное создание: тёмно-синие крылышки, словно из тонкого бархата, на котором красовались четыре жемчужины, воздушно-розовые, обрамлённые мелким бисером алмазов, игравших на свету всеми цветами радуги. Мне бабочка показалась маленькой прелестной феей, а паучок, отливавший серебром, её захватчиком. Я как будто попал в сказку и, как добрый принц, освободил прекрасную пленницу. Бабочка, взмахнув крылышками, полетела прочь от своего пленителя, а я, не знаю зачем, подёргал пальцем нить паутины, на которой сидел паучок, и сказал ему:

— Прости, приятель, но она так прекрасна и мила, что жизнь в неволе погубила бы её. Мне жаль, что твоя добыча улетела, — и, как ни в чём не бывало, я пошёл дальше.

Вскоре сад кончился, и моему взору открылись поля пшеницы — золотистой, высокой, ядрёной, колос к колоску. Я заметил тропинку и сошёл на неё. Вдали работали люди, они жали пшеницу и вязали её в снопы. Кто были эти люди — не знаю. На них были длинные холщовые рубахи, перехваченные поясом. От них отделился мужчина и, когда я поравнялся с ним, он попросил:

— Путник, я вижу, ты спешишь. Если не в тягость, принеси нам воды. Я не могу оставить работу, ещё немного, и зерно осыпаться будет.

— Но я не знаю, где её можно взять.

— Пройди немного ещё и увидишь колодец.

— Хорошо, я принесу воду.

И действительно, вскоре я увидел колодец. Опустив ведро на верёвке, достал воды и перелил в другое, стоявшее рядом. Отпил немного сам и понёс воду работающим.

Воде обрадовались, и, когда люди подходили пить, я мог их разглядеть. Тут были и женщины. Человек, попросивший принести воды, видно, был за старшего, которого все слушались. Он посетовал:

- С этого поля нужно убрать всё к вечеру. Не знаю, успеем ли?
- А я могу помочь?
- Держать серп в руках нетрудно, кто-нибудь поможет тебе.
- Не надо, я умею.

– Это хорошо, но разве ты не спешишь? — этот вопрос прозвучал, как искушение. Ведь можно ещё отказать и продолжить путь, но я уже предложил помощь, и отказывать не мог.

– Успею, здесь недалеко, — ответил я, хоть и не знал, как долго мне предстояло ещё идти.

Этот человек протянул мне серп и указал полоску, на которой мне предстояло работать.

Раньше я часто помогал Анфиске жать рожь, и мне было приятно чувствовать, как чудо-пшеница, подрезаемая серпом, ложилась мне в руки. На сердце было легко и радостно, не знаю отчего. Что-то мурлыча себе под нос, я увлёкся работой и даже обогнал женщину, работавшую рядом со мной. Пройдя свою полосу, я зашёл навстречу ей. Когда мы встретились, она с теплотой посмотрела на меня и сказала лишь одно слово:

- Благодарю.

И только теперь я заметил, что день уже давно сменил вечер, и скоро сумерки опустят свой занавес. Я услышал слова благодарности от человека, старшего среди всех собравшихся. Они пошли в другую сторону все вместе, хотя я не заметил там ранее никакого жилья. Они жили своей жизнью, своими заботами, а я был лишь путник, продолжающий путь.

Я шёл недолго, когда увидел слева от дороги селение, а над деревьями и крышами домов, утопающих в зелени, возвышался Храм. Его купола возносились высоко над землёй и всем суетным. Мне казалось, что он соткан из тонкой прозрачной материи. Я был у цели! В селении я без труда нашёл дорогу к Храму, а возле него — Учителя.

Учитель ни о чём не спросил меня, лишь улыбнулся, увидев, и сказал:

- Пойдём, помолимся, потом отдохнёшь.

Мы вошли в Храм, словно во что-то живое, реально существующее. Я не знаю, как передать эти чувства, которые испытал! Храм — это

что-то живое, чувствующее и воспринимающее всё происходящее. И мне казалось, что у него есть сердце, и сердце это бьётся то радостно, то тревожно. Стены Храма словно сложены из кирпичиков воздуха! Возможно ли!? А на стенах, я бы назвал это фресками, изображены люди и события. На золочёных подсвечниках горят свечи. Храм был полупуст, и я мог рассмотреть его. Слова молитвы не шли на ум, я был заворожён красотой и убранством. Но сколько я ни искал привычного распятия на кресте Христа, не мог найти... Учитель словно понял мои мысли и сказал:

– Это на Земле образ Христа распят на кресте. Но здесь он с нами, среди нас, и мы в нём. Преклони колени и помолись.

Я опустил на колени, и поток слов и мыслей пронёсся в голове.

– Господи! Как здесь прекрасно, – шептал я, – и всё так необычно. Что меня ждёт, я не знаю; и не знаю, как долго мне идти, но что бы ни было впереди, Господи, спасибо за то, что есть!

Не знаю, как долго я ещё молился и не помню, о чём просил, знаю, что вспоминал и Тамару, и маму, и бабушку с Анной и отцом. Какие-то образы всплывали в памяти, и я молился...

Когда же я встал с колен, почувствовал необъяснимую лёгкость и радость. Учителя не было видно, да и вообще я в Храме остался один. Я вышел на улицу. Учитель ждал меня у входа.

– Пойдём, – только и сказал он мне, приглашая жестом следовать за ним.

Мы вошли в здание, похожее на барак, в котором один вход, а по коридору по обе стороны расположены маленькие комнатки. Нас встретила женщина. Её лицо ничего не выдавало, никаких эмоций, словно надета маска. На ней было платье замысловатого покроя, скрывающее её худобу. Можно сказать, что она утопала в море рюшечек, оборок и кружев. Но всё было подобрано со вкусом. Она с безучастным видом проводила нас в комнатку, предназначенную нам. Открыла дверь со словами:

– Располагайтесь. Ужин подадут немного позже, – и ушла.

Мы с Учителем оказались в маленькой комнатке, но она казалась просторной из-за своего скупого убранства. Всё, что здесь было, это две кровати – узеньких, с красивыми резными деревянными спинками, да небольшой столик, тоже резной. На нём лежала небольшая салфетка, выбитая по краям. Окно, тоже узкое, было задернуто

занавеской. Я присел на одну из кроватей и только тогда почувствовал, как устал за день. Учитель сказал мне:

– Ложись, отдыхай. Когда принесут ужин, если ты уснёшь, разбужу.

И действительно, я уснул, сон мягко заключил меня в свои объятия. Учитель, как и обещал, разбудил меня. Но есть не хотелось, и я выпил стакан сока, даже не разглядев, что там ещё принесли, и снова лёг спать.

Когда было ещё сумрачно, Учитель разбудил меня, и мы в молчании покинули наше пристанище. Прошли мимо Храма, который я видел накануне, и вышли за селение... Там Учитель взял меня за руку. У меня потемнело в глазах. Когда же Учитель отпустил меня, и зрение вернулось ко мне, я огляделся и оторопел: мы находились как раз в том месте, откуда я начал свой путь по пыльной, ухабистой дороге, вдоль которой росла ольха. Я хотел что-то спросить, но Учитель остановил меня жестом руки и заговорил сам:

– Сейчас ты вернёшься к своим. Ты идёшь к ним в гости. Ты можешь увидеть кого хочешь, но только одного человека, и сразу вернёшься... Я буду ждать тебя здесь.

И он подтолкнул меня рукой вперёд. Я почувствовал, что прохожу через что-то более плотное, чем я сам, но это лишь на какое-то мгновение, и я обрёл невесомость. Я думал обо всех родных, но не знал, кого больше хотел увидеть: бабушку, Анну, Анфиску, а может отца? Смятение было недолгим — конечно, Анна! Она больше всех убивалась обо мне. И вмиг я оказался рядом с ней.

Она ложилась спать. Я видел, как она разбирала кровать, как ходила взглянуть на своих спящих малышей. А потом легла и сама. Какое-то время она лежала с открытыми глазами и думала, а я, присев на сундук у стены, наблюдал за ней. Как дорога она моему сердцу! Она заменила мне и мать, и друга, была и сестрой. Конечно, бабушка заботилась обо мне, но больше в воспитании дала мне она — Анна, моя младшая сестрёнка! Предавшись своим мечтаниям, я потерял ощущение времени. Анна задула свечу и погрузилась в сон. Дальше я действовал импульсивно. Я не знал и не думал никогда, что во время сна душа покидает тело и отправляется куда-то, влекомая своими желаниями. Я видел, как Анна «раздвоилась». Увидев меня, она замерла:

– Николай?! — вскрикнула она, — Но ведь ты...

– Нет, я не умер! – остановил я её. – Я жив и пришёл к тебе в гости.

Она смотрела на меня, как зачарованная. Я взял её за руку и подумал: «Пришёл в гости, но не увижу бабушку?», – и мы с Анной оказались в бабушкином доме. Она спала, но души её дома не было, и я подумал: «Жаль!» Анна стала разводить огонь в печи, греть чай. Когда вода закипела, на пороге появилась бабушка. Она охнула:

– Господи, Коленька, это ты! Совсем такой же, – и она бросилась в мои объятия, – те же волосы, тёмной волной, те же глаза. Ты живой! Как всегда, такой же, – причитала бабушка, пока Анна не оторвала её от меня:

– Он в гости пришёл, а ты причитаешь!

– Да, и то верно, – бормотала бабушка, – что же это я, совсем обезумела старая, пойдёмте к столу.

Не знаю, откуда взялись блины! Но как я был им рад! Мы пили чай, разговаривали, как вдруг я почувствовал, как что-то влечёт меня вдалёк... Я понял, что пора уходить. Не хотелось прощаний и слёз, и я просто встал из-за стола, поцеловал бабушку в щёку, привлёк к себе Анну за плечи, сказав:

– Я ещё приду, – и вышел из комнаты.

Вспомнив об Учителе, я сразу оказался рядом с ним, снова пройдя через что-то плотное. Он взял меня за руку, и мы снова оказались на окраине знакомого мне поселения. Пройдя мимо Храма, подошли к бараку и вернулись в прежнюю комнату.

– Анна и бабушка видели меня и узнали, почему? Ведь у меня иной облик? – спросил я Учителя, присаживаясь на кровать.

– Это так, – ответил Учитель, – но если бы ты пришёл к ним таким, как выглядишь сейчас, они бы не узнали тебя, поэтому ты шёл к ним в том облике, который им знаком и дорог. Со временем ты научишься перевоплощению и, если захочешь, то можешь жить здесь в прежнем Земном облике, хотя так делают очень немногие. Ведь покидают Землю и в старости, а обретая здесь молодость, не хотят возвращаться к тому, что постыло. Тебе нет нужды меняться, ты покинул Землю молодым, и, принимая прежний облик, ты всё равно останешься молодым.

Я слушал Учителя, внимая каждому слову, для меня это всё было ново. Учитель замолчал, и меж нами повисла тишина, которую нарушил снова Учитель. Он стоял у окна:

— Подойди ко мне, — позвал он, — и смотри.

Я стоял к нему спиной, а он держал меня за плечи, слегка сжимая их. И что же я увидел?..

Анна с детьми была в доме у бабушки. За столом сидели люди — это наши соседи и просто знакомые. Они пили чай с блинами. На какой-то миг я почувствовал запах горячих блинов, и умиротворение разлилось по телу. Они говорили между собой о чём-то, я не мог вслушаться, о чём идет речь. И вот моё внимание привлекла Анна, она всхлипывала и рассказывала свой сон: «Проснулась я вроде и вижу, Николай сидит на сундуке у стены и смотрит на меня». Я удивилась, ведь умер же, а он мне: «Нет, я живой, в гости к вам пришёл». Потом не помню, как провалилась куда-то, а после вижу, мы все трое с бабушкой у неё дома за столом сидим, чай пьём. Потом Николай встал и вышел из комнаты, что-то сказал, но не помню, что»... И Анна заплакала, бабушка стала её успокаивать:

— Хорошо значит всё у него, раз в гости приходил, не просил ведь ничего, значит нужды не терпит.

— И то верно, — подхватила наша соседка, женщина средних лет, ей то и рассказывала «сон» Анна.

А потом всё исчезло. Я, обессилел от сильного напряжения: мне хотелось не только видеть, но и слышать. Учитель, поддерживая меня, помог дойти до кровати.

— Может, поешь чего-нибудь? — спросил он.

— Нет, я ничего не хочу. Устал. Мне бы поспать... — ответил я.

— Хорошо. Отдыхай, — и Учитель вышел из комнатки, а я почти сразу погрузился в сон.

Какой-то толчок вывел меня из сна. Я открыл глаза, в комнатке было серо; Учитель ещё спал. Сев на кровати, я стал обдумывать то, что видел: Анна рассказывала свой сон, но как он был сбивчив, как много она не помнила! От этих мыслей мне стало грустно. Я не заметил, как встал Учитель. Он одёрнул штору, в окно хлынул поток света, что и вывело меня из состояния грусти.

— Ты хочешь, есть? — спросил он меня.

— Нет, — во мне ещё жил «дух» блинов, и не хотелось его чем-либо подавлять, к тому же именно этот запах придавал мне чувство сытости.

— Что ж, тогда пойдём дальше.

И мы снова вышли на дорогу. Учитель снова ничем не выдавал своего присутствия, идя чуть поодаль от меня. Мы вышли за село, но с другой стороны, противоположной Храму. Когда оно почти исчезло из вида, Учитель сказал мне:

— Здесь мы расстанемся. Дальше по этой дороге есть одинокий домик среди сада, а вокруг него полукольцом поля пшеницы. Там, в этом домике, я и буду ждать тебя. Помни, время испытаний не прошло. Будь твёрд!

И Учитель исчез, оставив меня одного. Меня это ничуть не смутило, так уже было однажды. И я продолжил путь. Идти было легко, голод не мучил меня, во мне ещё был жив запах блинов, и это придавало мне чувство сытости. Я шёл по дороге, обсаженной деревьями, и не испытывал жажду. Мне было легко и радостно, и я стал насвистывать какой-то мотив. Здесь всё было прекрасно! Всё радовало глаз. Но что-то меня ещё поджидало... Если в прошлый раз Учитель мне сказал: «Будь внимателен...», то теперь — «Будь твёрд!»

Я не чувствовал усталости, а мысль о Тамаре окрыляла меня. Прекрасный сад остался далеко позади, и передо мной раскинулась живописная местность: небольшие холмы, колки берёз и осины, кое-где разделённые серебристыми нитями речушек. Дорога, по которой я шёл, круто поворачивала. И здесь я увидел женщину, она сидела на земле, положив голову на колени, а рядом стояла большая сума. «Должно быть, устала, отдыхает», — подумал я. Когда я почти поравнялся с ней, она вскинула голову и встряхнула рассыпанными по плечам чёрными, как смоль, волосами. Я увидел нежное лицо с мягкими чертами. Ресницы так велики, что отбрасываемая ими тень скрывала взгляд, он как бы терялся. Она улыбнулась мне, обнажив ровный ряд крепких белых зубов. Я улыбнулся ей в ответ. Женщина встала, и я на миг остановился, поражённый совершенством её тела. На ней было просторное платье, мягко облегающее и подчёркивающее прелести фигуры. Она дала мне возможность хорошо разглядеть себя, а потом заговорила:

— Видно, мы идём одной дорогой. Ты молод и красив, и, наверное, добр, — такое вступление обожгло меня. Её голос, мягкий и приветливый, очаровывал своим звучанием. — Не сможешь ли ты мне донести мою суму, я так устала..., — продолжила она, и её голос зажурчал так нежно, с нескрываемой грустью и отчаянием.

Помочь? Я всегда был готов прийти на помощь; ещё ребёнку, мне это внушала бабушка, и я ценил её наставления, помня, что когда-нибудь Господь воздаст за добро. Прося о помощи, женщина смотрела мне в лицо. Её глаза были колючими, хотя это ничуть не портило её внешности. Я поднял её суму... О, как она была тяжела! Но я подавил в себе желание поинтересоваться, что же такое тяжёлое может нести столь очаровательное создание... Мы шли не очень быстро, груз сковывал движения, а женщина щебетала без умолку, что идти ей недалеко, но она так устала, что очень рада помощи и готова оказать помощь и мне, если в этом есть необходимость. Её голос звучал завораживающе.

— Скоро будет тропинка, ведущая к моему дому, — лепетала она. — Ты устал, и я не могу вот так отпустить тебя, не отблагодарив. Может, зайдёшь ко мне? — спросила она осторожно, словно боясь моего отказа.

Действительно, вдали виднелся домик, а за ним — ещё несколько. Это было почти рядом, и я решил сойти с дороги.

Женщина очень обрадовалась. Остаток пути мы прошли в молчании, но быстро. Она приветливо улыбалась мне, приглашая войти в дом. Невозможно было ей отказать. Это было выше моих сил. «Небольшой отдых не помешает мне», — подумал я, входя в дом.

В доме царил прохлада и покой. Всё блестело от чистоты. Посуда была начищена до блеска и играла переливами на свету. Домик был небольшой, должно быть, комнатки две-три. Комната, где я оказался, поражала убранством. Она была оформлена, как говорят, в восточном стиле. Красивый пушистый ковёр покрывал пол, посередине стоял низкий столик, круглый на резных ножках, а на нём стоял чайник и две чашечки и ещё какие-то вазочки с фруктами и сладостями. Именно на посуду я и обратил своё первое внимание. Она поражала утончённым изяществом и блеском. Вокруг столика и по всей комнате были разложены подушечки разных размеров и цветов. Они так и манили опуститься и отдохнуть. Что я и сделал. Пока я рассматривал всё, женщина исчезла и внезапно появилась вновь, но уже переодетой. На ней был лёгкий хитон, небрежно наброшенный на плечи, и штаны с прорезьями по бокам, материя была перехвачена золотистыми подвязками у колен и щиколоток — этим подчёркивалась стройность ног. Фиолетовый цвет ей был так к лицу, что мне она показалась ещё красивей, чем там, на дороге.

— Ты мой гость и мой повелитель, — сказала она, присаживаясь рядом со мной. — Ты устал, отдыхай.

— Здесь очень мило, — ответил я, не зная, что сказать. Вся эта роскошь давила на меня, а взгляд женщины пронизывал меня, казалось, насквозь. Она налила чашечку кофе. Тонкий аромат наполнил комнату. Но я никогда не пробовал подобный напиток, и он показался мне горьким.

— Это кофе! Ты просто не привык к нему... На вот, заешь, это щербет.

Щербет — орехи, залитые чем-то сладким, — я пробовал впервые, и он понравился мне. И, чтобы не обидеть хозяйку, я допил кофе, заедая сладостями. Она предложила мне кальян, но я отказался, взяв в руки гроздь винограда. Она приложилась к кальяну сама. Перебивая аромат кофе, комнату стал наполнять сладковатый и чуть тошнотворный запах. Женщина разомлела и улеглась на подушках, словно завлекая меня. Запах мутил мой разум, а чары женщины давили на меня: я никогда не видел более совершенного тела. И во мне проснулось желание овладеть ею. Но я не знал, кто она... Как её хотя бы зовут. И я спросил:

— Скажи хоть имя своё?

— Зачем? Разве, чтобы погасить пыл страсти, надо знать имя? Я нравлюсь тебе, разве этого мало?

— Но ведь мы едва знакомы!

— Ну и что? Для меня это не важно, — и она красноречивым жестом провела по телу изящной рукой, на запястье переливались золотые браслеты.

Сладковатый запах не давал мне покоя, он и туманил разум, и наполнял тело лёгким томлением, и притягивал сильную головную боль. Боль давила, сковывая виски и затылок, я не мог выдержать противоречий, терзавших меня: женщина, её совершенство, манили меня, но обстановка и этот дурманящий запах угнетали меня. Большого я выдержать не мог! Вскочив, я опрокинул столик; всё, что было на нём, раскатилось по комнатке, а возле чайничка образовалось тёмное пятно. Всё это я видел лишь краем глаза, выбегая из комнаты. Еще, что запечатлела моя память, это женщина: она была в ярости! И среди её чёрных, как смоль, волос вились тоненькие сероватые змейки, а глаза горели огнём. Она рванулась в мою сторону, протягивая руки ко мне. О! Куда делось их изящество?.. Вместо прекрасной нежной кожи — была сухая, обтягивающая пальцы, а вместо ногтей — когти, не длин-

ные, но широкие и острые. Мне показалось, что я сошёл с ума! Разве могло само совершенство так резко превратиться в чудище?..

Не разбирая дороги, я бежал прочь от этого кошмара. Обессилив, я упал на землю и потерял сознание. Не знаю, как долго я был в забытьи... Очнулся я от холода. Меня знобило... Мысли путались, не желая принять за реальность увиденное. Нет, не может быть! Это тот тошнотворный запах вызвал видение; да нет же, это одно и то же лицо, только обличие другое... И снова я впал в беспамятство.

Большим усилием воли я заставил себя подняться. Я очень сильно захотел увидеть своих: бабушку, Анну..., и миг оказался у дороги, по которой начинал свой путь здесь. Скорее, желание увидиться с родными заставило меня преодолеть что-то плотное, стоящее на пути, чем знание, как это сделать; ведь в тот раз через этот предел меня пропустил Учитель. И я почувствовал лёгкость! Значит, преодолел этот предел. Подумав о бабушке, я оказался в её доме, но её не было там, а я не знал, где её искать. Не знаю, что произошло, но я перенёсся в неизвестный мне дом, выйдя из которого я увидел бабушку с какой-то женщиной. Я знал её, но не мог вспомнить, кто она, да на это у меня и не было сил, я буквально упал в объятия бабушки, приведя своим видом её в состояние шока!

— Помоги мне, бабуля! — это всё, что я мог произнести. И я снова впал в беспамятство.

Когда же очнулся, я лежал на земле на каком-то лугу. Было так светло, что, открыв глаза, я на миг ослеп. Потом зрение вернулось ко мне, но свет был необычным, не раздражающим, хотя и был ярким, но не раздражал, а успокаивал идущим от него теплом и участием. Не знаю, что это было! Мне стало легче. Вся дурнота ушла. Я огляделся: совсем незнакомое место, не знаю, где нахожусь, это шокировало. Я снова сбился с дороги и потерял Учителя.

Страх парализовал моё тело! Но мысли неслись, неслись с поразительной скоростью... Мне захотелось оказаться в том Храме, где были с Учителем, и, помолившись там о дарованном спасении, отправиться снова в путь. Только пронеслась эта мысль, как я почувствовал, что темнеет в глазах, но это лишь на миг. И я оказался у дверей Храма. Снова меня окутала живительная сила, и, преклонив колени, я молился, благодаря Бога и прося у Него помощи.

С лёгким сердцем я вышел из Храма и снова пошёл по той же дороге, что чуть ранее с Учителем. Вот здесь он оставил меня одного, ска-

зав: «Будь твёрд!», а вот здесь я встретился с той женщиной. Воспоминание вызвало лёгкую дрожь в теле, и я постарался изгнать из памяти безобразный образ, вызвав образ Тамары. Я шёл, думая о том, какова будет наша встреча, узнаем ли мы друг друга? Ведь если я сменил облик, значит, и она тоже. Так я философствовал, и лишь когда резко сменился пейзаж, огляделся...

Предо мной простирались поля пшеницы, только начинающей спеть. Море жёлто-зелёного цвета пьянило свежестью и игрой «волн». Да! Пшеница была словно живая. Это зрелище очаровало меня, и какое-то время я не мог сдвинуться с места. Вглядываясь вдаль, я заметил узкую зелёную полосу, должно быть, это и есть тот сад, о котором говорил мне Учитель. Идти было недалеко, но захотелось вот так, сразу оказаться там, увидеть Учителя. Я только подумал и почувствовал, что перемещаюсь с огромной скоростью. В глазах лишь слегка потемнело, но я всё время видел перед собой эту зелёную полосу. Когда же я остановился, то оказался достаточно далеко от сада, и мне пришлось идти, снова идти, но уже с другой стороны сада.

Я быстро прошёл по саду к маленькому домику. Чуть поодаль виднелся колодец. Моё внимание привлёк странный звук – какой-то гул. Я прислушался и пошёл на гул, и что же увидел? Это была пасека! Обычная пасека, только домики для пчёл были сколочены из досок, а в нижней части сделано отверстие, куда пчёлы залетали и вылетали. Я раньше видел пасеку, но ульи там были иные. Это были дупла деревьев, спиленные и закреплённые в земле, а в дуплах жили пчёлы. Для меня странные домики были в диковинку.

Постояв немного возле пасеки, я направился к дому. Возле него увидел старца в косоворотке, расшитой узором, и шароварах. Лицо скрывала широкополая соломенная шляпа. Старец направлялся к дому.

– День добрый! – приветствовал его я.

Старец резко обернулся ко мне.

– Николай? – внезапно спросил он, – тебя зовут Николай?

– Да, Николай.

– Проходи! Давно тебя жду.

– Давно? А Учитель?

– Входи в дом, там и будем толковать, негоже путника держать на улице. Ты немного и гость мой. – И он жестом пригласил меня войти в дом.

— Там крынка с водой, поди, умойся, — сказал старец, лишь вошли мы в дом.

Пока я умывался, на столе появился чай и мед! Вся комната наполнилась ароматом.

— Проходи, присаживайся, чайку попьём, липой заваривал. А вот медок, откушай, сам добывал, — ворковал старец.

— Знаю, что улы держишь.

— Знаешь? — удивился старец, — откуда?

— Я в саду видел. Домики странные... И как там только пчёлы живут?

— Домики, говоришь, странные. Значит, впервой видишь! Да и не такое ещё на Земле будет вскорости... Да-а-а..., — протянул он задумчиво, и, словно спохватившись, сказал: — Заболтался я совсем. Имя твоё спросил, а своего не сказал. Николос я, старец Николос — так зовут меня. Почти одинаково с тобой.

Что я мог ответить? Старец нравился мне, и я просто улыбнулся ему в ответ, протягивая стакан для чая. Стакан был в специальной подставке из серебра, оно потемнело от времени и без особого ухода, но красоты своей не потеряло!

— Если уж красиво, то и не скроешь красоту, — сказал я, принимая из рук старца чай.

— О чём ты?

— Да о подстаканниках, — узор затейливый.

— Что правда, то правда. Не начищены они у меня, всё время не выберу, да и привык к таким уже. А медок-то как?

Он явно хотел, чтоб мёд понравился мне. Но лукавить я и не собирался.

— Чудный мёд! Душистый. Прозрачный, как слеза!

— То-то и оно, то-то и оно... Допил чай, так пойдём на улицу. Душно что-то мне.

Я вышел вслед за старцем. Он по дорожке, вдоль которой благоухали розы, прошёл в глубь сада. Там под раскидистой грушей стоял небольшой деревянный столик и лавочки по обе стороны от него. На столике стояли крынка и кружечка. Старец взял крынку и, протянув её мне, попросил:

— Сходи до колодца, там, за домом. Принеси водицы. Чай — чаем, а вода — водой!

Я принёс воду. Старец сидел за столиком и наблюдал за мной. Я сел напротив него и задал вопрос, снедавший меня:

- А где Учитель?
- Да вот и я хотел бы знать, где он, но сперва – ты-то где был?
- Не знаю...
- Как так не знаешь? Что, ничего не помнишь?
- Почему не помню? ... Просто долго рассказывать.
- А ты говори, торопиться некуда.

И я поведал ему всё, что приключилось со мной. Не знаю почему, но старец располагал к себе, и мне было легко с ним рядом. Когда же я замолчал, он спросил:

– А на пасеку как попал? Она ж на той стороне, – и он махнул рукой, указывая направление.

Мне пришлось рассказать и о том, как я «перелетел» сад и, не решившись более на подобный эксперимент, пешком дошёл до дома.

Старец улыбнулся:

– Так вот оно что! А я-то ума не приложу, как же ты с той стороны зашёл... Да, Николай, – немного помолчав, продолжил он, – угрозило тебе! Учитель твой, не дождавшись, искать тебя пошёл; так тебе – одна дорога, а ему – тысячи. Благодарю Всевышнего, что жив остался, и бабушке своей, когда она сюда придёт, «спасибо» скажи или так сходи. Это она помогла тебе.

– Бабушка? Но как? – удивился я.

– Да, бабушка твоя. Она тебя выходила. Отравила душу твою та девица, одурманила. Как только сил у тебя хватило до бабушки добраться...

– Но что она делала?

– Отварами из трав тебя отпаивала. Разве для тебя ново, что она знает свойства трав?

– Нет, но она...

– Да, да! Она..., она неделю за тобой ходила. Днём маялась, места не находила, молилась, а ночами подле тебя была.

– А она это знает?

– Нет, не помнит. Не дано этого людям знать.

Надолг меж нами воцарилось молчание. О чём думал старец, не знаю, но я же пытался осмыслить то, что только что услышал и узнал.

– Что ж будет теперь? – нарушил я молчание.

– А что? Учителя ждать будем. Твой путь испытаний окончен. Но тебе ещё надо войти в нашу Небесную Страну. И когда тебе будет открыта эта дверь – кто знает?!

Он встал и медленно пошёл в глубь сада, а я остался наедине со своими думами. Немного погодя появился старец, он нёс в руках красивое большое яблоко. Подойдя к столику, протянул его мне:

– На-ка, отведай, а то загрустил совсем.

– Нет, не загрустил, просто задумался.

– О чём думается то?

– Да обо всём понемногу.

– Да я вот тоже думаю: как же ты мог угодить к этой девице?

– Это не его вина, – вмешался кто-то. Мы со старцем Николо-сом оглянулись и изумились, и обрадовались: это был Учитель. – С тобой всё в порядке, я рад, – говорил он, похлопывая меня по плечу, – Давно он пришёл? – обратился Учитель к старцу.

– Да нет, только ныне, чайку-то только и успели испить, а тут и ты появился.

– Ты вызвал меня, вот я и вернулся.

Я с недоумением смотрел то на старца, то на Учителя.

– А ты думаешь, я руки сложа сидел бы и ждал? – спросил старец, улыбаясь мне. – Пока ты тут раздумывал, я и ходил звать его. А то, кому ведомо, сколько бы он ещё искал тебя и где?

Мы все сели за стол, и завязалась оживлённая беседа.

– Кто она? – спросил старец. – Почему не его вина?

Я сразу понял: разговор о девице. Вспомнив эту женщину, я невольно вздрогнул, а Учитель отвечал:

– Он раньше видел Князя Тьмы, это слуга его. Это он заслал её сюда.

– А что же должно было быть на этой дороге? – поинтересовался я.

– Этого не скажу. Не надо тебе знать, но, подвергнувшись более тяжкому испытанию, ты достойно вышел из него. К тому же время испытаний закончено. – Учитель посмотрел на меня с улыбкой и продолжил: – Если хочешь, мы можем немного побыть здесь, а если нет, то отправимся в путь сразу.

– Нет, нет, нет! – запротестовал старец Николос. – Вы не просто путники, вы – мои гости. И так вот просто я вас не отпускаю.

И старец поспешил к дому, неся оттуда посуду и еду. Я встал, чтобы помочь ему накрыть на стол. Но старец, слегка подтолкнув меня в бок локтем, сказал:

– Где вода – знаешь, предложи умыться с дороги, – и он заговорщицки указал на Учителя.

Я сходил в дом за рушником и водой, подойдя к Учителю, сказал:

– Учитель, умойся с дороги.

Я в первый раз обратился к нему так. Да и откуда я мог знать, что «Учитель» – так почетно. Учитель с благодарностью посмотрел на меня, и по его взгляду я понял, что это теперь не просто Учитель, холодный и рассудительный, а друг, приветливый и мудрый.

Когда мы с Учителем вернулись к столу, старец уже ждал нас. Трапеза прошла в молчании, зато потом мы тараторили как сороки. Старец рассказал Учителю о моей попытке переместиться, хотя я сам не придал этому никакого значения. Учитель похвалил меня и добавил:

– Надо научиться тебе правильно рассчитывать свои силы и энергию на предстоящий путь. Со временем придёт это знание, ты сам к этому пришёл, и мне нет необходимости тебе объяснять.

Мы говорили много и долго. О разном. Иногда Учитель и старец говорили о чём-то понятном только им. Мне хочется привести ещё один небольшой диалог, запавший мне в сердце.

– Учитель, мой срок испытаний закончен?

– Да, но дальше будет не легче, а, может, в чём-то и сложнее. Тебе придётся очень многому научиться.

Я был в хорошем расположении духа и мне казалось, что я смогу пережить всё, что бы ни ожидало меня. Но мне не давал покоя ещё один вопрос, и я спросил:

– Как долго шли испытания мои?

– По земному исчислению, – немного задумавшись, отвечал Учитель, – мало, совсем мало – всего двадцать один день.

– О!? – вырвалось у старца Николоса, и брови слегка поднялись вверх.

– Да, так немного, – отвечал Учитель не столько мне, сколько старцу. – Он достаточно чист, поэтому я так и испугался, когда он не пришёл в назначенный срок.

Помолчав, Учитель обратился ко мне:

– Вообще душа проходит этот путь за сорок дней, из них девять – на Земле, среди родных. Но нередко бывает, что и сорока дней мало,

тогда такие души бродят не месяцы, а годы. У тебя ещё много времени, я не хочу подвергать тебя опасности, мы завтра отправимся к воротам, ведущим в Страну Небесную. Войдя в них, ты станешь её жителем, и только тогда тебе откроются многие знания. Ты часто действовал, полагаясь на интуицию, — продолжал монолог Учитель, — а будешь знать, как отличить добро от зла и ещё многое другое. Если войдёшь сразу, можешь попутешествовать, а я найду тебя. Если нет, то придётся ждать. Но я буду встречать тебя за воротами. Знай это.

Всё, что сказал Учитель, обрушилось на меня холодной волной, и я пытался привести свои разбегающиеся мысли в порядок. А Учитель со старцем ещё долго разговаривали, но я был далёк от их беседы. Я долго гулял по саду, подходил к пчелиным домикам, прислушивался к гулу в них, пока меня не позвали.

— Николай, идём в дом, пора на покой, — звал старец.

Спал я крепко. Наутро Учитель с трудом разбудил меня. Умывшись, я немного побродил по саду. Как здесь было спокойно и хорошо! Я сорвал грушу и съел. Маслянистая мякоть плода и свежесть сока взбудрили меня. Когда я вернулся к домику, Учитель ждал меня, держа в руках небольшую суму.

— Это тебе, — сказал он, протягивая мне сумку. — Нам пора. До встречи, Николос!

— До встречи, Био.

— Меня удивило такое обращение к Учителю, но я промолчал: должно же быть имя у человека.

— До встречи, Николай. Когда захочешь, приходи. Мой дом всегда для тебя открыт.

Растроганный предложенной дружбой, я не знал, что ответить, и мы просто обнялись по-дружески. Старец остался на крыльчке, а мы с Учителем снова отправились в путь.

Теперь его отношение ко мне было другим — более тёплым. И мы разговаривали.

— Скажи, Учитель, почему Николос живет старцем? Не лучше ли быть молодым?

— Это только внешне он выглядит старцем, на самом деле он молод, как ты или я. Он радость жизни приобрёл на Земле только в старости, незадолго до перехода сюда. Когда-нибудь он сам расскажет об этом. Этот облик не тяготит его, наоборот, радует. Я говорил тебе, что так бывает, хотя и редко.

– А что я могу делать, попав в Небесную Страну?

– Всё что угодно. Ты будешь надолго её жителем. Ты можешь построить себе дом или попутешествовать, здесь очень много интересного. Но одно неизменно — ты должен учиться, и я буду помогать тебе.

– Чему учиться, Учитель?

– Приобретать Вселенские знания.

Какое-то время мы шли молча, потом Учитель обратился ко мне:

– Николай, в скором времени тебе предстоит встреча с Всевышним. Очень во многом жизнь твоя здесь будет зависеть от Него.

– О чём Он будет спрашивать?

– Этого я не могу знать. Одно могу сказать — будь искренен. И если чего-то желаешь, можешь попросить.

– А перед Ним все предстают?

– Все до единого, только каждый в свой срок.

– А от чего зависит это?

– Трудно однозначно ответить на твой вопрос. Очень многое зависит от самого человека, от его жизни, образа мыслей, да и многое другое может повлиять. Вот ты уже не раз был перед Ним.

– Я?!

– Да. Вспомни то пекло, куда ты попал, убегая от преследователя; а яркий, ослепивший тебя свет? Это и был Он.

– Но я не знал этого.

– Это не страшно, главное, что ты верил в Него, в Его помощь. Знаешь, можно молить и просить, но не верить. Это ужасно!

– Учитель, а то «чудище», что преследовало меня, кто это?

– Не знаю. Но это был блуждающий дух.

– Как понять — «блуждающий»?

– Это дух, не нашедший пристанища в Стране Небесной. Он низко пал и деградирует, становясь всё хуже и хуже. Это духи, обречённые на гибель, редко кто восстаёт из них. В основном они погибают, перестают существовать, даже как энергия.

Мне не всё было ясно, но решил не переспрашивать. Так мы шли среди леса. Деревья стеной поднимались сразу от тропинки. Лес казался глухим и непроглядным. Но вот нашему взору открылась поляна.

– Здесь есть родничок, пойдём к нему отдохнём немного, — сказал Учитель.

И правда — из-под земли бил небольшой родничок, рядом с ним на камне стояла кружка из бересты. Это удивило меня. Учитель взял у

меня суму, развязал её и достал оттуда пару лепёшек и яблоко. Разломил яблоко, протянул мне его половину и лепёшку; то же досталось и ему. Пища привела меня в восторг! Мне казалось, что я никогда не ел ничего вкуснее. Отдых у родничка пошёл на пользу мне, и, выпив воды напоследок, мы снова двинулись в путь. Чувство голода притупилось, но не прошло. Как ни странно, я постоянно чувствовал это.

Какое-то время мы шли молча. Щебет птиц и свежесть леса завладели мной, и я рассматривал всё, что попадалось мне: это и цветы, и бабочки, и птицы, а вон там юркнул зверёк, пушистый, небольшой — наверное, белка. Незаметно мы вышли из леса, и перед нами открылась широкая степь, изредка попадались небольшие одинокие деревца. Вдали виднелось что-то большое и тёмное.

— Твой путь лежит туда, — указал Учитель рукой в сторону неясных очертаний. — Я буду ждать тебя за воротами. До встречи.

— До встречи, Учитель.

И он исчез, а я медленно двинулся вперёд. Но чем медленнее шёл, тем быстрее приближалось неясное строение, обретая чёткие грани. Это были ворота, ведущие в Небесную Страну. За ними Учитель будет ждать меня. Но когда я войду в них — неизвестно.

Я подходил всё ближе и ближе к ним. Сколько здесь было народу! И все они ждали одного — возможности войти туда.

На меня никто не обратил внимания, да и кому какое дело до вновь прибывшего? В их глазах я — ещё один скиталец, ничем не отличающийся от них. Я опустил наземь, прислонившись спиной к камню, стал рассматривать пёструю толпу, ожидая своего часа на вход в эти ворота...

ГЛАВА 3

Люди были здесь самые разные. Но больше в потрёпанной одежде, уставшие и измождённые. Кто-то разговаривал, но больше молчали. Кое-кто куда-то уходил, кто-то приходил. Обстановка была давящей. Я закрыл глаза и погрузился в дрему. За мной придут, наверное, не скоро, думал я.

Из состояния задумчивости меня вывел сначала общий шум, а потом наступившая звенящая тишина. Приподнявшись, я, как и все, устремил взгляд на ворота. Они были открыты, из них вышла женщина. Красивая, в белой одежде, она походила на Ангела с картины. Всё внимание было приковано к ней. Она обвела взглядом молчавшую толпу, почти ни на ком не останавливая взгляда, и мелодичным голосом назвала два имени. Поднялись двое, две женщины. Одна была более сильной, она поддерживала другую, чтоб та не упала. Так они подошли к женщине в белом, та взяла за руку совсем обессилевшую женщину, и они вошли в ворота. По толпе пробежал лёгкий ропот, слышались вздохи. Ещё трижды открывались ворота, и кто-то уходил с красивой женщиной в белом.

Не зная, что делать, я решил осмотреть содержимое сумы, которую дал мне Учитель. В ней было несколько лепёшек и яблоки. Я достал лепёшку и, вприкуску с яблоками, принялся кушать. На меня сразу устремилось несколько жадных взглядов. «Люди голодны», — подумал я и предложил им немного еды. Ко мне ринулась женщина средних лет и юноша-подросток, потом подходили ещё, и моя сума вмиг опустела. Получив кому что досталось, каждый вернулся на своё место. Рядом со мной остался подросток. Рубаха на нём была грязная, рукава на локтях зияли дырами, штаны обветшали и лохмотьями свисали от колен. Волосы цвета льна были взъерошены и спутаны. Почувствовав, что я его рассматриваю, он рукой попытался привести в порядок торчащие пряди волос, но они только ещё больше топорщились. Вид у него был забавный, и я улыбнулся подростку. Это, видно, ободрило его, и он спросил:

— Ты давно здесь?

– Нет, недавно пришёл.

– Я так и подумал, иначе ты не стал бы делиться едой. Кто знает, сколько тебе ждать придётся...

– Я как-то не подумал об этом. А ты давно здесь?

– Я-то? Давно. Шестой годок жду. За мной выходила она, да я за яблоками бегал; вот теперь и не знаю, позовут ли вообще. Пропустил я своё время.

Накатившуюся волну молчания снова нарушил подросток, говоря, как бы думая вслух:

– Вот и голодают многие. Видел, вон женщина, едва идти могла. Совсем из сил выбилась. А ты – добрый, – сказал он, оборачиваясь в мою сторону.

– А ты нет? – слукавил я.

– Не знаю... Тяжело мне, понимаешь?

– Отчего же так?

– Да друга я зарубил за девчонку. Она нравилась мне, а он испортил её, вот и отомстил...

– А сам как тут оказался? Молод ещё ведь...

– Её отец вилами замахнулся на неё, кричал, что опозорила она род их, и меня вплёл – я де виновник. Да мне-то что, я ни при чём; видеть не мог, что отец её убьёт, вот и кинулся, чтоб закрыть её собой. Она... Она на соломе в сарае лежала, совсем без чувств..., – подросток погрузился в воспоминания, я не прерывал его. И он продолжил:

– Её-то сберёг, да не знаю, прав ли? Умереть бы ей лучше, каждый в лицо случившимся тычет... Выдержит ли?! Да ещё и сынишку родила... Я на Землю хожу иногда, её повидать... В тот день кое-как узнал от неё, кто этот подлец. Когда имя услышал – в ярость пришёл... И это друг называется! – бросил мальчишка в сердцах. – Вот и зарубил я его, а потом испугался, кинулся было прочь, да споткнулся, упал и головой о камень... Ничего больше не помню... Только чьё-то лицо, искажённое болью, произнесло: «Покарать решил, да самого Бог покарал».

Помолчав, он сказал:

– Вот так-то вышло.

Больше ни о чём поговорить не удалось. Снова над толпой пронёсся гул, и повисла тишина. Ворота открылись, и вышла женщина в белом. Она смотрела на меня и ни на кого более. Мальчишка подтолкнул меня.

– Вставай! Это за тобой. Видишь, на тебя смотрит.

Я поднялся и пошёл навстречу женщине, она, улыбнувшись, позвала:

– Иди за мной, Николай.

В спину я услышал голос мальчишки.

– Я же говорил, добрый ты... Я – Герман, слышишь, Герман! Может, свидимся когда, – почти кричал он.

Мне хотелось оглянуться и сказать ему что-нибудь ободряющее, но я не мог, меня влекло вслед за женщиной. Но и к мальчишке я испытывал чувство привязанности, несмотря на то, что он кого-то убил.

Ворота, к которым подходили, были, пожалуй, металлические, казались массивными и тяжёлыми. По ним вился кованый замысловатый узор. Ворота не были полностью открыты. Они могли впустить лишь двух-трёх человек, идущих рядом. В воротах, но уже по ту сторону, стояли два сказочных существа. Рослые юноши, белокурые, с красивыми чертами лица и мягким взглядом голубых глаз. Они были во всём белом, лишь чуть виднелись стопы из-под одежды, перехваченные золотистыми ремешками от пальцев к шиколотке. Но что поразило меня больше всего – это огромные белые крылья за спиной у каждого. «Ангелы!» – пронеслось у меня в голове. Один из них сменил идущую рядом женщину. Потом едва уловимым жестом остановил меня и указал рукой в сторону. Посмотрев, куда мне указывал Ангел, я увидел Учителя. Он шёл мне навстречу.

Учитель жестом пригласил следовать за ним.

– Ты вошёл в Небесную Страну сразу. Это хорошо. Хороший знак. Но где и как ты будешь жить, зависит от встречи твоей с Всевышним. А пока пойдём ко мне. Мой дом – не роскошный дворец, но места на двоих вполне хватит.

Он взял меня за руку, и мы перенеслись к его дому. И правда, домик был невелик. Стоял он, по-видимому, на окраине города. Дом обрамляла изгородь из кустарника, похожего на тот, что я видел около дома Марты и Бена. «Как они там?» – подумал я, вспомнив о них... Мы вошли во двор дома. Крылечко невысокое, обвито странным растением: темно-зелёные листья сердечком, а среди них, словно звёзды на вечернем небе, слегка голубенькие цветочки-колокольчики. Под окнами дома росли цветы, стройные и высокие, разной формы и цвета.

– Это георгины, – сказал Учитель, заметив, что я рассматриваю их, – мои самые любимые цветы... После роз, конечно, – добавил он.

Обстановка в доме была простой, без роскоши. Но здесь царил порядок, как будто кто-то только что прошёлся, убирая и расставляя всё на места.

— Вот так я живу. Проходи и будь как дома.

Несколько дней, проведённых в доме Учителя, показались мне блаженством.

Однажды Учитель, взяв меня за плечи, сказал: «Смотри». У меня в глазах на миг потемнело, а потом я увидел бабушкин дом. Во дворе стояли столы, за ними сидели люди. Сквозь какую-то завесу, разделяющую меня с Учителем, я услышал его голос.

— Прошло сорок дней. Тебя вспоминают.

Мне показалось, что я вдохнул запах шей и куриного бульона. Различил дух блинов и чая, заваренного травами. Это переполнило меня каким-то непонятным чувством.

Всё исчезло, и теперь я видел только комнату и Учителя. Но я не мог понять, что же за чувство переполняло меня... Сытость! Я был сыт и совсем не ощущал голода. А я уже стал привыкать к нему. Сколько бы я ни ел — не наедался. Учитель говорил, что со временем привыкну.

Мы часто ходили с ним гулять. За домом, невдалеке раскинулся молодой лесок. Там Учитель объяснял мне, как надо правильно передвигаться, рассчитывая энергию на путь. Но у меня не совсем это получалось: на небольшие расстояния я передвигался легко и точно, а на более далёкие — то оказывался дальше, то не доходил до них.

— Как только почувствуешь, что такое сила твоего тела, так всё встанет на свои места, — ободрял меня Учитель.

Дома я помогал ему ухаживать за цветами и небольшим садом. Это доставляло мне радость. Он много, очень много говорил мне о том, чего я не знал, но об этом у меня ещё будет время рассказать.

Однажды, вскоре после того, как Учитель показал мне поминки в сорок дней за меня, проснувшись, я увидел на столике у окна большой букет душистой сирени. Я ахнул! Мне очень нравилась сирень, именно такая — с розоватым оттенком. Заворожённый, я смотрел на это чудо, неизвестно откуда взявшееся.

— Это тебе в день рождения, Николай! — сказал Учитель.

— Мне? Но...

– Это не от меня, – оборвал меня на полуслове Учитель, – это твоя сестра Анна. Она вспомнила, что у тебя сегодня день рождения, а ещё, что ты очень любил сирень, но осенью нет сирени. На Земле – нет, но здесь возможно всё. Это её подарок тебе.

– О! – у меня не нашлось слов для ответа. Я лишь, подойдя к столу, опустил лицо в благоухающий букет.

– Каждый раз, когда вспоминают дату твоего рождения, появляются цветы. Таков обычай, если хочешь, – говорил Учитель, – и так будет, пока помнят твой день. Он важен, очень важен. Ведь в этот день душа обретает плоть и живёт в ней. Эта жизнь даёт возможность приобрести любовь и оставить продолжение своего рода: плоть от плоти. Со временем ты поймёшь, что значат эти слова! – закончил он, немного с грустью в голосе.

Мне предстояло ещё многое познать. Но, прежде всего, была встреча с Богом, со Светоносным Существом, от которого исходили Тепло и Любовь. Каждая душа предстаёт перед Ним в своё время. Кто-то – чуть ранее, кто-то – чуть позднее. Это происходит непременно в течение полугода земного исчисления. Я же к этой встрече был готов далеко не сразу. Да и когда я предстал перед Ним, я не знал, как себя вести и что говорить, так как не знал, чего Он потребует от меня...

Я не знаю, как мне передать описание Его. Это самое сложное из всего повествования, потому что не хватает слов или выражений, чтобы в сравнении описать Увиденное. Я не видел лика Всевышнего. Свет, исходивший от Него, не слепил меня, но был таким лучезарным, что под ним черты лица Всевышнего делались как бы невидимыми или неосязаемыми. Страх, который сковывал меня, улетучился, я испытывал спокойствие.

– Твоя жизнь была недолгой. Но был ли ты счастлив? – эти слова относились ко мне.

– О, да! Конечно, я был счастлив..., – что мог ответить я ещё, будучи счастлив встретиться и здесь с Тамарой.

– Что породило это счастье?

– Любовь! – ответил я робко.

– Ты веришь в любовь?

– Да, я верю..., – но странное чувство волнения исходило от Всевышнего, ибо это Он общался со мной. Не говоря, разговаривал; это был диалог на уровне мысли, потому что я не слышал голоса, отку-

да-либо идущего, он звучал во мне. Волнение передалось мне, и, словно почувствовав это, Он попытался ободрить меня.

– Если веришь, будь мужественным. Твоя любовь ждёт тебя, и не важно, в чьём образе она придёт.

Тогда эти слова я воспринял иначе, потому что истинный смысл их понял слишком поздно. Но в тот миг они ободрили меня. Я верил, что речь шла о Тамаре. Я был рад, а Он, я почувствовал это, улыбнулся с лёгкой грустью и сказал:

– Теперь смотри внимательно.

Я осязал, что Он удалился, но не ушёл совсем, а я остался в каком-то изолированном пространстве, наедине со своей жизнью. Не знаю, как долго это длилось, но во мне чувства сменялись одно за другим: я бледнел и краснел, улыбался, и... даже плакал. Хотя трудно объяснить эти слезы.

Я видел сначала своих родителей до моего рождения. Видел потом отца, держащего меня на руках, я кричал так звонко, что отец, смеясь, сказал: «Силён малыш! Это ж надо так орать, что уши заложило...».

А потом мрачным видением было событие, запечатлевшееся в моей детской памяти как что-то непонятное: похороны мамы. Все плакали, а она лежала на лавке, прекрасная как ангел и, казалось, спала. Я тербил её за светлое платье и тихо звал: «Мама, мамочка, миленькая, пойдём играть в сад...». Бабушка взяла меня на руки и унесла из комнаты. Мне было почти восемь, а Анне шёл четвертый год.

Потом я видел себя уже бойким мальчишкой: и мне было стыдно за себя. Я Анфиску любил, но часто подстраивал ей козни: насыпав золы в отстиранное бельё, или опрокинув ушат воды, или закрыв двери перед самым её носом, и сколько было побито посуды!.. Но я и помогал ей нести то же испачканное бельё на речку вновь полоскать, или собирал вместе с моей доброй Анфиской на поднос осколки посуды, разбившейся о резко закрытую дверь.

Картины жизни сменяли одна другую. Но больше всего я краснел, видя себя с девушками из кабаре. Эти случайные и беспутные встречи доводили меня до изнеможения. Мне казалось, я сгорю от стыда за самого себя.

Я видел себя со стороны и мог анализировать свои поступки и действия. Это было ужасной пыткой.

А потом всё исчезло, и вновь приблизился Он. Мы долго общались, но не буду передавать всё, хоть и помню весь разговор почти слово в

слово. До сих пор вспоминаю слова Всевышнего, когда приходит понятие истины их. Много, очень много я не понял сразу.

– Ты видел то, что должен был знать о себе. И ты сейчас сам себе судья.

– Но в том, что прожито, я не могу ничего изменить, – живо возразил я Ему. Более страха перед Ним у меня не было.

– Ты осознал содеянное и раскаиваешься. Значит, тебе покори-лась одна вершина твоего пути, но сколько ещё тебе предстоит преодолеть!

– ...?

– Ты веришь в любовь? – Он вновь задал этот вопрос.

– Да.

– Тогда иди, высоко подняв голову, и ты её найдёшь здесь... Но прежде всего, – продолжил Он, – тебе придётся пройти через множество испытаний. Ты готов к ним?

– Да, всё, что угодно.

– Ты веришь в свои силы, не так ли?

– Да.

– Что ж, это похвально.

Он ещё многое говорил мне, но отметить хочется вот что:

– Обещай ещё, что, найдя Любовь, ты будешь оберегать её от зла, которое будет пытаться разлучить вас.

Тогда я не понял, зачем оберегать и от кого, что это значит? Я чувствовал, что Он улыбается, и от Него исходил покой; это успокаивало, и душа наполнилась радостью и гармонией.

– Ты долго будешь искать и найдёшь, но не скоро. Ты долго будешь маяться и страдать, но напрасно. Ты достигнешь желанного, но тебя будет преследовать страх потерять то, что приобрёл. Ты веришь в себя, и я чувствую в тебе силы, способные сохранить Мой Дар.

И Он протянул в мою сторону руку. От Него словно отделилась частичка Его Самого, и, когда «ЭТО» коснулось меня, я почувствовал, как нега разливается по всему моему телу; я был на вершине блаженства. Это длилось лишь миг. А потом мне были объявлены мои повинности.

Когда прокручивалась моя жизнь так, что я мог наблюдать за самим собой со стороны, мне была показана унижительная картина: я ведь был в одной из Саратовских контор клерком и был замешан в одну крупную сделку. Торговец, которого мы (а нас было четверо) окрутили, не пострадал от нашей авантюры. Он был слишком богат, чтобы

обратить внимание на подобную мелочь, зато мы хорошо погрели руки на этом. Были, конечно, и другие маленькие обščёты, но всё то не было сравнимо со сделанным однажды. И этот случай очень сильно угнетал меня. Хоть разум и твердил мне, что всё сделано чисто и никто не понёс урон, совесть всё же не давала мне покоя. После этого я отказался вообще от каких-либо сделок, за что вызвал к себе неприязнь прежних товарищей по работе. Но я молчал, когда они что-либо предпринимали. За это они ценили, скорее не меня, а моё молчание и не задевали насмешками и колкостями.

Мне и тогда было стыдно за себя, а тут ещё больше стало не по себе.

И вот, когда были объявлены повинности, за эту сделку мне нужно было на 20 лет спуститься в карьер и добывать там золотиносную руду. Но при этом я ещё должен был и учиться.

Объявление повинностей происходило так: я почувствовал, что Светоносное Существо, излучающее тепло и любовь, рядом с которым чувствуешь себя свободно и уверенно, удалилось. И рядом с собой я увидел Учителя. Он и был моим «объявителем», то есть он объявлял мне о том, что я должен буду делать и за что. При этом разговоре присутствовал очень похожий на Ангела у ворот, ведущих в Небесную Страну, человек. Он просто стоял за Учителем, и лёгкий свет, идущий от него, делал фигуру Учителя ещё более строгой и даже грозной, ибо Учитель был не в белой одежде, а в тёмно-синем длинном хитоне. Он говорил мне:

– В нужное время я буду отводить тебя к карьерам и в определённое время приходить за тобой и забирать тебя для занятий.

– Срок своих работ ты можешь сократить – хорошей учёбой прежде всего, – вмешался Ангел, что вызвало улыбку у Учителя.

Я же стоял как каменный и не мог ни сдвинуться с места, ни шевельнуться.

– За прелюбодеяния твои, – продолжал Учитель, – ты должен будешь посетить здесь страну разврата и «насладиться» (это слово звучало с нескрываемой иронией) собственными деяниями.

– Но ты был стойким и твёрдым со слугой Князя Тьмы, – снова вставил Ангел, – думаю, что ты не поддашься соблазнам и отвратительным оргиям.

От одного воспоминания о той девице, в волосах которой я видел тонких змеек, и об искажённом гримасой ярости лице, во мне всё перевернулось вверх дном. Учитель смутился, а Ангел улыбнулся.

– Происшедшее — не твоя вина, Учитель, ты сделал всё как надо, — обратился Ангел к Учителю.

– За твоё озорство и грубость к близким ты не несёшь наказания. Будучи здесь, в трудный час своих испытаний, ты помогал абсолютно чужим тебе людям, — лицо Учителя светилось радостью, — это и избавило тебя от постоянной боли видеть обиженных тобою людей, и от сознания, что ты причинил им боль, но ничего не можешь изменить.

Видимо, Учитель сказал всё, потому что теперь говорил очень много Ангел:

– Николай, — обратился ко мне он, — твою жизнь нельзя назвать безупречной, но ты не совершил более преступлений, чем-то, о чём уже слышал. То, что объявлено в повинность, остаётся в силе, но в свободное от работы время и после занятий ты можешь делать всё, что хочешь. Место, где захочешь жить, выбери себе сам. Это от планеты Розовой до Янтарной.

– О! — вырвалось у Учителя, но он молчал и лишь улыбался.

– Тебе очень многому надо будет научиться и набрать энергетический потенциал. Как долго ты будешь здесь, зависит от тебя. Но рано или поздно, ты захочешь вернуться на Землю, а для этого тебе нужны будут силы.

– Разве это необходимо — возвращаться? — спросил я, осмелев немного, перешагнув робость, сковывавшую меня.

– Да... Тебе — да, это необходимо, — и Ангел отвёл в сторону мягкий взгляд голубых глаз, — скоро ты поймёшь — почему. — К тебе тянулись здесь люди, — продолжил он, — за это с первых дней тебе доступен вход во все отделы библиотек и в Хранилище книг Вселенной.

Эти слова вызвали возглас удивления и одобрения у Учителя. Я же в тот миг не мог оценить их значимость.

– Ты был поэтом на Земле, но не нашёл признания. Это не беда. Твой талант остаётся у тебя. И работа твоя такова: ты будешь помогать начинающим поэтам на Земле. Учитель тебе после объяснит, как это делать. Но и сам будешь развиваться, работая над собой, и работая с другими. А теперь прощайте. Учитель, — обратился он к Учителю, — я вверяю эту душу тебе. Всё, чем владеешь сам, передай ему, — и он жестом указал на меня, и добавил: — Удачи тебе, Николай! Как бы ни было трудно, головы не опускай. Всегда помни, что тебе сказал Всевышний.

И он удалился, а мы с Учителем остались один на один.

– Пойдём ко мне, – позвал Учитель, – нам надо о многом поговорить с тобой. Потом может не оказаться нужного времени, чтобы объяснить тебе хоть немного из того, что тебе следует знать.

На этот раз мы шли пешком к дому Учителя. Я думал о только что состоявшемся разговоре. Учитель молчал, и мне казалось, что он специально медлит. Его лицо было озабоченным, я видел это. Но особо не задумывался, что же могло так волновать Учителя. Весь путь прошёл в молчании, и лишь подходя к дому, Учитель заговорил:

– Пока освоишься, поживи у меня. Места хватит, да и мне веселее будет.

– Я не против, если не буду стесняться.

– Какое стеснение? Места в доме достаточно: да и жить тебе пока негде, вот и живи у меня.

– Спасибо, Учитель.

– Не стоит благодарить. Я даю тебе самое большее из того, что могу дать: кров над головой и свою дружбу. Но это не мешает мне быть строгим при твоих повинностях.

Мы вошли во двор дома. И не сговариваясь, оба решили остаться на крылечке, где и продолжили беседу.

– Учитель, разве мне некуда пойти? Ведь здесь моя мама и... и Тамара!

– Знаешь, ты видел в пути пожилую женщину и её внучку, эта девочка утонула случайно. А бабушка встречала её, как я тебя. Она будет ей Учителем и наставником, как я тебе. Тебя же твоя мама встретить не могла.

– Почему?

– Она оставила мир Земной очень молодой. Она видела, что её дети несчастны, особенно дочь – Анна. В тебя же она верила, что ты сможешь преодолеть свои проблемы сам. Ты сильнее духом, чем твоя сестра. Вот мать и решила вернуться на Землю.

– Как на Землю вернуться?

– Просто. Ты знаешь, что у Анны есть дочь?

– Да, Татьяна. Так маму звали.

– В Татьянке и живёт душа Татьяны-матери.

– О?! – вырвался у меня взглас.

– Твоя мама решила хоть так быть рядом с дочерью и быть ей радостью и утешением.

– Что верно, то верно! Анна души в девчужке не чаёт, да и она к ней ластится. Если что не так, заберётся на колени, ручонками возьмёт лицо матери и заглядывает в глаза ей. Анна и тает, душой отходит.

– Душа, возвращаясь на Землю, выбирает сама своих родителей, а значит, выбирает время, в котором будет жить, и сама себе определяет жизнь.

– Но ведь когда живёшь на Земле, ничего этого не знаешь.

– Верно. Перед тем, как отправиться на Землю, души пьют воду из озера Забвения в долине Перехода. Если хочешь, мы как-нибудь побываем там.

– Конечно, если это возможно. Учитель, – продолжил я, – а Тамару я могу видеть?

Мой вопрос привёл в замешательство Учителя. Видимо, он этого и не хотел касаться в разговоре и ответил уклончиво:

– Она здесь. Вы встретитесь, но не так скоро, как тебе хочется. Всему своё время, – добавил он поспешно, пресекая мой готовый сорваться с уст вопрос: «Когда?»

– Твой дедушка, – снова заговорил Учитель, – ты не помнишь его, он совсем молодым был, когда совершил жестокое убийство. Он убил своего работника, засёк его плетью только за то, что тот в срок не сделал колесо на телеге. Он был и сам убит в один ненастный день «разбойником» на дороге.

– Да, бабушка рассказывала. Но кто убил его и обобрал до нитки, так и не нашли.

– Теперь-то ты можешь знать: «Кто?» Это был сын запоротого им насмерть человека.

– Не может быть! – воскликнул я.

– Почему? – спросил Учитель.

– Бабушка говорила про семью, где рано из жизни ушёл отец, оставив шестерых детей. Но... она никогда не говорила про деда, своего мужа. А они... они живут в том же селе, и бабушка всегда им помогала...

– Поэтому и помогала, что знала причину их бед, – вздохнул Учитель.

Как многого не знаешь, живя на Земле! Бабушка не любила говорить о своём муже. Она лишь однажды сказала: «Он был очень жестоким человеком и достоин больше осуждения, чем добрых слов, а о покойных плохо не говорят».

Этот вечер был для меня вечером открытий.

— Учитель, а моя мама, кто она? Расскажи мне о ней. Ты можешь?

— Конечно. Прежде, чем стать твоим Учителем, я узнал твою родословную, если так можно сказать. Твоя мать, — продолжил он, — простая крестьянка из семьи Агеевых. Родилась она от молодого князя Голицына, красивого и статного, вскружившего её матери голову. О её рождении он и не знает, потому что никогда не интересовался служанками и крестьянками, с которыми развлекался. Она была покинута своей матерью сразу после рождения. Та даже не приложила её к груди, а как только смогла встать — утопилась в Волге. В семье она была старшей, были ещё и маленькие дети. Поэтому твоя мать и выросла как дочь, а не как внучка. После неё родилось ещё два мальчика. А о старшей дочери было забыто. Даже имя её не произносили в доме. Это было тайной семьи...

Всё, что я узнал, глубоко поразило меня. Больше ни о чём говорить не хотелось. Какое-то время мы молчали, а потом Учитель сказал:

— Иди, отдыхай. Завтра будет трудный день.

Я не возражал.

Утром меня разбудил Учитель, и мы с ним отправились в путь. Он держал меня за руку, и мы куда-то перемещались. Должно быть, место, куда мы направлялись, было далеко. Потому что я успел над этим поразмыслить.

И вот мы остановились. Я огляделся. О! Что это? Где мы? Здесь всё было не так: стоял невообразимый шум, голоса сливались, что-то двигалось, поднимались клубы пыли, от которой першило в горле и слезились глаза. Я был в замешательстве...

— Пойдём, — сказал Учитель, и я последовал за ним. Мы немного удалились от ужасного места, но и здесь было не лучше, хоть и тише, и меньше пыли.

— Здесь ты будешь работать, — обратился ко мне Учитель, — в нужное время я буду приходить за тобой. А вот и Вайнер, он всё тебе объяснит, — Учитель жестом указал на приближающегося человека.

Тот поднял руку, легким жестом приветствуя нас, и Учитель исчез, а я остался стоять перед человеком, одетым в грубые штаны и грязную рубаху навыпуск. Его руки, с расширенными в суставах пальцами, были грубы. Не знаю почему, но я видел только эти руки, а уж только

потом рассмотрел его лицо: обычные бесцветные черты. В тело, казалось, въелась вся пыль, и от этого оно было сероватого оттенка. Глаза! Вот что было живым на этом огрубевшем и неподвижном лице: карие, почти чёрные, они были добры, взгляд мягкий; но эта мягкость терялась в общей суровости лица.

— Вайнер, — представился он.

— Николай, — ответил ему я.

— Ты надолго?

— Не знаю, должно быть, это небольшой срок — двадцать лет, — ответил я немного неуверенно.

— Двадцать? Конечно немного в сравнении с веками, но и долго в сравнении с днями. Что ж, идём, — и он пригласил жестом следовать за собой.

Мы шли к дыре, зияющей чернотой в невысокой и со всех сторон осыпающейся горе. На пути попадались люди, разные: и подавленные, и весёлые, кто-то даже напевал, но все они были увлечены работой, каждый делал что-то своё. Нас, а точнее меня, провожали взгляды, полные сочувствия или ненависти. Но не было безразличия. От ненависти меня коробило. Да, я был во всем чистом, а моё лицо свежим, ничуть не пострадавшим от удушливой пыли. Я чувствовал себя очень неловко и старался никого больше не рассматривать. Мы вошли в тёмный тоннель, в нём лишь изредка в стенах горели установленные светильники. Когда мы проходили их, то по стенам метались причудливые тени. Мы проходили какой-то лабиринт: ходы, ходы, повороты, тупики...

Здесь было сыро, и от этого холодок охватывал тело. Но вот мы остановились.

— Я сейчас вернусь, — сказал Вайнер и исчез в одном тёмном проходе.

Я огляделся. Здесь добывалась руда, какая-то порода, лежал отбойный молоток. Освещение было скудным.

— На, это тебе, — Вайнер вырос как из-под земли, — сегодня ты будешь работать со мной, — и он протянул мне такой же отбойный молоток, что я видел.

Вайнер показал мне и объяснил, как им пользоваться. Но у меня почти ничего не получалось. Он же работал бойко, быстро с лёгкостью в движениях, как бы играючи. Как ни старался я быть выдержанным, силы оставляли меня. И, наконец, прислонившись к стене, я выронил

из рук молоток. Вайнер тряхнул меня за плечо, мне пришлось открыть глаза, но веки были так тяжелы, что я их с трудом удерживал.

– Так не пойдёт, – скорее по губам прочёл я, нежели услышал Вайнера.

Он, поддерживая меня, отвёл немного в сторону и усадил; исчез и снова появился, держа в руках непонятную посуду.

– Попей, будет легче, – и он протянул мне какой-то напиток, глотнув который, я закашлялся. Вайнер рассмеялся, а я разозлился:

– Не вижу ничего смешного!

– Да ты не злись, попей ещё, пройдёт всё. Душно тут, да пыль. Привыкнешь.

Он говорил добродушно, улыбаясь мне. Я отпил ещё из этой посуды непонятной формы, жидкость разливалась по телу теплом. Так казалось мне.

– Что это? – спросил я у Вайнера.

– Малиновая настойка с мёдом и кое-какие травы. Сам изобрёл, – явно желая показать себя, с важностью ответил Вайнер. – Ну что, отошёл? – добавил он, принимая от меня пустую посудину. – Вон там тележка, – и он указал на тупик, – то, что надробил, вывези наверх, я покажу дорогу, и где оставить.

Силы мои были восстановлены. Я сходил за тележкой и вопросительно посмотрел на Вайнера: «А как это всё собирать?», и он, словно прочтя мои мысли, наклонился и быстрыми ловкими движениями стал собирать руду руками, наполняя тележку. Я последовал его примеру. Вдвоем мы быстро наполнили тележку. Мы отправились наверх. Вайнер шёл впереди, а я за ним, толкая тележку. Он показал мне, где сыпать руду. Наверху хоть и было пыльно, всё ж дышалось легче, и я словно опьянел, у меня всё поплыло перед глазами, но усилием воли я удержался на ногах. В этот день я отбил всего шесть тележек руды. Это было очень мало, но Вайнер мне ничего не сказал. Он проявил ко мне сострадание, и я ответил ему взаимностью. Я чувствовал в себе силы и, когда вывез последнюю свою тележку с рудой, стал загружать руду, которую добывал он. Вайнер улыбнулся, хотел что-то сказать, но промолчал.

Поднявшись наверх в очередной раз, я увидел Учителя, он шёл, направляясь ко мне.

– Ты ещё долго будешь работать? – спросил Учитель.

– Нет, кажется, я своё вывез уже...

– Он помогает мне, – оборвал меня на полуслове Вайнер, неизвестно откуда взявшийся, и добавил: – Ты можешь идти. Благодарю за помощь. – И, не добавив ни слова, он исчез в темноте тоннеля.

– Учитель, – обратился я, – я что-то сделал не так?

– Потом всё обсудим. Идём, – он взял меня за руку, и мы снова долго перемещались.

И вот мы уже у домика Учителя, маленького и аккуратного. Только теперь я почувствовал, что устал.

– Иди, умойся, – предложил Учитель, – и переоденься, я всё там приготовил для тебя.

Повторять дважды не было нужды. Приведя себя в порядок, я вошёл в дом и сразу же бросился на кровать. Сон вмиг окутал меня.

Очнулся я от того, что меня будил Учитель.

– Что, снова на работу? – ужаснулся я.

– Нет, вставай покушать. Учение на сегодня отложу, просто поговорим, если захочешь.

Пшеничные лепёшки и душистый мёд, да чай на травах приободрили меня.

– Что сегодня произошло у Вас? – спросил Учитель меня, и я сразу понял, что он имел в виду меня и Вайнера.

Я коротко рассказал ему о прошедшем дне. Учитель слушал молча; он продолжал молчать, когда я закончил рассказ.

– Учитель, я что-то сделал не так? – снова поинтересовался я, меня снедало любопытство: что же всё-таки произошло?

Учитель какое-то время молчал, а потом, скорее рассуждая вслух, чем обращаясь ко мне, заговорил:

– Как это не похоже на Вайнера! Неужели в его душе проснулось сострадание?.. И это после семи веков-то?! Что ж, посмотрим, что будет дальше, – и, глянув на меня, он сказал: – Отдыхай, а мне надо отлучиться ненадолго. Меня не жди, возможно, я задержусь.

Он встал и вышел из дома, а я лёг на кровать и, пока сон не взял меня в свои объятия, пытался осмыслить слова Учителя о Вайнере.

Не знаю, когда вернулся Учитель, и как я заснул, но очнулся я от толчка как бы изнутри. Открыв глаза, я увидел Учителя, он стоял у окна. Заметив, что я проснулся, он обратился ко мне:

– Вставай, пора на работу. Как и в прошлый раз, я приду за тобой. И... – он осекся, не закончив фразы.

Какое-то время было полно однообразия. Вайнер был молчалив, мне даже казалось, что его взгляд потускнел. В сердце закралось сомнение: не из-за меня ли? Ведь он проявил ко мне сострадание, за что, возможно, был наказан. Этого я не мог допустить и старался как можно лучше работать, чтобы хоть как-то оправдаться перед Вайнером.

И вот однажды, закончив свою работу, я, как бывало нередко, снова стал помогать Вайнеру. Я заметил улыбку на его лице, а в глазах блеснул живой огонёк. Наполнив в очередной раз тележку, я хотел подниматься наверх, но Вайнер остановил меня, положив руку на плечо.

— Отдохни, — предложил он и присел на корточки рядом с тележкой.

Я сделал так же. Глядя на меня в упор, Вайнер спросил:

— Я не противен тебе?

— Нет, с чего ты взял?

— И ты не испытываешь ко мне ненависти?

— Нет, наоборот, ты был добр ко мне. За что же ненавидеть тебя?

— Значит, я не ошибся, ты всего раз был на Земле, иначе по-другому бы рассуждал.

— О чём ты, Вайнер? — в первый раз я обратился к нему по имени.

— Да так... Ненавидят меня здесь...

— Но не я!

— Знаешь, — обратился он ко мне, — я не знаю, что происходит во мне... Понимаешь, меня сгноить хотели здесь, да я выжил. Дали работу получше, да я ненавидеть всех стал, и меня тоже все. Кто здесь подолгу работает, презирают за то, что я выбился вроде бы как в старшие среди них. А ты не такой, тебя как брата хочется обнять. Мне дико это чувство, я никого не любил. Меня словно изнутри что-то распирает, боюсь, не выдержу, взорвусь...

Немного помолчав, он продолжил:

— Жалко мне порой становится всех их, — и он жестом указал вокруг себя, — гибнут ведь многие ни за что...

— Как, ни за что? — удивился я.

— Да так... Прояви они хоть каплю жалости друг к другу, быстрее бы оставили весь этот кошмар, так нет же, подлости строят, измываются один над другим, — бросил он в сердцах.

— А ты-то сам, что ж здесь, если знаешь выход?

– А куда мне идти? Кто и где меня ждёт? Ты знаешь, сколько я здесь? Семь веков! Привык уже... Да и не так давно понял, что можно к ненавидящим тебя относиться по-другому... Это ты во мне всё перевернул вверх дном..., – Вайнер резко вскочил на ноги и с силой толкнул тележку, да так, что она чуть не перевернулась. Я не стал его останавливать.

Я ждал, пока Вайнер вернётся. И вот он идёт. Голова опущена, и мне кажется, что он обессилел. Оставив тележку, он подошёл ко мне. Его глаза были влажными:

– А как там? – спросил он многозначительно. – Ты ведь каждый день там бываешь?

– А ты не помнишь? Ведь не сразу же сюда попал?

– О! Тогда было ещё хуже, чем здесь. Сплошной кошмар, – и он передёрнулся.

– На какой срок ты отправлен сюда?

– Навечно! – выдохнул Вайнер. – Мне было лучше исчезнуть...

Вдруг он насторожился и, глядя на меня, сказал:

– Идём, это за тобой. Но их много... К чему бы это?

Мы быстро поднялись наверх, я удивился лишь, как это Вайнер определил, что делается «там»? У меня не получалось. Выйдя из тоннеля, мы оба замерли. Перед нами было три человека в белых одеждах, и чуть поодаль стоял Учитель. Как странно было видеть здесь людей в белых одеяниях, и как разителен был контраст между ними и всеми, населявшими эти рудники.

Все, кто работал наверху, оставили свои работы, всё внимание было приковано к этим людям в белом. Один из них обратился к нам: сначала – ко мне, потом – к Вайнеру:

– С этого момента ты освобождаешься от работ на руднике. Твой Учитель будет заниматься с тобой и всё объяснит тебе. Ты же, – он обратился к Вайнеру, – последуешь за нами. Тебе даруется жизнь!

Вайнер словно обезумел, он бросился ко мне и зарыдал, бормоча сквозь рвущиеся стоны:

– Это всё ты перевернул, ты... вверх дном..., я ненавижу тебя, нет... нет..., ты вернул меня к жизни..., ты брат мне... Зачем? ... Я не смогу там жить... – и так же внезапно, как начались его стенания, всё стихло в нём. Он отпустил меня и, хлопнув по плечу, сказал вполне внятно:

– Прости, Николай, весь мой бред. Ты как брат мне, но я не хочу тебя больше видеть... Может быть, потом когда-нибудь... Прощай! – и он пошёл к людям в белом, а я – к Учителю.

Больше я не был на руднике. Так было решено не мной. И я не знаю, радоваться этому или нет. Возможно, лучше было бы мне работать там, тогда бы оставалось меньше времени для моих безумств. Но об этом чуть позже.

Когда мы вернулись с Учителем домой, я спросил у него:

– Что произошло сегодня на руднике?

– Это редкий случай, когда освобождался от повинностей посланный на смерть, – ответил Учитель. – Ты же освобождён тоже. И не случайно, потому что ты своими действиями вверг Вайнера в смятение, тем самым помог сохранить душу. Это очень важно. Со временем ты это поймёшь.

– Что же ждёт меня теперь?

– Да ничего! Будешь жить и учиться. А по истечении срока повинностей – двадцать лет – начнёшь работать, а пока свободен ты, понимаешь, свободен! – и Учитель, подойдя, привлёк меня к себе.

Свобода! Полная свобода! Я мог путешествовать, да ведь мне надо было обустроиваться, не мог же я вечно жить у Учителя.

Первое время после освобождения от повинностей на руднике я усиленно занимался. Учился владеть своим телом при перемещении на разные расстояния. Мне это казалось сложным, но куда было сложнее с конструированием одежды. Я никогда не задумывался над тем, как она кроится и шьется. А теперь мне предстояло овладеть этим искусством. Здесь нет портных. Каждый сам себе и портной, и швея. Одежда может меняться мгновенно, стоит только захотеть и подумать об этом.

Но есть одна деталь, без которой все труды будут напрасными: чтобы вещь была впору и хорошо смотрелась, надо чётко представлять себе, где и как она будет закреплена, где будут складки и разрезы, и каковы её размеры. Мне это давалось с трудом. Всё, что я пытался водрузить на себя, не было прочным. И, не будь рядом Учителя, ходить бы мне в лохмотьях.

Одежда... Из чего она? Это тонкая материальная субстанция, достаточно плотная и осязаемая. Можно, не зная названия ткани, а просто представляя, какой она должна быть – мягкой, грубой, плотной и так

далее, выбирать её. Цвет и фасон одежды зависят от фантазии её творца.

Однажды в беседе мне Учитель рассказал об очень важном. Мне было трудно многому научиться, и Учитель объяснил мне это так:

– Не переживай, Николай, таких «неумех», как ты, много. Это зависит от того, сколько раз ты жил в теле.

– Как это? – поинтересовался я.

– Дух, не единожды заключённый в тело, богат опытом предыдущих жизней, в том числе и вне тела. Такие духи после перехода сюда в короткий миг восстанавливают свои знания, и им уже не надо учиться. Ты же совсем молод. Приобретая знания, ты их сохранишь. Рано или поздно ты вернёшься на Землю, но, придя вновь сюда, тебе я не буду нужен. И вообще нужды в Учителе не будет. Разве что будет определён кто-то встречать тебя. Таков обычай.

– Зачем вообще возвращаться на Землю, ведь здесь так хорошо?

– Не всем хорошо и не всё! Каждый идёт на Землю за чем-то своим, чего невозможно приобрести здесь.

– Разве такое возможно?

– Ещё как! Дух не порождает духа, как плоть порождает дитя от плоти. И здесь невозможно найти любовь!

– Любовь?! Почему невозможно?

– Любовь... О ней можно говорить по-разному. Здесь есть любовь, она возможна везде. Но... обрести любовь – любимого или любимую – это дано только людям. Здесь же можно продолжать любить, и только...

– Как же так? – не унимался я, но мой вопрос повис в воздухе. Учитель погрузился в свои думы. Потом, как бы стряхнув с себя всё навалившееся, он спросил:

– Ты что-то ещё хочешь знать?

– Да. Мне бабушка говорила, что после смерти любящие встречаются.

– Это так, она права.

– Учитель, – обратился я к нему осторожно, – я хочу увидеть Тamarу. Это возможно?

– Знаешь, – он подбирал слова, не зная, как сказать мне об этом, – не торопи эту встречу... Найди себе хоть пристанище какое... – Он какое-то время молчал, а после продолжил: – Негоже как-то без дома. Куда же ты её введёшь, что ты ей предложишь?

Слова Учителя заставили меня задуматься. Да и вообще его поведение было весьма странным, когда разговор заходил о Тамаре. Это наполняло меня тревогой. Конечно, я был согласен с Учителем, что мне надо строить дом. Но где? Надо найти место, а для этого — путешествовать.

Мои учения стали приносить плоды. Передвигался я свободно, кое-чему научился и в конструировании одежды. Пусть хорошо получалось только простое, но мне этого было достаточно. Научился я и готовить себе пищу. С едой здесь всё обстоит так же, как и на земле, с той лишь разницей, что не едят мяса, его попросту нет. Да и нужды в нём нет. Учитель объяснил мне ещё некоторые условности Небесной Страны.

— Когда будешь путешествовать, да и мало ли с чем придётся соприкоснуться, будь внимателен прежде всего к себе. Если тебе что-либо не нравится в человеке, извинись перед ним и быстро удались от него на любое расстояние. Вообще же, — продолжал Учитель, — зло всегда отличимо. Даже у Ангелов зла глаза колючие и холодные, постоянно бегают. Лучше не входить вообще в контакт с ними... Особых правил в общении не существует, просто живи, полагаясь на свою интуицию.

Этот разговор зашёл как раз тогда, когда я хотел отправиться в путешествие.

— Ты достиг в учении многого. Образование же получишь постепенно, а пока можешь быть свободным, — говорил мне Учитель.

— Образование? — переспросил его я.

— Да. Тебе дан доступ во все отделы книгохранилища, значит ты должен получить образование.

— Я как-то совсем забыл об этом.

— Такое нельзя забывать и нельзя упускать возможность учиться.

— Учитель, а во время моего отсутствия, чем займёшься ты?

— Не знаю. Я не думал об этом. Хотя, скорее всего, отправлюсь к старцу Николосу. Нам всегда есть, о чём поговорить.

— Мы можем пойти к нему вместе, я тоже хотел бы его повидать.

— Что ж, тогда после отдыха и отправимся к нему.

Решено — сделано, и вот уже старец приветствует нас. Рядом с двумя дорогими мне существами я обрёл уверенность в себе, в своих си-

лах. Не думая надолго оставаться у старца Николоса, я всё же задержался у него.

Мне было интересно возиться с пчёлами: проверять рамки, да и просто наблюдать за этими насекомыми – трудягами. Хватало забот и по саду. И мы втроем работали в саду: прочищали заросшие травой арыки, поливали сад, но больше всего мне нравилось ухаживать за цветами. Что меня удивило? Сами цветы! Они имеют каждый свой голос и тихо напевают. Можно было сказать, что я очутился в сказке. Присев возле огромного куста розы, после того, как полил его, я любовался огромным цветком – нежно-розовым, благоухающим.

– Роза, как ты прекрасна! – вырвалось у меня.

– Хочешь, я спою тебе? – я не слышал, кто говорит это, но вопрос был задан реально.

– Кто ты? – спросил я.

– Роза! Разве ты не догадался?

Моему удивлению не было границ!

– Разве цветы умеют петь?

– Смешной ты какой-то, конечно, умеют, Хочешь, спою?

– О! Да.

Это было тихое нежное звучание. Мелодичные переходы в напеве сменялись один другим. Слов не было, только звучание неведомого мне инструмента. Я был заворожён. И, видимо, очнулся не сразу. Но сколько я ни пробовал заговорить с розой снова, у меня ничего не вышло, и я решил, что мне всё пригрезилось.

Это событие не давало мне покоя, и я рассказал о случившемся. Стариц Николос спросил:

– Ты помнишь, какая это была роза?

– Конечно, помню.

– Покажи мне её.

Когда мы подошли к кусту роз, я указал на прекрасный цветок. Старец срезал его! Я только успел ахнуть от неожиданности. Вернувшись в дом, старец поставил розу в красивую вазу из прозрачного стекла и, глядя на меня, сказал:

– Не расстраивайся так. Пока она постоит здесь, а как опадут лепестки, собранная энергия отправится на Землю, и там родится малыш.

Я был в полном недоумении, что вызвало смех у Учителя.

— Николай, тебе так много ещё предстоит узнать! Понимаешь, на Земле росла роза, она впитывала в себя солнечные лучи и, собирая их, копила энергию. Но её срезали. Когда лепестки завяли или осыпались, энергия освободилась и, поднявшись ввысь, нашла родственное себе — розу, похожую на неё, и вселилась в этот цветок, — Учитель указал рукой на розу в вазе и продолжил, — здесь за ней ухаживали, и она окрепла. Спев песню тебе, она оповестила, что хочет жить и развиваться дальше. Это ведь всего лишь цветок..., он может мыслить, но не разумен. У неё только и хватило разума заговорить с тобой и спеть, но этим всё и закончилось. Она ничего больше не может.

— Это что, все цветы так живут?

— Нет, не все, — ответил мне старец Николос, — только те, которые набрали достаточно энергии, чтобы дать жизнь телу.

— И что, разве любой может поступать так, как ты? — обратился я к Николосу.

— Нет, — вмешался Учитель, — у Николоса работа такая здесь.

— Поэтому я так и слежу за садом и цветником. Мне работа эта в радость.

То, что я узнал здесь о цветах, заставило меня несколько уединиться и поразмыслить.

Какое-то время я пробыл ещё с Учителем и старцем Николосом, а потом отправился в путь.

Не знаю, почему, но мне очень захотелось увидеть Марту и Бена. Подумав о них, я оказался около их дома. Теперь я свободно мог войти в этот дом. Марта очень удивилась, увидев меня, но и обрадовалась.

— Ты надолго? — спросила она, — а то Бена нет дома, вернётся, узнает, что ты был — голову совсем потеряет.

— Ничего, я дождусь его, торопиться некуда.

— Как ты? Успел устроиться?

— Нет, ещё нет. Вот хочу место найти, где дом ставить. Да хотелось вас повидать.

— Я рада, что не забыл про нас.

Мы долго разговаривали. Впрочем, Марта чаще задавала вопросы, а я ей отвечал. Потом она предложила мне пройтись по саду, на что я охотно согласился.

— Видишь, — говорила Марта, — все арыки чисты и всё полито, подрезано. Это Бен! Благодаря тебе он изменился.

– Почему ты так думаешь?

– Он всё время помнил тебя, а как-то раз сказал мне: «Я помощником тебе должен быть, пока отца нет, так Николай мне говорил». Знаешь, он мне так ничего и не рассказал о том, как вы расстались. Просто говорит, что проводил, и всё.

– Он просил меня взять его с собой, но я не мог этого сделать, да и не должен..., ты же понимаешь...

– Да, конечно...

– Мам! Ты где? – оборвал Марту голос Бена, несущийся со двора.

– Ты немного побудь здесь, – обратилась ко мне Марта, – хочу подшутить над Беном. – И она легкой походкой направилась к дому.

Я тоже подошёл к дому, но остановился так, чтобы меня не было видно.

– Мам, ты такая веселая! Что случилось?!

– А вот угадай!

Бен повертел головой во все стороны и выпалил:

– Николай! Ты в саду, выходи, я всё равно тебя найду!

Что мне оставалось делать? Я вышел во двор. Бен буквально чуть не сбил меня с ног. Когда прошла волна первого восторга у него, я спросил:

– Как ты догадался обо мне?

– Это было не трудно! Её глаза, – он обернулся к матери, – со дня твоего ухода так не светились, даже если я был послушным и всё делал, что она просила.

Розыгрыш не удался, Бен оказался хитрее нас. Но всё равно мы все троём были счастливы. Мне хотелось расспросить Марту о её земной жизни, но я не решался на это. Когда Бен хоть вскользь упоминал об отце, у неё на глазах выступали слёзы. А мне хотелось видеть её радостной и улыбающейся, ведь улыбка была так ей к лицу.

Я понимал, что долго оставаться у них не стоит, так труднее будет прощаться, но нас незаметно настиг вечер, и Марта ни за что не отпустила бы меня в ночь.

Утром Марта с Беном проводили меня. Марта пыталась казаться весёлой, но в глазах её стояла грусть.

– Я ещё как-нибудь навещу вас.

— Я буду ждать, — только и ответила Марта. Повернувшись, она почти бегом направилась к дому. Бен хотел было кинуться за ней, но передумал и увязался за мной.

— Не думай, что буду, как в прошлый раз, просить взять с собой, я только немного провожу тебя. Можно?

— Конечно, можно.

— А куда ты хочешь идти теперь?

— Пока хочу повидать родных своих.

— Значит, на Землю идёшь?

— Выходит, что так.

— Тогда мне лучше вернуться домой. Я не пойду туда с тобой.

— И то верно. Маму утешь и слушайся её, она у тебя ранимая очень.

— Знаю... Ну, прощай! — и Бен резко исчез из вида. Я же, подумав, оказался у дороги, обсаженной ольхой.

Мне надо было пройти через нечто плотное, чтобы достичь родных и Земли.

Рядом со мной никого не было, а я не знал, как мне преодолеть незримую преграду на пути. Я пытался просто войти, но наткнулся на стену. Все попытки пройти были неудачны, что ввело меня в отчаяние. Тогда я увидел дом бабушки, и мне страстно захотелось быть рядом с ней. Одного желания оказалось куда предостаточно, чтобы пройти этот барьер. И вот я в родном доме. Внезапно я остановился: «А каким будет мой дом?» — подумалось мне... Вспомнилось, как нередко мы с Тamarой любовались одним домом в Саратове. Это был брошенный особняк, но если привести его в порядок... Решение было молниеносным: мой дом будет похож на тот, но только я внесу кое-какие изменения в фасаде постройки. От принятого решения на сердце стало радостно, и мне подумалось, что Тамара одобрит моё решение.

В этот раз мне хотелось повидать всех. Бабушку я не застал и, подумав, оказался подле Анны. Бедная моя сестра! Она уложила детей спать, а сама пыталась утихомирить своего пьяного мужа. Он был готов броситься на неё с кулаками... Этого вынести я не мог, во мне вспыхнула ярость, и что было сил я обрушился на него. Артур не устоял на ногах и рухнул на пол. Он был в недоумении, впрочем, как и Анна тоже. Но не я своим телом повалил его, а моё желание остановить Артура повергло его на пол. Это я после узнал от Учителя. Мне было

жалко Анну, но я не мог ничем помочь ей. Всё, что я видел, причиняло мне нестерпимую боль, больше я не мог оставаться здесь. И тогда я перенёсся в дом отца. Он был дома и мы долго разговаривали с ним. Я решился задать ему вопрос, который не давал мне покоя: «Отец на похоронах сказал, что виновен, но в чём?»

— Отец, — обратился я к нему, — в чём ты считаешь себя виноватым?

— О чём ты?

— Когда умерла мама, мы были совсем маленькими. Когда же хоронили меня, ты просил простить тебя... За что?

— Твоя смерть — мне в наказание! Ты прав, когда умерла Татьяна, твоя мать, вы были ещё детьми. И она просила меня заботиться о вас, сохранить вас, а я..., — отец осёкся.

— Я ни в чём не виню тебя.

— Ты-то, может, и нет, а она? Моя Танечка, она не простит мне этого никогда. Я не удержал Анну, она несчастна в браке. А что видел ты? Я мог дать тебе больше, но ничего не сделал. За это Господь и наказал меня. Он отнял тебя. А ты — мой единственный сын!

— Не казни себя так, отец, — я пытался успокоить его.

— О чём ты говоришь, сынок? Наш род закончен на тебе: ты не дал ему продолжение, а я уже не способен на это.

Я не находил, о чем заговорить, отец был безутешен.

— Если б ты знал, сынок, как я хочу уйти к твоей матери...

— Не спеши, её нет там!

— Ты в своём уме? Разве ты не видел её?

— Нет, отец, не видел. Танюшка, дочь Анны, вот где сейчас наша мать и твоя жена.

— Нет!.. Нет... Это невозможно... Вот почему малышка... так во всём похожа на неё. Жесты, посадка головы, а голос... Это бред... Она не могла уйти, не дождавшись меня; она не могла...

— Отец, — я тряс его за плечи, желая привести его в чувство, — отец, но это так. Я знаю точно.

Он смотрел на меня, но не видел и всё продолжал бормотать:

— Она не простила меня..., не простила...

Какое-то время я был с отцом, но он совсем не замечал меня. Мне, словно ребёнку, хотелось расплакаться. И, как в детстве, хотелось зарыться лицом в складки юбки Анфиски и выплакать всю боль и обиду. Невольно я снова оказался в доме бабушки. Анфиска и бабушка были в

саду. Я подошёл к ним. Не знаю, к кому мне хотелось прижаться больше... Обе женщины обомлели. И я обнял обеих сразу... Анфиска хлопотала, накрывая на стол, а мы с бабушкой разговаривали об отце. Рассказал я и о матери. Я просил бабушку помочь отцу, она только разводила руками и плакала.

— Я не знаю, когда он был здесь в последний раз. Не приезжает он ко мне, да и не станет слушать он меня...

Мы засиделись до поздних петухов, мне было время уходить. Но уходить не хотелось. И всё же я не мог оставаться здесь...

ГЛАВА 4

Мне было очень грустно и обидно. Обидно за себя: ведь я так о многом не задумывался, живя на Земле. Я осознал, что ничего не могу изменить, это причиняло боль, но надо было устраивать свою жизнь теперь здесь. А прежде всего мне надо было найти место, где строить дом. Каким он будет, было решено.

Мне был дан выбор на жильё от Розовой планеты до Янтарной, а это значит, что надо было пройти восемь планет.

Уроки, которые я получил от Учителя, принесли свои плоды. Это радовало меня, хоть что-то могу сам. В мелочах, порою незначительных, мне открывались истины с глубоким смыслом.

Прежде всего мне хочется сказать, что путешествовал я не один, а ... с Беном! Да, какое-то время я был один, но одиночество давило, тогда я подумал о Бене. Марта согласилась отпустить его, хоть и не сразу, и с одним условием: переходя от планеты к планете, мы будем навещать её и рассказывать о случившемся и увиденном.

— Да и мне так будет спокойнее, хоть знать буду, что с вами всё в порядке, — добавила она, глядя Бена по голове.

Так вот, с Беном мы отправились в путь.

Сначала мы посетили Розовую планету. Не знаю, почему ей дано такое название. Должно быть, из-за розовых фламинго. Их здесь очень много, как и небольших озёр. Когда стая фламинго поднимается ввысь, воздух становится розовым. Это было первое, что так сильно поразило нас с Беном. Бен ведь тоже не был нигде, и для него, как и для меня, всё было впервой.

Мы оказались на Розовой планете около небольшого озера. Наше внезапное появление испугнуло птиц. Когда стая поднялась ввысь, воздух стал розовым. Мы с Беном были зачарованы этим зрелищем! Постепенно птицы опускались на озерко, и всё приобретало обычный вид. Здесь было много деревьев, похожих на акацию, и от них разливался слегка дурманящий аромат, но не отталкивающий, а скорее пьянящий.

Конечно, ребёнок есть ребёнок... Бен бежал впереди меня, пытаюсь всё увидеть и потрогать своими руками. Он взобрался на дерево и повис на ветке, ожидая меня. Здесь мы немного отдохнули.

– Ник, – обратился ко мне Бен, – Николай, можно я буду звать тебя просто «Ник», мне так удобнее и короче получается, а то пока говоришь «Николай», забудешь, что сказать хотел.

Такое убедительное заключение вызвало у меня смех.

– Ну что ты смеёшься, я же серьезно..., – обиделся Бен.

Я привлёк его к себе и сказал:

– Если тебе так удобнее, что ж, зови просто – Ник, только мне надо привыкнуть к этому имени.

– Привыкнешь, большой уже... – Бен обрадовался.

Мы перекусили тем, что нам собрала в дорогу Марта: это лепёшки и сухие ягоды (они не совсем сухие, а слегка подвяленные, чтоб лучше сохранились).

– Ник, смотри, что там такое? – Бен указал рукой на едва заметные две движущиеся точки.

Я вздрогнул от такого обращения «Ник!» Но это было непривычно только несколько раз, потом я смирился, привык. Но что же двигалось там, куда указывал Бен? Он даже встал, чтобы было лучше видно. На него было смешно смотреть, он так увлёкся, что стал рассуждать вслух:

– Двигутся быстро, кони, что ли? Да они-то здесь откуда? ... Вот здорово... Мне бы так! – восторг у Бена вызвали два всадника на конях. Они пронеслись чуть поодаль от нас. Я никогда не был превосходным наездником, хоть и мог управлять лошадьми. Я встал и позвал Бена:

– Идём, должно быть там есть дорога. Пойдём по ней, посмотрим, куда выведет.

Действительно, очень скоро мы вышли на дорогу. Она была не очень широкой, но плотно укатанной. Идя по ней, мы не поднимали пыль, как почти и не оставляли следов.

– А хорошо вот так путешествовать, правда, Ник? Идёшь куда хочешь...

– Правда, хорошо, – ответил я Бену, а сам подумал: «Что же нас ждёт впереди?»

Страху не было, но снедал интерес: как и что там? Ведь я почти ничего не видел и не знал об этой небесной стране, где столько всего не-

обычного: будь ли то букет сирени в день рождения или мыслящая роза в саду старца Николоса...

Дорога привела нас к небольшому селению. Домики были чисты и опрятны, самых разных видов и строений. Возле каждого домика непременно был палисадник, в котором росли разные цветы. А возле многих домов были и сады.

Подходя к селению, Бен дёрнул меня за рукав:

– Ник, а как мы войдём туда? Мы же никого не знаем там? Давай останавливаться не будем?

– Тебе страшно?

– Да нет, просто все чужие... не по себе как-то...

– Посмотрим...

Действительно, мы прошли это селение, не задержавшись там долго. Я лишь спросил у идущего нам навстречу мужчины:

– Скажи, куда ведёт эта дорога? Мы путешествуем и совсем не знаем этих мест.

– Дальше есть ещё селение, а за ним город. Это небольшой городок, там можете и остановиться.

– А как называется город? – полюбопытствовал Бен.

Мужчина улыбнулся и сказал:

– Если вы здесь первый раз, это может показаться странным, его название Озерки, а назван он так потому, что на его окраинах, да и в самом городке есть небольшие озера.

– Что ж тут странного? Озерки, так Озерки! – не унимался Бен.

– Но ведь город можно было населять и на ровном месте, а не среди озёр, – парировал мужчина.

– Значит, среди озёр красивее жить. А там тоже есть розовые птицы? – Бен так и сыпал вопросы, и это он-то не хотел останавливаться здесь?..

– Нет, в самом городе розовые птицы бывают редко, – много людей, а вот на окраинах их много, и зовутся они – фламинго.

Бен скорчил странную гримасу и отошёл в сторону. Я, простившись с мужчиной, догнал Бена и спросил его:

– Тебя что-то удивило?

– Ну да! На Земле есть фламинго и здесь тоже фламинго?

– Что ж тут странного? Ты бы должен знать, что здесь есть почти всё, что и на Земле...

– Ник, мне мама не давала уходить далеко, и я почти... – он смутился, – почти ничего не знаю, как тут живут.

– Не отчаивайся, Бен, мы будем вместе узнавать всё то, чего ещё не знаем.

Зачем идти, если расстояние можно покрыть в короткий миг? Место, куда нам хотелось попасть, мы знали: «Озерки». И вот, взявшись за руки, желанием мысли мы с Беном оказались возле городка. Это был небольшой городок, но очень красивый. Он расположен на ровной местности, слегка изрезанной впадинами и ложбинами, и очень много озёр — маленьких, но каждое отдельно от другого.

Какое-то время мы любовались открывшейся нам панораме. В городке больших домов не было видно, но и те, что были — утопали в зелени садов. Лишь кое-где проглядывали черепичные крыши. Над деревьями, ближе к одной из окраин городка, возвышался Храм. Он был другой архитектуры, чем тот, что я видел с Учителем. Но сделан он был из того же тонкого материала, который казался живым.

Не знаю, почему, но мне захотелось, чтобы знакомство с этим городом началось именно с Храма. Больше из-за Бена, ведь он ещё не видел подобного. Не говоря ему ни слова, я взял его за руку, и мы перенеслись к Храму.

Бен оторопел, увидев его вблизи, да и мне было чему удивиться. Этот Храм не был похож на ранее виденный мной. Внешний фасад был украшен тонкими резными фигурами, здесь были изображены какие-то сцены. Причём мне они показались последовательными, потому что сюжеты перекликались. Но это не были сцены из Библии, я чётко это осознавал. Я слегка подтолкнул Бена, и мы вошли в Храм. И снова то же чувство охватило меня: Храм — это нечто живое! Не знаю, как это объяснить более доступно. Просто мне казалось, что стены и всё-всё, что было в нём, всё слышит и видит. Однако не было страха, что, прикоснувшись, сделаешь больно или поранишь. Что могло причинить **боль**!? Это дурные мысли, грязные и нечистые помыслы! Я так же чётко это сознавал. Не берусь объяснить, откуда приходило сознание открывшихся истин, может, не зря мне Храм казался живым существом — слышащим, видящим, а общение происходило на уровне мысли.

Чтобы более полно понять чувства, охватившие меня, надо это испытать на себе. Я же не мог найти подходящих слов...

Непроизвольно я опустился на колени, чтобы вознести Всевышнему короткую молитву благодарности. Бен последовал моему примеру, но он более долго оставался коленопреклонённым. Я, отойдя немного в сторону, наблюдал за ним: его лицо озарено внутренней радостью, губы двигаются, он что-то шепчет... Бен, встав с колен, огляделся. Но искал он не меня. С каким-то вопросом он обратился к миловидной молодой женщине. Та взяла Бена за руку, и они вместе затерялись среди людей и внутренних построек (точнее колонн) Храма. Но вот Бен появился один со счастливой улыбкой на усеянном конопушками лице. Он держал в руках свечи и, подходя то к одному, то к другому подсвечнику, ставил свечи, осеняя себя крестом и слегка кланяясь. Потом, найдя меня взглядом, он подошёл ко мне. И мы вышли из Храма.

– Ник, а почему здесь всё так?

– Как так?

– Ну ... есть куда поставить свечи, а ... икон нет, и распятия Христа тоже нет?

Что я мог ответить мальчишке? Только то, что за короткий срок пребывания в этом мире, узнал сам.

– Бен, пойми, что на земле нет ни Христа, ни святых. Поэтому их изображают на Иконах. Мы смотрим на них и молимся, но не иконам, а святым, изображённым на них. Понимаешь?

– Ну.

– А здесь это ни к чему, – продолжил я объяснение. – Сам Бог и все святые здесь. Поэтому их и не надо изображать. Молись им и всё.

– А их можно увидеть?

– Конечно, можно.

– Вот бы посмотреть хоть на одного святого! – воскликнул Бен с детской наивностью, и достаточно громко, чем привлёк внимание одного прохожего.

– Смотри, – обратился тот к Бену, – вот сейчас выходит мужчина, совсем молодой, из Храма.

– Какой? – не унимался Бен.

– Он во всём белом, с небольшой книжицей в руках. Видишь?

– Совсем ещё юноша..., – Бен был зачарован.

Человек, указавший ему на святого, усмехнулся каким-то своим мыслям и сказал:

– Это Святой Пантелеймон.

– Что? – Бен смотрел на стоявшего рядом с ним человека с нескрываемым недоумением, – как же так, я ставил ему свечку, а он был в Храме?

– Что ж тут удивительного? Это обычно. Ты скоро привыкнешь, и узнаешь многое... Ты здесь один? – поинтересовался человек.

– Нет, я с Ник..., – Бен осёкся, и продолжил: – С Николаем, – и указал на меня.

– Должно быть, вы только что пришли в наш город? – обратился мужчина уже ко мне.

– Да. И я захотел, чтобы Бен, прежде всего, увидел Храм, вот поэтому мы здесь.

– Меня зовут Стефаний, – представился он. – Если хотите, можете устроиться в доме для путешественников. Я проведу вас к нему. Но мне приятно предложить вам и свой дом. Если, конечно, не возражаете.

Этот мужчина не вызвал во мне никаких сомнений. Его взгляд был чист и светел. А я хорошо помнил слова Учителя, что «зло» выдают прежде всего глаза. Бен смотрел на меня умоляюще, ожидая, что же я предприму.

– Мы принимаем твоё предложение, Стефаний. Если не стесним, то побудем у тебя.

– Ник, – Бен дернул меня за руку, – я знал, что ты согласишься.

Он был в восторге. Мы втроём шли по городку, и у меня пронеслось в голове: хорошо, что мы вот так сразу приобрели знакомого, ведь нам надо хоть что-то узнать об этой планете, чтобы было легче путешествовать по ней. И я мысленно обратился к Богу: «Спасибо тебе, Боже, за дарованную нам помощь».

Здесь не было ни номеров на домах, ни табличек с указанием названий улиц. Пока мы шли, Стефаний знакомил нас с городом.

– Городок наш невелик, и называют его – Озерки...

– Знаем, за что так его назвали, – отозвался Бен, оборвав Стефания на полуслове, – за то, что здесь много озёр.

– Верно, – Стефаний улыбнулся, – здесь вот, – он указал рукой в сторону длинного дома, похожего на барак, – дом для путешественников, а чуть дальше за ним – шпиль над башенкой, видишь?

– Вижу, – сказал Бен, вглядываясь вдаль.

– Там театр. Скоро начало выступления.

– Театр? – удивился Бен, да и я тоже.

– Да, театр. Он не очень большой, но красивый. В нём ставят спектакли артисты нашего города. Не часто, но бывают гастролы оперных исполнителей и балет.

Бен слушал Стефания, открыв рот. Меня тоже удивляло услышанное, ведь я не задумывался до сих пор над этим.

– А ты живёшь один? – спросил Бен.

– Нет, с женой. Её зовут Аделаида, но я зову просто – Дели.

– А мы скоро придём?

– Да вот уже пришли почти, – и Стефаний свернул в проулок, по которому мы дошли до тупика, где стоял аккуратный домик, срубленный из дерева. И, как у большинства домов в этом городе, на что я обратил внимание, крыша была черепичная. Не было ни забора, ни ворот. Рос кустарник живой изгородью. Листочки мелкие и бархатистые тёмно-зелёные с синеватым отливом, что придавало им неживой вид. И, чтобы убедиться, что растение живое, я потрогал листочки рукой. Они были мягкие и прохладные.

По дорожке, усыпанной песком, мы подошли к дому.

– Дели, у нас гости, встречай, – позвал Стефаний.

На его голос вышла женщина со строгими чертами лица. На ней было длинное платье, полностью скрывающее её фигуру за счёт массы лоскутков, идущих от груди к ногам. Но это не смотрелось убожеством, наоборот, производило впечатление тонкости и изысканности вкуса. И я подумал: «Да, мне далеко до такого совершенства». Ведь конструировать на себе одежду я мог только самую простую.

Роскошные волосы женщины были собраны в замысловатую причёску. И лишь прядь волос, как бы случайно выбившаяся из общего порядка, локоном спадала к плечу. Она поразила меня своей грацией. Словно это была сама королева.

– Вы путешествуете? – спросила она, обращаясь ко мне.

– Да, – ответил я коротко.

– Это Дели, моя жена, – представил нас Стефаний, – а это – Николай и Бен.

– Входите в дом и будьте нашими гостями, – пригласила Дели, улыбнувшись. О! Как улыбка преобразила её лицо. Оно из строгого стало приветливым и ещё более милым, и привлекательным.

В доме всё было обставлено со вкусом. «Конечно, это дело рук Дели», – подумал я, глядя на неё. Она поняла мою мысль и ответила:

– Всё это не только моя заслуга, мне очень помогает Стефаний. Только вместе мы смогли создать уют в доме.

Меня удивило: «Ведь я только подумал, а она ответила...».

– Николай, – снова заговорила Дели, – по всему видно, что ты совсем недавно пришёл в этот мир. Когда думаешь о чём-то и смотришь на человека, то передаёшь свои мысли ему. Поэтому я поняла тебя.

– Я не знал об этом, – смутился я. Почему мне Учитель не говорил об этом? Мысль пронеслась у меня в голове, и я чётко представил его образ. И... в тот же миг получил ответ: «Ты должен был постичь это сам», – это был голос Учителя, но я не слышал его, а каким-то образом улавливал. Что тоже меня удивило, но я промолчал.

Бен был в восторге от всего и сыпал вопросами. Дели и Стефаний приняли нас радушно. Я чувствовал, что у Дели возник интерес: какая связь между мной и Беном, но молчал. И Дели не выдержала, любопытство взяло верх, и она спросила:

– Николай, кем тебе приходится Бен?

– Просто мой знакомый.

– А где вы познакомились?

– Здесь.

– Почему он с тобой? Он одинок?

– Нет. Мне было скучно одному путешествовать, и я решил взять его с собой. Он тоже, как и я, ещё ничего не видел.

– Странно, но он намного дольше находится здесь, чем ты.

– Дели, как ты это определила?

– Со временем и ты сможешь определять, это совсем не сложно. Ты постепенно будешь привыкать к новой жизни, а значит, будешь видеть того, кто к ней не привычен. Ты будешь видеть то, что не знал ранее сам и приобрёл со временем.

Этот день был замечателен! Я столько всего узнал... Бен тоже был рад.

Когда мы сидели в саду около дома, откуда открывался прекрасный вид на озерко с розовыми фламинго, пришёл молодой человек.

– О, Кристофер! – обрадовалась Дели, первой увидев юношу. – Это наш сын, – обратилась Дели ко мне, – а это – Николай и Бен.

– Я не знал, что у вас гости. Мама, мне надо поговорить с тобой.

– Николай, извини, что оставим вас с Беном, думаю, ненадолго, – сказала Дели, смутившись. И она со Стефанием пошла к дому, вслед за юношей.

– Ник это их сын?

– Да. Ты же слышал.

– Но он почти такой же, как они, совсем взрослый, а они и не похожи на его родителей, уж очень молодые. Вот я с мамой...

Слова Бена вызвали у меня смех, но он не обиделся.

– Бен, здесь все молодые, лишь немногие сохраняют прежний облик. А вы с мамой, наверное... – я не знал их истории и не знал, какие подобрать слова, чтобы не причинить боли мальчишке, – такими и пришли сюда. То есть ты был ещё совсем ребёнком. Таким, как ты сейчас.

– Мама говорила, что я подросток, и отец меня не узнает, – Бен уклонялся говорить что-либо о прошлом и на этот раз, да я и не настаивал.

Бен пошёл к озеру, ему не сиделось на одном месте, а я дождался Дели. Стефаний не пришёл.

– Он ушёл с сыном, – сказала Дели, когда я спросил о Стефании.

Она была чем-то озабочена, но ничего не говорила, а мне хватило такта удержаться от расспросов.

Ночь мы с Беном провели в этом доме, а с рассветом покинули его.

– Если будете здесь, приходите. Мы с мужем будем рады вас видеть, – говорила на прощание Дели.

Теперь уже у нас с Беном были кое-какие представления о планете, и путешествовать стало легче. Мы решили побывать в горах, о которых с восторгом рассказывал Стефаний.

И вот, горы! Они не велики, но образуют длинную гряду с отрогами, переходящими в холмистую местность, изрезанную речушками и озёрками. Не боюсь повториться, но мы с Беном опять-таки были в восторге от фламинго! И каждый раз, когда их стая поднималась ввысь, мы зачарованно смотрели за их полетом. У меня не проходил восторг от ощущения, что воздух становится розовым!

Здесь, в горах, мы не переносились с места на место, а ходили сами. Это было здорово! Мы поднялись на самую высокую гору, откуда открывалась завораживающая картина: были видны и поселения внизу,

поблизости, и чуть поодаль — города, и озерки. Дух захватывало от восторга.

— Ник, вот здорово! Мама бы это увидела, ей бы понравилось.

— Я не сомневаюсь в этом.

Мне было отраднo, что Бен вспоминает о ней. Иногда мне казалось, что он даже скучает, но стойко переносит разлуку.

Не знаю, как долго мы были на этой планете, но исследовано было всё, или почти всё, как казалось нам. И мы решили вернуться к Марте, как и обещали.

— Мамочка! — Бен бросился навстречу Марте, лишь мы оказались во дворе дома.

— Бен! Сынок, вы так скоро вернулись..., — она ласкала сына, пытаясь пригладить его торчащие во все стороны волосы, а он тараторил о том, что видели и где были.

Пока запас энергии и слов у Бена не иссяк, он не останавливался ни на миг, и мы так и сидели на крыльчке дома, а Бен всё говорил о горах, об озерках и фламинго, о цветах и акации, и о много другом... Потом он внезапно смолк и, положив голову на колени матери, враз уснул. Марта погладила его по руке и сказала:

— Устал...

Я осторожно взял Бена на руки и внёс в дом. Марта быстро разобрала постель. Сняв с него лишь обувь, мы оставили его спать, а сами ещё долго разговаривали. Не знаю, чем объяснить, но в этот вечер Марта была склонна к откровенности и сама заговорила о том, что вызывало во мне интерес:

— Знаешь, Николай, — начала она, — Бен так изменился за это время, что мы живём здесь. Когда я пришла сюда, ему было всего шесть лет.

— А сколько теперь ему? — осторожно спросил я.

— Не знаю..., — Марта вздохнула, — я сама виновата во многом. Ты видишь, сад наш разросся, да и дом успел обветшать. Мы восемнадцать лет живём здесь. Значит, Бену должно быть двадцать четыре...

— Но ему не дашь больше двенадцати!

— Да, это я виновата. Мне мама говорила: «Если не хочешь сама жить со мной, отдай мне Бена. Я отдам его учиться, и он будет нормально развиваться и расти» ... Но я не захотела, мне было жутко оставаться одной...

Она о чём-то задумалась и продолжила:

— Конечно, он рос, но я не давала ему развиваться, я подавляла в нём это желание, поэтому он до сих пор остаётся ребенком. Теперь же, когда вы вернулись, я увидела, что он повзрослел, он стал старше!..

— Марта, почему ты столько лет живёшь здесь одна с сыном?

— Я жду мужа.

— Разве ты не могла бы его дожидаться где-нибудь в другом месте, где бы ты не была так одинока?

— Нет! Я слишком люблю его, чтобы оставить!..

— Почему ты думаешь, что вы не сможете быть вместе, если бы ты жила не здесь?

— Я давно поняла, ещё когда за мной и Беном пришла мать, что нас с мужем разделяет пропасть. Если я уйду жить туда, где мне определено, я никогда не смогу вернуть его. А так, какое-то время мы можем жить здесь, я верю, что он исправится, станет другим... Не таким жестоким!..

Я не знал, что мне сказать Марте. Она сразила меня своим откровением. Да, впрочем, она не нуждалась ни в утешении, ни в поддержке, ей надо было просто выговориться, высказать то, что годы ей не давало покоя... И она продолжила:

— Мы жили в небольшом городке... Мамы к тому времени уже не было, а отец мой умер, когда я была ещё ребенком, и мама осталась с тремя детьми, я была средней. Я вышла замуж, у нас долго не было детей, и я почти отчаялась. Муж стал пить, и я знала, что он гулял от меня, с другими был. Я терпела это сколько могла, а потом Господь подарил мне сына... Но мужа я потеряла... Он не был рад ни мне, ни сыну, хоть и ждал его рождения... Вскоре после рождения Бена он стал поднимать на меня руки... Это было несносно! Я ушла к его родителям, там мы с Беном жили года три, пока мальчик не подрос и не окреп, ведь родился он слабеньким!..

Какое-то время Марта сидела молча и неподвижно. Вздохнув, она продолжала:

— Мы не могли всё время жить там, да и муж молил вернуться, говорил, что не будет больше бить меня, обещал... Я любила его... А Бену нужен был отец, и мы вернулись в наш городок, домой. Два года я была счастлива! Не знаю, что случилось потом... Однажды он снова пришёл пьяным, а потом всё чаще и чаще стал напиваться, снова избивал меня. Бен боялся его и, когда муж приходил пьяным, забивался в

какой-нибудь угол, а когда он бил меня, цеплялся за его руки, пытался кусать..., бил своими маленькими кулачками..., тогда доставалось и ему... А как-то зимой... муж схватил нож и кинулся к Бену со словами: «Прирежу тебя, гадёныш!» Я не могла этого вынести больше. Я подхватила Бена на руки, и мы, в чём были, ушли из дома. Не знаю, как долго я бежала, мне всё казалось, что он гонится за нами... Мне некуда было податься... Когда ощутила холод, поняла — надо быстрее добратся до деревеньки, где жили его родители. Это было милях в пяти от нашего городка, но в темноте я сбилась с дороги... Нас нашли случайно, когда сошёл снег...

Марта снова смолкла. Я долго не решался заговорить, а потом спросил:

— Марта, а как ты встретила свою маму?

— Не знаю, я лишь помню, что пыталась покрепче прижать к себе Бена, чтоб защитить его от холода. Он стих, а мне вдруг стало тепло, я чувствовала, что кто-то трясёт меня за плечо, открыла глаза и увидела маму. Она сказала мне: «Вставай, дочка, я пришла за тобой». Я встала, прижимая всё также к себе сына. Мама взяла меня за руку и сказала: «Идём со мной, но не оглядывайся, всё будет хорошо» ... Так мы оказались здесь. Потом она забрала у меня Бена и объяснила, где будет меня ждать с ним, и что дальше я должна буду идти одна. Вот так...

Марта вздохнула снова и, глядя на меня, стала словно оправдываться:

— Извини, Николай, но мне надо было поговорить с кем-то; это так мучительно всё хранить в себе... Я утомила тебя...

— Марта, не стоит извиняться, ты сделала правильно, рассказав всё, тебе будет легче...

— Да, мне стало легче, ты прав... Я знаю, вы долго не задержитесь здесь. Я отпущу с тобой Бена, но ненадолго.

— Почему? — я был удивлён.

— Скоро придёт мой муж. На днях он стал Путником..., — на её глазах навернулись слезы. Не знаю, что они значили: радость или сомнение и страх... Марта вышла из дома, а я не стал удерживать её. Ей надо было побыть одной.

Утром Марта была обычной — весёлой и улыбающейся, но глаза выражали непонятное чувство — в них была и признательность и смяте-

ние, и лишь изредка проскальзывали искорки неподдельной радости и счастья.

Бен облазил весь сад. Прошёлся по всему дому, заглянув куда только было можно. После чего выдал:

– Ник, мы можем снова путешествовать, я готов! – и, немного смутившись, глянул на Марту. – Mam, можно?!

– Конечно, можно. Но так скоро?

– Mam, ведь дома всё в порядке. А там столько всего...

Марта не возражала, она только положила нам в сумку вяленых ягод, яблок и душистые пшеничные лепёшки, которые я помнил всегда. Так, как пекла их Марта, больше ни у кого не получалось.

И вот мы с Беном снова в пути. От дома отошли не сильно далеко и задумались, куда же теперь держать путь?

– Ник, мы были на Розовой, а куда теперь? – спросил Бен.

– Не знаю. Куда скажешь ты, туда и отправимся.

– Ник, но ведь я не знаю, где тебе надо побывать!

– Слушай: от Розовой до Янтарной всего восемь планет, но теперь на одну меньше.

– А как они называются?

– Жемчужная, Хрустальная, планета Цветов, планета Озёр, Радужная, Сиреневая и Янтарная.

Бен слушал внимательно. Задумавшись, он остановился совсем и даже присел на траву у дороги. О чём думал этот мальчишка, какие мысли роились в его голове? Но вдруг он резко вскочил и объявил своё решение:

– На Радужную!

– Почему именно туда?

– Если есть радуга, а она на небе, значит, на Радужной планете можно пройти по радуге! Хотя... – он скорчил гримасу.

– Бен, Радужная, это не значит сама радуга.

– Я тоже так подумал.

В нём ещё так открыто сквозила такая чистая детская наивность, что приводило меня в восторг. Эта душа ещё ничем пагубным не тронута, и мне хотелось защитить его как сына, если бы у меня был такой. Впервые за всё время я испытал отцовские чувства к Бenu. Это было так необычно и непонятно, но на миг я оказался на вершине блаженства, я испытал неведомое мне чувство и сохранил его в себе.

Бен тряс меня за руку. Это стало его привычкой.

– Ник, Ник, о чём ты задумался? Ты стал такой... такой...

– Какой? – удивился я.

– Ну не знаю, далёкий что ли... Вроде бы ты и здесь, и в то же время так далеко, далеко, но такой родной...

То, что почувствовал я, передалось Бену. Я прижал мальчишку к себе, и так мы перенеслись на планету Радужную...

Бен, оттолкнувшись от меня, замер от восторга, да и я был изумлён...

– Ник, где мы? – снова тормозил меня за руку Бен. – Мы в сказке?

– Нет, Бен, мы на Радужной.

– Уже?! Вот это да! Никогда бы не подумал, что такое возможно...

И я не мог вообразить себе, что такое бывает. Мы стояли с Беном в какой-то рощице, перед нами, чуть поодаль, виднелся просвет. Мы медленно пошли к нему, озираясь по сторонам. Здесь всё было как в сказке. Деревья вокруг нас несильно высокие, раскидистые, стволы ровные, светло-коричневые, ветвились почти от земли. На тонких и хрупких веточках мутовками (веером) разрастались листья. Узкие и длинные, они были плотными и образовывали на кончике пику, казалось, прикоснись – и поранишься. Но нет, они были безвредны. Бен осторожно потрогал их руками:

– Совсем не жёсткие, смотри, Ник, а с этой стороны вовсе другой цвет...

И правда, верхняя поверхность листьев, бордовых и тёмно-оранжевых оттенков, отличалась от другой стороны. Снизу листья опушённые, что придавало им сизый оттенок.

Трава казалась жёлто-зеленоватой, что составляло резкий контраст в сравнении с листвой. Где-то в ветвях щебетала птица. Бен пытался её разглядеть, но не нашёл.

Внезапно мы вышли из рощицы и увидели, что находимся в чьём-то дворе. Перед нами тянулись ровные грядки, на которых уже хорошо завязалась капуста и начинали спеть помидоры. В стороне от огорода стоял дом, большой и красивый, с надстройкой на крыше – он производил впечатление. Всё здесь было ухожено и аккуратно. Мы направились к дому. Вход в дом образовывал туннель из винограда, и в

проход свисали крупные грозди янтарно-жёлтых ягод, налитых так, что были чётко видны семена.

Но в дом войти нам не пришлось. Из-за угла вышел мужчина и посмотрел на нас с удивлением.

– День добрый, хозяин, – обратился я к нему.

– День добрый, – отозвался тот, с любопытством разглядывая нас.

– Мы путешествуем, – сказал я, – и попали в рощицу, из которой вышли к дому.

– Это персиковая роща.

– Персиковая? – Удивился Бен. – Но там нет персиков!?

– Она так зовется, вот и всё. Что ж, проходите, если уж пришли.

Мужчина был не рад нам, видимо, мы его отвлекали от работы.

– Отдохните немного там, – он указал рукой в сторону двух раскидистых деревьев во дворе дома, – я сейчас вернусь.

Мы с Беном пошли, переглядываясь, куда нам указали.

– Станный он какой-то, – сказал, о чём-то размышляя, Бен.

– Он просто занят, – отозвался я.

Под деревьями стоял небольшой столик на одной ножке, врытой в землю, и с двух сторон от него – лавочки. Мы сели с Беном друг против друга. На столе стоял кувшинчик с малиновой жидкостью, а рядом в подстаканнике – стакан. Мы не были уставшими, и вынужденное безделье тяготило нас. Уйти не было возможности, это значило оскорбить хозяина, а он явно задерживался.

И вот он появился снова – он, и не он... Теперь вместо темного хитона, обнажавшего его ноги чуть выше щиколоток, на мужчине была белая одежда, скреплённая на правом плече крупной брошью, ткань мягко спадала к ногам. Левое плечо и рука обнажены, правую же скрывали складки ткани. Лишь облик говорил, что перед нами тот же человек: тёмные волнистые волосы обрамляли открытое лицо с правильными чертами. Над живыми лучистыми глазами цвета волны – тонкие брови вразлёт. Прямой нос с лёгкой горбинкой и полные губы. Это был очень красивый мужчина.

– Я задержался, но теперь вы мои гости, – в его голосе больше не было нетерпения, и он приобрёл мягкость и звучность.

– А мы – путешественники, – совсем без робости первым отозвался Бен, что вызвало улыбку у мужчины.

– Я знаю, что вы путешествуете.

– Ты догадался?

– Нет, это видно.

– По чему? – не унимался Бен, разглядывая то себя, то меня.

– Хотя бы по одежде! Вы издалека. И ты ему, – мужчина указал на меня, – не сын.

Бен был сражён, да и меня это тоже удивило.

– Один, меня зовут Один, – представился он.

– А я Бен, а это мой друг Ник.

– Ник? Ты просто зовёшь его так? У него есть полное имя, как и у тебя.

– Николай его зовут, а я – Бенедито, – сказал Бен, совсем упавший духом.

– Николай, ты ищешь место, где тебе остановиться; сейчас я свободен и мог бы быть вашим гидом. Вижу, вы не устали, мы можем прямо сейчас отправиться в путь.

– Я не возражаю, но Один, откуда ты так много знаешь о нас?

Он улыбнулся, но ответил уклончиво:

– Пойдёмте, по дороге всё объясню.

И мы снова прошли мимо дома, затем пошли вдоль грядок к рощице.

– Мне нравится работать на земле. Это так радует, когда видишь результат своей работы, – говорил Один, показывая на ровные грядки.

И вот мы снова в рощице. Бен во все глаза рассматривал деревья. Пока мы ждали хозяина дома, день сменился вечером, и теперь листва персиков, казалось, отливала золотом.

– Это декоративные персики, – сказал Один, – вид, вымерший на Земле.

– И такое росло на Земле? – спросил Бен.

– Да, были такие времена, но очень давно. Стоит ли вспоминать о том, что кануло в Вечность... Я ваш гид, идёмте.

И Один ускорил шаг, тем самым увлекая нас за собой. Мы шли по золотой роще, и я стал улавливать нарастающий шум. Я лишь мог предположить, что это шумит вода.

Внезапно рощица осталась позади нас. Мы вышли к морю! Как оно грандиозно и неповторимо! Волны стремительно неслись к берегу, курчавились, разбивались о камень и отползали назад, пенясь, чтобы с

новой силой обрушиться на берег. В ритмичности движения волн было что-то чарующее и захватывающее дух.

– Здесь крутой склон, – заговорил Один, – но хорошо видно море. А там, вон за тем мыском, – он указал на него рукой, – город. Его название Асгард!

– А какой он? – спросил Бен.

– Кто?

– Да не кто, а что! Город?

– Если хотите, мы можем сразу и отправиться туда, – говорил нам Один.

– Только по берегу, – предложил я.

– А ты, Бенедито? – поинтересовался Один.

– Я не возражаю.

– Что ж, идёмте.

Снова Один идёт впереди, а мы за ним. Ни я, ни Бен никогда не видели моря... Здесь всё было почти нереально, во всяком случае, так воспринималось. Мы, прожившие в небольших городах, были заморожены увиденным. По побережью мы дошли до города. Бен успел окунуться в воду, сбросив одежду на ходу.

Ни о чем не хотелось говорить, только слушать шорох растекающейся по песку морской воды, видеть набегающие одна на другую волны. Это так прекрасно – наслаждаться спокойствием, когда тебя переполняет необъяснимая радость к жизни и всему, что окружает. Бен, испугавшись, догонял нас.

– Не хочу быть навязчивым, Николай, но ты не оставишь выбор на этой планете. Ты пойдёшь дальше.

– Почему ты так решил, Один?

– Просто я это вижу по тебе. Ты можешь приходить сюда, чтобы отдохнуть, но жить... Понимаешь, Николай, всё твоё существо стремится к покою и простоте. Здесь же ты всё воспринимаешь как что-то нереальное, сказочное. Это ведёт к напряжению. Поэтому ты будешь искать место более спокойное.

– Ты прав. Для меня здесь всё как яркие сказочные декорации.

– О, Николай! Как много вы ещё с Бенедито не видели... Есть места, красота которых не может быть передана словами: яркость красок, множество оттенков, их насыщенность... Может, и сможешь ты когда-нибудь достичь этой красоты...

– Да, я ещё очень многого не знаю. Мне предстоит учиться.

– Николай, не зная, где ты уже побывал, и где определён твой выбор, попробую предугадать. Ты остановишься на одной из трёх планет: на планете Озёр, Розовой, или, в крайнем случае, Мраморной, хотя она слишком мрачна для поэта..., поэта-лирика.

– Один?!

– Я что-то сказал не то?

– Но ведь я не говорил тебе о том, что писал стихи. К тому же, как поэт, я не состоялся, и ...

– Не важно, как было воспринято твоё творчество, важно, что твоя душа – лирик. И ты прав: тебе многому придётся учиться. Извини, если я задену твоё сугубо личное, но мне хочется дать тебе один совет.

– Совет?

– Да, ты слишком чист и наивен. Мне хочется уберечь тебя, если это удастся, от необдуманных поступков.

– О чём ты, Один?

– Николай, не всегда мы получаем то, чего страстно желаем. Ты найдёшь место, где поставишь дом. У тебя будет почти всё..., – он едва заметно колебался, подбирая слова, – но будет неудовлетворённость..., как бы сказать..., в обществе что ли. Не заостряй на этом внимания и не наделай глупостей. Отдайся целиком учёбе и познаниям. В этом будет твоё спасение.

– Один, что именно ты имеешь ввиду? Мне грозит какая-то опасность?

– Нет, Николай, тебе ничто не грозит. Просто ты неуклонно идёшь к непоправимому.

– Но я не совсем понимаю тебя, Один...

– Придёт время, ты поймёшь всё, вспомнив наш разговор. А как насчёт планет, – он явно пытался сменить тему разговора, – я не сильно ошибся, называя их?

– Да нет, на Розовой мы уже побывали с Беном, а вот о Мраморной мне ничего не говорилось.

– Тогда твой выбор падёт на планету Озёр, ведь на Розовой ты не остался.

– Да, но мне хотелось увидеть и другие места, чтобы сделать выбор.

– Какой выбор, Ник? – спросил, догнав нас, Бен.

– Неужеливо встречать в разговор, а потом, он не Ник, а Николай, – строгий тон Одина несколько охладил пыл юного Бенедито.

И вот мы вышли к городу. Все обиды были забыты. Город этот так необычен! Рядом с небольшими аккуратными домиками стояли настоящие дворцы! От земли они были от тёмно-малинового до бордового цвета, а со второго этажа – белые. Зрелище захватывающее.

– Один, почему они такие цветные? – спросил Бен, кивнув в сторону построек.

– Так вот устроено. Чем светлее первый этаж постройки, тем позднее оно сооружено. Со временем розовый цвет станет тёмным и стуситися до бордового. А то, что верхние этажи из белого, тем и не похож наш город на другие.

– Ты говоришь: «наш город», а сам живёшь вне его. Почему? – не удержался я.

– Мне спокойнее быть вдаль от всей этой суеты. А потом, я говорил, что мне нравится жить на земле, обрабатывать грядки, собирать урожай... Мне так хочется жить, так я и живу.

Мы шли по городу, разглядывая замки, дома и всё, что попадалось.

Люди были одеты большей частью почти как Один, я имею в виду мужчин. А женщины! ... О! Богатство их фантазии неподвластно созерцанию. Мы шли по городу, казалось, здесь столько народу, но... очень многие знали Одина! Они приветствовали его кивком ли головы или просто улыбкой. Но что меня поразило ещё больше, это то, что мне известно под названием «базар» или «ярмарка» ... Что в этом необычного? Это большая площадь, на которой без всякого упорядочения стоят прилавки. Что здесь есть? Всё съестное! А странность вся в том, что **ничто** не продаётся. Можно подойти и выбрать всё, что пожелаешь. Хозяин товара ещё и поможет тебе выбрать или сложить. Если поинтересуешься, то расскажет, как лучше приготовить, чтоб сохранить вкус продукта.

– Можно зять вот этот ананас? – робко спросил Бен, указывая на самый маленький.

– Конечно, бери, – ответил ему молодой человек, стоявший за прилавком, его лицо закрывала широкополая шляпа.

– Ты можешь выбрать и самый большой, – сказал Один, подходя к Бену.

– А что я буду за это должен?

– Ничего, просто поблагодари, и всё.

– Тогда я возьму вот этот, – и Бен протянул руку к плоду среднего размера и, глядя на молодого человека, сказал:

– Спасибо, дружище, что позволил взять любой ананас, ты, должно быть, очень добрый.

– Благодарю за тёплые слова, мальчуган, – молодой человек тыльной стороной руки поднял шляпу с глаз, слегка столкнув её на затылок, и мы увидели сияющее лицо юноши. Он был искренне рад. Мы пошли дальше. По дороге Один объяснил вот что:

– Бенедито по доброте душевной сказал тёплые слова юноше, тем самым он невольно позволил ему посмотреть на окружающий мир.

– Это как так? – спросил я.

– В прошлом этот юноша – вор-карманник. Он прошёл испытания и вошёл в Небесную Страну, но не приобрёл права видеть все её красоты. Ему была дана эта шляпа в наказание. Из-под её полей он мог видеть только возделываемые грядки и путь от поля до ярмарки, и обратно.

– И что, он её никогда не снимает? – вставил свой вопрос Бен.

– И не мог бы снять, не намери он определённое ему в наказание число похвал, идущих от чистого сердца. А Бенедито сказал ему сразу три тёплых слова: «спасибо», «дружище» и «добрый» ...

– А как долго он так жил? – поинтересовался я.

– Как долго – не знаю, не присмотрелся к нему, но уже не один десяток лет.

– А сколько ему надо было набрать похвал? – любопытство Бена не имело границ.

– Это известно только Всевышнему, но это число примерно равно числу краж.

– Вот это да! А я что, тоже так буду в шляпе ходить? Я ведь тоже крал...

– Бенедито, – спросил Один, – что ты крал?

– Я-то... – Бен смутился, – хлеб из шкафа и конфеты из комода...

– А почему ты это делал?

– Мне жутко хотелось есть ... Особенно когда мы жили с мамой у отца в городе..., – Бен поник, окунувшись в воспоминания.

Я привлёк его к себе и сказал:

– Ну не расстраивайся, тебе в такой шляпе не ходить.

– Это верно, – подтвердил Один.

Бен смотрел на нас, как на богов, снимающих с него кару. Так вот, за разговором, мы шли потихоньку по городу.

Один рассказывал нам, что здесь есть. В городе было три больших театра, были и просто подмостки для других представлений, которые давали бродячие артисты. Здесь есть и такие. Показал нам Один и дома для путешественников, но при этом сразу оповестил нас:

– Ни в одном из них я не позволю вам остановиться. Вы – мои гости! И я приглашаю вас в свой дом. Никаких возражений не принимаю.

Впрочем, возражать мы и не собирались, наоборот, были очень рады. Мы все порядком устали. И Один повёл нас к морю. На побережье раскинулась персиковая роща, и теперь, когда день клонился к вечеру, листва деревьев отливала, казалось, золотом. Ветерок, дующий с моря, колыхал листву, и если, слегка прикрыв глаза, смотреть сквозь ресницы на деревца, то кажется, что множество маленьких радуг играет переливами в рощице. Это великолепное зрелище! Мне не хватает слов, чтобы сравнить это с чем-то ещё!

Бену не сиделось на месте, хоть и говорил, что устал, всё же пошёл купаться. Мне же хотелось просто насладиться открывшейся красотой персиковой рощицы и отдохнуть, внимая шуму набегающих на берег волн.

Опустившись на мягкую траву у подножий деревьев, мы с Одним отдыхали, думая каждый о своём. И мне пришла в голову интересная мысль: планета зовется «Радужной» не от этой ли игры света в листве персиковых деревьев?!...

Бен купался долго и вылез из воды только тогда, когда почти совсем обессилел. Он, пошатываясь, добрёл до нас и тоже опустился на мягкую траву. Я сел, опершись о ствол персика, Бен положил голову мне на колени, казалось, что он заснул. А я глядел на море и вслушивался в ритм этого гиганта. Что-то отзывалось во мне волнующей мелодией, мне хотелось это состояние запечатлеть стихом, но ничего не получалось. Тогда я отдался воле чувств и слушал странное волнующее звучание мелодии, в себе ли, или идущее от моря – не знаю.

Сгушались сумерки, и мы вернулись в дом Одина: подумав, все сразу оказались во дворе дома.

На Радужной мы оставались дольше, чем на Розовой. Мы помогали Одину работать на его грядках. Чтоб мы не выделялись в городской толпе, Один перекроил на нас одежду на свой лад. Работая в огороде,

мы надевали такие же хитоны, что и Один. Бена это забавляло. А когда ходили в город, переодевались в более простые, в отличие от Одина, одежды, но изящные. Бен сильно смеялся, увидев меня в бирюзовом одеянии, мягко спадавшем к ногам и обнажавшем правую руку и плечо. А потом, получив сам подобную одежду, рассматривал себя. На нём было подобие хитона: мягкая белая ткань, скреплённая на плечах, волной спускалась вниз и перехватывалась узким пояском, и далее лёгкими складками образовывала подобие юбки. Всё это было выше колен. Бен смеялся:

— Что я — девчонка, что ли, в юбке ходить, и где это видано? Вот бы мама увидела, что б она сказала? Как ты думаешь, Николай? — За то время, что мы жили у Одина, Бен снова стал звать меня полным именем.

— Не знаю, что тебе сказала бы мама, но ты выглядишь прекрасно. Ты ведь видел, что такую одежду носят все мальчишки в городе.

— Видеть — видел, но не думал примерять её на себя.

— Один, что ты решил показать нам на этот раз? — спросил я, ибо собирал он нас в город особо тщательно, продумав одежду: фасон и цвет.

— Сегодня мы посмотрим одно из представлений бродячих артистов. Думаю, вам понравится.

И вот мы в городе около одной из открытых площадок: немного возвышенная каменная сцена полукругом, напротив её, тоже полукругом, зрительные места: неширокие резные лавочки из дерева с удобными спинками.

Между сценой и зрительскими местами круглая площадка, в центре которой треугольный бассейн с фонтаном. Вокруг бассейна среди зелени травы беспорядочно растут цветы: вьющиеся розы. Они то переплетаются ветвями, смешивая розовые цветы с белыми, то сами по себе — одиноки. Несколько ветвей распротёрлись по воде бассейна. Сейчас фонтан не бил, но когда все разойдутся, из центра бассейна взметнётся вверх струя воды, поддерживаемая снизу более мелкими фонтанчиками — создаётся своя гармония.

Зрителей было немного, и мы заняли хорошие места. Над сценой был натянут купол из материи, разрисованной декорациями. На них была изображена часть дома: открытое окно и веранда, обвитая лианами хмеля, шишечки которого проступали светлыми бликами на фоне тёмно-зелёной листвы, а справа от дома — сад.

Бен смотрел зачарованно на эту сцену и от нетерпения комкал руками подол своей одежды. Один, коснувшись его рук, мягко сказал:

– Не стоит так нервничать, Бенедито, представление сейчас начнётся.

Бен сидел между мной и Одним. Я огляделся по сторонам, мест свободных было ещё много, но собравшихся было намного больше, чем когда мы пришли. Моё внимание привлекла музыка. Тихая и мелодичная, она, нарастая, перешла почти в рёв и, вдруг, смолкла. В этот момент на сцене появился мальчишка в одежде шута: пёстрый в обтяжку костюм подчёркивал его стройное тело, на голове колпак, усеянный мелкими бубенцами, лишь их звон и нарушал внезапно наступившую тишину.

Шут подошёл к краю сцены, поклонился, коснувшись одной рукой пола.

– Труппа бродячих артистов приветствует вас, жители планеты Радужная! – его голос был чист и звонок. – Благодарю всех пришедших на наше представление.

Небольшая пауза, во время которой шут под перезвон бубенчиков отошёл в глубь сцены...

– Постановку мы назвали: «Вот если бы...», – снова коротенькая пауза, и шут продолжил: – Смотрите, слушайте, смейтесь и плачьте с нами!.. – и он, делая сальто назад, под звучание музыки исчез в глубине сцены.

Представление не было долгим. Всего две части. Диалоги актёров сопровождалась музыкой, подчёркивавшей значимость слов. Мне хочется коротко описать, о чём эта постановка...

Действующие лица: Путник и Житель Небесной Страны. Путник уже вошёл в Небесную Страну, и познаёт её законы, учится жить в этом мире. Тема была очень близка мне, ведь я тоже всё ещё «путник», ведь меня нет пристанища – нет дома...

Незатейливые сценки и диалоги сменялись один другими. Самая суть этой постановки чётко просматривается лишь в последней сцене второй части. Я опишу примерный диалог персонажей.

Путник стоит около раскрытого окна, в котором никого пока не видно, и говорит вслух, но как бы сам себе, рассуждает:

– Странные вещи здесь происходят. Странные... Подумал – и оказался там, где захотел... Вот и я подумал, и оказался снова возле это-

го же дома... Да... Но что я буду здесь делать-то, ведь обо всём мы уже поговорили...

В этот момент в проёме окна появляется Житель Небесной Страны, он слышит последнюю фразу Путника:

– Если обо всём поговорили, так что же ты ещё хочешь от меня?

Путник вздрогнул и отпрянул от окна.

– Так ты дома?

– А что ж, не видно, что я дома?

– Неожиданно как-то ты появился.

– Услыхал, что кто-то говорит, вот и решил посмотреть, кто же там. Ну да что ж, коль хочешь поговорить, выйду к тебе, поговорим.

Житель выходит из веранды и жестом приглашает Путника за собой. Они проходят в сад и садятся на землю под одним из деревьев. Житель опёрся спиной о ствол дерева и чувствует себя уверенно. Путник же нервничает, ёрзает, не зная с чего начать разговор. Житель спрашивает:

– Что ж ты молчишь? О чём говорить-то хотел?

– Да вот, не знаю, с чего начать...

– А ты говори, что первое придёт на ум. Я уж разберусь, не глупый поди...

– Я дом себе выстроил..., – Путник теребит снятый с головы колпак и нервным движением срывает бубончик. Смущён, не знает, куда его деть и прячет в колпаке.

– Представляю: жалкий домишко в убогом месте...

– Почему жалкий домишко? – резко возражает Путник, – Он не жалок, а роскошен...

– Так я и поверил тебе, – перебивает его Житель, – дом построил, а одежду-то что не сменил?

– Да мне так было удобнее...

– Что удобнее-то? Посмотри, кафтан-то весь в дырах, – и Житель красноречивым жестом поднимает полу кафтана, на которой зияют дыры.

– Будь милосерден к моему виду! – призывает Путник Жителя.

– Приди я в ином облиции, ты и не узнал бы меня.

– Ха-ха-ха! – захлёбывается смехом Житель.

– Не смейся, не гневи Всевышнего!

– Ох, ох... Что это ты о Всевышнем вспомнил? Сострадания захотел?

– Я не ишу сострадания! – Путник вскакивает на ноги и ходит перед жителем туда-сюда. – Ты помог мне советами, и я решил отблагодарить тебя...

– Чем ты-то можешь отблагодарить? Ха-ха-ха! Не смехи меня... – перебивает его Житель, но Путник словно не придаёт значения обидным словам, продолжает:

– ... да, я хотел отблагодарить тебя. Но ты забыл, или не хочешь вспомнить закон гостеприимства! Я пришёл к тебе, а ты даже в дом не впустил! – Речь Путника возвышается до обвинения. – Ты смеёшься над моей изодранной одеждой! Да, мой путь был нелёгок, но я прошёл все испытания и получил право – жить! Я – не жалкий оборванец и никогда не опускался так низко, как ты!

– Что? Ты меня в чём-то обвиняешь? Да я...

– Помолчи и послушай! Не ты ли был так низок? Не ты ли был так горделив? Вспомни: не ты ли обещал блюсти законы этой страны? Не ты ли был поселён здесь без выбора? Не к тебе ли было проявлено сострадание, когда решалась твоя участь? Или ты всё это забыл?

Житель меняется в лице, глаза округляются, рот слегка приоткрыт, и видно, как подпрыгивает подбородок.

– Ты – жалкий бродяга! Как ты смеешь меня обвинять и попрекать! – Он тоже вскакивает на ноги и грубо пытается вытолкать Путника. – Прочь, прочь отсюда! И не смей больше появляться...

В этот момент яркое светящееся существо появляется рядом с ними и легко их разделяет, ограждая Путника крылами. Житель замер в неестественной позе, а Путник через мгновение появляется из-за крыла Ангела в иной одежде. Теперь на нём длинные белые атласные одежды. Он производит впечатление полубожественного существа, а в это время одежда Жителя ветшает, становится грязной и рваной. Вид его из пышущего благополучием становится жалким и убогим.

– Житель, ты забыл, кто ты есть? Ты забыл, почему ты здесь? – спрашивает его Ангел. – Тебе был дан шанс войти в новую, иную для тебя жизнь. Как радовался я, когда ты всё объяснил Путнику... И как разгневан я сейчас...

Житель, падая на колени и зарываясь лицом в траву, причитает:

– О, Ангел, сжался надо мной! Вот если бы я знал, что...

– Не надо слов «вот если бы...», слышишь, не надо! – голос Ангела резок и строг. – Ты, как и любой другой, должен жить разумом, опи-

раясь на чувства. Ты всегда должен помнить, что в этом мире зло сильно отлично от добра и наказуемо!

– Вот если бы ты, о, Ангел, выслушал меня, ты не стал бы гневаться... – Житель тянул руки к Ангелу, не поднимая головы от травы.

– А если бы ты сам был разумен и незаносчив, не случилось бы этого. Ты сам себе подписал указ..., – и Ангел достаёт из потаённых складок одежды свиток и, развернув его, зачитывает: «Как только нарушу хоть одну из заповедей страны Небес, буду возвращён к вечной бродяжьей жизни блуждающего духа». Своим поступком несколько мгновений назад ты поставил здесь подпись.

Путник в безмолвии следил за разыгравшейся сценой. Житель идёт на коленях и тянет руки вверх, туда же, устремив лицо и бормоча что-то непонятное. Ангел берёт Путника за руку и увлекает за собой к краю сцены. Но Путник освобождает руку, останавливается и, глядя через плечо на Жителя, спрашивает:

– Неужели ему ничем нельзя помочь? – взяв руку Ангела в свои, Путник опускается перед ним на колени и молит: – О, Ангел, сделай что-нибудь для несчастного. Он так помог мне, что теперь мне невыносимо будет видеть его страдания. Сделай же что-нибудь..., сделай...

– Встань. Мне понятны твои чувства. Но я лишь исполнил волю Всевышнего. Он, – Ангел жестом указал на Жителя, – в своё время дал Всевышнему обет, но не сдержал его. Теперь он обречён, и ему едва ли кто сможет помочь.

Ангел, держа за локоть Путника, поднял его и, увлекая за собой, говорит:

– Пусть и тебе будет наука: всегда думай о том, что делаешь.

Ангел и Путник спускаются со сцены по маленьким ступенькам один за другим. Путник идёт впереди, пытаясь оглянуться и увидеть, что же там... с Жителем. А Ангел, поднимая крылья, закрывает ужасную картину от него. Так они, обогнув сцену, исчезают из вида.

А на сцене Житель, теребя на себе одежду, ломая руки, сначала тихо, почти невнятно, а потом всё громче и громче, доходя почти до крика, причитает, повторяя одну и ту же фразу:

– Вот если бы... Вот если бы...

И вот Житель, почти крича, грозит кому-то рукой:

– Вот если бы... – его голос осёкся, и он внезапно исчезает сам.

Мы с Беном были потрясены увиденным. Домой к Одину вернулись в полном безмолвии. И остаток вечера прошёл тоже в молчании. Так, лишь обменялись обычными фразами. Мы так много открывали для себя, что уходить не хотелось. Бен был счастлив, да и я тоже.

Как-то, работая в огороде, мы разговорились с Беном.

– Николай, ты хочешь остаться здесь?

– Не знаю, ещё не думал об этом.

– А я бы остался, мне здесь понравилось.

– Мне тоже, но хочется посмотреть и другие места.

– Посмотреть-то можно, а жить бы я остался здесь. Только вот... как мама с ним..., куда их определяют..., — я понял, что Бен говорит об отце. Он знал, что его отец стал Путником, я замечал иногда не по-детски задумчивое выражение его лица, а потом он снова становился весёлым и задорным.

Бен менялся внешне очень быстро. Теперь он был уже не мальчишкой лет десяти-двенадцати, а шестнадцатилетним юношей-подростком. Он и сам ощущал в себе перемены. Всё, что происходило с Беном, нам объяснил Один:

– Мать подавила в тебе желание к развитию. Она смогла это сделать силой своей воли, своей любви. Но теперь ты далеко от неё, и она не может воздействовать так, как если бы ты был рядом с ней. Бенедито, тебе не надо в этом винить мать, постарайся её понять. Ты смыслённый и очень быстро войдёшь в свой возраст. Я знаю, что тебя терзают сомнения об отце, но будь к нему милосерден, к тому же тебе совсем не обязательно жить с ними. Ты вполне можешь жить самостоятельно. А где ты будешь жить? Тебе дадут право выбора, и ты решишь этот вопрос сам.

– Один, всё, что ты говоришь, это правда?

– Бенедито, зачем же мне обманывать тебя?

Этот разговор происходил накануне дня, который я долго не мог не то, что забыть, а хоть как-то подавить воспоминания о нём.

Один всё, что выращивал, поставлял на ярмарку, но он не «торговал» сам. Часть урожая, что была ему необходима, он оставлял у себя, а всё остальное в определённое время забирали «торговцы». Я не знаю, как правильнее их называть, ведь всё это не продаётся.

Так мы, собрав овощи, перенесли их к дому и ждали, когда придёт за ними торговец. И вот на дорожке, ведущей к дому, появился незнакомец. Явно это не был торговец, его одежда походила на одежду моего

Учителя, но это был не он. В то время, как Незнакомец подходил к нам, из дома вышел Один.

— Приветствую тебя, Учитель, — обратился Один к Незнакомцу, слегка склонившись в поклоне.

— Рад видеть тебя, Один, — ответил тот.

В этой встрече не было ничего особенного. К Одину приходили разные люди. Но этот Человек вызывал во мне непонятное мне чувство, какое-то напряжение чувствовалось и у Бена.

— Бенедито, — позвал Один, — подойди сюда.

Бен не сразу понял, что обращаются к нему. Встав, он нерешительно подошёл к Одину.

— Бенедито, — Один волновался, — это твой Учитель, — он указал на Незнакомца, — ты должен будешь так к нему обращаться. Мне очень жаль, но тебе прямо сейчас придётся проститься с Николаем. Вы немедленно должны с Учителем отправиться в путь.

— Куда?.. — едва слышно произнес Бен.

Моё сердце рвалось на части. Нас разлучали с Беном! Ведь я знал, что так будет, но не мог спокойно к этому отнестись. Порывисто встав, я подошёл к Бену и привлек его к себе. Теперь его голова была чуть выше моего плеча, он сильно подрос с тех пор, как мы отправились на Радужную.

— Домой, мы должны вернуться домой, — заговорил Незнакомец, а Бен только сильнее прижался ко мне. — Твои родители ждут тебя, Бенедито, нам время возвращаться. Я потратил очень много его на твои поиски. Марта не знала, где они есть, — теперь Незнакомец обращался к Одину, дав нам возможность проститься, — даже не могла сказать, куда именно они решили отправиться. Я представить себе не мог, что найду его здесь.

— Да, наше знакомство — случайность, — ответил Один, вздохнув, и продолжил, — Бенедито очень привязался к Николаю, ему будет трудно без него.

— Но они могут видаться.

На эти слова Незнакомца Бен резко повернулся к нему и серьёзно спросил:

— Это действительно так? И ты не пытаешься меня утешить?

Здесь вмешался Один:

— Я ведь говорил тебе, что ты можешь жить вполне самостоятельно. В подтверждение этому здесь твой Учитель, — Один выделил

слово «твой», – какое-то время ты будешь учиться, а потом обоснуешься там, где захочешь. Николай тоже будет учиться, и больше твоего. Со временем вы, освободившись от учебы, будете работать, а свободным от работы временем сможете распоряжаться как захотите. А чтобы увидеться, не надо многого: достаточно захотеть и окажешься рядом, где бы ни находился нужный тебе человек.

Бен слушал внимательно Одина и, пока тот говорил, не проронил ни слова. Это было так не похоже на Бена с его любопытством...

– Нам пора в путь, – снова заговорил Незнакомец.

Бен повернулся ко мне, мы обнялись. Слегка отстранив от себя Бена, я заговорил первым, чувствуя, что Бен не решается.

– Ну что ж, Бен, тебе надо идти. Так должно было случиться. Мне будет не хватать тебя. Но мы ещё увидимся. Обещаю, что найду тебя. А теперь... иди...

В глазах Бена стояли слёзы, губы его едва заметно подрагивали:

– Прощай, Ник, ... до встречи..., – он повернулся ко мне спиной, Незнакомец, положив ему руку на плечо, привлёк к себе, и они исчезли.

Я стоял совершенно опустошённый. Во мне бушевала буря: меня разлучили с моим сыном... Бен стал мне родным, и никак иначе я не мог его назвать, только – мой сын!

Как долго я так стоял – не знаю, но даже не слышал, когда приходил за овощами торговец. Из состояния оцепенения меня вывел Один. Тронув за руку, он позвал меня в дом. Слепо повинувшись, я пошёл вслед за ним, ощущая жуткое одиночество. Мне казалось, что я всеми забыт и покинут.

ГЛАВА 5

Несколько дней ещё я провёл у Одина. Мне было нужно время прийти в себя после разлуки с Беном. Один, как мог, отвлекал меня от сумрачных мыслей. Выходить работать в огород, где ещё звенел, как мне казалось, голос Бена, мне не хотелось. И я благодарен Одину, который как бы между прочим подсовывал мне небольшие книжицы. Я быстро их прочитывал, а потом размышлял над тем, что узнал. Я много почерпнул знаний для себя.

В одной из книг была статья о недавно перешедших в этот мир. В ней пояснялось, чем прежде всего отличаются они от давно здесь живущих: недавно пришедшие разговаривают, шевеля губами, что необязательно, ведь мысль передаётся и принимается телепатически. А когда выражаешь свою мысль, сопровождая её мимикой лица, то она звучит более ярче, убедительней. Чем часто пользуются артисты. Я же не обращал внимания на то, как разговариваю. После прочитанного, я стал следить за собой и со временем избавился от желания шлёпать губами.

Потом Один оставил среди прочих книжиц — книгу о строительстве. В ней были даны разные типы построек: от небольших домов до грандиозных дворцов. Эта книга заинтересовала меня, и я посвятил её изучению добрую неделю. В ней были даны практически применяемые советы. Я обдумал почти всё до мельчайших деталей, как и что будет в моём доме.

Не скажу, что излечился от разлуки с Беном, но загорелся новой идеей — строительством дома, моего дома. Это возвращало меня в обычное русло жизни.

Я сказал Одину, что благодарен ему за приют и за помощь, но мне надо идти дальше.

— Я не могу удерживать тебя. Ты свободен. И если принял решение, то поступай так, как решил, — ответил мне Один.

В этот вечер мы долго беседовали, засидевшись почти до рассвета.

— Один, знаешь, мне всё хотелось спросить, но я не решался...

— Спрашивай, я отвечу.

– Скажи, кто ты есть, ведь ты не совсем обычен?

– Знаешь, когда на Земле жили очень одарённые от Бога люди, я жил в Скандинавии. Был одним из одарённых, и меня причисляли к Богам; таких людей называли полубогами. Но всё же я просто человек, только одарённый Свыше талантом.

Так я узнал о Скандинавском полубоге – Одине. Для меня это было ново. В тот вечер мы долго разговаривали. А с рассветом я оставил дом Одина.

Мне недоставало Бена, я снова чувствовал себя одиноким. Конечно, я мог обратиться к Учителю, или просто пойти к старцу Николосу, но мне было неловко признать своё одиночество перед другими. Я предпочёл преодолевать эту трудность сам, и не напрасно. Рассказать об этом кому-либо, значит получить в приставезде сопровождающую личность. Не знаю, как другие, но я бы этого не вынес. Если бы в приставе остался Бен, но... это было невозможно. Так мне после объяснит Учитель, в приставе даётся личность незаурядная, назойливая. Это в наказание: не можешь справиться сам по себе, зададут такое, что не будешь знать, как избавиться от назойливого общества. Зато «скука» пройдёт.

Помня слова Одина о выборе места жительства, я, не задумываясь, решил отправиться на планету Озёр. Подумав, я перенёсся на неё.

Я стал близ озера, которое далеко уходило, словно вращаясь, в лес, а там, где я стоял, была открытая местность. Я был зачарован открывшейся мне красотой, и не сразу заметил, что не один стою на берегу чудо-озера.

– День Добрый! – обратился ко мне мужчина. Он стоял за мольбертом и с интересом наблюдал за мной.

– Добрый день, – ответил я, слегка ошеломлённый такой встречей.

– Ты путешествуешь, насколько я могу судить. А здесь очень красиво. Думаю, тебе понравится.

– Да. Мне кажется, что я решил, где мне обосноваться.

– Так ты ещё не построил себе жильё?

– Нет. Вот путешествую...

Мужчина сложил мольберт и направился в мою сторону.

– Евгений, – представился он.

– Николай, – ответил я.

– Николай, я предлагаю тебе свой дом, пока ты не решишь, где тебе обосноваться.

– Мне неловко. Я отвлекаю тебя от работы.

– Нет, что ты! Никаких проблем, я закончил набросок. Дома до-работаю.

– Тогда я принимаю твоё предложение.

– Если хочешь, можно пройти пешком, здесь недалеко. Посмотришь на наши красоты.

– Я не против.

Мы обогнули мысок. Перед нами вдали виднелся небольшой городок. Какое-то время мы шли молча. Я смотрел и наслаждался природой. Всё здесь было словно для меня, всё радовало. Если на Радужной я восхищался красотой, то здесь она жила во мне, всё перекликалось с моим естеством. Всё жило во мне и пело! Большого я и не желал. Здесь всё соответствовало моему духу, успокаивало меня и ободряло.

– Я живу в домике с флюгером, видишь на шпиле резного петушка? – нарушил молчание и оборвал мои думы Евгений, – Нелли нет, наверное, дома, но она скоро вернётся.

– А как называется этот городок?

– Наш городок невелик, улыбнулся Евгений, – и его название простое – Васильки. Его называют так потому, что здесь почти в каждом дворе растут васильки. Цветы, отражающие красоту небес и синь озёр.

– Это по поверью, должно быть?

– Да. Когда здесь постоялец первый обосновался, он принёс с собой эти цветы. Они так прекрасны, что переходили из рук в руки, и в итоге это стало традицией: сажать васильки возле дома. Вот такая история у нашего городка... Ну, вот мы и пришли. Проходи, ты в моём доме – гость!

Евгений был прав, почти во всех палисадниках возле домов, вдоль живой изгороди росли васильки. Казалось, что в них окунулось небо! Нежные лепестки с резными краями собраны в венчике, источающем особый аромат, которым пропитан воздух в округе. Это создавало особую неповторимую атмосферу в городке. Как в Асгарде, где особенностью были постройки от розового до тёмно-бордового – нижние этажи строений, а верхние – ослепительно-белые.

В домике Евгения всё было просто и аккуратно. На окнах вышитые занавески.

– Это Нелли рукодельничает, – пояснил Евгений, заметив мой интерес к узору на полотне, – а столы, стулья – всё делаю сам. Мне доставляет удовольствие возиться с деревом и инструментом в руках. Кроме живописи, конечно.

Чувствовалось, что к каждой вещи приложены особые усилия, что делались они с душой. В комнате между окон в ажурной резной рамке висела картина: восход солнца над озером. Мне казалось, что это мираж: всё выглядело реальным, лишь уменьшенным.

– Евгений, и как ты рисуешь? Как передаёшь на полотне движение?

– Движение? – удивился он.

– Да, движение. Я смотрю и чувствую или вижу, не знаю, как передать. Ощущаю – так более точно, лёгкую рябь на воде и колыхание ветки.

– О, Николай, ты ещё не видел полотен великих художников. Вот где грандиозное зрелище! А что мои рисунки? Мазня...

Евгений улыбнулся и ничего не ответил, но видно было – доволен похвалой своей работы.

– Евгений, – снова обратился я к нему, – вот ты рисуешь, а как это: замысел, краски?..

– Краски – это символично! Очень многое значит, конечно, замысел, как в любом деле. Но главную роль играет способность входить в образ, который создаёшь, и передать этот образ мыслеформой, а краски символично завершают начатое.

– Евгений, что такое мыслеформа?

Евгений смотрел на меня с нескрываемым недоумением, а потом сказал:

– Если твой приход сюда первый, разве тебе не был дан Учитель, или хотя бы встречающий из ранее умерших?

– У меня есть Учитель, но он мне ничего не говорил об этом.

– Ты не шлёпаешь губами при разговоре, и я подумал, что ты давно здесь, а после завершения работ на повинностях ищешь место для жилья. Но если так, значит... – он немного походил по комнате и, остановившись у окна, завершил своё рассуждение, – ... значит, на тебя возлагается какая-то миссия. Тебе дан Учитель, он знакомит тебя с основами, а мелочи и всякие детали ты постигаешь сам, а проходя через трудности, связанные с незнанием чего-либо, ты растёшь духовно.

Знаешь, я не боюсь ошибиться, сказав, что тебе созданы условия, в которых ты чувствуешь одиночество.

— Не совсем так, — немного уклончиво ответил я, внутренне всё же не желая признаться в одиночестве, — но ты прав. Мелочи жизни я постигаю сам. Но как ты предположил подобное обо мне?

— Просто со мной было нечто схожее. Правда, меня встречал отец. Он объяснил мне только то, что (как мне казалось) хотел. На мои же вопросы, выходящие за установленные им пределы, он отвечал уклончиво, или просто отмалчивался. Это очень меня злило, но отец был непреклонен. Только спустя многое время я узнал, что так было нужно. Набивая себе шишки, я совершенствовался, рос духовно, и скоро мне уже возвращаться на Землю...

Мы какое-то время молчали, думая каждый о своём...

— Скоро идти на Землю..., — произнёс Евгений задумчиво, — а так хочется отодвинуть это время ещё, не знаю на сколько лет.

— Чего тебе недостаёт, чтобы пойти на Землю?

— У меня есть всё, недостаёт самой малости — техники рисунка, хоть и давно я понял свои ошибки. Но... возврат на Землю неизбежен! Это начало века двадцатого, я даже примерно знаю годы: 1910—20, — Евгений несколько сник. Видимо, желания возвратиться на Землю у него не было. Из затянувшегося молчания нас вывел чистый звучный женский голос:

— Милый! Ты уже дома? Почему так рано вернулся? Что-то случилось? — вопросы сыпались один за другим, не дожидаясь ответа.

— Она всегда так — буквально засыпает вопросами, причём на всё можно ответить одним предложением, — обратился ко мне Евгений.

— Ты не один? У нас гости? А кто пожаловал на сей раз? — и на пороге комнаты появилась женщина. О таких говорят: «Кровь с молоком».

— Нелли, моя жена. А это — Николай. Он путешествует. Мы встретились с ним на берегу озера, где я сегодня делал наброски на картину. И я решил его пригласить к нам..., — представил нас Евгений и ответил на ранее заданные вопросы, готовые сорваться ещё раз.

— Это чудесно, — заворковала Нелли и прошла в другую комнату, обронив на ходу: — Только приведу себя в порядок...

— Нелли, — заговорил Евгений, улыбаясь, — моя первая любовь. Любовь с детства. Я был женат, и она была замужем. Да... — Евгений о

чём-то своём задумался и продолжал, — ... разве мог я думать, что когда-нибудь мы сможем соединиться... Мне пришлось её долго искать. Из-за неё я оставил свой дом на другой планете, более красивой, чем эта, имя ей — Розовая! Но я не жалею об этом. Я слишком её люблю, чтоб размениваться на такие мелочи. Впрочем, красота — понятие относительное, это зависит от восприятия мира. Тебе вот понравилось здесь, потому что ты ощутил общность, какое-то единство внутреннего мира с окружающим! Мне же ближе розовые тона. Но! С любимой рай и в шалаше.

— Я был на Розовой, там очень красиво, но мне хотелось увидеть что-то ещё...

— Да, и на этом наши испытания не завершились, — Евгений говорил увлечённо и не услышал мою реплику, — моя жена хотела быть со мной, но я думал о Нелли, я мечтал её найти. Когда же нашёл, то не желал оставить. Желание быть вместе было и с её стороны. Нелли была одинока. Муж оставил её. И, чтобы оградить наше счастье от притязаний со стороны моей жены, мы были вынуждены переселиться на иную планету. Нелли выбрала эту, я согласился. Но мы были никто друг другу, тогда мы решили...

— Тогда мы решили обвенчаться! — закончила фразу Евгения Нелли.

Она появилась неслышно и, подойдя к мужу, нежно обняла его за плечи, лукаво улыбаясь ему и мне.

— Я приглашаю всех к столу, — объявила она торжественно, тоном, не терпящим возражения.

Несколько дней я провёл в доме этой прекрасной четы. Часто я бродил по окрестностям один, изредка меня сопровождал Евгений.

Какие здесь чудные места! Как восхитительны озёра! Здесь очень много озёр. Жемчужинами они вкраплены в полотно леса и в гранит скал; их воды плещут на покатые берега равнин и на крутые обрывистые — холмов.

Дух этой планеты жил во мне и со мной. Я нашёл то, что искал! Мой выбор пал на город с названием — Дубовый Бор. Особенность этого города — дубовый бор в его центре. Массив прорезан улицами и дорогами. И кажется, что весь город тонет в зелени.

На одном таком разрезе, ближе к окраине города, я решил строить свой дом. Конечно, я читал у Одина, как и что делается, но мне всё это было одному не под силу. Евгений предложил свою помощь и я принял

его предложение. Но мне хотелось повидаться с Учителем, поговорить с ним, да и поделиться своими открытиями и наблюдениями. Тогда, представив дом Учителя, я перенёсся к нему. Но Учителя не было дома, и я, решив подождать его возвращения, отправился бродить по городу.

Слоняться по городу без дела не доставляет удовольствия, тогда я пересёк город и оказался на окраине, у околицы леса. Здесь всё было до боли знакомо. Здесь я учился передвигаться на определённое расстояние, здесь же пытался портняжить, и многое узнал и познал тоже здесь. На околице в этих местах словно жила часть меня самого. Внезапно я почувствовал рядом чьё-то присутствие. Оглянувшись, я увидел мужчину, опрятно одетого. Он, видимо, тоже гулял. В нём не было ничего отталкивающего, скорее, наоборот, он вызвал во мне особый интерес. Я пошёл в его сторону, решив заговорить с ним.

К моему появлению, казалось бы, в такой глуши, он отнёсся с безразличием. Он никак не отреагировал на моё приветствие. Это удивило меня. Но что было ещё более странным — его лицо! Словно маска. На его лице не дрогнул ни один мускул, он смотрел на меня и не видел, я для него не существовал. Мне стало неприятно от подобного зрелища, и я перенёсся к дому Учителя. Хорошо, что он уже вернулся и был дома.

Учитель обрадовался моему приходу. А я, вместо того, чтобы рассказать, где был, что видел, обрушил на него массу вопросов про непонятную мне встречу с холодным человеком (так я окрестил его). Учителю только и оставалось, что объяснить мне суть явления.

— Понимаешь, Николай, это световой фантом, созданный чьим-то сильным воображением и богатой фантазией. Это мыслеобраз и не более. Он совсем бесчувственен, ведь он не живой, хотя и материален. Он «оживёт» лишь в присутствии своего создателя. Да и то только тогда, когда его создатель захочет наделить своё детище новыми качествами или чертами. Тебя это удивило только потому, что ты впервые столкнулся с подобным явлением. Это не единственный мыслеобраз. Их много блуждающих, очень много.

— Учитель, а как же они живут?

— Им для жизни ничего не надо. Но когда создатели теряют к ним интерес, они начинают преследовать создавших их. Своим присутствием они могут даже подтолкнуть своего создателя на ужасные

поступки. Им надо, чтобы о них думали постоянно. Мысли создателя о созданном образе питают его и дают ему силу жить.

– А если всё же создатель перестал думать о созданном образе?

– Если Фантом оторвался от создателя и не может его найти, он становится опасным, пока в нём существует та сила к жизни, которой наделил его создатель. Утратив эту силу к жизни, фантом, как правило, погибает. Но такое бывает очень редко. В основном специально подготовленные люди с сильно развитым воображением уничтожают их.

– На это требуются специальные знания?

– Да, знания нужны. Но главное – сила воображения и сила мысли. Потому что фантом трудно разрушить.

– Учитель, а чем опасны фантомы и кому они могут навредить?

– Прежде всего – своему создателю. Допустим, если человек желает смерти кому-то, и представляет, как он это делает, то порождается коварный фантом. Фантом своим присутствием будет вынуждать человека снова и снова думать об убийстве. И так может продолжаться до тех пор, пока не свершится сам факт. Человек, продумывая разные условия и варианты, создаёт новые фантомы, погрязая в их присутствии.

– О! Это страшно! А... если фантом потерял создателя?

– Его разыщут и уничтожат. Потому что фантом может найти человека, думающего подобным образом, что и его создатель.

– Учитель, а есть ведь и светлые образы, что с ними?

– Незлобные образы живут. Они своим присутствием никому не приносят вреда, положительно влияют на людей.

– А как узнать, какой фантом?

– Полагаясь на внутреннее чувство. Вот о своём незнакомце ты говоришь, что он холодный. Значит, он, несмотря на опрятный вид, – всё же образ пагубный. От светлых образов идёт ощущение тепла, спокойствия, доброты.

– Да-а-а, – протянул я в раздумье.

– И это ещё не всё, – снова заговорил Учитель, – знаешь, Николай, есть даже целые города, созданные силою мысли. Они материальны, в них можно отдыхать, гулять, но не жить. Потому что материя мертва. Такие города создают люди с очень богатым воображением. Приходя сюда, они, бывает, стремятся найти то, что рисовала им их фантазия. И находят. Но их детище оживает лишь тогда, когда человек мысленно проходит по улочкам, заглядывает в дома. Такие города не уничтожают, наоборот поддерживают их существование. Я бывал в та-

ких городах. Как-нибудь мы побываем там с тобой, если ты раньше сам не столкнёшься с таким городом. Всё это потом, а теперь расскажи мне: где ты был, что видел, нашёл ли место, где хотел бы жить?

Учитель задал мне сразу несколько вопросов, и, чтобы ответить на них, мне пришлось рассказать всё, а это заняло очень много времени. Теперь говорил я, а Учитель слушал, изредка задавая вопросы. Закончив свой рассказ, я почти обессилел, столько было впечатлений и эмоций...

— Ложись, отдохнуть тебе надо, — сказал мне Учитель, — у нас ещё будет время для разговоров.

Я сразу же уснул, едва моё тело коснулось постели. Когда же открыл глаза, мне показалось, что Учитель стоял рядом с кроватью и терпеливо ждал моего пробуждения.

— Ты проснулся сам, хорошо. Не хотелось тебя будить. Собирайся быстрее, нам надо спешить.

— Спешить? Но куда, Учитель? — я явно ничего не понимал.

— Идём, по дороге всё объясню.

Мы вышли из дома и, хоть Учитель говорил, что нам надо спешить, шли по городу не спеша. Это несколько озадачило меня. Нарушить первым молчание я не решался, это было бы неуважительно по отношению к Учителю. Он всё должен был объяснить сам. Так мы вышли на окраину города. Учитель взял меня за руку, и мы перенеслись...

Что же я увидел? Мы стояли перед большим зданием в несколько этажей. Это строение было незамысловато с точки зрения архитектуры. Что привлекало внимание, так это большие окна, изнутри задёрнутые лёгкой прозрачной материей. В здание входили какие-то люди. Несмотря на то, что одежда их была почти одного цвета: от светло-голубого до яркого насыщенного с переходом в лёгкую бирюзу, в сочетании с лиловыми и бежевыми оттенками, они не выглядели безлико, наоборот, в этом движении чувствовалась какая-то особая гармония. Здесь царила особая атмосфера, на нас никто не обращал внимания. Учитель слегка подтолкнул меня к входу. Я замер: на мне было одеяние, чем-то похожее на рясу, цвета морской волны.

— Идём же, Николай, — Учитель снова подтолкнул меня к входу, — нам надо спешить.

По широкой лестнице мы поднялись и прошли в просторный светлый зал. Собравшихся было не очень много. Присмотревшись, я заметил, что большинство было, как и я, в сопровождении кого-то.

В глубине зала располагался большой круглый стол с резными ножками. В центре стола стояла низкая вазочка, а в ней — искусно подобранный букет цветов. Пока я рассматривал всё вокруг, Учитель тихо беседовал с женщиной, который сопровождал миловидную девушку небольшого роста. Её русые волосы свободно спадали на плечи, и издали казалось, что это небрежно накинутый плащ с капюшоном.

За всё это время Учитель ни словом не обмолвился со мной... Но вот он подошёл ко мне:

— Смотри и внимательно слушай...

Где-то в стене зала открылась ранее не замеченная мною дверь. Вошли четыре человека в белых одеждах. Должно быть, за столом стояли стулья, чего я не заметил тоже, и они сели. Все собравшиеся замолчали. Из-за стола поднялась одна фигура, и тишину прорезал чистый звучный голос:

— Синод Духовного Образования приветствует вас, всех собравшихся здесь сейчас, — говорила женщина, а мне показалось, что вошли только мужчины, — Я — Лига, — она сделала небольшую паузу и продолжила: — Мне приятно сообщить вам, что вы зачислены в Синод Духовного Образования. Отныне вы учащиеся, а поэтому должны соблюдать все постановления Синода. Не хочется наводить на вас уныние, но дисциплина прежде всего. Получить образование в ваших интересах, и я думаю, что у нас не возникнут конфликты. А сейчас прослушайте обязательные к выполнению постановления Синода Духовного Образования.

Она села, а из-за стола встал хрупкий на вид молодой человек.

— Постановления Синода Духовного образования гласят, — начал он, чеканя каждое слово. — Учащиеся не должны опаздывать к началу занятий и пропускать занятия. Учащиеся должны чётко выполнять задания самостоятельных работ и в определённый срок сдавать работы. Синодом определена цветовая гамма одежды, для учащихся она обязательна. За нарушение одного из этих правил Учащийся, по рассмотрению причин нарушения, может быть исключён из Синода или переведён в разряд неуспевающих.

И снова из-за стола поднялась Лига.

— Думаю, требуется от вас не так уж и много в вопросе дисциплины. А успеваемость будет зависеть только от вас. При Синоде три действующих библиотеки, их содержимое в ваших руках, — она сделала

паузу. — Я прошу Учителей подойти и уточнить направление и время начала занятий.

Из-за стола вышел всё тот же хрупкий молодой человек. Он держал в руках свёрток бумаги, с которого зачитывал имена присутствующих. Я внимательно вслушивался, чтобы не пропустить своё имя. Учитель тоже внимательно следил за этой переключкой.

— Патрик Белявский..., — это имя повисло в воздухе, на миг всё стихло, и в наступившей тишине чётко прозвучало: — Николай Осеев.

Я вздрогнул, услышав полное своё имя. Учитель, увлекая меня за собой, направился к столу, сказав мне на ходу:

— Ты должен ответить на все заданные тебе вопросы. Отвечай коротко и чётко. Скрывать что-либо ни к чему. Говори всё как есть.

И вот мы предстали перед членами Синода.

— Твоё имя Николай Осеев? — спросила Лига.

— Да.

— Ты первый раз предстаёшь перед Синодом Духовного Образования?

— Да.

— Ты закончил работы на повинностях?

Я не знал, как короче ответить, и тут вмешался Учитель:

— От выполнения повинностей освобождён!

На строгом лице Лиги появилось выражение удивления, но она продолжила:

— Ты решил проблему с постоянным жильём?

— Нет, мне надо построить дом.

— Ты уже выбрал место?

— Да.

— На какой планете?

— На планете Озёр.

И снова на лице Лиги брови поднялись вверх, изобразив удивление. Пока Лига задавала мне вопросы, я видел только её, не обращая внимания на двух мужчин. Один из них спросил:

— Какое твоё увлечение, связанное с искусством?

— Поэзия.

— Это было просто увлечением или пробовал писать стихотворения сам?

— Писал сам.

— Прочти что-нибудь из последних стихотворений.

Я на мгновение смутился. Я был поэтом – неудачником, а тут меня просили что-нибудь прочесть... Учитель стоял рядом со мной, он взял меня за руку, стиснул её и отпустил.

Неуверенно я начал читать:

Осеннее солнце.
Багряный закат!
Моя фея,
Тебя я видеть рад!
Я ждал тебя в саду
У нашей розы,
И теперь к тебе иду
Осушить твои слёзы.

Чем дальше я читал стихотворение, тем всё больше ко мне приходила уверенность. Мой голос звучал чисто и свободно разносился по залу. Я прочёл своё стихотворение и удивился его звучанию, в нём лилась тихая мелодия, которой я не замечал ранее. А в зале стояла тишина, словно все присутствующие всё ещё ловили звуки мелодии этого стиха.

– Открытый лирик, – заговорил второй мужчина, – в стихотворении нет чёткого ритма, но живёт душа. Своеобразно и красиво.

О! Для меня эти слова были ушатом холодной воды. Мои стихи называли красивыми! Не ослышался ли я?

– Ты печатался в каких-нибудь изданиях?

– Нет.

– Были авторские издания?

– Нет.

– Что интересовало кроме поэзии?

– Музыка и театр.

– Какой музыкальный инструмент нравится более всего?

– Орган.

– А как обстоят дела с живописью?

– Когда учился в колледже, делал наброски, но краски в руках не держал.

Больше вопросов не было. И тогда снова заговорила Лига:

– Кроме обязательных дисциплин тебе, Николай, придётся заниматься живописью и музыкой. Основной упор делай на поэзию. Это

твоё призвание. Если будет желание, можешь посещать и театральное отделение.

– Занятия начнутся с началом цветения жимолости, – сказал один из мужчин.

– Всего доброго, Николай, и не опаздывай к началу занятий, – улыбнулась на прощание Лига.

Учитель слегка поклонился, я последовал его примеру, и мы молча вышли из зала. Спустившись по лестнице, прошли к выходу из здания. И вот мы во дворе.

– Николай, вот та жимолость, с началом цветения которой начнутся твои занятия, – сказал мне Учитель, указывая рукой на хрупкий кустарник с тёмно-зелёными продолговатыми листочками, – а теперь можно вернуться домой...

Удобно устроившись на крылечке дома, мы долго беседовали.

– Учитель, кто такая Лига?

– Лига – это пока единственная женщина, которая входит в состав представителей Синода Духовного Образования. Это очень умная женщина. Она будет преподавать философские учения.

– Учитель, как долго будет идти обучение в Синоде?

– Это зависит от тебя. Если кроме обязательного к изучению, ты будешь работать и самостоятельно, то быстро продвинешься вперёд. Будешь получать индивидуальные задания, а там, возможно, и до срока сдашь все дисциплины.

– А как же я смогу совместить учёбу и строительство дома?

– До начала занятия у тебя ещё много времени. А на возведение дома уйдёт несколько дней всего-то.

– Несколько дней?

– Конечно, ты что, думаешь строить его целый год?

– Да нет, но всё же...

– Вот тебе и всё же... С рассветом отправимся на планету Озёр и займёмся твоим домом.

Мы обсуждали, что и как лучше сделать. Учитель сказал, что построить дом здесь проще, чем на Земле. Потому что основа дома возводится силою мысли, и лишь потом завершающий этап – отделка, занимает время. Обстановка в доме тоже возводится силою мысли, а детали доделаешь уже сам.

– Но, Учитель, я не умею строить дома!

– А одежду? Научился создавать? Вот и тут так же. Сейчас, прямо здесь, попробуй мысленно, как при работе с одеждой, создать маленький макет своего дома. Только сначала вообрази его основу – фундамент. Потом раздели контур дома на комнаты и затем возведи стены, а в довершение – водрузи крышу.

Я пытался, но у меня не всё ладилось. И лишь с шестой попытки я сделал то, что хотел. Оказалось, очень просто, надо только понять, каким именно образом это происходит. И вот макет дома был готов. Учитель похвалил меня, но очень пристально продолжал смотреть на моё сооружение и ... вдруг ... оно исчезло, распавшись на мелкие частички, словно облачко повисло в воздухе на секунду и развеялось. Я вопросительно смотрел на Учителя, не зная, что и сказать, ведь я так старался ...

– Не отчаивайся, Николай, главное, ты понял, во что вкладывается мысль при такой работе, а этот макет тебе не нужен. Так зачем засорять безделицей Космос?.. Завтра мы отправимся на планету Озёр, а теперь иди, отдыхай.

– А ты, Учитель?

– Мне надо побывать у Николоса, обещал ему. Я вернусь быстро, – и Учитель исчез.

И вот мы с Учителем на планете Озёр.

Я начертил на листке план дома, и Евгений с Учителем помогли мне возводить его основу. Когда же всё было готово, и оставалась лишь мелкая работа, Учитель вернулся домой, а я, Евгений и Нелли приводили в порядок убранство, убранство моего дома! Теперь у меня был свой дом! И я уже не был бездомным путешественником.

На новоселье собралось много народа. Да, я говорю: «много», потому что я пригласил Учителя и старца Николоса, были Евгений и Нелли, а ещё Стефаний и Дели с Розовой планеты.

Дели и Нелли занялись приготовлением ужина по поводу торжества, а мы, мужчины, беседовали в гостиной. Учитель, расхаживая по гостиной, о чём-то думал. Остановившись, он сказал:

– Николай, мне кажется, ты забыл приобрести для дома нечто очень важное!

Все замолчали и устремили взгляд на Учителя, стоявшего посреди гостиной.

– Что ты имеешь в виду, Учитель? – спросил я, несколько растерявшись в первый момент.

– А вот это! – и Учитель резко повернулся ко всем спиной, идя к угловому окну, где стоял ... рояль!

– Но, Учитель...

– Никаких «но»... Это тебе подарок от меня, а играть на рояле научишься.

И тут как-то все оживились, заговорили, перебивая друг друга.

– Николай, моим подарком тебе будет, – говорил старец Николос, – сад возле твоего дома и большой цветник.

– Но с цветами много забот, – возразила строгая и практичная Дели.

– Ничего, он справится, – улыбнулся Учитель.

– У Николая есть опыт работы с цветами в моём саду, думаю, ему труда не составит следить за всем.

– Но Николай будет учиться, а это отнимает много времени и сил, – заступился за меня Евгений.

– Было бы желание, можно успеть всё, – вставила снова своё слово Дели.

– Если будет нужно, – подхватила Нелли, – я могу помогать. Мне очень нравятся цветы.

В зале стало шумно. Все оживлённо разговаривали, а мне было немного грустно. Со мной сейчас не было Бена и Марты. Не смог прийти и Один. Но главное: со мной не было Тamarы! А я так хотел её увидеть.

Евгений к новоселью обещал подарить картину, которую он рисовал в момент нашей первой встречи на озере, когда завершит работу над ней. Стефаний и Дели подарили мне красивую посуду, а Нелли – вышитое ею редчайшей красоты панно. На нём розы смотрелись живыми! Казалось, подойди ближе, коснись рукой и уловишь тонкий нежный аромат. Однако это была лишь вышивка. Когда мы сидели за праздничным столом, в дом вошёл незнакомый человек.

– Я приветствую собравшихся в этом доме в этот час и передаю привет с планеты Радужной от Одина, – небольшая пауза, – а тебе, Николай, вот подарок, – и незнакомец, пройдя к столу, сложил всё то, что принёс. Конечно, моё любопытство заставило меня встать из-за стола и подойти посмотреть. О! Это были книги... И какие книги!

– Энциклопедия измерений и миров, в двенадцати томах, – торжественно объявил я.

– Бесценный подарок, – заметил старец Николос.

— Один кланяется тебе, Николай, и твоим гостям. Он не смог прийти сегодня сам, но навестит, когда освободится. А мне пора возвращаться.

Я, было, открыл рот, чтобы просить незнакомца остаться, но Учитель остановил меня жестом руки. Когда же незнакомец исчез, Учитель сказал:

— Он исполняет повинности, ему нельзя задерживаться и запрещено принимать приглашения, какими бы заманчивыми они ни были.

— Учитель, как вы это определили? — изумился я.

— Очень просто: по его одежде.

И тут все заговорили об энциклопедии. А я всё думал: «что особенного было в одежде незнакомца?» Я бы по ней не сказал, что это — житель планеты Радужной, там так не одеваются. На незнакомце был длинный плащ неопределённого цвета, с капюшоном. Плащ без рукавов, как накидка с прорезями для рук. Должно быть, так одеты все посылные. На что я ещё обратил внимание, так это обтрепавшиеся полы плаща и дорожная сума, подобие мешка, завязанного и приспособленного к переносам чего-либо. Сума непонятным образом прикреплялась к человеку ляжкой, которая во время пути, очевидно, перекидывалась через плечо и обхватывала бёдра.

Я описал этот вечер более подробно для того, чтобы живущие на Земле знали, что и здесь не чужды приходы в гости и подарки. Что и здесь живёт искусство и проявляется в самых разных областях, будь то вышивка или роспись посуды, я уже не говорю о живописи, музыке, литературе — это так естественно.

Николос ушёл на следующий день, а Учитель остался со мной. И хоть я был не один, всё же чувствовал себя одиноко. В доме не слышны были голоса, и он казался мне пустым и холодным.

Когда мне было одиноко, я уходил на Землю. Родные вспоминали свои «сны», а значит, вспоминали и меня. О, как это важно, чтобы тебя помнили! Когда говорили обо мне, я чувствовал это приливом новых сил, поднятием настроения. Мне становилось легче. Но я всё же был одинок! Я хотел видеть Тамару!.. Я несколько раз пытался заговорить об этом с Учителем, но тщетно, он уклонялся от прямого ответа.

— Николай, пойми, ещё не пришло время для встречи с ней.

– Учитель, ты говорил: «Построй дом, а то куда она войдёт?» Я построил дом, а ты снова говоришь, что не время ещё. Скажи мне, Учитель, что ты скрываешь от меня?

– ...

– Скажи, она там, куда я не могу пойти?

– Нет, она в достижимом для тебя месте.

– Тогда почему я не могу её видеть?

– ...

– Учитель, как она живёт, я могу знать хоть это?

– Конечно, можешь. У неё тоже есть дом. Ты только пойдёшь учиться, а она уже учится.

– Где? Где она учится?

– ...

– Учитель, как мне её найти? Что мне для этого надо сделать? Одного желания мало, я пробовал ...

Брови Учителя в удивлении скользнули вверх и изогнулись в дуги, одна чуть выше другой.

– Что ты пробовал?

– Силою мысли перенестись туда, где она находится, но ...

– Что «но»?

– Но ничего не получилось. У меня такое чувство, что я упираюсь в какую-то стену. Я не знаю, как преодолеть эту преграду. Помогите мне, Учитель! – молил его я.

– Не проси меня об этом, Николай, прошу тебя, не проси.

– Но почему?

– Ты слишком много задаёшь вопросов, начиная с «но», – и он вышел во двор дома.

Больше я не делал попыток возобновить разговор на эту тему. Мне было очень больно, где-то глубоко внутри меня, и я не знал, как избавиться от боли, боли, которая жгла меня, съедая внутренним скрытым огнём.

Времени свободного было больше чем достаточно, я изнывал от безделья. Мне не хотелось никого ни видеть, ни слышать, а разговаривать с Учителем стало для меня пыткой. Он знал, но не говорил о том, что так меня выводило из равновесия, что подрывало мои силы. И я погрузился в чтение подаренных книг. Учитель же часто уходил, возвращался и снова уходил, не посвящая меня в цель своих визитов. Некоторое оживление внесло в мой дом появление старца Николоса.

Учитель всё так же часто куда-то уходил, поэтому я и Николос всё делали сами.

Старец предложил мне свою версию расположения сада и цветника. Я согласился с предложенной идеей, внося дополнения в виде беседки в саду и небольшого фонтана недалеко от входа в дом. Вот мы со старцем и работали: вскапывали грядки, проводили арыки для полива, сажали деревья, обминали землю вокруг тоненьких стволиков, поливали. И..., конечно, — цветы. Им было уделено особое внимание. В отличие от земного, цветы здесь не размножаются семенами, отцветая, они образуют то, что зовётся семенами, но эти образования не дают всходов, хоть цветы и опыляют насекомые. Цветы размножаются черенками и только! Деревья же размножают так: ветви деревьев, низко расположенные к земле, пригибают к почве, прикапывают, закрепляя кольшками в виде шпилек. Когда на ветке образуются корни, от неё начинает расти новый побег, тогда старую, ранее пригнутую ветвь обрезают, и молодое деревце развивается самостоятельно. Всё это очень трудоёмко, но так интересно, особенно, если при жизни на Земле никогда не интересовался подобными процессами.

Особое внимание мы, конечно, уделяли цветам. Это очень хрупкие и чуткие создания, очень нежные. Старец Николос нашёл для меня даже васильки, здесь они почти ни у кого не росли. Во всяком случае, сколько я ни ходил по городу, ни у одного дома не видел их.

Работая со старцем Николосом, я отвлекался от своих тяжких дум. Мне вспомнился тот случай с говорящей розой в его саду.

— Николос, скажи, вот начавшая мыслить энергия цветов идёт на Землю, и рождающийся ребёнок обретает дух в теле, то есть душу. А как же идёт развитие такой души в теле? Ведь та роза, помнишь, только и смогла спеть, и всё. Ты сказал, что на большее она не способна. С развитием тела человек приобретает знания, но внутренний мир, подсознание — какое оно?

— Пойми, Николай, есть вещи, которые неподвластны никому, кроме как Всевышнему. Рождение ребёнка — это таинство, свершаемое Богом, и ни одно живое существо не в силах вмешаться в этот процесс. Я могу сказать тебе только то, что душа, идущая на Землю, выбирает сама себе будущую жизнь.

— Как такое возможно?

— Здесь надо исходить от двух начал. Возьмём первое начало: когда чистая энергия идёт на Землю в первый раз. В этом случае Бог

отдаёт её высшему началу, которое и определяет ей судьбу, при этом вкладывается не одна, а несколько возможностей рождения, то есть даётся право выбора. А так как энергия мыслящая, и в неё вложена определённая информация, то она сама определяется в том или ином выборе родителей и своей жизни.

— А как же те, неиспользованные возможности?

— При рождении в подсознании остаётся лишь та информация, которая определена выбором, всё остальное стирается и используется другими душами, идущими к рождению.

— Николос, а какое второе начало?

— Второе начало, это когда душа уже была в теле, и вновь идёт на Землю.

— Как часто такое происходит?

— Я расскажу тебе об этом несколько позже, а сейчас давай вернёмся ко второму началу. Ты знаешь, что душа, приходя сюда, проходит испытания, затем ей либо вменяются повинности, либо нет. В любом случае, даже после выполнения повинностей определённого срока, душа начинает жить и развиваться уже здесь.

— Николос, а разве при выполнении повинностей невозможно развитие?

— Смотря на какие работы ты направлен, и каковы повинности, но это тоже отдельный разговор. Так вот, набрав определённый потенциал энергии и обретя определённые знания, душа вновь готова идти на Землю. В этом случае она сама осознанно выбирает себе родителей, связывая тем самым себя с определённым образом жизни... Так, если возникло желание внести в жизнь человечества то или иное открытие, или воплотить в жизнь какую-либо идею, то душа ищет себе такую семью, где наверняка получит должное воспитание и образование.

— Николос, разница между двумя началами мне понятна. А как же живут звери, они ведь тоже мыслящие существа?

— О, я ждал подобного вопроса. Звери — мыслящие существа и живые, но они ограничены познаниями в мире только тем, что им необходимо для жизни. Они наделены инстинктами и рефлексамми, это даёт им право вести борьбу за выживание. В животных, как и в растениях, идёт накопление чистой солнечной энергии, которая потом душе идёт в тело.

— Николос, возможно ли, что духовное начало может идти от животного?

– Это очень редко! Только в тех случаях, когда животное оказывается непомерно умным для обычного зверя. Насколько я знаю, на птиц это не распространяется, как бы умна ни была птица, разве что говорящий попугай.

– Почему так, Николос? – я сыпал вопросы, а старец спокойно и вразумительно отвечал мне на них.

– Понимаешь, как бы умна ни была птица, её жизнь обусловлена лишь врождёнными инстинктами и рефlekсами. Перенять какие-то знания от людей возможно только для животных в силу большей возможности входа в контакт с человеком, а птицы этого лишены. Исключение – попугаи, и лишь иногда – вороны.

– Николос, а как же всё-таки душа вынуждается к возврату на Землю, ведь здесь так прекрасно, столько дано возможностей здесь развиваться?

– Никто не вынуждается. Часто это естественный ход событий. Развиваясь здесь и достигнув высот в развитии, удержаться в этом положении можно, только всё закрепив духом испытаний, и только в теле!

– Как это так? Разве нельзя этого достичь здесь, здесь пройти какие-то испытания?

– Нет, Николай, это возможно только в теле, – так установлено Свыше.

– Но, Николос, ведь жизнь можно прожить иначе, чем это может предполагаться?

– В том-то и дело! Скатился вниз – будешь вновь и вновь возвращаться к ранее достигнутому, пока не достигнешь и не начнёшь развиваться дальше, или совсем не погубишь себя.

– Николос, но ведь это так жестоко!

– Это не жестокость, это борьба за души людей. Борьба между силами Добра и Тьмы.

– Разве нельзя одолеть Силы Зла? Ведь Бог создал всё, от его начала и зародилось Зло, почему Он не уничтожит его?

– Николай, ты задал мне такой вопрос, на который тебе никто не ответит. Если Господь допустил рождение зла и позволил ему владеть над миром, значит, Он видит в этом какую-то цель, известную Ему одному. А потом, Николай, если б не было борьбы Добра и Зла, разве могли бы души и люди развиваться? Нет. Они стали бы теплич-

ными растениями, ни к чему не способными. Пойми, сам процесс борьбы, противостоящий Злу — это сила!

— Хорошо, Николос, ответь мне ещё на такой вопрос: все ли так живут, исходя от двух начал?

— Нет, не все. Есть души, которым не даётся выбора, они вселяются в то или иное тело без их согласия.

— Почему? — не унимался я.

— Как тебе сказать. Такое может даваться в наказание, может — в испытание, а может и потому, что необходимо присутствие именно этой души, именно с этими познаниями, в конкретное время, в определённом месте. Бывает, и года не проходит, как душа вновь возвращается в тело, возможно, к тем же родителям, возможно, к другим.

За разговорами быстрее проходило время и, казалось, быстрее шла работа. Мы с Николосом с особым усердием ухаживали за своими зелёными питомцами. И всё росло буквально на глазах. Через каких-то несколько дней двор было не узнать. И когда пришёл Евгений, принеся обещанную картину в подарок, он с изумлением ахнул:

— Вот это красота! И как вы только со всем этим так быстро управились?

— Стоит только захотеть, — отозвался Николос, находившийся в то время во дворе.

Я вышел во двор, услышав их разговор.

Мне хочется маленьким отступлением сказать, что растут тут растения очень быстро. Это всецело зависит от желания человека, посадившего цветок или дерево. Они очень хорошо поддаются как бы внушению. Силою мысли можно ускорить рост и развитие растения. Воздействием мысли можно возродить к жизни чахнувшее растение или убить здоровое. Это реально как здесь, так и на Земле.

ГЛАВА 6

Я вышел из дома, услышав, что во дворе кто-то разговаривает. Это был Евгений. Он принёс свою картину. Моему восторгу не было предела. Я восхищался написанным полотном. Старец Николос тоже похвалил работу. А Евгений несколько сокрушённо сказал:

– В этой картине я применил новое открытие в технике. То, от чего я долго и умышленно уклонялся. Теперь мне остаётся закрепить это приобретение, написав ещё несколько полотен, а потом можно проститься со всеми вами...

– О чём ты, Евгений? – спросил я в недоумении.

– О возврате на Землю, – ответил вместо него старец Николос.

А Евгений, даже не простившись, быстро вышел из дома и исчез.

– Он не хочет идти на Землю... – сказал я вслух, как бы рассуждая.

– Я говорил тебе только сегодня, что это неизбежно, – ответил на мою реплику Николос.

– Что так неизбежно, и от чего вы так унылы? – раздался бодрый голос Учителя. Он только что вернулся и слышал последние слова старца.

Чтобы долго не объяснять, я показал Учителю картину Евгения. Он всё понял без слов. А немного помолчав, сказал:

– Николай, ты не забыл, что скоро у тебя начнутся занятия?

– Нет, но почему ты спрашиваешь, Учитель?

– Тебе надо побывать у здания Синода Духовного Образования и посмотреть, не распустилась ли жимолость у входа.

– Я могу это сделать прямо сейчас.

– Вот и хорошо, отправляйся.

Я перенёсся к зданию Синода. Посмотрев на куст жимолости, увидел, что на нём среди тёмной листвы красуются светлые бутончики, готовые вот-вот лопнуть и распуститься в чудесные цветочки.

– Завтра уже расцветёт, и начнутся занятия, – сказала миловидная женщина, подходившая к зданию Синода.

Я успел лишь улыбнуться ей в ответ, но мне стало неловко, что я вот тут стою, и на меня могут обратить внимание. И я быстро перенёсся домой.

Не знаю, как долго я отсутствовал, мне казалось — один миг, но Учитель, видимо, что-то успел рассказать старцу Николосу, потому что, когда я вернулся, он посмотрел на меня с нескрываемой болью в глазах. Что-то было не так, но что именно, я не знал. Каким-то внутренним чувством я догадался, что это каким-то образом связано с Тamarой. Спрашивать об этом у Учителя было бессмысленно, да и Николос едва ли рассказал бы мне об этом. Мне оставалось только ждать, пока тайное не станет явным.

Старец в этот день ушёл домой, а мы с Учителем занялись подготовкой к занятиям. Он показал мне стопку тетрадей: чистые листы бумаги, без клеток и линеек, скреплённые по короткой стороне, они были похожи на блокнот или отрывной календарь. Кроме наставлений о дисциплине и порядке, мне Учитель дал совет:

— Имей при себе всегда две ручки с разным цветом. Это очень удобно. Одной будешь делать необходимые записи, а другой выделять в них наиболее важные места.

Что есть ручка? Это подобие карандаша с вращающимся шариком на кончике стерженька. Этот карандаш-ручка не раскручивается. Подобная деталь — изобретение человека, и оно появится у людей позже. Не берусь судить, удобно это или нет. Иные условия вынудили человека к этому изобретению.

Здесь очень многое проще, чем на Земле. Правда, при хорошо отлаженной системе этот процесс аналогичен. Если ручка перестаёт писать, то она просто силою мысли уничтожается без следа. Для людей это более сложно: переработка и использование в ином виде.

— А ещё, — говорил мне Учитель, — возьми завтра с собой две тетради.

— Почему две? — поинтересовался я.

— Потому что система обучения в Синоде поставлена так, что в день не бывает менее одного предмета, и не бывает более двух.

— А что будет завтра? Какие предметы будут преподаваться?

— О! Николай, этого я тебе сказать не могу. Всё узнаешь сам.

— Учитель, я завтра пойду один?

— Нет, первый день ты пойдёшь со мной. Думаю, в дальнейшем в этом не будет необходимости. Ты со всем справишься сам.

– Вот это да! Учитель, ты как мой отец, когда-то он отводил меня в колледж, пойдёшь со мной в первый день занятий в Синоде.

– Что здесь особенного? Ты своего рода моё детище. Я даю тебе определённые знания, помогаю в жизни. Я вроде твоего крёстного отца.

– Я не хотел тебя обидеть, Учитель, – сказал я, поразившись тону, с которым было это сказано.

– Я не обиделся. Это реальность. Я помогаю тебе духовно расти. А в Синод в первый день все приходят с Учителями своими, или с теми, кто их сопровождает. Таков порядок.

Учитель говорил более спокойно и мягко, но в нём чувствовалось раздражение. Я лишь терялся в догадках, чем оно вызвано. Спустя несколько минут молчания Учитель подошёл ко мне. Положив руку на плечо, он заговорил совсем спокойно:

– Николай, я немного вспылil. Не обессудь, я возбуждён сегодня до предела.

– Что-нибудь не так, Учитель?

– Да, не совсем то, что я ожидал. Но это касается только меня. А тебе надо отдохнуть, завтра будет сложный для тебя день. Доброго сна тебе.

– Благодарю, – ответил я и ушёл спать.

Меня не пришлось будить, я поднялся раньше Учителя. Отложил две тетради, приготовил две ручки разных цветов. И стал сооружать учебное одеяние. Не сразу, но у меня получилось именно то, что я хотел. Когда одежда была готова, я разбудил Учителя. Он ахнул, увидя меня:

– Николай, да ты просто молодец!

Он быстро встал с постели и, обходя меня, стал рассматривать.

– Ты отлично всё продумал. Просто и удобно. А вот эта деталь зачем? – спросил Учитель, поднимая рукой ткань, спадающую от плеча слева и закреплённую чуть ниже талии справа.

– Чтобы помещать сюда тетради и ручки. Это удобно, я пробовал.

– Что ж, теперь покажи для меня.

Я охотно продемонстрировал своё «изобретение». Учитель похвалил меня только за утро в третий раз:

– Ты делаешь успехи, Николай, похвально. А главное – твоя выдумка удобна и практична.

Я никогда не думал, что простое слово похвалы, да и не только похвала, а просто доброе слово может так окрылять! У меня словно крылья выросли за спиной. Мне хотелось творить, созидать и воплощать в жизнь обрётённое.

Не забывайте, люди, что **слово имеет силу!** Оно может вернуть к жизни, а может и убить...

Следующий день был насыщен событиями. Все начинающие учёбу снова были в том же зале со своими сопровождающими. Встречать нас вышла Лига и ещё двое мужчин.

– Мне приятно сообщить вам о начале занятий в Синоде Духовного Образования, – начала Лига, – я приветствую всех собравшихся.

– А сейчас, – отозвался вслед за Лигой мужчина, – я прошу только учащихся следовать за мной. Остальные могут быть свободны.

– Если у кого-то есть вопросы, можете задать, прежде чем мы уйдём, – сказала Лига.

Ответом ей была тишина.

– Что ж, тогда следуйте за мной, – снова заговорил тот же мужчина.

– Не робей, Николай, и удачи тебе! – сказал мне Учитель, сжав до боли мою руку.

Через зал прошёл мужчина, молчавший до сих пор, он открыл большие двери зала, как бы приглашая нас войти. Вслед за Лигой и мужчиной мы прошли по коридору, поднялись по лестнице и вошли в просторную комнату. Все робко толпились у входа.

– Вот здесь вы будете заниматься, в этой комнате, проходите и занимайте свои места. Через несколько минут у вас начнётся первый урок. Ну, смелее же..., – приглашала всех Лига.

В комнате, просторной и светлой, более смещённые влево, были расположены места для учащихся. Места были расположены кругами. Три круга: большой, поменьше, в нём ещё меньше, а в центре образовывалась круглая площадка. Справа от входа и дальше за кругом мест комната была пустой, но красиво украшена вьющимися растениями в сочетании с цветами. Комната располагала к хорошему настроению. Всё было как бы пропитано атмосферой доброжелательности. Рассматривая обстановку комнаты и друг друга, мы расселись кто где за-

хотел. Я остановил свой выбор на внешнем большом кругу, а расположился так, что мне были видны и зелёный уголок комнаты и большие окна почти от потолка и до самого пола. Окна задёрнуты лёгкой материей приятного голубого цвета. Занавес хорошо пропускает свет, но не даёт возможности видеть, что там, за окном. Это не отвлекает внимания. Кроме того, со своего места я мог хорошо видеть собравшихся.

В этот день все сидели отдельно друг от друга. Должно быть, знакомых среди присутствующих не было. Если в колледже у нас были невысокие дубовые парты, то здесь всё было иначе: небольшой удобный столик, тоже круглый, его можно поднять или опустить, как удобно, также круглый стул с удобной спинкой. Стул вращается, поднимаясь и опускаясь, можно поворачиваться, куда захочешь. Всё было удобно.

Я достал тетради и ручки, положил свои пожитки на стол и стал рассматривать присутствующих. Нас оказалось мало. Без сопровождающих всего шестнадцать человек, и из них только три женщины. Я не успел присмотреться к людям, с которыми мне предстояло общаться в ходе учёбы, как вошёл мужчина высокого роста. Лицо его приятным, взгляд тёмных глаз — располагающим к себе. На нём было одеяние до пола, поверх накинута лёгкая накидка тёмно-синего цвета. Волосы свободно, мелкими завитками спадали к плечам. В руках он держал подобие тетради и... у него были чётки. Его вид казался несколько странным, особенно одежда. Тёмное на фоне светлого привлекало внимание. Как я выяснил позже, такая одежда была на всех Учителях Синода. Я успел рассмотреть этого человека, пока он шёл к площадке. Он слегка поклонился на четыре стороны и сказал:

— Я приветствую всех собравшихся. Мне радостно, что на мою долю выпало первое занятие с вами. Я — Учитель философии. И должен вам сказать, что при виде Учителя, и когда он входит в комнату, все должны оставаться там, где они оказались. И только после приветствия Учителя можно занять свои места, если вы оказались вне их. Приветствовать Учителя надо лишь кивком головы. Это обязательно. Попробуйте поприветствовать меня, а я посмотрю хорошенько на вас.

И, поворачиваясь, он медленно окидывал взглядом каждого и, получив приветствие, переводил взгляд на другого. Потом объявил:

— Меня зовут Эрнест Морган, но обращаться ко мне следует, как и к другим Учителям просто: «Учитель». А если надо будет найти

меня, то спрашивайте Учителя Моргана. Думаю, что усвоить это не сложно. А теперь я хотел бы познакомиться с вами. Я буду называть ваши имена, а вы будете вставать.

Из названных имён четыре повисли в воздухе. Учитель Морган сделал особые пометки в своей тетради, с которой он зачитывал имена.

Так начались мои занятия в Синоде Духовного Образования. Занятия — они везде занятия. Нам давали материалы для изучения, что можно назвать иначе — читали лекции. Мы практически разбирали отдельные детали, а потом сдавали нечто вроде экзаменов, как в колледже. Мне было приятно посещать Синод. Здесь у меня появились новые знакомые. Но в силу каких-то обстоятельств, я ни с кем особо не сблизился. Первое время занятия в Синоде меня поглощали полностью, занимая мои мысли, мои чувства. После занятий я ходил в Хранилище книг, подолгу задерживаясь там. Брал книги домой и занимался ещё и дома. Учитель часто навещал меня. Он похвалил моё рвение к знаниям. К тому же похвала была заслуженной: я сильно продвинулся по духовной «лесенке» вверх.

Через некоторое время после начала занятий в Синоде мне стали давать индивидуальные задания. Стало интересней: больше свободного времени и более широкий выбор литературы. К тому же я был частично освобождён от посещения отдельных предметов, так как занимался самостоятельно.

Какое-то время я упивался данной мне свободой действий. Но... было много свободного времени, и в такие минуты меня охватывало одиночество. Те люди, что окружали меня, не приносили мне полной радости общения. Мне чего-то не хватало!

Я стал часто ходить к родным на Землю. Но ни бабушка, ни сестра, ни отец не могли заглушить во мне тоску... Снедающую душу тоску. Я был одинок. Рядом со мной не было той, которая могла сделать меня счастливым — Тамары. Я пробовал искать её сам. Зная, что Учитель уклонится вновь от прямого ответа, я не говорил ему о том, что делаю.

Однажды я чуть не поплатился за свою самостоятельность. А получилось всё вот как. В очередной раз представив образ Тамары, я силою мысли и желания переместился... Но куда я попал? Увиденное шокировало меня...

Я стоял на некоем подобии моста через дурно пахнущую речушку. Вокруг меня не было ни души. Со странным чувством страха и омерзе-

ния я рассматривал то, что меня окружало. Сам по себе воздух казался мне тяжёлым и серым. Редкая растительность, если так можно назвать деревья с пожухлой, оплетённой тенётами листвой. Они казались обгоревшими, а местами были выгрызены. Трава с сизым оттенком — и та чахлая. Я не мог здесь более оставаться. От реки поднимался зловонный запах. Меня стошнило. Я ринулся с моста прочь. И чуть не упал. Споткнулся и больно ударился обо что-то рукой. На какое-то мгновение, как мне показалось, я потерял сознание. Через силу я поднялся на ноги, перед глазами плыли круги. Кое-как я сошёл с моста. Чуть в стороне от речушки зловоние реки было менее ощутимо. Я присел на камень (как показалось мне), чтобы немного отдохнуть, а затем выбраться отсюда.

Но не успел я и подумать ещё о чём-нибудь, как «камень», на котором я сидел, зашевелился. Это оказался маленький горбун с ужасным лицом. В первый момент каждый от неожиданности отскочил в сторону от другого. Однако карлик опомнился быстрее, чем я.

— О, свеженький какой! И откуда ты такой тут взялся? — зашипел он, а сквозь редкие зубы побежала зеленоватого оттенка слюна.

Меня снова стало тошнить. Всё нутро собралось в комок. Живот стянуло. И я покатился по земле в приступе острых коликов, слыша над собой злорадное ликование горбуна.

— Да ты совсем, видать, изнеженный! Что? Не по тебе местечко?! Ха-ха-ха...

Не знаю, что произошло со мной. Может быть, я впал в забытье или бредил. Я видел ужасного карлика, а в ушах звенел смех «старичка» в начищенных сапогах. Потом в моём сознании встала картина мерзкой женщины, с головы которой вместо волос, шипя и извиваясь, в мою сторону метались, словно стрелы, змеи. А лицо женщины было искажено тяжёлой отвисающей челюстью, поверх которой с одной стороны торчал желтоватый клык... А потом всё погрузилось во тьму.

Я очнулся через какое-то время. Где я находился — не знаю. Это было нечто вроде норы в земле, насколько я мог определить на ощупь в кромешной тьме. Попробовав подняться, я что-то задел и уронил. На меня пролилось что-то липкое и склизкое, с удушливым запахом. Я почувствовал острую боль в ранее ушибленной на мосту руке и застонал. На шум кто-то появился. В темноте я не мог различить, кто это. Мою руку сжали, словно тисками, и я резко подался вперёд. Меня ку-

да-то волокни. Впереди виднелся просвет. Я не пытался сопротивляться, сотрясаемый болью в руке.

И вот стало немного легче. Удушливый запах остался позади. Стало намного светлее, а тиски сжимающие руку, ослабли. Я лежал у ног карлика-горбуна. Он злорадно шипел:

— Что тебе было нужно? А? Махал руками что мельница. Я целый год собирал это! А ты всё одним махом на себя пролил! У-у-у! — он угрожающе занёс кулачище над моей головой. Но передумал бить и опустил руку.

Он исчез на мгновение и появился вновь, держа в руках что-то бесформенное. За время его отсутствия я лишь успел сесть. Прежде, чем я успел опомниться, горбун облил меня. По запаху я догадался — вода из речки. Я снова потерял сознание.

Сколько времени я провёл в таком состоянии — не знаю. Силы во мне восстановило видение: я стою на зелёном лугу, благоухают цветы, слышится щебет птиц и близкое журчание ручья. Я поднимаю голову и вижу возле себя старца в белой одежде, я различаю узор, расшитый на рукавах, а потом моё внимание приковывает его взгляд. Он что-то говорит мне, но я не слышу и не понимаю слов. Я вижу, как шевелятся его губы, он обращается ко мне снова и снова. И словно сквозь пелену дурмана я уловил смысл его слов:

— Испей воды, — говорил мне старец.

И только после этого я увидел, что в руках он держит чашу с водой. С чаши стекают капельки и падают в траву. Касаясь травинок, они распадаются на более мелкие, издавая при этом хрустальный звон. Я, не в силах поднять рук, но пересилив себя, склоняюсь к чаше и пью воду...

Всё это в сознании запечатлелось ярким видением, которое я помню в мелочах до сих пор.

Я почувствовал лёгкий толчок в спину, где-то на уровне лопаток, и открыл глаза. Я лежал на берегу всё той же зловонной речушки, но чувствовал в себе силы. У меня ничего не болело. Приподнявшись на локте, я огляделся. Рядом никого не было. Я сел. И тут, как из-под земли, появился карлик-горбун. Я хотел, прежде чем он подойдёт ко мне, перенестись домой, но не мог. Я не мог сосредоточиться, а карлик шёл ко мне. Шёл медленно, глядя прямо мне в глаза.

В голове пронеслась мысль, я где-то читал: «Взгляд глаза в глаза проникновенен и может парализовать действия или управлять ими».

Я резко отвёл глаза в сторону и поднялся на ноги.

– Нет, ты не уйдёшь от меня так просто! – зашипел карлик.

Я пытался не смотреть на него, но краем глаза следил за его действиями, сам же отходил от него в сторону. Мне казалось, что я нахожусь на безопасном расстоянии от него. Тут я сосредоточился и.... в чём-то запутался. Я завис в воздухе, охваченный чем-то вроде сети, удерживающей меня в полной неподвижности. Мысль сработала молниеносно:

– Господи, спаси!

Сеть, удерживающая меня, ослабла, и я рухнул на землю, но не почувствовал никакой боли от удара. Я, словно мячик, упав, упруго оттолкнулся от земли. Карлик-горбун снова что-то метнул в меня, но я успел увернуться. В момент броска Карлик потерял равновесие и упал. Это и спало меня.

И вот я дома. Бесшумно вошёл в дверь. Учитель размеренным шагом ходил из угла в угол по моей спальне. Он почувствовал моё появление и резко обернулся в мою сторону.

– Где ты был? – вопрос прозвучал строго и резко.

– ...

– Я спрашиваю тебя, где ты был? – повторил снова вопрос Учитель.

Что я мог ответить? Я и сам не знал, где был и сколько времени отсутствовал.

– Ты можешь мне хоть несколько слов сказать? Что случилось с тобой?

– Я не знаю, Учитель!

– Садись и всё рассказывай. Всё подробно.

Как ни было мне трудно сказать Учителю истинную причину моего «путешествия», я всё же рассказал всё, как было.

– Сколько времени я отсутствовал, Учитель? – закончил свой рассказ я вопросом.

– Тебя не было двенадцать дней!

– ... ?

– Я не знал где тебя искать. Как ни пытался я хоть где-нибудь уловить твоё присутствие – тщетно. Всюду – пустота. Ты всё это время был без сознания. Это всё и объясняет.

– Учитель, я прогневил тебя, прости...

— Я не в гневе на тебя, а в страхе за тебя, — оборвал меня на полуслове Учитель, — я потерял тебя, потерял с тобой связь. Это ужаснуло меня, потому что могло значить лишь одно — ты погиб. Но тебя спасло Провидение, и я рад, что ты вернулся.

— Спасибо, Учитель! — воскликнул я, поражённый болью в глазах, с которой говорил Учитель.

— Благодарю не меня, а Бога! Только Ему известно, кто и каким чудом вернул тебе жизнь. Я же могу тебе сказать только одно: прекрати бессмысленные поиски Тамары. Она сама придёт к тебе...

— Когда?!

— ...

— Учитель, когда она придёт? — настаивал я.

— Не требуй от меня слишком многого. Я тебе могу сказать только то, что она придёт к тебе сама. Когда? Жди...

— Но я...

— Никаких «но»... Если не дорога жизнь, можешь ещё раз отправиться в преисподнюю. Сейчас я ухожу, а ты ложись и хорошенько отдохни. Завтра тебе надо будет усиленно заняться историей развития искусства. Через два дня у тебя экзамен.

— Что?

— Я сказал тебе всё. Ложись и отдыхай, знаешь, как говорят: «Утро вечера мудренее». На свежую голову всё и решишь. До встречи.

— До встречи, Учитель.

Я остался один. Всё, что меня сейчас занимало — это экзамен. Я не мог его не сдать, для меня провал был бы равнозначен катастрофе — отчисление из Синода Духовного Образования.

Мысли сгрудились в голове где-то в одном месте, образовался как бы забор, через который я не мог прорваться. Я не знал, что мне делать и за что браться в первую очередь. Но в тот вечер я так ничего и не решил для себя. Меня смирала усталость, и я погрузился в сон. Проснулся я от того, что меня кто-то будил. Это был Учитель.

— Просыпайся же, Николай. Тебе предстоит много работы сегодня, — Учитель говорил спокойно.

После лёгкого завтрака я отправился в Хранилище книг Синода и там провёл весь день. Уходя домой, я взял с собой несколько книг.

Дома меня ждали Учитель и Нелли. Учитель, увидев меня с книгами, улыбнулся и сказал:

– Нелли, я оставляю этого молодого человека на твоё попечение. Думаю, что у тебя хватит настойчивости уговорить его что-нибудь покусать. А я уйду на время. Мы ещё увидимся.

– Учитель, куда же ты?

– Я скоро вернусь, – и он ушёл.

– Как прошёл день, Николай? – спросила Нелли.

– О! Это что-то невероятное! Не думал, что во мне столько скрытой энергии, которой хватило на столь усердную работу в течение всего дня, и без единого передыха.

– Николай, ты так истощаешь себя!

– Но у меня нет другого выхода. Я должен сдать этот экзамен во что бы то ни стало.

– Я верю, что тебе будет сопутствовать удача, но поесть ты должен непременно.

– Нелли, право, я не ощущаю голода!

– И тем не менее, ты поешь. Иначе я не оставляю тебя в покое и не дам тебе спокойно заниматься! – голос Нелли звучал ласково. Она шутила, и я сдался.

– Хорошо, Нелли, идём ужинать.

– Так-то оно и лучше.

После ужина Нелли сказала, что всё уберёт со стола сама, а я могу идти заниматься, что я и сделал. Нелли ушла, не простившись, чтобы не отвлекать меня от книг. Вскоре вернулся Учитель.

– Нелли ушла? – поинтересовался он.

– Да, совсем давно.

– Ты ужинал?

– Да.

– Хорошо, занимайся, а я схожу к Евгению и Нелли. Евгений сегодня должен был закончить рисовать картину. Охота увидеть эту работу.

– Мне тоже. Но...

– Вот именно, но... Поэтому я тебе не буду мешать.

Учитель ушёл, а я погрузился в книги. Даже не слышал, когда он вернулся. Я встал, чтобы чего-нибудь попить и, выйдя в столовую комнату, увидел Учителя. Он что-то читал.

– Ты уже всё проработал?

– Нет, Учитель. Это лишь небольшая передышка.

– Что ж, это тоже надо.

Я налил себе в стакан вишнёвого сока и маленькими глотками стал отпивать его содержимое.

– Учитель, что ты читаешь?

– ..., – он лишь перевернул книгу ко мне так, чтобы я мог прочесть надпись, которая гласила: «Жизнь великих людей на Земле и в Космосе».

Больше вопросов у меня не было. Я продолжал заниматься и не увидел, когда Учитель ушёл отдыхать. Я же отключился, обессилев, за столом, сложив руки на книгу, а голову на руки. Из состояния полудрёмы меня вывел Учитель. Когда я вошёл в столовую комнату, то сразу почувствовал запах липового чая. Стол был накрыт. Я поблагодарил Учителя за заботу, и снова ударился в изучение предмета. За этот день я дважды бывал в Хранилище книг Синода, менял там книги, а возвращаясь домой, занимался. Отдохнуть мне перед экзаменом так и не удалось.

Перед тем, как идти на экзамен в Синод, Учитель остановил меня:

– На вот, выпей. Станет легче, – он протягивал мне прозрачный светло-зелёный отвар чего-то.

Я выпил, не спрашивая, что это. По вкусу определить ничего не удалось, а вот запах говорил, что это – хвоя.

– Учитель, чьё это изобретение?

– А что, не вкусно?

– Да нет, приятно, но не совсем понятно.

Учитель улыбнулся и уклончиво ответил:

– Это я взял у старца Николоса специально для тебя. При такой нагрузке, что ты позволяешь себе, возможно истощение. А отвар подержит тебя. Вот и всё.

– Но кроме хвои здесь есть ещё что-то?

– Да, но этого Николос не раскрывает. Это его маленькая тайна. Поторопись, а то опоздаешь, – поторопил меня Учитель.

В целом я был готов к экзамену, но чувствовал волнение – ведь в первый раз сдаю. Но волновался напрасно. В Синод я успел вовремя. Когда я вошёл в комнату для занятий, все были в сборе и поочерёдно подходили к Учителю и брали из его рук таблички. Каждый брал то, что желал, но не совсем так, правильнее сказать, брал сам наугад то, что попадёт. Я тоже взял табличку и сел на своё обычное место.

Что представляет собой табличка? Это небольшого размера прямоугольные листочки плотной бумаги, покрытые сверху тонким слоем воска, но достаточно толстым, чтобы можно было писать по нему. В каждой табличке шесть вопросов, на три из которых по-своему усмотрению нужно непременно ответить. Если Учитель удовлетворён ответом, вопросов больше не задаётся, если нет, то дополнительно задаются вопросы, но по выбору Учителя.

Экзамен я сдал хорошо. Вместо трёх обязательных ответов, я мог дать ответ на все шесть из таблички, и не только из неё. Оценок никто не ставит, если сдал — прошёл дальше, нет — остаёшься на том же уровне или понижаешься на уровень ниже. Но нам было некуда понижаться на уровень, мы начинали, как говорится, «с нуля».

Потом с некоторыми перерывами я сдал ещё одиннадцать предметов. И сразу поднялся на четвёртый уровень. То есть сменил, если так можно сказать, класс. Так же на четвёртый уровень поднялось ещё несколько человек. А в их числе была Ольга. Хрупкая на вид девушка, с большими карими глазами, очень мечтательная. Во время экзаменов мы подружились и, перейдя на другой уровень Синода Духовного Образования, почти всё время проводили вместе.

Не часто после занятий мы гуляли. Забирались в самые отдалённые уголки сада при Синоде, подолгу беседовали или просто молчали. Ольга ничего не рассказывала о себе, а я не настаивал на этом. Любое, даже мельком, упоминание о прошлом болью отражалось на её лице. Из редких обмолвок я понял, что её укусила змея. Пока нашёлся лекарь, было уже поздно. И ещё она очень сильно тосковала по молодому человеку, оставленному ею вот так внезапно. Насколько это было возможно, я шадил её чувства, также ничего не говоря о себе, чтобы ненароком не вызвать в ней воспоминания.

Пока я сдавал экзамены, Учитель был всё время со мной. Часто приходила Нелли. Евгения я видел редко: он усиленно занимался отработкой техники по живописи картин.

Чем больше я узнавал, тем всё меньше нуждался в помощи Учителя. Если возникали какие-то проблемы, у меня было достаточно знаний, чтобы найти ответ самому. Но Учитель не оставлял меня. Это было приятно.

От поисков Тамары я отказался, но и Учителя больше ни о чём не спрашивал. Нося камень в сердце, я ждал... Не знаю, чего, но ждал... Моя интуиция или предчувствие не сулили ничего хорошего, но я ста-

рался не думать об этом. Подавлял суматоху мыслей упорным стремлением к познанию. И как свет во тьме для меня в это время была Ольга. Изредка я читал ей свои земные стихи.

– Николай, – спросила она однажды, – а здесь ты продолжаешь писать стихи?

– Нет, не могу.

– Почему?

– ..., – я и сам не знал почему, но за всё время пребывания здесь я не написал ни одного стиха. Что я мог ответить кроме: – Не чувствую в себе вдохновения. Какое-то подавленное состояние не даёт воли фантазии.

Ольга смотрела на меня с недоумением:

– Ты тоже несчастен? – внезапно спросила она.

– Да, – коротко ответил я.

– А мне казалось, что ты имеешь всё для радости. Ты никогда не выглядел грустным.

– Это только потому, что я углубился в занятия, и сам пытаюсь подавить в себе боль.

– А я не могу... Не могу не думать о нём. Знаешь, Николай, – её голос приобрёл доверительный оттенок, – я часто хожу на Землю и смотрю, как он там...

Я не спрашивал, кто. Всё было и так ясно. Я не перебивал её рассказ, Ольга же часто останавливалась, говорила и говорила...

– Я вижу, что он скорбит, мучается. Но он... Он всё же мужчина... Я хочу, чтобы он женился, имел детей, он так хотел их... Но я не могу..., не хочу, чтобы он забывал обо мне... Прошло уже столько времени..., шестнадцать лет... Как это много и в то же время мало... Он... он стал ухаживать за одной женщиной. Пусть женится... Но... Я не могу так, не могу...

Ольга рыдала, и сквозь рыдания лилась ещё более бессвязная речь. Она проплакалась. Думаю, что ей в тот миг стало легче. Но это была последняя наша встреча. Я больше не видел Ольгу.

Спустя некоторое время я рассказал эту историю Учителю, закончив её вопросом:

– Учитель, а можно узнать, что с нею стало?

Он посмотрел на меня внимательно, немного о чём-то подумал и заговорил:

– Сядь рядом со мной, держись за мою руку, закрой глаза и смотри.

Я видел Ольгу, но в ином состоянии. В ней что-то изменилось, я не мог понять, что... Через видение я слышал голос Учителя, он направлял меня:

– Смотри дальше. Видишь дом?..

– Да.

Я видел роскошный особняк. Большая зала полна народу. За столом сидит чета молодых...

– Достаточно, возвращайся обратно, – так Учитель вернул меня из видения в реальность.

– Ты видел свадьбу?

– Да, но Учитель, причём тут Ольга?

– Ты не понял, что она решила уйти к любимому. Она придёт дочерью.

– А он знает об этом?

– Откуда ему это знать? – спросил Учитель, вопросом ответив на вопрос.

– Учитель, а что случилось с Ольгой? Она выглядела как-то странно...

– Ничего особенного. Это естественное состояние души, идущей на Землю. Она перешла в иное состояние. Она как бы зависла над ними их ребёнком. Вот так.

– Я знаю, что так бывает, но видел в первый раз.

– Николай, у тебя уже достаточно знаний, чтобы жить без моей помощи. В последнее время ты почти не нуждаешься во мне. Ты во всём отлично справляешься сам. Я скоро оставлю тебя.

– Что? Когда? – я был поражён.

– Через две недели.

– Так скоро?

– Я был приставлен к тебе на год. Срок истекает через две недели.

– ...!? – Я не находил слов, всё смешалось. Мысли неслись огромным потоком, не задерживаясь.

– Николай, всё, что от меня требовалось, я дал тебе, большего я не могу сделать для тебя. Всё, что могу предложить – это дружбу. Я..., – он осёкся, но быстро справился с волнением и продолжил, – Я привя-

зался к тебе, как ни к кому ранее. Ты стал для меня всё равно что сын. Я за тебя столько переживал...

— Я знаю, Учитель. И очень признателен тебе во всём. Но что будет со мной после твоего ухода?

— А что должно быть? Твоя жизнь вошла в нормальное русло. Ты будешь жить. Просто жить...

— Один...

— Не думай так и не говори так. У тебя есть друзья — Николосли, я ли или Евгений и Нелли. Ты не одинок!

— Да, ты прав, Учитель, но я ... — я не закончил фразу. По глазам Учителя я понял, что не стоит затевать эту тему. Большого он мне сказать не мог. Он уже сказал однажды: «Жди. Просто жди. Она придёт сама».

Я снова вспомнил о Тамаре. Снова меня снедала боль и тоска одиночества. Да, у меня были знакомые и Бен... Воспоминания о нём не принесло облегчения. Бен тоже был далеко от меня.

— Учитель, — обратился я к нему, — а что значит для человека дата — «Год»?

— Это объясняется очень просто, — задумчиво начал Учитель, — прежде всего: год для души — интервал времени, чтобы освоиться со своим положением, свыкнуться с новым состоянием. Это время даётся ещё и на то, чтобы определиться с выбором места жилья. Конечно у каждого свой путь. Кто-то всё обустроивает быстро. У кого-то на это уходят годы... — Учитель погрузился в раздумье, и несколько позже продолжил: — Но самое основное: за год можно заслужить более лучшей участи, или же ухудшить своё положение. Вот с тобой как было? Ты помнишь Вайнера на руднике?

— Да, конечно помню.

— С ним произошёл уникальный случай. Он из осуждённых на пожизненное выполнение повинностей, пока не износится и не перестанет существовать как энергия, был возрождён... Он возвращён к возрождению, и невольно причиной этому стал ты.

— Учитель, но ведь я неичего не делал. Это он проявил ко мне сострадание!

— Я же говорил тебе, что ты не сознавал, что делал Доброе дело. Ты был к нему снисходителен, проявил особое состояние, это растрогало его душу, и он очнулся от глубокого состояния заторможенности на собственном «Я».

– Но я об этом ничего не думал и даже не мог предположить...

– Вот именно, ты действовал по велению души, не задумываясь, что тебе это принесёт. Сам случай раскрыл перед тобой огромные просторы: ты освобождён от выполнения двадцатилетних повинностей на руднике. Тебе дана возможность входить во Вселенское хранилище знаний (иными словами – Банк Космической Информации). А когда-нибудь, я не буду определять точный срок, ты выполнишь очень важную миссию на Земле для людей. Но находясь ещё здесь.

Учитель снова замолчал, он загадочно улыбался, а его глаза озарились внутренним светом радости. Я ещё никогда не видел его таким!

Время, данное Учителю на общение со мной – таяло. И вот настал день прощания. Конечно, мы не расставались, а лишь удалялись друг от друга. Теперь Учитель не был для меня Учителем. Он стал мне другом, почти отцом...

В тот день я как обычно был на занятиях в Синоде. Но мои мысли безотчётно неслись к родным, к тем, кто жил на Земле. Я ощущал как бы их присутствие рядом со мной. И мне уже не надо было ничьих объяснений, я мог сам себе объяснить это состояние. Они вспоминали меня, много обо мне говорили, а я чувствовал, воспринимал, улавливал их мысли и разговоры обо мне. Я подумал, что хорошо вот так обходиться без чьей либо помощи, но мне стало и немного грустно от того, что это означало и разлуку с тем, к кому я привязался – с Учителем. Я находился в состоянии прострации. И в таком состоянии вернулся домой из Синода. Учитель ждал меня. Этот вечер мы коротали вдвоем. Учитель сам приготовил ужин, сам накрыл на стол. Сегодня всё делал он, я же был его «гостем» у себя в доме. Надолго запомнился мне этот вечер.

– Сегодня я возвращаюсь домой, – говорил мне Учитель, – смотри, не делай глупостей, пускайся в неизвестность.

Конечно, я понял, что он имел в виду мои поиски Тамары. Мне не хотелось торжество этих минут омрачать воспоминаниями о ней, я заговорил о другом.

– Скажи, Учитель, что ты будешь делать теперь?

– Пока не знаю. Мне надо доложить о ходе событий с тобой. Что скажут мне по этому поводу – тоже не знаю. Если сразу не буду приставлен к кому-нибудь Учителем, то немного отдохну. Поработаю

в своём садочке, я его подзапустил: надо клумбы привести в порядок, арыки дальше прочистить. Да и так дел хватит.

— Учитель, кому ты должен доложить о проделанной работе?

— Кому? — улыбнулся Учитель и ответил: — Тому, кто стоит надо мной. Опережая твой вопрос: «Кто это?» — отвечу: «Апостолу Павлу».

— ...?

— Да, не удивляйся. Вселенная живёт и развивается по своим законам. Не мне говорить тебе про это. Ты прекрасно знаешь сам.

— Учитель, я согласен с тобой. Но ты никогда не рассказывал о себе. Почему?

— Я не должен был об этом говорить. Теперь можно. Пока Учитель ведёт кого-то, он не должен рассказывать о себе ничего, потому что люди бывают разные. Есть открытые и доверчивые, а есть — коварные и хитрые. Молчание о себе — это как бы залог, что сказанное тобой не будет использовано против тебя же самого.

— Учитель, я всегда обращался к тебе так. Но у тебя ведь есть имя!?

— Да, конечно, есть. Моё имя Биатриче Домиано. Если хочешь, можешь называть меня по имени — Биатриче, или просто — Био, так зовёт меня Николос, да и не только он. Николай, ты можешь спрашивать всё обо мне, что тебя интересует. Я отвечу.

— Учитель, — снова назвал я его так, — как ты стал Учителем? Почему?

— О, это долгая история. Но сегодня весь вечер наш, я расскажу тебе её. Всё началось очень давно. Моё начало пошло от кедрового дерева. Был собран большой запас энергии. Первую жизнь на Земле я прожил хорошо, как говорится, достойно. Через какое-то время я решил снова идти на Землю, чтоб подняться в развитии выше, но... Я сломал себе жизнь сам. В общей сложности я поменял девять тел, прежде чем достиг этого положения, а ведь мог после второй жизни иметь то, что имею теперь.

— Учитель, кем ты был на Земле?

— Кем? О! Что я только ни прошёл: от Парижских трущоб до Тибетских монахов.

— Сколько времени это всё продолжалось?

— Более восьми веков.

— Учитель, ты сам выбрал себе эту работу?

– Не совсем сам. Мне это было предопределено Свыше, я шёл к этому долго и очень мучительно. У меня было всё, но во благо добра я отказался от всего, что имел, оставив лишь самое необходимое, я получил право именоваться «Учителем».

– Как долго ты Учитель?

– Я не задумывался над этим. Мне кажется, что совсем немного, хотя во времени два века – это солидный срок. Николай, ведь когда время летит, его не замечаешь, а когда счастлив, то не считаешь часов. Время – величина постоянная, это лишь мы движемся сквозь него, то быстрее, то медленнее.

– Учитель, тебе нравится эта работа?

– Несомненно! Эта работа, в которую необходимо вкладывать всего себя без остатка, только отдавая всё, что имеешь, и видя результат своей работы, можно найти удовлетворение в ней.

– Учитель, ты живёшь совсем одиноко. Тебя это не тяготит? – я задал этот вопрос вкрадчиво, не зная, как он отнесётся к нему.

– Нет, Николай, меня это не тяготит. Во имя Света и Добра я отрёкся от всего, что имел, и не сожалею. Когда-нибудь я вернусь ещё раз на Землю, чтобы обрести Любовь и пребывать здесь в радости, наслаждаясь полностью бытия. Но как скоро во мне созреет подобное желание – не знаю.

– Учитель, а как ты находишь себе учеников?

– Я не ищу их, мне их указывают.

– Учитель, а трудно быть Учителем?

– Если самоотвержен, то нет, но не любой может достичь этого звания, его получают личности сильные. Не подумай, что я пытаюсь возвысить себя над другими, вовсе нет. Но это действительно так, ведь от Учителя требуется очень многое, что может выполнить лишь сильный духом и волей. Кроме того, надо обладать обширными познаниями, чтобы чему-то научить другого.

В этот вечер мы вспоминали мой путь испытаний. Подолгу обсуждали какие-то детали, расходиться совсем не хотелось.

Но вот Учитель после небольшой паузы в разговоре встал и как-то странно, глядя на меня, сказал:

– Мне пора, Николай. Я не хочу прощальных слов, мы не расстаёмся, а лишь на какое-то расстояние удаляемся друг от друга. Где и как меня найти, ты знаешь, объяснять не надо. И знай: что бы ни случилось, ты можешь приходить ко мне в любое время. Чем смогу, всегда

буду рад помочь тебе. Не провожай меня, не надо. До встречи, Николай.

— До встречи, Учитель! — эхом отозвался я.

ГЛАВА 7

С уходом Учителя для меня начался новый этап жизни, где я полностью был предоставлен себе. За время общения с Учителем я успел войти в размеренный ритм повседневности. И после его ухода я почувствовал пустоту. Мне его не хватало. Чтобы хоть как-то уйти от ощущения пустоты, я усиленно занялся учёбой. И за короткий срок, в полгода, я прошёл два курса обучения. То есть я поднялся на шестой уровень Синода. Это значило, что по собственному желанию я могу прекратить занятия. Необходимые знания я приобрёл. Таково положение Синода.

Внутренне я не хотел оставлять учебу. У меня всё больше и больше возрастал интерес постичь «запредельное», то есть то, что мне ещё не известно. Но усиленные занятия измотали меня, я хотел немного отдохнуть.

После сдачи последнего экзамена, я пошёл к Лиге. Только она могла разрешить этот вопрос. Постучав в двери и дождавшись приглашения: «Можешь войти», — я вошёл в комнату Лиги. Она была задумчивой и, казалось, вне настроения. И вообще было странным, что у входа к ней никого не было: обычно дежурил кто-нибудь и докладывал ей о приходе учеников и по какому поводу. Я хотел уйти, извинившись за вторжение.

— Я, наверное, не вовремя, зайду после, — я был готов выйти, но Лига остановила меня.

— Николай, проходи.

Меня удивило, что она знает меня по имени. Ведь в Синоде столько учеников! Я же видел её за всё это время дважды, не считая первого дня зачисления в Синод.

Должно быть, я вопросительно смотрел на неё, думая откуда она знает моё имя, на что Лига ответила:

— В Синоде много учеников, но таких как ты — единицы.

— ...?

– Да, тебя это удивляет? Но то, что рассчитано на годы, ты прошёл меньше, чем за год. Ну да ладно, – вздохнула она и продолжила, – ты о чём-то хотел поговорить?

– Да.

– Говори, я слушаю тебя.

– По положению Синода я могу по своему желанию прекратить занятия после шестого уровня образования?

– Да. Но тебе было бы нелепо бросать учёбу, – Лига была удивлена моим вопросом.

– Я не хочу оставлять учёбу. Но в последнее время я много занимался и устал. Я хотел бы какое-то время отдохнуть. Такое возможно?

Пока я говорил, Лига напряжённо смотрела на меня и, вздохнув с облегчением, сказала:

– Только и всего-то?! Я думала, мне придётся уговаривать тебя не оставлять занятия в Синоде, а ты просишь только отдых. Конечно, можешь отдыхать. Сколько захочешь. А когда решишь вернуться к занятиям, тебе надо будет поставить в известность меня. И всё.

– Если б я решил оставить занятия в Синоде, меня бы просили остаться? Почему?

– Потому что тебе надо учиться дальше и Синод для тебя – не предел.

– Как это – не предел?

– Кроме Синода Духовного Образования существует ещё и Синод Вселенских Истин. Тебе надо будет учиться и там.

– Зачем? Разве Синода Духовного Образования не достаточно?

– Нет. Немного позже ты поймёшь – почему. А теперь ты можешь заняться всем, чем пожелаешь. А когда решишь вернуться в Синод, придёшь ко мне. До встречи, Николай.

– До встречи, – ответил я и вышел.

Я не знал, куда мне идти. На крыльце Синода я задержался, размышляя, куда же мне податься. Мысль пришла сама собой: «Учитель».

И вот я уже стою возле домика Учителя, но входить не хочу. Я знаю, что он пуст. Ждать, когда вернётся Учитель, желания нет. И тут, как бы со стороны я слышу: «Николай, если я тебе нужен, я у Николоса. Приходи».

Я удивился: никого рядом не было, а звучал голос Учителя, как если б он стоял где-то рядом, невидимый мной. Я прислушался, и вновь

прозвучала та же фраза, слово в слово. Тогда я отправился к Николосу. Учитель был там, и он очень обрадовался моему появлению.

– Николай, не думал, что ты так скоро будешь искать со мной встречи. Как ты нашёл меня?

– Я был у тебя дома...

– Тогда понятно, – перебил меня Учитель, что бывает очень редко с ним, – ты получил сообщение, которое я оставил специально для тебя.

– Как это делается? – спросил я.

– Это несколько сложно, но вполне возможно. А вот удерживать информацию сложнее. Надо постоянно, где бы ты ни был, удерживать в памяти эту фразу.

– Учитель, а эту информацию может получить любой?

– Нет. Только тот, кому она предназначена.

– Это здорово! – восхищение моё было велико.

– Конечно, это очень удобно, – согласился Учитель.

Пока мы разговаривали с Учителем, из дома во двор вышел Николос.

– А, Николай! – воскликнул он. – Рад тебя видеть.

– Мне тоже приятно быть снова в твоём доме, – ответил я.

Здесь всё было ближе и дороже мне, чем в собственном доме. Здесь жили люди и воспоминания, которые мне были дороги. А мой дом был пуст. Поприветствовав Учителя и Николоса, я прошёл в сад, туда, где благоухали цветы, а потом к пасеке. Я долго сидел возле улья, наблюдая за насекомыми, их монотонное жужжание действовало на меня успокаивающе. Пчёлы опускались на леток и через небольшое отверстие заползали в улей. На задних лапках некоторых пчёл были жёлто-оранжевые мешочки. Как объяснил мне Николос, это пыльца с цветов в переработанном пчёлами виде, её называют «перга», или «хлебина». Для пчёл это источник питания.

Я сидел, глядя на пчёл, и размышлял об этих удивительных созданиях, когда услышал, что меня зовёт старец Николос.

– Николос, я здесь, в пасеке.

Старец подошёл ко мне и сказал:

– А я уж подумал, что ты куда-то снова подался. Пойдём в дом, а то мне одному невесело что-то.

– Одному? А Учитель? – спросил я.

– А что Био? Он сказал, что скоро вернётся, и ушёл. Он часто так внезапно уходит, и так же внезапно появляется.

– Куда он уходит? – поинтересовался я.

– Не знаю, он редко говорит о подобных исчезновениях. А я не спрашиваю. У него своя жизнь, своя работа, причём очень беспокойная работа. К тому же мы знаем друг друга достаточно хорошо, и к большему не стремимся. Зачем? Если и так можно жить.

– Это верно... Николос, а Учитель тебе ничего обо мне не говорил? – спросил я старца вкрадчиво.

– Он говорил о тебе многое. Что ты имеешь в виду?

– Николос, мой больной вопрос: «Тамара».

– Николай, Био говорил тебе, что она придёт к тебе сама. Жди.

– Но сколько можно ждать! – воскликнул я в сердцах.

– Ровно столько, сколько это необходимо, – спокойно ответил старец. – Пойми, Николай, – продолжил он, – всему своё время. Зачем забегать вперёд прежде, чем что-то должно произойти? Ты лучше о себе расскажи. Как у тебя учёба в Синоде?

– Я пока решил не учиться, отдохнуть хочу.

Николос смотрел на меня с интересом, но молчал, он ждал пока я всё объясню сам. И я заговорил снова:

– Понимаешь, Николос, я устал. Устал и хочу отдохнуть. Я завершил шестой уровень Синода. Ты знаешь, что по положению я могу оставить учёбу в нём, но не буду этого делать. Я продолжу учиться, Лига одобрила моё решение.

– Так ты уже разговаривал с ней?

– От неё пошёл к Учителю, а от него к тебе.

– В общем ты прав, Николай, тебе действительно надо отдохнуть. За полгода ты прошёл шесть уровней Синода, прекрасно! Ты теперь можешь быть свободен несколько лет, прежде чем вернуться к учёбе снова.

– Несколько лет? – удивлённо переспросил я.

– Да. Несколько лет.

– Но я не думал так долго отдыхать. Я просто хочу попутешествовать. Ведь такое возможно?

– Конечно. В чём вопрос? А как далеко ты хочешь отправиться?

– Я ещё пока не решил, куда именно идти мне. Если позволишь, несколько дней хочу провести у тебя.

– Ты же знаешь, что мой дом всегда открыт для тебя. Сколько пожелаешь, можешь жить у меня. И мне будет веселее.

– Николос, я никогда не спрашивал тебя, впрочем, если не хочешь – не говори. Почему ты всегда один? Это не тяготит тебя?

– Я знал, что рано или поздно ты задашь этот вопрос. Здесь нет никакой тайны. Я расскажу. Это сейчас мой дом пуст, а прежде всё было иначе. Я жил с любимой и был счастлив. Да и сейчас я не одинок, хоть и нет её рядом со мной.

– Как же так, Николос?

– У меня есть всё необходимое. И мне нет необходимости возвращаться на Землю. А Мэри... – он вздохнул, – Мэри необходимо было это. Она очень многому научилась здесь и, чтобы подняться в совершенстве на достигнутый уровень, ей было необходимо пройти ряд испытаний, что возможно только в теле. Поэтому я сейчас один, но она вернётся ко мне.

– Как долго ты уже один?

– Время относительно. Она живёт сейчас в небольшом городке. Ей семнадцать лет. Я знаю, что скоро она выйдет замуж. Большой любви к мужу у неё не будет. Родив двух детей-погодок, она потеряет мужа и больше не будет ни с кем искать встречи, всецело посвятив себя детям – двум прекрасным сыновьям. А потом мы соединимся вновь.

Старец Николос замолчал, размышляя о чём-то о своём, и я не нарушал хода его мыслей. Так, в молчании, мы допили чай с соевым мёдом. Старец всё пребывал в состоянии прострации, я же тихо убрал со стола посуду и вышел во двор.

Зайдя в глубь сада, я нашёл знакомую мне скамейку возле небольшого столика. День клонился к вечеру, и в саду уже начал насвистывать соловей. Вслушиваясь в его пение, я погрузился в свои мечты и воспоминания. Как долго я пребывал в задумчивости – не знаю. Я очнулся от лёгкой прохлады, тянувшейся от реки за садом, когда уже почти совсем стемнело.

Несколько дней я провёл в доме старца Николоса, всецело отдаваясь работе в саду с цветами. Я уставал и под вечер буквально валился с ног, но отдыхал душой. В работе я находил удовлетворение, и спокойствие возвращалось ко мне.

Я решил путешествовать и выполнил своё намерение, но прежде всего я решил посетить Бена. А получилось это вот как.

Однажды вечером Учитель поинтересовался:

— Николай, где бы ты прежде всего хотел побывать?

— Где? Я ещё не знаю. Но мне очень хочется увидеть Бена, если это возможно.

— Отчего бы и нет, думаю, что это доступно. А ты знаешь, где его искать?

— Нет, Учитель, но думаю, силою желания я смогу его найти, — и тут я вспомнил поиски Тамары, всё пронеслось перед глазами, и я содрогнулся от этих воспоминаний, затем продолжил, — только не знаю, разумно ли это.

— Конечно, разумно... — Учитель осёкся на полуслове, видимо подумал о том же, что и я.

— Когда ты хочешь отправиться в путь? — спросил старец Николос.

— Думаю, завтра, — улыбаясь ответил я, — мне не терпится увидеть Бена, посмотреть хочется, как сильно он изменился. Где живёт и чем занимается. Думаю, он тоже будет рад встрече.

— Несомненно, он обрадуется, — отозвался старец Николос, — и ты развеешь свою грусть.

На следующий день я отправился в гости к Бену. Силою желания я перенёсся туда, где должен находиться Бен.

Я внимательно осмотрелся. Место было совсем незнакомое мне. Я стоял возле небольшого домика, очень аккуратного снаружи. Под окнами была разбита клумба цветов, за домом высилась курчавая берёзка. Во всём было что-то знакомое, близкое мне. Я не решился войти в дом, потому что внутренне чувствовал: он пуст. Я решил подождать. Видимо, Бен куда-то ушёл и, вероятно, скоро вернётся.

Оглядевшись, я понял, что это окраина какого-то городка. Пока Бена нет дома, я мог посмотреть, где и что находится в городе, ведь я всё же путешествовал. Мне было интересно всё новое.

Городок был действительно небольшой. Ровные улочки с очень аккуратными домами и домишками. Видимо, я вышел к центру города — здесь было более оживлённо, чем там, где я прошёл до этого. Посреди большой площади, вытянутой по эллипсу, находился ансамбль фонтанов. Разной высоты, они походили на водопад, спадающий как-бы со скалы. Я обошёл фонтаны и был поражён увиденным: за стеной воды действительно была скала, корявая, тёмно-серая, в тенистых местах

почти чёрная. Она была оплетена лианой с ярко-розовыми цветами, собранными в бутоны, они были почти красными; резные листья тёмно-зелёные с белыми прожилками. Я подошёл ближе. Листья и цветы были слегка опущены. Вблизи они были ещё прекрасней. У подножия скалы и вокруг фонтана росла сочная трава, пробивающаяся сквозь тесный камень. Такого я ещё не видел. Заворожённый подобным зрелищем и замыслом сооружения, я не заметил, как рядом со мной оказался мужчина.

– Ты, видно, не местный, – вполголоса обратился он ко мне.

Я вздрогнул от неожиданности и что-то пробормотал, не совсем внятно, а мужчина продолжал говорить:

– Этот фонтан – настоящее достояние нашего небольшого городка. Все, кто впервой сталкивается с подобным зрелищем, удивлены.

– О! Замысел великолепен! – просто ответил я.

– Это ничей ни замысел, как ни странно кажется на первый взгляд, но это создано самой природой. Всё, что сделал человек, – это упорядочил работу воды, подчинив себе эту стихию. И, конечно, лианы – это тоже дело рук человека.

– Никогда бы не подумал, что такое возможно. А как называется эта местность и городок?

– Ты путешествуешь? – вопросом на вопрос ответил мужчина, чем удивил меня.

– Да.

– Ну, для путешественника я могу и более подробно рассказать, если, конечно, ты располагаешь временем.

– Думаю, что времени у меня предостаточно.

– Хорошо, тогда давай немного пройдемся, я буду рассказывать и кое-что покажу.

– Хорошо, я согласен.

– Наш городок небольшой, – начал мужчина, – но примечателен тем, что он находится в долине диких скал, и здесь очень много живописных видов. Фонтан у скалы – это ещё далеко не всё.

– А как называется городок? – поинтересовался я.

Мужчина был чем-то смущён, но быстро справился со своими чувствами:

– Название его просто и несколько замысловато: Скало-До. Что значит это название, объяснить не берусь, не знаю даже, откуда оно пошло.

– А что это за планета?

– Планета? – переспросил он и тут же ответил, – Планета Озёр.

Теперь был удивлён я. Усилием воли я подавил рвущийся возглас. Не знаю, как моё молчание воспринял мой спутник, но он продолжал рассказ:

– Здесь очень красиво, множество озёр маленьких и больших на равнине и в горах между скал...

– Я знаю, – проговорил я, оборвав его на полуслове.

– ...? – мужчина явно недоумевал, что это со мной: то говорю, что здесь впервые, то говорю, что знаю об озёрах.

Настал мой черёд объяснить, что же всё-таки происходит:

– Я хотел повидать своего друга. Я путешествую и у меня много свободного времени, вот почему я здесь. Но мы расстались не при очень благоприятных обстоятельствах, и я не знал, где он находится всё это время, пока не отправился в путь. Но что меня поразило? Я сам живу на Планете Озёр достаточно долго, но ни разу не выбирался хорошенько её обследовать. Вот почему я так был озадачен. Ведь мы с ним живём рядом, а я даже об этом и не догадывался.

– Откуда же ты тогда? – спросил мужчина.

– Город, в котором я живу, называется Дубовый бор.

– Я слышал о таком. Он расположен в бору, как бы врезаюсь в зелёный массив.

– Да, это верно.

– Надо же как бывает! – не унимался мой попутчик, находясь всё ещё под впечатлением неожиданной ситуации, в которую попал я.

Пока мы беседовали, прошли через площадь и свернули на одну из крупных улиц, разбегающихся в разные стороны от площади.

– Что ж, мы вроде как соседи, получается. Давай познакомимся. Меня зовут Виктор.

– А я Николай.

– Хорошо, Николай, если ты не возражаешь, я ненадолго покину тебя, а чтоб ты не скучал, походи по магазину, здесь я тебя и найду.

– Я ничего не имею против и подожду тебя здесь.

Виктор пошёл вдоль магазина, а я вошёл внутрь. Магазин не сильно большой, но и маленьким его не назовёшь, он представлял собой про-

стое сооружение: длинное здание с высокими потолками, витрины располагались с одной стороны, с другой же — чуть ли не во всю стену окна. Огромное количество света давало возможность рассмотреть всё, что находилось на витринах и стеллажах. Окна были задёрнуты очень тонкой слегка розоватой материей, что создавало внутри магазина особый уют.

Я не успел пройти и одной трети магазина, как ко мне подошёл Виктор. Он появился в тот миг, когда я рассматривал замысловатую композицию, вырезанную из дерева.

— Ты что-то хочешь приобрести? — спросил Виктор.

— Да, хочу Бену сделать подарок. Думаю, ему понравится, — ответил я, указывая на понравившуюся мне вещь: небольшое озерко, у берега заросшее невысокой травой, по нему величаво идут птицы, изящные как фламинго, а на берегу — раскидистое дерево, по форме и окрасу похожее на персик декоративный, что мы с Беном видели на Радужной. А птицы напоминали о Розовой. Так в одном предмете сочеталось всё сразу, что было так дорого и жило в памяти.

Неожиданно за прилавком возник молодой человек. Он открыто и весело смотрел на нас. Подойдя к нам, он спросил:

— Что вам подать?

Я ответил. И тут же, аккуратно упаковав хрупкую вещицу в тонкую шелестящую бумагу, молодой человек опустил свёрток в прозрачный и очень эластичный пакет, который и подал мне.

— Так будет удобнее нести, — сказал он, широко улыбаясь. — Может быть, нуждаетесь ещё в чём-либо, я могу помочь быстро найти необходимое.

— Нет, ничего больше не надо. Благодарю, — также улыбаясь, ответил я ему.

Не знаю, но может быть от этой улыбки у меня поднялось настроение. Что особенного сказал мне этот молодой человек? Ничего. Всё обычно, но вот его глаза! В них светилась неподдельная весёлость, это и было приятно.

— Ты хочешь осмотреть весь магазин? — поинтересовался Виктор.

— Нет, не сейчас. Думаю, у меня ещё будет время заглянуть сюда.

— Тогда идём, — и он вывел меня на улицу через дверь, которой я и не заметил.

Возле магазина мы свернули в небольшой проулок. Аккуратные домики располагались хаотично, то ближе к дороге, то дальше. Везде возле домов были палисадники или просто хорошо ухоженные газоны, поросшие разной растительностью — от небольших кустарников до простых цветов среди изумрудной зелени травы. Вдали виднелось более крупное круглое здание с тремя куполами. На куполах — длинные шпили с разноцветными лентами.

— Что это за здание? — спросил я Виктора.

— Это наш городской театр. Если хочешь, можно зайти посмотреть, представление только началось.

— Нет, я не хочу. Давай лучше побродим по городу.

— Хорошо, я согласен. Но при условии, что ты зайдёшь ко мне в гости.

Я уже не удивлялся такой открытости и гостеприимству людей, как в первое время. Я уже знал, что это образ жизни. Вспомнив о Бене, я всё же не смог отказать Виктору в его просьбе и в знак согласия кивнул головой.

Не торопясь, мы прошли мимо театра, из которого доносилась приятная музыка и красивое пение.

— Сегодня идёт опера «Русалка в лунном свете», — прокомментировал Виктор, — а вон там, — продолжил он, — смотри, за театром вдали... Видишь...

Я ахнул от открывшейся моему взору панорамы. Мы были почти на окраине города. Вдали возвышалась огромная скала, по форме напоминающая медведя, который лёжа, вытянув лапы, держал небольшой домик с мансардой. Да, это было именно так!

— В этом домике живёт Ютиш. Несколько странный человек. Чтобы построить там дом и развести вокруг него небольшой сад, ему пришлось очень много работать: перетаскивать туда землю. О нём говорят, что он чудак, но я так не думаю, он вполне нормальный человек. А совсем недавно Ютиш взял на воспитание к себе девочку лет четырёх-пяти. Не знаю, почему ребёнок оказался одинок, но Ютиш говорит, что ему она в радость, с ней всё же веселее, чем одному.

Пока Виктор всё это рассказывал, я любовался прекрасным видом.

— Виктор, ты должно быть, общаешься с этим человеком?

— Да! Он очень интересный собеседник. Если будешь ещё в нашем городе, я обязательно познакомлю тебя с ним.

— А сейчас? Где он сейчас? — у меня возник интерес к этому человеку, и мне хотелось повидать его.

— Сейчас Ютиша нет дома. На днях он говорил мне, что отправляется в путешествие с Леонорой по долине скал. Они ещё не вернулись.

— Мне бы хотелось побывать там, но... — вздохнул я, — видимо, не суждено.

— Не отчаивайся, Николай, это вполне поправимо. Идём, я ещё хочу показать тебе очень красивое место. Только мы не будем идти пешком через весь город.

Он взял меня за руку, а когда отпустил — у меня перехватило дыхание от чарующей красоты. Мы стояли на вершине бесформенной, распластанной по земле скалы. Эту громаду со всех сторон обступал зелёный массив леса. Создавалось впечатление, что скала — это остров среди волнуемого под лёгким ветром зелёного моря. Сама скала бедна растительностью. Редко где в расщелинах прорастает трава, и непонятно, каким чудом держатся деревья. В скале же образовано углубление практически правильной округлой формы, заполненное водой. Поражает такое совершенство формы озера. В центре озера выступает немного вытянутый островок, на котором с одной стороны возвышается раскидистое дерево с листьями, отливающими серебром. Весь островок утопает в щедрой зелени травы вперемешку с яркими цветами. О! Это было восхитительное зрелище. Виктор ничем не нарушал молчания, давая мне возможность насладиться этой красотой. Потом через некоторое время он тихо заговорил:

— Я говорил тебе, Николай, что здесь очень красиво, я мог бы ещё показать тебе много прекрасного, но это займёт очень много времени.

— Да, конечно. Но после увиденного мне пока больше ничего смотреть не хочется. Я хочу на какое-то время сохранить в себе эту красоту, ничем её не нарушая.

— Тогда, может, мы отправимся ко мне домой? Ведь ты обещал зайти в гости.

— Я не возражаю.

Впечатлений на этот день было более чем предостаточно, и я отдался на волю этого человека, так радушно встретившего меня. Виктор снова взял меня за руку, и мы перенеслись к его дому.

Здесь, видимо, нас ждали. Едва мы вошли во двор, из дома навстречу нам вышла женщина. Белокурая, по-простому с косой, почти безликая: белёсые брови и ресницы почти не заметны на её лице, но она всё же казалась красивой. Лишь встретившись с её взглядом, я окунулся в мир без границ и сразу же забыл о бесцветности лица.

— Я рада, что вы пришли вместе, — первой заговорила женщина, открыто и приветливо улыбаясь.

— Это моя жена, Ольга. А это — Николай, — представил нас друг другу Виктор.

Эта милая чета производила приятное впечатление, и я, может быть, ещё дольше задержался бы у них, но как-то внезапно почувствовал толчок, откуда-то изнутри идущий голос сказал мне: «Бен вернулся домой». Я был шокирован. Конечно, я знал, что такое возможно, но... сам испытал впервые. Видимо, на моём лице что-то отобразилось, я ещё не совсем научился владеть собой в критических ситуациях, и Ольга взволнованно спросила:

— Николай, что-то случилось?

— Нет, всё нормально, но мне пора...

— Куда же ты так быстро собрался вдруг?.. — перебил меня Виктор.

— Я пришёл к другу, его не было дома. А сейчас у меня такое чувство, что он вернулся.

— Если ты спешишь, — заговорила Ольга, — мы не будем тебя задерживать. Но когда будешь в наших краях, заходи в гости, двери нашего дома всегда открыты.

— Ольга права, — добавил Виктор, — мы всегда будем рады тебя видеть.

— Спасибо за радушный приём, я обязательно ещё навещу вас. А теперь мне пора идти, — сказал я с лёгкой грустью. Мне действительно не хотелось уходить.

Есть люди и дома, которые принимаешь сразу, полагаясь на интуицию и первое впечатление. Так было у Ольги с Виктором. Просторные светлые комнаты, скромная обстановка, но всё изящно и со вкусом. В этом доме царил уют, в нём не было ощущения пустоты, как в моём доме. Именно поэтому мне не хотелось уходить от них. Но меня радовала предстоящая встреча с Беном. Простившись с четой, я пошёл к дому Бена.

Подходя к дому, я прислушивался к себе. Мой внутренний голос говорил мне, что Бен действительно дома. И вот, знакомый мне домик. Цветы на клумбе возле дома недавно политы, а на краю сложена слегка повядшая сорная трава. Я улыбнулся, Бен всегда любил возиться с цветами и вообще работать в саду. Дом, где они жили с Мартой, содержал этот мальчуган. Я внутренне радовался за него, словно это был мой сын. Я даже испытал за него отцовское чувство гордости.

На какое-то мгновение я задержался возле дома и тут услышал звенящий, до боли знакомый голос Бена:

— Николай! — Бен бежал мне навстречу. — Николай, неужели в самом деле это ты? ... Я не верю своим глазам...

Высокий статный юноша, широкий в плечах и узкой талией, обнимал меня. И если бы не конопушки и непокорные вихры волос, я бы не узнал Бена. Но это был он — Бен!

— Николай, как здорово, что ты пришёл...

— Я тоже рад встрече, Бен, но...

— Никаких «но», — оборвал меня Бен на полуслове, — идём в дом, что ж стоять так на улице. Идём, — Бен увлёк меня за собой, а сам всё говорил, — я сейчас не один, с Учителем. Я познакомлю вас.

И вот мы в доме. Обстановка более чем скромная, так воспитывали мальчиков-спартанцев. Я удивился, а Бен тормозил меня за руку:

— Николай, познакомься, это мой Учитель, — указал Бен на мужчину, стоявшего у окна, — а это Николай. Учитель, я рассказывал тебе о нём. Это он приходил к нам с мамой, когда мы жили на Выборне.

Это название я слышал впервые.

— Бенедито, я рад вашей встрече и не буду мешать, вам есть о чём поговорить. Оставайтесь, я вернусь через три дня.

— Учитель, но ведь ещё не...

— Да, я знаю. Я даю тебе три дня отдыха. Мы успеем наверстать это время. Вы свободны в своих действиях.

— Учитель, я могу побывать где захочу? — спросил Бен с лихорадочным блеском в глазах.

— Да. Но только с Николаем. И, прошу тебя, без чудачеств. Помни, что Николай теперь отвечает за тебя, как я. Не думаю, что ты поставишь друга в неприятное положение.

— Обещаю, Учитель, — отозвался Бен, отведя глаза от моего пронизательного взгляда.

— Тогда, до встречи. Я вернусь в это же время через три дня.

– До встречи, Учитель.

– До встречи, – попрощался с Учителем Бена и я.

Он ушёл, а мы с Беном ещё какое-то время стояли молча, глядя друг на друга.

– Бен, – первым нарушил молчание я, – объясни мне, что здесь происходит? – и я обвёл рукой комнату.

– Ой, Ник, и не спрашивай..., – махнул Бен рукой, назвав меня по-прежнему – «Ник», – ты располагайся где-нибудь, не всё сразу, но я тебе объясню.

– Бен, – проходя к жёсткой тахте у стены, я спросил: – а что значит Выборна?

– Да..., – он немного помолчал. – Так называется место, где мы жили с мамой.

– Почему ты сразу сник? Что-то не так?

– Да нет, Ник, всё нормально. Только..., наверное, не стоит и говорить об этом...

– Бен, почему ты не хочешь высказаться? Тебе станет легче, или ты не доверяешь мне?

– Что ты, Ник, всё нормально, как ты только мог такое подумать? Ты для меня ближе всех, не считая мамы.

– Бен, а что случилось с Мартой? Почему ты оставил мать?

– Я оставил не её, а их. Ты ведь помнишь, что к нам вернулся отец? Мать решила следовать за ним, а меня отправить к бабушке, но я отказался и от того, и от другого. Я ведь не ребёнок, хоть и выглядел мальчишкой. Мне был дан выбор, вот я и выбрал – быть с Учителем.

– Это по-мужски, и всё-таки, я не совсем понимаю: что значит эта обстановка и столь строгое замечание Учителя?

– Ой, Ник! Не всё сразу. Ладно?! Я так рад встрече с тобой. Расскажи, как ты живёшь? – Бен сел рядом со мной, положив голову мне на плечо.

– Знаешь, Бен, я удивился, узнав, что ты живёшь здесь.

– Почему?

– Ведь мы живём на одной планете.

– Ну и что? Я так захотел.

– Ты ведь хотел жить на Радужной?

– Да, это так. Но не сейчас. Мне ещё не время свободно распоряжаться собой. После учёбы – тогда буду сам определяться, а пока я в

подчинении Учителя. Он говорил о Розовой и о планете Озёр. Я выбрал эту, чтобы быть поближе к тебе. Но... — Бен осёкся и замолчал.

— Бен, почему ты ни разу не пришёл ко мне, если знал, что мы рядом?

— Я не мог, мне не позволяли.

— Почему?

— Этого я ещё не знаю. Но Учитель говорил мне об особом моём положении, что я должен обрести форму, стать личностью и только потом могу поступать, как мне захочется. Ник, а почему ты не искал меня?

Я ждал этот вопрос, и ответил на него просто:

— Понимаешь, Бен, я учился. И в течение года я не должен был оставлять ни занятия, ни Учителя, он говорил мне, что ещё не время, что есть дела более важные. А теперь я свободен.

— Как это свободен? — переспросил Бен.

— Свободен, и всё, что ж тут непонятного: я могу делать всё, что захочу. Вот я и решил отправиться в путешествие, и тебя навестить.

— Ник, а учёба? Ты где-то учился или только был с Учителем?

— Я учился в Синоде Духовного Образования, а также уроки, но несколько иные, мне давал мой Учитель. А ты?

— О! Синод явно не для меня, во всяком случае — не сейчас. Меня ведёт только Учитель, так он говорит: «Я веду тебя». А потом пойду в школу. Представляешь, такой громила, — Бен резко встал, демонстрируя свой рост и фигуру, — и в низший уровень...

— Бен, что ж ты так отчаиваешься? Это на Земле учатся в основном в детстве, а здесь учатся все, в каком бы ни были возрасте.

— Это правда, Ник? — Бен смотрел на меня умоляюще.

— Бен, разве ты этого не знал?

— Нет, Ник, не знал, глупый я, понимаешь, веду себя, совсем как мальчишка. Я всё Учителю навредить стараюсь, слишком уж он строг ко мне.

— И что? Помогает? — засмеявшись, спросил я.

— Что помогает? — удивился Бен.

— Как что? Ты вредишь, и тебе становится лучше?

— Если бы! Видишь? — и Бен обвёл красноречивым жестом пустую комнату рукой. — Всего уже лишил, да ещё говорит: «Подожди, не то ещё будет» ... Вот я ему устрою, рад не будет, пугать меня.

Бен горячился. Не знаю, что в нём вызвало такое ожесточение к Учителю, но я знал, какие могут быть последствия этого противостояния, и мне стало жаль моего мальчишку Бена. Я встал, подошёл к нему и, обняв за плечи, сказал:

— Мальчик мой, хочешь дам один совет? Послушайся его, и тогда всё будет хорошо.

Бен освободился от моих рук и с иронией в голосе процедил сквозь зубы:

— Все вы тут мудрые, все с советами. А я-то? Я!? Я что-то значу!? Или я только пустышка, которым можно помыкать? Я ничтожество, да? Перерождающийся дух, и со мной можно поступать как захочешь, я всё снесу, я ведь не совсем нормальный...

Бен задохнулся в порыве гнева и нервно стал ходить по комнате из угла в угол. Эта его выходка заставила меня задуматься, а когда я начал говорить, то хорошо обдумывал свои слова и их постановку в предложении, не забывая об интонации. Я видел, что с ним не всё в порядке, он был озлоблен и сильно взволнован. Поэтому я попытался его успокоить.

— Бен, — обратился я к нему, — пойми меня, я не хотел тебя обидеть. Я ведь не знаю, что произошло с тобой. Давай для начала выпьем чего-нибудь охлаждающего и спокойно поговорим. Расскажи мне всё то, что сочтёшь нужным или уместным, а я постараюсь тебе помочь.

Мои слова подействовали на Бена успокаивающе, он как-то сразу внутренне преобразился: глаза приобрели обычный оттенок, во взгляде появилось тепло, а на губах заиграла озорная улыбка. Теперь это был прежний мальчишка Бен, которого я знал давно. Он стал извиняться, что совсем забыл правила хозяина дома, что не предложил ничего в угощение, а лишь нагрубил.

— Не переживай так, Бен. Я не осуждаю тебя за это. Наоборот, хочу понять, что происходит и, если есть возможность, помочь тебе.

— Это правда, Ник? Ты правда сможешь мне?

— Конечно, помогу. Только ты объясни мне всё, расскажи.

— Ник, я совсем запутался...

Живой огонёк в его глазах потух, Бен даже не заметил, что опрокинул свой бокал с соком вишни. Он сидел какое-то время неподвижно, погружившись в свои мысли и образы. Я терпеливо ждал, когда он заговорит сам.

– Знаешь, Ник, – заговорил Бен, глядя в одну точку, – самые светлые воспоминания за все эти годы, что я провёл здесь – это время, когда появился ты, когда мы путешествовали с тобой. Ты помнишь?

– Конечно, Бен, я ничего не забыл.

– А всё остальное – серо. А после разлуки с мамой совсем плохо стало. Я даже не знаю, правильно ли я поступил, ведь он всё же отец мне...

– Бен, ты из-за него оставил мать?

– Да, я его ненавижу. Кроме страха у меня к нему не было никаких чувств. А тут ещё мама, как говорится, подлила масла в огонь, сказав, что она последует за ним, где бы он ни был.

– Это её право.

– Ник! Но как так можно? Ведь он принёс ей столько боли, из-за него же и я столько выстрадал за годы ожидания... Я не понимаю...

– Любит она его.

– Что же это за любовь? Где же её чистота, возвышенность, которые так свято чтимы?! Где...

– Бен, о любви сложно говорить. Она либо есть, либо её нет..., – я осёкся, мелькнула мысль о Тамаре.

Бен уловил мою реакцию и попытался сменить тему разговора:

– Ник, я совсем не знаю, как мне быть...

– Что ты имеешь в виду?

– Понимаешь, мне хочется, чтобы всё было хорошо или ужасно, но не получается.

– Ты вздоришь с Учителем?

– Не всегда, но бывает. Он строгий очень.

– В чём его строгость?

– Заставляет делать то одно, то другое, до тех пор, пока я не измучаюсь совсем или пока не получится то, что надо. Не пускает меня никуда, и не только это... Начнёт говорить что-нибудь и на полуслове смолкает. Понимай его как хочешь.

Бен тяжело вздохнул. Что я мог ему сказать? Ведь сам прошёл через всё это.

– Пойми, Бен, Учитель дан тебе прежде всего на определённый срок. Ты знаешь это?

– Да, на три года. Прошло уже чуть больше года.

– Ну вот, видишь, всё не так уж и плохо – ты знаешь срок, на который тебе определён Учитель, а я не знал этого.

– Да ты что? Правда? – изумился Бен.

– Да, не знал. Но давай поговорим о тебе. Ты считаешь, что Учитель очень требователен к тебе, и ты часто устаёшь?

– О! Не то слово, устаю, чуть с ног не падаю.

– Бен, но ведь от него тоже требуют.

– Как это? Кто?

– Я не могу сказать кто, не знаю. Но тебя отдали ему в учение и по истечении определённого срока с него спросят, чему он тебя научил.

– А я об этом как-то и не думал.

– А ты задумайся. Он ведь за тебя в ответе, как я в эти три дня, что мы будем вместе. И на то, что он недоговаривает, не обращай внимания. Я хочу сказать, не злись, а наоборот – будь более внимателен. Следи за тем, что он говорит, с какой интонацией, с каким выражением лица.

– Да уж, лицо у него – как бронь непробиваемая. Ничего не проглядывает.

– В таком случае чаще смотри в глаза. На лице можно не заметить того, что отразят глаза, пусть в короткий миг, но можно хоть что-то уловить.

– Это ты здорово придумал. Он увиливает, когда я смотрю ему в глаза.

– Я не придумал этого, Бен. Это истина: «Глаза – зеркало души».

– Учитель часто мне это говорит.

– Знаешь, Бен, всё же послушай моего совета.

– Согласен. Только не читай мне нотаций.

– Я и не думал поучать тебя, Бен, вовсе нет. Просто я уже прошёл через это, хочу, чтобы и тебе помогло моё маленькое открытие.

– Твоё открытие? – удивился Бен.

– Да, если это так можно назвать – открытие. Бен, я усвоил одну истину, пригодную для тебя. Не Учитель тебя, а ты его изматывай, посмотришь, что из этого получится.

– Как это: я его буду изматывать? Чем?

– Очень просто – задавай больше вопросов.

– Всего-то? – хмыкнул Бен.

– Я сказал, что это очень просто. Я не настаиваю, если захочешь, попробуешь и узнаешь, каков будет результат. Главное, чтобы вопрос начинался примерно так: «А что будет, если сделать так...», или «А что если...».

– Он будет уклоняться от прямых ответов.

– Пусть, а ты задавай один и тот же вопрос по-разному, вывернув его... наизнанку, и при разных обстоятельствах. А потом анализируй, что и как отвечал тебе Учитель. Так постепенно доберёшься до истины.

– Это здорово! Я обязательно попробую.

– И ещё. Бен, старайся к учению относиться не как к наказанию, а как к игре, где твоё любопытство и интерес будут диктовать условия игры и её правила.

– Ник, разве такое возможно?

– Ты сомневаешься в том, что я говорю тебе?

– Да... нет..., я не знаю...

– Чтобы убедиться, надо испытать. И перестать строить козни Учителю. Ты увидишь, что его отношение к тебе резко изменится.

– Правда, Ник? А он не будет мне мстить за прошлое?

– Нет, Бен, не будет. Он Учитель и этим всё сказано. Ты противишься ему, он наказывает, призывая тебя тем самым к порядку. Будешь послушен ему – он будет идти тебе навстречу, открывая перед тобой всё больше нового и интересного. А твоё равнодушие к учёбе подарит вам обоим крылья. Вы можете стать друзьями, пустившись в путь по лабиринтам знаний и истин.

– О! Ник, как здорово ты сказал. Это стих в прозе. Как здорово, что ты пришёл навестить меня. Я обещаю тебе, что исправлюсь. Я теперь по-другому смотрю на всё это. В своих неприятностях я виноват сам. Ты веришь мне, Николай, что я исправлюсь? – Бен пристально смотрел мне в глаза.

Любой уклончивый ответ или взгляд, отведённый в сторону, он бы не принял, и я ответил ему, чеканя слова:

– Тебе, Бен, я верю.

Это надо было видеть, каким счастьем заискрились его глаза, как преобразилось его лицо.

Конечно, мне ещё о многом хотелось расспросить Бена, но я не торопил события. У нас с ним ещё два дня впереди. А на сегодня достаточно и этого. Мы оба были возбуждены и утомлены одновременно и

радостью встречи, и этим разговором. Я предложил Бену отдохнуть, на что он возразил:

– Мне некуда даже положить тебя спать, только вот эта тахта... или..., – он с лукавинкой взглянул на меня, – или мы можем поспать на улице в навесных качалках для отдыха. Ты не возражаешь?

– Конечно, нет. Это даже интересно. Я так ещё ни разу не спал.

– Вот и попробуешь. Знаешь, а мне нравится.

– Что ж, идём.

Ночной воздух был пропитан ароматом жасмина, доносившимся от соседних домов, и наполнен серенадами цикад. Удобно устроившись в навесных качалках, мы долго молчали, размышляя каждый о своём. Потом я было решил заговорить с Беном, но он дважды ответил мне невпопад. Я понял, что он в полусне. Ночь прошла быстро, а утром мы с Беном отправились путешествовать. Оба сошлись в одном – хотим бывать там, где уже раньше были – на Розовой и на Радужной.

Весь день мы бродили по Розовой планете, обойдя её вдоль и поперёк. Обошли все знакомые нам места и отрыли для себя много новых красивых мест. Что-то вспоминали, веселились, разговаривали о жизни. Разговор был простой, а мне многое хотелось узнать: о Бене, о Марте и о многом другом.

В этот день мы домой не возвращались, предавшись воспоминаниям, мы отправились уже под вечер на Радужную, к Одину.

Один был дома. Он очень обрадовался нашему приходу, хотя не сразу узнал Бена в статном, белокуром юноше. Вечер прошёл быстро. Часть моего любопытства была удовлетворена, когда Бен заговорил о Марте, о семье.

– Когда пришёл отец, – начал Бен, – я ушёл из дома и несколько дней не возвращался. Я знал, что мама переживает за меня, а также знал, что нам настало время оставлять наш дом, где мы с мамой прожили столько лет, и я всё-таки вернулся домой. Ты помнишь, Николай, когда меня отсюда забрал Незнакомец? Это мой Учитель. Мы с ним пришли в дом, где мне всё было до гвоздика знакомо, но в нём был чужой мне человек.

– Как это, чужой, Бенедито? Ведь это – твой отец! – возразил Один.

– Он никогда мне не станет близким. Он мне чужой, хоть и мой отец, – парировал Бен, – вот тогда я и сбежал. Потом вернулся. Мне говорили, говорили, что-то объясняли, но я чувствовал, что от меня

что-то скрывали. Отец пытался льстить. Мама плакала и молчала. Я ни с кем не хотел оставаться — ни с отцом, ни с мамой. Я метался. Тогда пришла бабушка, это она встречала нас здесь...

Бен замолчал, обдумывая что-то своё, а потом тихо заговорил снова:

— Тогда я решил идти с Учителем... — Бен снова смолк.

— Бенедито, почему родители не остались вместе, ведь мама ждала своего мужа? — нарушил молчание Один.

Бен потухшим взором окинул Одина и вздохнул, у меня же мелькнула мысль, что, наверное, не стоит задевать больную для него тему. Видимо, Один уловил мою мысль, также мыслью он ответил мне: «Ему надо выговориться. Так будет лучше для него. Он очень подавлен».

Всё это было молниеносно. Бен, вздохнув, продолжил рассказ:

— Да, мама ждала его, — Бен никогда, почти никогда не называл его отцом, просто «он», и всё, — но пройдя путь испытаний, и встретившись с нами, он не мог оставаться там, где могли быть мы...

— Почему? Так кем-то определено? — тихо спросил я.

— Сорока дней ему было мало. Его путь в шесть лет скитаний определён. А что будет после, как можно узнать? Как? Вот ты, Один, ты очень проницателен, что можешь сказать ты?

— Об этом ни я, никто другой тебе ничего не скажет. Это тайна Всевышнего, она сокрыта ото всех, — не растерявшись ответил Один Бену, видимо ожидая такой поворот разговора.

— Вот видишь, и ты ничего не можешь сказать, а что было делать мне, юнцу-переростку?

— Не доводи себя до отчаяния, Бенедито, — спокойно и убедительно заговорил Один, — всё уже позади. А ты сделал достойный для мужчины выбор, решив идти с Учителем.

— Ты так правда думаешь, Один? — в глазах Бена мелькнула живая искорка.

— Я всегда говорю то, что думаю.

— Бен, а что с Мартой? — спросил я, желая отвлечь внимание Бена от его собственной персоны.

— Мама, как и раньше, решила его ждать, но я не мог более оставаться в том же состоянии, что жил столько лет, а значит не мог быть с ней. Она бы волно или невольно тормозила моё развитие, и бабушка уговорила её уйти к ней. А он..., я даже не знаю, где он сейчас и что с ним, да и знать не желаю... Маму только жалко, не достоин он её люб-

ви. И что только она в нём нашла!? – вызывающе проговорил Бен с иронией и горечью в голосе.

– Она любит его, – просто сказал Один.

– Что же это за любовь? Любовь, которая губит цветок на корню...

– Часто любовь бывает слепа. Лишь чистая, искренняя любовь окрыляет и живёт вечно, но её надо найти. Найти настоящую Любовь, а не погрязнуть в тенётах страсти и обманчивого влечения плоти, – Один говорил спокойно.

Я же волновался и, чтобы не выдавать своего волнения, молчал.

– А я, Один, я найду свою Любовь?

– Бенедито, рано или поздно ты пойдёшь на Землю за тем, что поставишь себе целью обрести: будь то любовь, дети, карьера или какие-то познания и навыки. Что выберешь себе сам, за тем и пойдёшь.

– Я знаю это...

Больше мы в этот вечер не возвращались к расспросам Бена. Он, извинившись, вышел прогуляться к морю. И мы тоже с Одним из дома перебрались на улицу за маленький столик под деревом во дворе. Больше теперь говорил я, а Один слушал меня, лишь изредка переспрашивая или уточняя что-либо.

Я говорил и о Синоде. Один порадовался за меня и моим успехам. Это теплом коснулось моей души. Я говорил и о Тамаре, скорее, о своей тоске по ней и о тщетных поисках её и о своих приключениях. Один либо отмалчивался, а если и говорил, то абстрактно или уклоняясь от поставленного вопроса. Я прекрасно понимал его и ни на чём не настаивал. Но мне надо было выговориться, я остро ощущал в себе эту потребность. И только в этот вечер, когда Бен уже вернулся с прогулки, и мы отправились спать, я понял, что бегу сам от себя, бегу от своих мыслей, дум, от всего того, что влечёт меня к прошлому, а именно – к Тамаре.

То, что я усиленно занимался и то, что пустился в путешествие, – всё было лишь стремлением заглушить в себе все думы и мысли только о ней, о Тамаре.

На следующий день мы с Беном отправились в гости к старцу Николосу. Его не оказалось дома, но я знал, что в этот дом я могу свободно войти и без его хозяина. Почти весь день мы были там, ожидая возвра-

шения Николоса. Мы поработали в цветнике, подправили грядки и полили клумбу около дома. Я настолько увлёкся работой, что и не сразу понял, что у меня спрашивает Бен:

– Ник, я там видел говорящий цветок! Разве такое бывает?

– ...?

– Ник, да что с тобой?

– Ты что-то спросил раньше?

– Да, я говорю, что видел цветок, который умеет рассказывать истории...

– Какие такие истории? – удивился я.

– Я ровнял край грядки и услышал тоненький чистый голосок, похожий на детский.

– Что он тебе сказал?

– Знаешь, Ник, он говорил примерно так: «Это очень красивая история. История о любви. Я слышал её, когда юноша подарил букет цветов девушке. Она была счастлива, когда он сказал ей слова любви».

Я был зачарован этой историей. У меня не находилось слов сказать что-либо и я просто спросил:

– Бен, а ты запомнил, какой цветок рассказал тебе эту историю?

– Конечно. Это самый красивый цветок на грядке!

– Покажи мне его.

– Идём...

И прежде, чем Бен успел опомниться, я срезал указанный цветок. У Бена была та же реакция, что и у меня раньше, когда старец Николос срезал розу.

– Понимаешь, Бен, так надо. Я поставлю его в доме в вазу с водой, а дальше, что делать с ним, решит Николос.

– А что это за цветок? – спросил Бен, пока мы шли к дому.

– Это Цикламен.

– Да нет, я не про название, а про то, что он говорящий.

– В будущем – это душа новорождённого. Только как свершается это таинство, знает лишь Всевышний, – опередил я Бена, с уст которого был готов сорваться ещё один вопрос.

Цветок я поставил в вазу с водой, оставив рядом с ним информацию о том, что это сделал я. Я не решился оставить его историю открытой для любого, кто по какой-либо причине войдёт в дом, пока будет от-

существовать старец Николос. Я не знал, когда он вернётся, поэтому решил больше его не ждать.

— Бен, — позвал я его, — старец Николос не известно когда вернётся. Пойдём, погуляем где-нибудь ещё.

— Я не против. Но зачем нам идти ещё куда-то? Покажи мне свой дом. Ведь ты его уже обустроил?

— Да, конечно, и уже давно.

— Тогда идём к тебе?!

— ...

— Ник, мы идём к тебе домой?

— Да. Идём..., — ответил я через силу.

Бен смотрел на меня вопросительно. Но я не мог всего объяснить мальчишке. Для меня он был всё ещё подростком-несмышлёнышем, хоть я и осознавал, что предо мной почти зрелый мужчина, но я не мог ему сказать: «После твоего ухода, дом для меня станет совсем пустынным».

Я не хотел его обидеть, не мог и объяснить ему своё состояние. У него хватало и своих проблем.

И вот мы в городе. Бен восторженно рассматривает всё в округе.

— Вот здорово жить в лесу, правда, Ник?

— Бен, это не лес. Всего лишь дубовый бор.

— А как называется город?

— Дубовый Бор.

— Здорово, Ник! А где ты живёшь?

— Здесь не далеко. Но может быть..., — я осёкся на полуслове, но продолжил, хоть и не то, что хотел сказать, — может, мы зайдём к моим друзьям? Я давно не виделся с ними.

— А это далеко?

— Нет, почти рядом с бором есть небольшой городок — Васильки...

— А почему Васильки?

— Бен, ты неисправим! Васильки, потому что там почти в каждом палисаднике растут эти цветы.

Бен какое-то время поразмыслил и выдал мне результат своих дум:

— Хорошо. Идём в гости, но ненадолго.

— Почему ненадолго?

— Чтобы успеть побывать и у тебя до моего возвращения домой.

— А почему мы тогда идём?

- Ты ведь предложил сам, – удивился Бен.
- Да, это так, но почему ты согласился идти?
- Посмотрю ещё один город, а то ведь почти ничего и не видел.

В этом был он весь: любопытство и стремление познавать всё больше и больше, при этом преобладала огромная тяга к путешествиям. В этом Бен был неисправим.

И вот мы у домика Евгения и Нелли. Но что за странная суматоха? Какие-то неизвестные мне люди...

- О! Николай, как ты вовремя! Мы искали тебя. Где ты был так долго? – спросила рассеяно Нелли, неизвестно откуда появившаяся.
- Нелли, объясни мне, что происходит?
- Идём в дом, там всё поймёшь.

В доме всё было перевёрнуто. Видимо, были собраны в одно место все работы Евгения. Трое в белом осматривали их. Среди картин я заметил Евгения. Он стоял возле последнего этюда с кисточкой в руках. Он что-то сосредоточенно и быстро рисовал.

– Подойди к нему, – подтолкнула в его сторону меня Нелли, – он очень хотел тебя видеть.

- Евгений, – негромко окликнул я его, подойдя к нему.
- ..., – он был увлечён работой и не слышал меня.
- Евгений, – позвал я громче.

Он оглянулся, посмотрел на меня невидящим взглядом и отвернулся к мольберту, но тут резко опустил кисть в стакан с водой и чуть не сшиб меня с ног.

– Николай! – воскликнул он, – как я рад, что ты пришёл. И как раз вовремя. У меня уже всё готово, – и он снял с мольберта холст с этюдом и протянул его мне, –крепишь в рамку. Это тебе на память о нашей дружбе.

– Объясни мне, Евгений, что же всё-таки здесь происходит? – до меня никак не доходило значение происходящего.

- Николай, ведь ты знаешь, что я иду на Землю.

Это объяснило мне всё, всё встало в моей голове на свои места.

– А Нелли? Как она? – ужаснулся я при мысли, что она останется здесь одна.

– Нелли последует за мной, – просто ответил мне Евгений и продолжил: – Года через три-четыре она пойдёт на Землю так, чтобы нам встретиться вновь, и там быть вместе, а до этого момента будет жить в Долине Перехода.

Я подумал про себя, что это та местность, где я встретил Ядвигу, польку. И внутренне получил утвердительный ответ, как будто я сам себе и ответил на поставленный вопрос.

Пока мы разговаривали, все картины вынесли из дома. А Нелли что-то собрала в дорожную суму.

— Куда всё это денется, Евгений? — спросил я.

— Картины пополнят имеющиеся галереи и здесь, в Васильках, и в некоторых других городах. А самые ценные уйдут во всеобщее достояние Вселенной, с моим именем.

К нам подошла Нелли. Евгений, обняв её, прижал к себе. Трое людей в белых одеждах ждали, не мешая нам вести разговор.

— Нам время уходить, — сказала Нелли со слезами на глазах.

— Я знаю, милая... Николай, не хочу долгих слов прощания. Мы уходим и, наверное, уже не встретимся... Будь счастлив!

— Удачи тебе, Николай, — тихо добавила Нелли. И они, как дети, держась за руки, пошли к людям в белых одеждах.

Я тоже вышел из дома. Во дворе меня ждал Бен. Он тоже был удивлён происходящим.

— После всё объясню, — бросил я ему на ходу, увлекая его за собой вдаль от дома, повинувшись всё тому же внутреннему голосу.

Отойдя немного от дома, мы остановились и оглянулись. Евгений всё так же прижимал к себе Нелли. Они тоже отошли от дома. И... В какой-то миг дом исчез... Лишь лёгкое сероватое облачко зависло в воздухе на месте дома, которое тут же рассеялось.

Мы с Беном вопросительно посмотрели друг на друга. Ни он, ни я не могли объяснить, что это было. Но всё тот же внутренний голос заговорил во мне: «Было прахом и стало им» ... Во мне в последнее время очень часто звучал этот голос, идущий откуда-то изнутри. Я ещё не знал, откуда этот зов. Несколько позднее его природу мне объяснит Учитель.

Все, кто был возле дома, резко куда-то исчезли. И мы с Беном тоже отправились ко мне домой.

Бену очень понравился мой дом. Он осмотрел всё, что его заинтересовало, и не только в доме, но и вне его. Я не сопровождал Бена и не объяснял, что есть что, и почему так, а не иначе. Он сам спросил меня:

— Ник, а почему ты до сих пор один?

— Так вот вышло..., — я склонился от прямого ответа.

— Почему? Разве ты не хочешь быть со своей любимой? — Бена это удивляло, а мне бередило душу.

— Бен, я ещё не видел её, — просто ответил я.

— Но почему, Ник? — не унимался Бен.

— Этого я и сам до сих пор не знаю... Видимо, ещё не пришло время нашей встречи.

— Как это так? Странно... — Бен как бы разговаривал сейчас сам с собою, но, обернувшись ко мне, сказал: — Не отчаивайся, Ник, значит, так угодно Богу. Вы обязательно встретитесь, — заверил меня Бен и пошёл на улицу, задумавшись о чём-то своём, бросив лишь на ходу: — Я посмотрю твой дом с улицы. Ты не против?

— Нет, иди...

Он ушёл, и ушёл надолго. Это я ощущал внутренне: Бен не говорил мне ничего, но, видимо, чаще и чаще задумывался о своих проблемах. На возникающие вопросы теперь он пытался отвечать себе сам. Он вырослел. Это меня радовало. Было приятно осознавать, что толчок к этому дал ему я.

Бена долго не было, и у меня было время подумать о себе самом, о том открытии, что я сделал недавно для себя: я пытался «бежать» от собственного «я», которое не давало мне покоя, исподтишка угнетало меня, ставя безответный вопрос: «Почему я не могу увидиться с Тамарой? Почему?» Подобные мысли наводили на меня тоску и отчаяние. Собрав все силы, я отбросил прочь от себя всю свою боль. Ведь у меня в гостях был Бен, завтра я должен его вернуть Учителю. И не известно, когда ещё мне позволят вновь взять его к себе хоть на несколько дней. Решив устроить королевский ужин, я принялся за работу...

Когда Бен, понунив голову, вошёл в столовую, он ахнул от увиденного:

— Ник... ты... да ты... ты просто волшебник!

— Пировать, так пировать, — я искренне был рад неподдельному счастью Бена.

Он был в восторге, а для меня это не представляло особого труда... Уже не представляло труда! Внутренне я порадовался, ведь не так давно самые простые вещи были для меня почти недостижимыми. Теперь я был сам себе хозяин. Я мог делать всё, что меня интересует, к чему возникало желание.

Вечер удался на славу. Мы много вспоминали, подшучивали друг над другом, смеялись до слёз. Даже вспоминая о самом больном для

каждого из нас, грусть не приходила. Я же был счастлив вдвойне: и за Бена, что он так весел, и за себя, что смог сделать его в этот вечер счастливым.

Далеко за полночь мы решили лечь отдохнуть. Спать совсем не хотелось. Видимо, мы были сильно возбуждены событиями последних дней и бурными воспоминаниями прошлого, и строительством планов на будущее. И мы проговорили почти до утра.

— Ник, как жаль, что нам завтра расставаться. Надо было у Учителя на большее отпроситься...

— На большее, наверное, нельзя.

— Почему, Ник?

— Если б было можно, тебя отпустили бы на больший срок. Я вообще думал только повидаться с тобой. Ты ведь учишься. А учёба превыше всего.

— Ну и что? Подумаешь, какой-то месяц пропущу, после наверстать можно.

— Бен, ты снова за своё. Я ведь говорил тебе, Учитель дан на определённый срок. Ты и так много упустил. Куда же ещё на дольше отпускать тебя. Ведь тебе, Бен, и так придётся очень многое навёрстывать.

— Я совсем забываю про этот срок. Я ведь обещал тебе, Николай, что исправлюсь. Я сдержу своё слово.

— Я верю тебе.

— Я знаю..., — немного помолчав, он заговорил более оживлённо и весело, — а вообще, здорово получилось отдохнуть, правда, Ник?!

— Конечно, и если ты счастлив, то я рад за тебя. Но давай немного отдохнём. Тебе завтра возвращаться и снова начинать работать над собой. Это требует много сил и энергии

— Работать над собой? — переспросил Бен.

— Да, ведь приобретая знания, ты совершенствуешь себя. Значит, работаешь над собой!

— Я не думал о своей учёбе так...

— Но именно с этой позиции надо подходить к учёбе, только так будет смысл от неё и польза. Иначе — пустая трата времени.

— Да... Знаешь, Ник, мне надо обо всём хорошо ещё раз подумать, ты отдыхай. Если усну — разбудишь. Хорошо?

– Ладно. Думать-то думай, но немного постарайся поспать. Мысли тоже утомляют.

– Как уж получится...

Я не стал рано утром будить Бена. Я не мог уснуть сам и слышал, как Бен ворочался с боку на бок, даже что-то бормотал вполголоса, как будто только что пришёл в этот мир.

«Это от волнения», — определил событие внутренний голос, часто звучащий во мне в последнее время.

Бен проснулся сам. С вечера мы поели плотно, голода не ощущалось. И мы решили побродить по бору. Потом, почувствовав толчок изнутри, Бен сказал:

– Ник, что-то изнутри подсказывает мне, что время возвращаться.

– Что ж. Время возвращаться, значит — идём.

Миг, и мы у дома. Заходить в дом я не стал. Учитель Бена вышел встречать нас на улицу. Долгие прощания были ни к чему, и я хотел сразу уйти, но Учитель обратился ко мне:

– Николай, как вёл себя Бенедито?

– Вполне прилично. Я доволен им.

– Так ли всё хорошо? — Учитель Бена был явно удивлён, похоже, он недоумевал, как это Бен может вести себя без изъязнов.

– Мне нечего сказать о нём плохого. И мы с Беном были рады встрече и возможности побыть вместе.

– Я рад, что он не доставил тебе хлопот.

– Нам всегда с Николаем хорошо, — сказал Бен не без вызова.

– Бен, ты обещал мне...

– Я всё помню, Николай, — перебил меня Бен, — не надо больше об этом. Ты как-нибудь приходи ещё. Ладно?

– Хорошо, я приду ещё.

– Тогда, до встречи, Николай!

– До встречи, Бен!

И я перенёсся к себе домой, где после ухода Бена стало совсем пусто и ещё более одиноко и холодно. Я не мог этого вынести...

ГЛАВА 8

Войдя в дом после разлуки с Беном, я метался, не находил себе места, не было и желания заняться чем-либо. Я пробовал взяться за учебники, ведь в этих книгах, было время, я находил успокоение, но не теперь... В доме для меня всё ещё звенел голос Бена, слышались его стремительные шаги. Он ходил очень быстро и легко, но не скажешь, что бесшумно. Для меня весь дом жил им. Он коснулся почти каждого предмета, когда осматривал моё жильё, и под его рукой всё словно ожило и жило его присутствием, его духом. Это было выше моих сил. Я вновь острой болью ощутил одиночество...

Что-то внутри меня шевельнулось, и я услышал: «Иди, пройдишь по бору. Это успокоит». Это чувство вывело меня из состояния отрешённости, и я действительно решил прогуляться, но не в бору, а отправился на облюбованное несколько ранее живописное местечко у реки, которое впоследствии станет самым излюбленным местом моих уединений... Я долго сидел, глядя, как река мчит свои воды. Постепенно отвлекался от мрака своих дум, и во мне просыпалось что-то новое, почти неизвестное мне: желание соприкоснуться со всем живым и мыслящим, приобщиться к Вселенной, стать её неотъемлемой частицей, но не простой бездушной, а живой и творящей во благо всем...

Возвращаться домой не хотелось, да и к тому же мне было о чём поговорить либо с Учителем, либо со старцем Николосом. Я решил идти к Николосу, ведь день назад мы с Беном в его саду срезали говорящий цветок. И вот я там, куда стремился. Николос обрадовался моему появлению:

— О, Николай, я рад тебя видеть в полном здравии, — несколько странно обратился он ко мне.

— Приветствую тебя, почтенный старец, — обратился я к нему, — если позволишь, поживу у тебя некоторое время.

— К чему такое вступление, Николай? Ведь ты знаешь, что можешь войти в этот дом и оставаться в нём, сколько захочешь, даже если меня не будет...

— Я знаю...

– Что ж, проходи...

Когда мы вошли в дом, старец, указав жестом на вазу с цветком, спросил:

– Это твоя работа?

– Да. Этот цветок срезал я. Но как ты догадался?

– Это моя маленькая тайна. И более того, могу тебе сказать, что ты был не один.

– Я был с Беном, но...

– Здесь уже нет ничего таинственного, простая наблюдательность: грядки в саду обработаны не только твоей рукой. Кто-то пласты уложил в арыках в другом направлении, вот и всё, — Николос улыбался, глядя на меня, словно перед ним стоял наивный мальчишка.

Меня это не обидело. Я просто был в последнее время несколько рассеян. И вновь услышал где-то изнутри голос: «Надо взять себя в руки». И я решил спросить об этом старца, наверняка он знал природу этого явления.

– Старец Николос, — обратился я к нему, — знаешь, в последнее время во мне, как бы изнутри, звучит странный голос, который как бы подсказывает мне. И я не знаю, что это и откуда оно идёт...

– Ответ прост. Это твой внутренний голос, — услышал я ответ на поставленный вопрос из уст Учителя и даже содрогнулся, его ведь здесь не было, но...

– Био, ты всегда появляешься внезапно и бесшумно. Приветствую тебя, — обратился к вошедшему Николос, глядя поверх моей головы.

– Я рад вас видеть, — ответил ему Учитель.

Да, это был именно он. Я встал и повернулся к двери. С моих уст слетело одно слово:

– Учитель?! — не то вопросительно, не то восклицательно.

– А ты кого хотел увидеть? Не Господа ли Бога? — пошутил Учитель, приветливо улыбнувшись мне.

Конечно, он шутил... От его приветствия у меня поднялось настроение, и я в смущении проговорил:

– Ты так неожиданно появился, Учитель...

– А ты был так сильно погружён в свои мысли, что не почувствовал мой приход. Ты рассеян, надо как-то собраться в самом себе в комочек и жить. Понимаешь, Николай, надо жить, а не бежать от самого себя. Далеко не убежишь.

Учитель говорил мне то, что наболело во мне, словно он всё это время был со мной рядом и слышал мои мысли. Он прошёл в глубь комнаты, снимая на ходу верхнюю накидку. А Николос обратился ко мне:

— Николай, если не в тягость, сходи к колодцу за водой.

— Конечно, я принесу воду, — взяв в руки резное ведро из дерева, я пошёл к колодцу.

День клонился к вечеру. Благоухали цветы. Со стороны сада доносилось монотонное гудение — это стремились в свои ульи пчёлы. Меня очаровало спокойствие, разлитое в воздухе, и какое-то время я стоял, вслушиваясь в шорохи листы, щебет птиц и вдыхал аромат цветов. Спокойствием наполнялась моя душа. Приятная нега разливалась по всему телу, и я вновь ощутил желание слиться воедино со всем живым, стать неотъемлемой его частичкой.

Совсем рядом со мной пролетела пчела. Её жужжание вернуло меня к действительности. Опустив ведро в колодец, я, легко вращая ручку на перекладине, поднял его. Перелил воду в принесённое ведёрко и пошёл к дому. Подходя, я замедлил шаг, во мне червячком копошилось любопытство: «О чём они говорят в моё отсутствие?»

— Я сегодня изрядно вымотался, но узнал то, что хотел, — говорил Учитель.

— Что-нибудь есть утешительное? — спросил его старец Николос.

— Едва ли это можно назвать утешительным, определён..., — я не расслышал кому, — срок в пятьдесят лет с небольшим.

Я хотел уже войти, решив, что они обсуждают какие-то свои дела, но ответ старца заставил меня задержаться:

— Да-а..., — протянул Николос, — выходит Николаю придётся ещё лет двадцать ждать, если...

— Если, — перебил его Учитель, — она сама не решится за это время на встречу с ним.

Несомненно, разговор шёл обо мне. Она — это, несомненно, Тамара. Но почему двадцать лет? Каких двадцать лет? И кому определён срок в пятьдесят с небольшим лет? Что это за срок и какая связь между всем этим и мной? Вопросы проносились один за другим. У меня зашумело в голове от избытка нахлынувших чувств, потемнело в глазах, так что я вынужден был прислониться к стене. Холод стены несколько отрезвил меня. Усилием воли я заставил себя улыбнуться и вошёл в

комнату. О чём говорили Учитель со старцем, я более не слышал. Когда же я вошёл, старец Николос с лёгкой иронией в голосе спросил:

- Ты случаем не к себе домой ходил за водой?
- Вовсе нет. Закат очень красивый сегодня. Залюбовался...
- Я уж хотел за тобой идти, тебя искать, – пошутил Учитель, испытывающе глядя на меня.

Но я словно панцирь надел на себя. Я не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, что я подслушал то, что от меня скрывали. Собственно, зачем? Не лучше ли было бы мне всё знать сразу? Так куда легче, чем жить в полном неведении и ждать неизвестно чего. Обо всём этом я размышлял, сидя с книгой в руках у раскрытого окна. Я отказался от ужина. Мне было не до еды. Хотелось подумать, побыть наедине с самим собой, но никуда не уходя, а оставаясь рядом с близкими мне людьми. Погрузившись в свои думы, я периодически перелистывал страницы раскрытой книги. Со стороны создавалось впечатление, что я читаю. А мне и не надо было большего...

На следующий день, встав утром с постели, я понял, что Учителя не было в доме. За год я привык чувствовать его и не утратил эту способность. Дни проходили спокойно: мы со старцем то философствовали, то спорили, отдыхая, или работая в саду. Однажды я всё-таки решился вернуться к волнующему меня вопросу о внутреннем голосе:

– Скажи, Николос, откуда идёт внутренний голос, какова его природа?

– Я даже и не знаю, как объяснить тебе, – немного подумав, сказал старец, – внутренний голос – это неотъемлемая частица тебя. Как бы второе твоё «я» – внутреннее проявление твоей личности. И ещё можно сказать то, что он никогда не ошибается. Только надо уметь слушать его и не подавлять в себе.

– Это может и человек и дух?

– Да, и живущие здесь, и живущие на Земле. Для живущих там, мы – духи. Но мы все – люди. Только человеку сложно это принять за истину, и он склонен называть даже самого себя при переходе в мир иной «духом». По природе своей мы едины, различна лишь степень развития. А отсюда – иное мышление, иное строение тела и так далее. Но ты спросил о чём-то другом ещё, я забыл.

– Какова природа внутреннего голоса? – переспросил я его.

– Его природа такова: это более утончённая субстанция тебя самого. Это, если так можно сказать, «изысканная личность», личность тебя самого, но заключённая в более плотную оболочку.

– Какая разница между взаимосвязью живущего на Земле и живущего в этом измерении человека с этой «изысканной» оболочкой?

– Очень часто земной человек не слышит этого голоса или заглушает его настолько, что тот теряет для него всякий смысл. Здесь же он проявляется более ощутимо. Я подчёркиваю – более ощутимо! Потому что и здесь не каждому дано его слышать.

– Почему?

– Николай, но ведь это очень просто: всё зависит от образа жизни и от силы духа.

– Я как-то не проводил параллель между образом жизни и силой духа.

– А ты подумай, много для себя откроешь интересного. Только подели всех как бы на три категории: сильные, слабые и нечто среднее меж ними. И силою духа каждый по-своему и богат, и беден. Знаешь, это тема для написания книги. Может, кто-нибудь когда-то и напишет её. Согласись, что среди сил зла очень много сильных духом. Чтобы творить бесчинства, равно как и противостоять им, нужна большая сила воли. Сильная личность, будь она возвышенной или низменной – сильна! Слабым же можно простить их бессилие. А вот те, кто меж сильными и слабыми, страдают больше всего. А от чего страдают?

– От снедающей внутренней борьбы, – резко ответил я, на что брови у Николоса дугами поднялись вверх, образовав лёгкие складки морщин на лбу. Я его озадачил.

– Николай, ты так категоричен, словно прошёл через это сам, хоть и говоришь, что не задумывался на эту тему.

– Думать-то думал, но не с этой позиции подходил. Да и потом, я не могу себя никуда отнести. В чём-то я силён, а в чём-то – беспомощен...

– Не надо приbedняться, Николай. Ты очень сильная личность. Но ты проходишь становление и укрепление силы духа. И то, что ты назвал внутренней борьбой – естественный процесс для каждого в ходе формирования и воспитания духа.

– Но я очень много не могу подавить в себе, ну хотя бы...

– Не надо перечислять то, что ты не можешь. Захочешь – научишься. Сможешь преодолеть и возвыситься над своими слабостями

только благодаря своему желанию быть выше слабости и порока. Здесь тебе никто не поможет. Только ты сам.

– Может, и так, но...

– Не надо никаких «но» ... Будь твёрд и решителен. Поставь цель, иди к ней. Каким бы долгим и трудным ни был путь, постарайся достигнуть желаемого, лишь при этом не перечь своей совести, чтобы после не было угрызений. А если ещё сможешь внимать внутреннему голосу, то ты просто счастливчик!

– Я не совсем тебя понял, Николос, к чему ты это подводишь?

– Отвечу: достигнутая цель – это победа. А победа, будь она самой маленькой, всегда приятна. К тому же борьба на пути к цели – закаляет волю и дух. А согласие с совестью и внутренним голосом возвышает тебя, переводя на новую ступень развития. Вот ты об этом и подумай, примеряя сказанное к себе. А я ненадолго уйду. Если не вернусь к утру, то полей грядку с ромашками и клумбы возле дома. Всё остальное, что и где есть в доме, ты знаешь. Или я ошибаюсь? – спросил он, направляясь решительно к выходу.

– Конечно, мне всё в этом доме известно. Ведь твой дом для меня – всё равно, что свой.

– Тогда до встречи!

– Николос, всё же не задерживайся.

– Я постараюсь.

– До встречи!

Старец Николос ушёл, а я ещё долго размышлял над нашим разговором, даже не заметил, как опустились сумерки.

Николоса не было ещё несколько дней. Меня это не пугало: что надо было делать в саду, я хорошо знал. Мне же самому многого не надо, я привык обходиться малым. В эти дни я много размышлял. Мне не сиделось на одном месте, но и оставить дом я не мог.

Старец вернулся уставшим, но весёлым. Я знал, что он всё расскажет сам без расспросов, или же промолчит, если мне не надо этого знать. Конечно, и здесь есть любопытные и досужие люди, старающиеся знать всё и везде. Но любой, хоть немного уважающий себя человек, не станет расспрашивать о том, о чём предпочитает умалчивать его собеседник.

– Николай! Я рад, что ты здесь. Я, наверное, задержал тебя своим отсутствием?

– Ты вернулся весёлым, значит, твои дела хороши. А что до меня, так я не много потерял. Скорее, приобрёл: было время над чем поразмыслить.

– Если так, что ж, можешь погостить ещё.

– Ты вновь куда-то должен уйти?

– Нет, ты же знаешь, я редко отлучаюсь из дома. А почему ты спросил меня об этом? Ты хочешь уйти?

– Да, и если ты не возражаешь, то сейчас.

– Так скоро? – Николос был удивлён.

– Да.

– Николай, послушай меня, не глупи, побудь лучше со мной или сходи к Учителю.

– О чём ты, старец Николос? Я вполне нормально себя чувствую.

– Я не о твоём теле, а о состоянии души...

– Всё нормально, поверь мне, – перебил я его.

– Нет. Здесь что-то не так. Мне не нравится аура, исходящая от тебя. Слишком всё взъерошено и очень беспокойно.

– Не удерживай меня, старец. Я обещаю тебе не делать глупостей и вернуться невредимым.

– Куда ты идёшь? – спросил он меня.

– Этого я ещё не знаю сам.

– А к Учителю не зайдёшь?

– Нет, скорее всего, нет...

– Тогда, до встречи, Николай!

– До встречи.

– Если нужна будет помощь, не забывай о нас с Био. Ты слышишь меня?

– Я никогда не сомневался в искренности наших отношений. Пока...

Куда идти? Не знаю. Мною владели ужасные думы и мысли. Всё наслаивалось одно на другое. Я перенёсся на неопределённое расстояние от дома Николоса и просто брёл, не обращая внимания на окружающий меня пейзаж. А должно быть, было очень красиво. Но меня не трогали красоты природы...

Внутренне я знал, что передвигаться подобным образом небезопасно, и всё же я отправился в никуда. Не определив никакой цели, я перемещался. Остановился я неизвестно где. Огляделся и ужаснулся.

Куда же я попал? Со всех сторон на меня смотрели горящие глаза, полные злобы и ненависти ко мне. Я осознал, что ненависть вызвана тем, что я чист, тем, что я — яркий блик среди мрака. Из обгоревшей постройки поднялась и вышла ко мне навстречу груда тряпья, увенчанная шапкой сплетённых и слипшихся волос, из-под которых не было видно черт лица. И всё в округе зашевелилось и потянулось ко мне. Нет! Я больше не хотел попадать в подобный переплёт, на моём пути было достаточно встреч с нечистоплотностью. Внутренний голос прокричал мне: «Опасность! Уходи!» Я понимал, что так нельзя передвигаться, пребывая в полной безвестности о месте нахождения, но куда? Куда? На Землю! Эти мысли удушливой волной захлестнули меня в один миг, в миг, который мог стать роковым. И я метнулся прочь отсюда, ощутив прикосновение к себе непонятого существа. Рывок был резким, но удаляясь, я увидел, что оно упало и с воплем протягивало вверх руку с клоком материи от моего плаща.

И вот я на Земле. И тоже непонятно где. Услышав хруст ломающихся веток, я оглянулся и увидел несущегося на меня носорога. Я шараясь в сторону, но... Животное не заметило меня. Я был на Земле, а значит, вне опасности.

Я находился на берегу небольшого залива, поросшего с одной стороны чем-то вроде камыша. У меня за спиной находился массив леса. Здесь всё было мне чуждо, и я перенёсся в деревню, где прошло моё детство. Я бродил вокруг селения, не решаясь войти в него, хоть и знал, что меня никто не увидит, что мне ничто не грозит. Но...

Мне хотелось вернуться в тело и видимым прийти к тем, кто мне так дорог и близок. А так, что из того, что я их вижу, а они меня — нет. Это было ужасно больно осознавать. В селение я в этот вечер так и не вошёл, а здесь были уже глубокие сумерки... Ночь провёл, удобно устроившись под раскидистым кустом, с которого налетавший холодный ветер срывал последнюю листву.

Ближе к рассвету я озяб и вынужден был встать и немножко походить туда-сюда, чтоб немного согреться. Оставившему мир земной не чужды чувства холода, зноя, когда он вновь приходит на Землю. Так было и со мной.

Занимался рассвет, становилось светлее. Пересилив себя, я всё же отправился к дому бабушки. Со времени моего ухода здесь ничего не изменилось. Анфиска уже встала и разжигала самовар, ей всё никак не удавалось разжечь, лучины гасли одна за другой. «Должно быть, отсы-

рели», – подумал я и улыбнулся, вслушиваясь в её привычную перебранку с самой собой.

Потом, тихо ступая, словно кто-то мог меня услышать, я вошёл в бабушкину комнату. Она спала, и я стал дожидаться её прихода. Войдя в комнату, она удивилась, увидев меня.

– Николай, это в самом деле ты?

– Конечно я, бабушка.

– Но почему ты здесь? Тебе плохо?

– Нет, я просто пришёл в гости, – я не хотел её расстраивать.

– Николушка, исстрадалась я здесь. Забрал бы ты меня с собой туда, – она всхлипнула.

– Не в моей это воле, ты же знаешь.

– Да знать-то знаю, устала я...

Внутренний какой-то толчок и непонятно откуда застряла в голове фраза: «Уходи, пусть проводит. Пора ей...» Я был в смятении, но эта фраза вертелась и не давала мне покоя.

– Ты чем-то взволнован, Николушка? Что с тобой? – прижимаясь ко мне спросила бабушка.

Я слышал шаги Анфиски. Она шла будить бабушку, нам надо было уходить. Откуда в тот миг появилось слово «нам» – не знаю. Но...

– Проводи меня, бабушка.

– Ты уходишь? Так скоро Николушка?!

– Да, идём. Идём со мной, – и я увлёк её за собой. Мы уже были за селом, когда бабушка резко исчезла.

Она проснулась, догадался я. И быстро вернулся снова в дом. Бабушка, как была в ночной сорочке, на коленях стояла перед образами. Она молилась. Анфиска стояла в дверях, с недоумением глядя на неё, она не слышала слов бабушки, зато слышал их я...

И вот она встала, тяжело опираясь о стоявший рядом сундук и сказала, обращаясь к Анфиске:

– Помоги надеть платье.

Анфиска молча помогла ей, а бабушка продолжала, как бы рассуждая вслух:

– Вот и мой час, Анфиска, пробил...

– О чём это Вы, прости, Господи?!

– Внук мой приходил ко мне...

– Может, к погоде?

— Да нет. Я с ним ушла аж до околицы, а тут и ты меня разбудила.

— Да будет вам так говорить. Рано умирать собрались. Поживите ещё...

— Я устала. Пора мне... Ну, да что об этом говорить. Господь позовёт, без страха пойду... А что там, чай готов?

— Да, давно вскипел, остывает...

И они вышли из комнаты. А я был пригвождён происшедшим клавке и не мог двинуться. Невольно я стал вестником смерти... Но почему я? Почему я? И как это могло произойти?.. Однако, немного придя в себя, я, да простит меня Господь, порадовался: «Хоть одна любящая меня и родная мне душа будет со мной в одном мире...». Придя к такому заключению, я не мог более находиться в доме. Мне, казалось, не хватает воздуха, и я вышел во двор. Но и здесь мне было мало места. Мне этот большой мир казался тесным от переполнявших меня чувств и мыслей.

Как-то непроизвольно, повинувшись внутреннему зову, я оказался в Саратове, в том парке, где когда-то познакомился с Тamarой, где встретил столько счастливых минут рядом с ней. Я ходил бесцельно по дорожкам, присаживался на лавочки, где мы часто отдыхали, вспоминал то, о чём мы говорили. И мне казалось, что она вот-вот появится, подойдёт, как бывало раньше, сзади ко мне и закроет прохладными руками глаза. Но увы... Это были лишь воспоминания. Но как они были живы: я слышал её голос и чувствовал прикосновение рук. Я слышал трель соловья и переклики воробышек в шумной стае, перелетавших с места на место...

Я открыл глаза — и всё исчезло. Стояла поздняя осень. Небо было хмурым, низко плыли облака. Срывался редкий дождь. Я почувствовал себя неуютно и одиноко в пустынном парке, где гуляли ветер да я... И как-то невольно, само собой меня повлекло на кладбище. Всех, кто читает эту главу, **призываю никогда не делать этого!** Запомните, внушите себе: как бы ни было тоскливо — не возвращайтесь к своим останкам! Зрелище ужасающее, а чувство отвращения после преследует очень долго...

Досужий человек может спросить, а как же праздники, когда приходят на кладбище поминать ушедших? Я отвечу. В отпущенные дни для помина, а ещё в день рождения и в день смерти, душа не видит смрада разложения тела и останков. Хотите вы или нет, а в особые дни

вас ждут умершие, даже если никто не приходит на кладбище. Если нет возможности быть на кладбище — просто вспомните ушедших дома, и они придут к вам домой, туда, где вы есть!

Не забывайте ушедших, ибо и сами будете забыты! И если б вы знали боль сознания, что ты забыт, что о тебе не вспоминают, вам стало бы страшно. Помните ушедших, вспоминайте о них, думайте, мысленно обращайтесь к ним, потому что они живы! Они нуждаются в вас более, чем вы, особенно в первое время после ухода в мир иной...

Не хочу описывать виденное и пережитое мною в тот день. Воспоминание и по прошествии многих лет леденит душу. Я был жестоко наказан! Внутренний голос твердил мне: «Остановись, остановись! Одумайся и вернись домой», но я шёл, подавляя в себе этот зов разума. Увиденное и пережитое довело меня почти до безумия. Собрав последние силы, я постепенно удалялся всё дальше... я помню только — бежал, бежал..., ничего не видя в округе и не слыша. Обессилев, я упал. Больше ничего не помню... Очнулся я от холода.

Шёл снег. Первый снег в ту зиму. Он устилал пушистым покрывалом всё: и деревья, и пожухшую листву. Земля надевала белый саван. Где я находился — не знаю, и не знаю, как долго я пролежал вот так на земле. Меня трясло от холода. Хотелось вернуться домой, но... я не мог. Меня словно магнитом что-то невидимое удерживало здесь, на Земле. Я несколько раз пытался уйти домой, но не мог справиться сам с собой. Казалось, что я потерял рассудок, потому что не смог сконцентрироваться мысленно на чём-то определённом. Перед глазами все поплыло. Силы оставляли меня.

Я куда-то брёл, не различая места, где иду... Я вышел к какому-то селу, вошёл в первую попавшуюся мне избу, над крышей которой вился дым. Не обращая внимания на людей, зная, что они меня не видели, я прошёл к печи. Согреваясь, я приобретал уверенность в себе. Силы возвращались ко мне, но я не мог двинуться с места, когда вновь пожелал вернуться домой. Внутренний голос молчал, и я не знал, что мне делать: меня что-то удерживало на Земле, не давая возможности оставить её. Когда я согрелся, мысли приобрели ясность. Но я никак не мог вспомнить, как называется состояние, в котором я находился сейчас, а значит, не мог выйти из него. Я читал об этом, знал. Но не мог вспомнить...

Забравшись на русскую печь, которая ещё хранила тепло и дух испеченного хлеба, я, устроившись удобно, заснул. Проснулся перед рас-

светом. В доме ещё все спали. Мне показалось, что рядом со мной кто-то есть. Я присмотрелся и увидел: что-то спало рядом со мной. Я подумал: «Кто это?» И это нечто потянулось и, проснувшись, изумлённо посмотрело на меня.

– Ты кто? – спросило нечто меня.

– Я Николай, а ты?

– Я – Хозяин дома, – ответило нечто и встало.

Что же я увидел? С полметра высотой маленькое худенькое существо. Мохнатое, мордочка беличья. Но оно понимало меня, а я – его.

– Что ты здесь делаешь, в моём доме? – спросил Хозяин. – Я не знаю тебя.

– Я просто очень сильно устал и замёрз. А здесь я согрелся и выспался.

– Хорошо, что ты отдохнул. Теперь уходи! – это прозвучало беззлобно, но решительно и твёрдо.

– Я не могу сейчас уйти.

– Почему?

– Я забыл кое-что и мне это надо вспомнить...

– Хорошо, вспоминай быстрее и уходи, – настаивал на своём Хозяин дома.

А мне было смешно видеть его хрупкую фигуру, занявшую выжидательную позу. Видимо, Хозяину передалось моё внезапное веселье и он спросил, укоризненно глядя мне в глаза:

– Чего ты тешишься? С меня что ли?

– И да, и нет.

– Как это: и да, и нет?

– Очень просто: ты такой маленький, но настроен воинственно. Мне просто стало немного легче от того, что я могу хоть с кем-то поговорить.

– Мне не до разговоров. Без тебя дел в доме хватает. Уходи быстрее, скоро проснутся в доме...

– Хочешь, я помогу тебе?

– Нет, мне не нужна твоя помощь. Вспоминай, что забыл и уходи, а не то я выгоню тебя сам.

Последняя фраза была угрожающей. Я понял, что говорю с домовым, а с ним шутки плохи.

– Послушай, Хозяин дома, я не буду шуметь и отвлекать тебя. Позволь побыть здесь ещё какое-то время и я уйду. Я не буду тебе в тягость.

– Хорошо. Оставайся здесь, сколько сочтёшь нужным, но чур! По хате не ходи, с печи не слазь!

– Я согласен. Спасибо тебе за приют.

– Ты не злой – это видно, поэтому я и разрешил тебе остаться, но ненадолго. Я ещё навещу тебя.

И он исчез, а я остался наедине со своими мыслями...

Я пытался осознать, что меня удерживает здесь, на Земле, почему я не могу вернуться в тот мир, откуда пришёл? Что-то внутри меня просыпалось и восстанавливалось обычное состояние. Когда я услышал внутренний голос: «Вспомни всё, что ты делал и хотел сделать!», – мне стало легче, значит, круг размыкается...

Я вспомнил всё, что делал, заново, с ещё большей силой ощутил всё то, что пережил ранее. Это привело меня в ужас. Я хотел встать и бежать, но... не мог. В голове пронеслось: «Это Хозяин дома». Он как бы приковал меня своим поведением, поэтому я и не мог двинуться с места. Мне оставалось ждать, пока домовёнок соизволит вновь навестить меня и отпустить. А я хотел освободиться от снедающего меня угнетения, теперь я знал причину, почему я не мог вернуться домой, что меня удерживало...

Тяготение к телу, оставленному в земле, – вот что не даёт возможности вернуться обратно. И пока не осознаешь, что именно довлеет над тобой, не сможешь от этого избавиться. А для этого надо вновь всё пережить, и не единожды. Ко мне сознание пришло быстро. Но очень часто бывает, что дух теряет самообладание и не может без посторонней помощи вернуться в прежнее состояние. Конечно, это испытывают лишь природы утончённые, легкоранимые и легко подвергающиеся различным стрессам, хотя на этом может сломиться и сильный духом, пережив подобное потрясение.

Зачем надо возвращаться вновь на кладбище, если уже всё осознано? Потому что только оттуда возможен возврат в мир неземной после пройденного ужаса...

Я ждал, пока вернётся домовёнок. Мне показалось, что он пришёл почти сразу.

– Ты ещё здесь? – спросил он меня.

– Да, я жду тебя.

– Ты хочешь уйти?

– Да.

– Ты свободен и можешь идти.

– Спасибо за приём, ты очень помог мне.

– Чем? – удивился домовёнок.

– Ты позволил в спокойной обстановке мне решить все свои проблемы.

– Это хорошо. А что ты пытался вспомнить? – Домовёнок проявил ко мне непонятный интерес; повинувшись внутреннему чувству, я не стал ему объяснять ничего, наоборот, попытался быстрее уйти, чтоб не попасть под его влияние.

– Извини, Хозяин дома, я спешу.

– Но ты что-то вспоминал... Скажи, что? – его тоненький голос приобрёл слащавый оттенок.

Я понял, что он что-то затевает.

– То, что я вспоминал – пустяк. Но теперь я должен идти, мне пора, – я говорил решительно, чем вызвал неодобрение домовёнка.

– Уходи! Не буду я тебя провожать..., – и он с обидой отвернулся от меня и зашлёпал прочь.

– Хозяин дома! – обратился я к нему. – Я не хотел тебя обидеть. Но право слово, мне надо торопиться. Ты не веришь мне?

Последние слова заставили вернуться домовёнка. Он подошёл совсем близко ко мне и зашептал, словно нас кто-то мог услышать:

– Знаешь, сколько блуждает духов? Нет! Ты этого не знаешь, ты не можешь этого знать, ты никогда не был домовым и тебе никогда им не быть!.. А я устал, понимаешь, устал от такой участи. Я наказан по праву бытия и никого не виню в этом. Но я хочу стать выше того, что я есть сейчас. Я гоняю блуждающих духов, оберегаю дом, меня это не тяготит. А ты... ты не из блуждающих. Ты просто неудачник, ошибся в чём-то, но не хочешь открыть мне тайну, зная которую я стану выше, на маленькую ступенечку, но выше... Понимаешь?

Чем дольше я его слушал, тем больше поражался его развитости и уму. Я знал (мы проходили в Синоде «предмет о низших духах»), что такое невозможно для домового. Его разговоры и суждения поразили меня. А он смотрел на меня, ожидая участия в его горе, и я ему ответил:

– Ты не просто домовёнок, ибо для домового ты гениален! Придёт время – и ты освободишься от своего наказания, ты станешь

сам собой, — слова свободно лились, словно поток воды, и я удивлялся себе, откуда во мне эта уверенность, но я верил в то, что говорил.

— Откуда ты знаешь мою тайну? — спросил домовой.

— Тайну? — переспросил его я.

— Да, ты сказал, что я стану сам собой. Ты знаешь, кем я был и кем стану?

— Нет, этого я не знаю. Но наказание даётся на определённый срок. Ты сам сказал, что наказан по праву бытия и никого в этом не винышь. Значит, ты был на другом уровне развития и в силу обстоятельств низвергнут на более низкий. А по истечении срока наказания ты вернёшься туда, откуда пришёл.

— По истечении срока... Я не додумался до этого сам! Ха-ха-ха! — он звонко рассмеялся и женщина уронила миску с кашей со стола, которая разлетелась, как назло, по всей комнате. Я видел это: домовёнок ее подтолкнул, женщина запричитала, а домовёнок хохотал: — Ха-ха-ха! Какой же я глупый. Ведь мой срок определён, и он рано или поздно кончится. Ха-ха-ха! Ты неплохой мальчик. Вот повеселил меня! Ха-ха-ха! Вот здорово! А я-то, глупый, и не знал...

Домовёнок выплясывал, отбивая чечётку босыми ножками по половицам пола, в такт прихлопывая в ладоши.

Я негромко спросил у него, боясь прервать веселье:

— Так я пойду? Ладно?

— Конечно, иди, ты меня развеселил! Мне теперь жить будет легче. Прощай..., — и он снова пустился в пляс.

— Прощай, Хозяин дома! — и я вышел на улицу. Солнце клонилось к горизонту, и сумрак спускался на землю. Долго же я находился в раздумье, если уж день клонится к закату. Да...

Внутренне содрогаясь, я усилием воли заставил себя вернуться на кладбище. Но я не стал подходить к своей могиле... Немного постоял, вслушиваясь в тишину. Казалось, ничто и нигде не движется и не живёт. В другое время такая тишина могла бы привести в ужас, но сейчас она успокаивала меня. Я собрался с силами и оглянулся в последний раз туда, где лежало моё тело. Оно более не влекло меня, оно более не имело власти надо мной. Я освободился от гнёта! Я свободен... Я ощутил небывалую лёгкость в теле и стал свободно парить над землёй, радуясь этому полёту... Я подумал, что хочу вернуться домой, но прежде заглянуть к бабушке... Но внутренний голос одёрнул меня: «Не де-

лай этого, навестишь после». Я повиновался этому зову и закрыл глаза...

Какое-то время я смотрел перед собой и не верил, что это – мой дом! Как он мне был дорог, и меня ничуть не страшила его пустота. Ведь в нём никого не было, жил здесь только я. Один... Но я в этот миг не ощущал одиночества, скорее, некое единение со всем этим миром, к которому я уже привык и в котором уже освоился, стал его частью. Впервые за последнее время я с лёгкостью вошёл в дом. Его обстановка действовала на меня утешающе, а не гнетуще, как раньше. Я был счастлив! Вновь я обрёл покой и равновесие души. Я испытал некую внутреннюю гармонию...

Чисто условно, сам для себя, этим эпизодом я завершаю главу, считая, что в моей жизни был завершён один период, и я входил в новое состояние бытия.

ГЛАВА 9

После пережитого потрясения я долгое время находился в состоянии транса. Меня очень долго преследовали всякие кошмары. Я не мог ничего делать, потому что всё время находился в бреду... Не знаю, как бы я вышел сам из этого состояния, не будь рядом со мной Учителя. Он долго и терпеливо заботился обо мне. Когда я пришёл в нормальное состояние, первый вопрос, который я задал, был:

– Учитель?

– Да, это я, Николай.

– Где я? – снова спросил я, потому что, оглядываясь, не мог понять, где я нахожусь.

– Не волнуйся, ты дома, ты у себя дома.

Я закрыл глаза и через силу пытался вспомнить всё, что было со мной. Постепенно события выстраивались в определённом порядке. Повинуясь чувству логики, я менял местами всплывающие сюжеты, пока полностью всё не выстроилось упорядоченно. Почти всё время я чувствовал, что Учитель рядом со мной, он время от времени брал мою руку, как бы проверяя пульс. Когда все события моей жизни были восстановлены в памяти, обессилив, я заснул...

Проснувшись, я отчётливо всё вспомнил. Мне было хорошо, но я ощущал во всём теле слабость, из-за чего не мог встать с кровати. В доме было тихо. Я стал осматривать обстановку в комнате, здесь всё было мне знакомо и очень дорого. Во мне что-то изменилось, я явно ощущал в себе эту перемену: я более не хотел возвращаться в тот мир, откуда пришёл!

Вдруг мне показалось, что в доме кто-то есть, и я тихо позвал, зная наверняка, кто в доме:

– Учитель!

– Ты проснулся? – спросил он, входя в комнату.

– Да, давно уже.

– Что же ты сразу меня не позвал?

– Да я немного задумался...

– Что же интересного пришло тебе на ум?

- Я понял, что больше не хочу возвращаться на Землю.
 - Это хорошо, Николай, значит, ты полностью изменился и излечился от одолевавшего тебя пристрастия.
 - Пристрастия? – переспросил его я.
 - Да, стремление вернуть прошлое обличие, иначе сказать – стремление вновь войти в оставленное тело, это и есть пристрастие.
 - Так вот что я не мог вспомнить..., – сказал я сам себе.
 - О чём ты? – спросил меня Учитель.
 - Да так, это уже не важно. Учитель, расскажи всё обо мне.
 - Что именно ты хочешь знать?
 - Как долго я здесь пролежал, и как ты попал ко мне?
 - Здесь нечего особенно рассказывать. Ты знаешь о моей привязанности к тебе. Я чувствовал, что тебе плохо, поэтому пришёл в твой дом. Но тебя здесь не было. Я решил навестить Николоса. Он-то и рассказал мне о своих подозрениях относительно тебя. Я всё понял и вновь пришёл к тебе домой и стал ждать, пока ты вернёшься сюда.
 - Мне кажется, когда я вернулся, в доме никого не было.
 - Вот именно, что тебе кажется, – Учитель улыбался, глядя на меня, – хорошо, что всё уже позади.
 - Ты что-то скрываешь от меня, Учитель?!
 - Вовсе нет, просто ты немного нетерпелив... Ты вошёл в дом, и я, обрадовавшись, вышел тебя встречать. Но ты не замечал меня. Ты как-то странно смотрел, а потом вдруг упал. Я ринулся к тебе, осмотрев, понял, что ты без сознания. Я перенёс тебя на кровать...
- Учитель замолчал.
- А что было после, Учитель?
 - После? Тебе было плохо. Ты бредил, всё рвался куда-то, то пытался отгородиться от преследующих тебя видений. Постепенно тебе становилось легче. Помог и Николос.
 - Он тоже был здесь? – удивился я.
 - Да, и не только он...
 - О чём ты, Учитель?
 - ...
 - Ты не хочешь, чтобы я что-то знал?
 - Да нет, не в этом дело... Какая разница, когда ты это узнаешь... и от кого... Наверное, будет лучше, если я расскажу тебе о происшедшем...

Некоторое время Учитель молчал, должно быть, обдумывал, как мне всё рассказать. Я ждал, пока он заговорит вновь.

– Николай, то, что я сейчас скажу тебе, очень важно. За время твоей болезни здесь было много разных людей.

– Учитель, я перебую тебя, ответь на один вопрос: как долго я был вне сознания?

– Почти полгода.

– Что?!

– Да, это так, не удивляйся. Поставить тебя на ноги помогли на-стои старца Николоса, да врачевание святого Пантелеймона. Не раз приходил и Один. Но всё это не так важно. Важно то, что ты мог перестать существовать вообще, как личность.

– Как это: вообще?..

– Ты очень чувствительная натура, пережитое тобой потрясение могло стать роковым. Но твоего исчезновения не могли допустить. Ты должен жить и учиться дальше.

– А что будет потом?

– Придёт время – ты всё узнаешь.

– Учитель, ты снова что-то мне не договариваешь?

– На этот раз – нет. Я не знаю, что именно будет определено тебе Свыше.

– Определено Свыше... Учитель, кто не мог допустить моего исчезновения? Ты говорил мне что-то об этом.

– Не отрицаю, говорил. Силы добра, вот кто! Ты – новая утверждающаяся личность, очень сильная духом, несущая положительное влияние на окружающих. Ты нужен миру, поэтому ты должен взрастить свой дух до определённого уровня, а потом, вернувшись на Землю, утвердить его. А что будет дальше – известно лишь Богу. Если что-то тебе и трудно сейчас осознать или принять реальным образом, не отчаивайся. Смирись и прими всё так, как оно есть. Верь мне, я говорю всё это тебе с отцовской привязанностью, верь в себя, в свои силы – и всё будет хорошо. За свою боль и страдания ты получишь сторицей...

Учитель говорил долго, и чем больше я вслушивался в его слова, тем спокойнее мне становилось. С новой силой чувство умиротворения разливалось во мне. Снова я ощутил полную и безвозвратную привязанность и принадлежность этому миру.

– Что это я совсем заболтал тебя, – вдруг спохватился Учитель и захолопотал вокруг меня.

Он принёс мне в постель и дал выпить какой-то отвар, сказав при этом:

– Данное снадобье поддержит твой жизненный тонус.

Он снова исчез и вернулся с маленьким передвижным столиком, на котором было наставлено множество яств.

– Ешь, Николай, я заговорил тебя, а ты и так ослаблен, тебе сейчас нужно больше кушать и дольше спать. Сон восстановит твои силы. Думаю, что через несколько дней ты сможешь встать на ноги.

Первое, к чему потянулась рука – это вяленые персики! Сбив охоту к любимому блюду, я аппетитно уничтожал сочные наливные яблоки вприкуску с пшеничными лепёшками. Довершил трапезу ароматным виноградом, а напоследок Учитель подал мне ароматный напиток. Не знаю, что входило в его состав, я смог лишь определить наличие мёда и травы.

– Это изобретение Николоса? – спросил я Учителя, допивая напиток.

– Нет, этот напиток для тебя составил святой Пантелеймон, а всё необходимое собирали Николос и Один. Пока не выпьешь всё, силы полностью не восстановятся.

Учитель явно шутил. Я догадывался, что он рад за меня. Рад хорошему аппетиту и настроению. У меня же от его присутствия было тепло на душе.

Покушав, я почувствовал удовлетворение, но... Странное состояние: предметы, окружавшие меня, стали слегка покачиваться и удаляться от меня. Я успел только подумать: «Наверное, в напитке есть что-то из снотворного», – и уснул.

Так продолжалось несколько дней: я просыпался, разговаривал с Учителем, ел и снова засыпал.

Однажды, проснувшись, я почувствовал в себе достаточно сил встать и пройтись по комнате. Что я и сделал. Учителя не было в доме. «Наверное, он во дворе», – подумал я и, чувствуя лёгкое головокружение, вышел на улицу. Лёгкий ветерок охватил меня, слегка растрепав волосы. В его порывах было столько великолепия!

И всё-таки я был слаб, чтобы долго ходить. Я присел на ступеньки и ловил прекрасные мгновения, наслаждаясь пением птиц и доносившимся из сада ароматом липы. Я сидел, закрыв глаза, и, предавшись

восприятию охвативших меня ощущений, не заметил, что вернулся Учитель.

– Николай, – тихо окликнул он меня.

Я открыл глаза и увидел Учителя.

– Ты уже встал? – спросил он.

– Да, я чувствую в себе достаточно сил...

– И всё-таки, ты ещё слаб, – перебил он меня и предложил вернуться в дом.

Его глаза светились загадочным блеском, по которому я догадывался, что он что-то затеял, но пока не хочет говорить об этом. Учитель помог мне дойти до комнаты, и я поспешил снова лечь, чувствуя слабость.

– Николай, – обратился ко мне Учитель, – приведи себя в порядок, у нас сегодня гости.

– Кто это, скажи, Учитель?!

– Ты очень обрадуешься, увидев этого человека, – вновь уклонился Учитель от прямого ответа.

Я не питал особых иллюзий относительно Тамары после подслушанного мною разговора, поэтому был серьёзно озадачен: к чему бы это так загадочен был со мной Учитель в последние два дня, а сегодня – особенно?

– И всё-таки, Учитель, – настаивал я, – что за гости?

– Ну, гости – это сказано несколько преувеличенно, просто – гость, а не гости.

– Стало быть, один человек?

– Выходит, что так.

– А кто?

– Николай, поторопись, иначе не успеешь привести свой внешний вид в порядок. Не гоже встречать гостя в измятой одежде и изрядно взлохмаченным. Поторопись... У тебя не так много времени, – и он вышел.

Я был смущён и в недоумении: кого же всё-таки имел в виду Учитель? Как бы то ни было, я решил привести себя в порядок, всё же в доме будет гость... А внутренний голос уточнил: «Гостя». Это привело меня в ещё большее замешательство. И всё же я, преодолев волнение, привёл себя в порядок, сменил одежду и расчесал волосы густым гребешком из слоновой кости. Вся эта процедура заняла не очень много

времени. Поэтому я вновь сел на кровать, так как был не в силах унять внутреннюю дрожь.

– Николай! – услышал я голос Учителя. – Где же ты? Иди, встречай гостью.

От волнения у меня подкашивались ноги, но я всё же твёрдо и уверенно вышел в гостиную. Учитель стоял около окна. Услышав мои шаги, он обернулся в мою сторону и сказал:

– А я думал, ты не выйдешь... так скоро...

– Почему, Учитель?

– Да, так. Это мысли вслух.

– Кто же пришёл, Учитель? Я никого не вижу.

– Немного терпения. Хотя, вот уже, – и он указал рукой на дверь, – смотри...

Я обомлел, в распахнувшуюся дверь вошла красивая молодая женщина. Тонкая материя платья подчёркивала изящество её фигуры. Волосы были собраны на затылке и небольшими локонами спадали к плечам. От золотистого блеска волос, казалось, стало светлее в доме.

Я смотрел на вошедшую и недоумевал: «Кто она?» Хоть и точно знал, что ранее нигде её не встречал, во всяком случае в подобном виде и образе, но, глядя на неё, я так же точно знал, что я её знаю и очень хорошо. Все эти мысли пронеслись в голове в короткий миг. А вошедшая улыбнулась и негромко сказала:

– Приветствую вас! Можно войти?

– Конечно, – не растерялся я, – входи. Мы тебя ждали.

Видимо, я говорил неуверенно, потому что женщина подошла ко мне и, глядя в глаза, спросила:

– Николушка, неужели ты меня не узнал?

В интонации было что-то очень знакомое. Знакомый до боли с лукавинкой взгляд и это обращение: «Николушка» ... У меня что-то защемило в груди: «О, Боже! Как я мог ещё сомневаться?» Да, конечно, это была моя бабушка! А внутренний голос твердил мне: «Да, да, это она, твоя бабушка». Мы обнялись с ней. Она причитала надо мной, как будто я был совсем маленьким, почти ребёнком, а она – старушкой, измученной жизнью и давно не видевшей меня.

Да, конечно, я изменился. При жизни она знала меня другим. Но и она, бабушка, была далеко не бабушкой, которую я помнил и чей образ хранил. Нас захлестнула волна нежности и радости. Я даже забыл о том, что Учитель был здесь же, в гостиной.

– Николай, – услышал я голос Учителя, – я оставляю вас. Если будешь нужен, я найду тебя. Ты полностью оправился от болезни и не нуждаешься в моей помощи, а у меня много работы..., – и он отправился к выходу.

– Благодарю тебя за всё, Учитель! – только и успел я сказать ему, как он вышел.

Бабушка внимательно посмотрела на меня и строго, как раньше, спросила:

– Что случилось, Николай? Ты был болен?

– Да, это так...

Мне пришлось рассказать всё о себе. Беседа была долгой. Бабушка слушала меня и удивлялась. Что-то уточняла, что-то переспрашивала... Мы засиделись допоздна. Я был благодарен Учителю, что он так предусмотрительно накрыл стол. Я-то уже прошёл период постоянного ощущения голода, а бабушка – нет. Она всего около четырёх месяцев была здесь.

Учителя ей не давали. Она не нуждалась в нём. Бабушка уже в третий раз возвращалась с Земли в этот мир. Ей было известно всё самое необходимое для существования. Со временем она лишь приобретала забытые навыки и знания.

Она рассказала мне, что её встречала сестра, ушедшая, будучи совсем юной. Сестра явилась к ней в том облике, который бабушка знала, а за рекой встречала в ином облике, в том, в котором она живёт здесь.

– Агафья всегда была красивой, – говорила мне бабушка, – даже очень красивой. Невозможно было пройти мимо неё и не оглянуться. За ней ребята ходили толпой, да она никого не привечала. Жила своими фантазиями да мечтами, часто ходила в церковь, что очень любила. Была часто задумчива, любила вышивать. Помню, старые люди говорили: «Ей не место среди нас всех. Ей бы в монастырь...».

– Бабушка, а от чего она умерла? – спросил я.

– Агафья-то? Да кто его знает... Прилегла днём отдохнуть, да больше и не встала. Ей всего-то шёл шестнадцатый годок...

– Да-а..., – протянул я и высказал мысли вслух: – Чего только в жизни не бывает...

– Это верно, Николушка... Она на Земле была красавицей, а здесь ещё краше. Когда я увидела её за ручьём – не узнала. Думала,

сама Богородица сошла за мной. А она мне: «Это же я, Агафья, сестра твоя. Иди сюда, не бойся». Я-то и не боялась. Ручей перешла, ног не намочив, с бережка да на камешек, и снова на бережок. Оглянулась, вода в нём чистая. Захотелось посмотреть на себя – словно сила какая-то подталкивала. Глянула и ахнула: я и не я. Вот такой себя и увидела, – бабушка рукой очертила круг вокруг лица.

– А где же ты сейчас живёшь?

– Я то? Сначала сразу к Агафье пришли. У неё и жила. А вот недавно виделась с Всевышним. Он мне моё жильё и определил. Агафья с мужем и я вместе выбирали место для жилья. Ты же знаешь, как мне цветы любви, вот я и решила остановиться на планете Цветов! Мне и дом помогли справиться и обжиться в нём. Вот к тебе выбралась в гости. Теперь ты ко мне будешь приходить. Верно говорю?

Бабушка была всё такой же неугомонной!

– Конечно, буду приходить к тебе. Как же иначе?!

– А не забудешь слов своих?

– Нет, что ты, бабушка...

Она засмеялась и, похлопав меня по плечу, сказала:

– На бабушку я что-то не очень похожа, ты не находишь?

– Но я привык тебя звать так: «Бабушка», и уже не смогу иначе.

– Не обижайся, я знаю тебя.

– Скажи, бабушка, а откуда у Агафьи муж? Ведь замуж она не выходила...

– Да, это-то верно... Если хочешь, расскажу её историю. Интересная. Я и сама-то удивилась, увидев в доме мужчину, а она мне: «Это мой муж».

– Конечно, расскажи!

– Так вот оно как бывает: Агафья-то – не Агафья.

– Как так? – удивился я.

– Да ты слушай, не перебивай.

– Хорошо. Слушаю.

– Так вот, она раньше жила на Земле и звали её Оливия. У неё был любимый, хоть и жила с другим мужчиной и детей с ним имела. Не любила, а женой была верной. Это они уже тут встретились все трое. И муж её, и возлюбленный хотели быть с ней. А она-то, знамо дело, с любимым осталась. Венец здесь приняли. Он-то, её любимый, таки прожил бобылём, хоть и был у него сын. Помогал он той женщине, от

ребёнка не отказывался. Воспитание ему надлежащее дал и имя своё. А жениться-то и не женился...

— Бабушка, а Агафья-то, что? — перебил я, зная, что теперь бабушка долго будет приводить примеры, вспоминать какие-то случаи. Она всегда была охотницей до разговоров и могла подолгу отвлечённо рассказывать что-либо, потом вновь возвращаясь к ранее начатому рассказу.

— А что Агафья? Жила припеваючи, да дурь в голову взбрела... Да..., — бабушка помолчала и снова продолжила рассказ: — Что на неё нашло, она и сама-то объяснить не могла. Да только с любимым венец приняла, мужем назвала, да стала к тому бегать. Он её отвергал, да любовь сильнее оказалась. Стали тайно встречаться. Сначала просто виделись, а после и до неприличия дошли. В блуд она ударилась.

— Как же она так смогла?

— Да вот, не знаю... Только за это она и была наказана: наделили её красотой сказочной, да на Землю сослали. Но не поддалась Агафья более соблазну. Мечтала, но не позволяла себе даже смотреть на парней. А забрали-то её легко оттого, что отец подумывал её замуж отдать, и жених был на примете. Вот так, Николушка, бывает...

— А как же её возлюбленный? Встретил?

— Он любит её, и она его тоже. А любовь всепрощающая. Они счастливы вместе.

— А как же он теперь её зовёт? Агафья или Оливия?

— Ой, Николушка, что за дело до имени, если любишь? Оливия или Агафья — не всё ли равно? Агафьей он зовёт её, а забудется в порыве, так — Оливия ...

Мы ещё долго разговаривали. Вспоминали, плакали, смеялись. Ночь сменил новый день, и день клонился к вечеру, когда бабушка за собиралась домой.

— Мне пора уж и до дома, — сказала она после непродолжительной паузы.

— Ты устала и хочешь отдохнуть. Бабушка, ты можешь остаться у меня, а потом я тебя провожу...

— Нет, Николушка, нет, милый, я как была домоседкой, так и останусь ею. Ты прав, я устала, но у меня хватит сил, чтобы вернуться домой, и не только... А вот тебе точно надо отдохнуть, ты бледный стал.

— Я провожу тебя. Ладно?

— И не думай об этом. Пока не буду уверена, что ты спишь, я и с места не сдвинусь, — решительно заявила о своих намерениях бабушка.

Я знал, что спорить с ней бесполезно. Поэтому всё, что мне оставалось, это подчиниться и лечь в постель. Что я и сделал. Бабушка взяла мою руку в свои и, как в детстве, тихо стала напевать одну из любимых мной песен. Я чувствовал, что погружаюсь в сон. Мне было так легко и спокойно, словно я вновь стал маленьким мальчиком, не ведающим ни о каких проблемах...

Когда же я проснулся, бабушки не было дома. Посуда со стола убрана, и с её лёгкой руки по-иному виделась обстановка в доме. Я несколько раз прошёлся по дому, переходя из комнаты в комнату. Вышел в сад — и здесь всё было иначе: и цветы ярче, и птички трели звонче, и ветерок ласковее. Я не был здесь одиноким, как это мне казалось раньше.

Я по-иному посмотрел на мир! Мне надо было ещё так много всего обдумать, сделать для себя какие-то выводы, чтобы более полно определиться и войти в нормальное русло жизни.

Я удобно устроился на солнечной полянке в саду близ беседки, обвитой диким виноградом. Погрузившись в размышления, я не замечал времени. Мысли неслись нескончаемым потоком. Чем больше приходило утверждений: «Да, это так», тем становилось легче. Я всё как бы упорядочил, расставил по местам.

Мне было легко и свободно. Я радовался жизни и всему, что видел вокруг, будь то человек или небольшая букашка. После болезни ко мне вернулись не только силы, но и стремление жить!

Через несколько дней, проведённых в размышлениях, я решил навестить Учителя. Его не оказалось дома. Но уже известным мне способом я получил оставленную мне информацию: «Николай, у меня новый ученик. Вернусь домой не скоро. О приходе сообщу сам. До встречи». Эта информация предназначалась мне, и только я мог её считать.

Да, Учитель говорил мне, что не знает, чем будет занят в ближайшее время, пока ему не определят ещё кого-нибудь в ученики, и как долго он будет свободен. И вот он вновь Учитель, но не мой. Он занят и вернётся не скоро. Меня это не огорчило, ведь я теперь иначе смотрел на жизнь, я более не приписывал всё на свой счёт, как это делал раньше.

Так как Учителя не было дома, я решил побывать у старца Николоса. Когда я подошёл к его дому, он уже ждал меня.

– Долго же ты идёшь, Николай! – первое, что я услышал от него.

– Почему долго? И откуда ты знаешь, что я шёл к тебе? – спросил я старца.

– Моё чутьё редко меня подводит. Не оплошал я и в этот раз. Разве не так?

– Так-то оно так... Приветствую тебя, Николос!

– Проходи в сад, гость мой, угощать тебя буду ..., – пригласил он, сделав голос более твёрдым в словах «гость мой».

По тому, как он смотрел на меня, я понял, что он в хорошем настроении и сегодня шуток и подколок от него не оберёшься. Так оно и было.

Николос потчевал меня терпким напитком с мёдом в сотах и подшучивал:

– Набирайся сил, путник, чтобы не спотыкаться на ухабистых дорогах... – Или: – Отведай, милый, сотового мёду, жизнь станет слаще, и нос Земли не коснётся.

Я знал, что он шутит, и не обижался. Николос, как и Учитель, хорошо знал обо всех моих похождениях и приключениях.

Я провёл у него, как обычно, несколько дней. Мне не удавалось уйти от него сразу. Он сам, обстановка в доме, сад и вся атмосфера рядом с ним были словно пропитаны доброжелательностью. От этого и не хотелось уходить от него. А уйдя, что-то незримое тянуло вернуться сюда вновь. Так было не только со мной. Николос общителен, у него часто бывают люди, но я ни разу ни с кем не столкнулся, кроме Учителя. Создавалось такое впечатление, словно посещение его дома было расписано по графику. Он почти никогда не оставался один, и в то же время никто ни с кем не сталкивался, кроме знакомых между собой людей.

Мне не сиделось дома. Гонимый тягой к путешествиям, я часто «бродяжничал», то есть просто ходил и обследовал незнакомые мне места.

Учитель вернётся не скоро, у Николоса я уже побывал... После встречи с бабушкой ещё не улеглись эмоции и воспоминания, всё было живо во мне. Бена я видел совсем недавно, да и встретиться с ним сейчас было бы сложно – он учится, и мне не следует часто врывать в его

жизнь. Я уже давно не видел Одина, но не решался пойти к нему. Краски Радужной были слишком яркими, и я боялся, что меня захлестнёт волна чувств. Мне надо было освоиться в новом положении. И я вспомнил про Виктора и Ольгу, с которыми познакомился, когда шёл к Бену. Конечно, я мог в один миг оказаться там, но это было бы слишком быстро, а мне хотелось находиться в постоянном движении, в котором, как мне казалось, я черпал всё новые и новые силы.

Взяв с собой в дорожную суму немного еды, я отправился в путь. Как-то непроизвольно мой путь пролёг через город Васильков. Я шёл по знакомой мне улочке. Остановился возле знакомого дома и задумался на миг: «Здесь было ещё что-то, но что?» Вдруг меня словно молния ударила: «Здесь же рядом стоял дом Евгения и Нелли!» Навстречу мне шёл человек, очень знакомый. Я не сразу понял, кто это. Он же узнал меня и резко пошёл обратно. Я, догоняя его, окликнул:

— Евгений!

— ..., — человек лишь замедлил шаг. Значит я не ошибся, это был он. Но почему он уходил, не желая быть замеченным?

— Евгений?! — снова позвал его я, почти догнав.

— Да, Николай, это я, — заговорил Евгений, оборачиваясь ко мне.

— Евгений, я думал, обознался...

— Нет, как видишь, это я.

— Ты хотел уйти незамеченным, почему?

— Извини. Это моя боль...

— Что-нибудь случилось? — спросил его я.

— И да, и нет. Пойдём куда-нибудь в сторону от дороги, что тут так стоять на виду у всех.

— Мы можем пойти ко мне...

— Нет! — перебил меня Евгений. — У меня нет такого желания, давай просто за городком посидим.

— Хорошо...

— Николай, мне больно в этом признаться даже самому себе, но я не хочу возвращаться на Землю.

— Евгений, зачем же ты так поспешил? Ведь у тебя ещё не один десяток лет был впереди.

— Да, это так. Но, идя в определённый мне свыше срок, я не буду на Земле вместе с Нелли, а мы не хотим с ней расставаться даже там.

— Разве можно что-то изменить?

— Можно... Вот мы и идём на Землю раньше... Хотя и вместе, но я не хочу...

— Почему?

— У меня так мало шансов быть замеченным ею в сутолоке жизни...

— Не отчаивайся так, Евгений. Верь в хорошее, ведь вы любите друг друга, а есть такое чувство — интуиция, оно не обманет вас. Верь в себя и верь в Нелли, и вы будете вместе...

— Возможно, ты прав, но я не хочу уходить отсюда. В моей жизни будет много соблазнов, и я могу легко поддаться влиянию порока. Я могу разминуться с Нелли, а, возможно, и встретившись, и обретя её, потерять...

— Как так, Евгений? Я не совсем понимаю тебя...

— Очень просто. Я могу стать пьяницей и её гонителем. А ты знаешь: придя сюда, мы окажемся врозь.

— А как же любовь?

— Есть вещи, которые невозможно изменить. Ты же знаешь об этом, Николай. Ты ведь знаешь...

Евгений уронил голову на сложенные на коленях руки. Мы сидели под раскидистым вязом. Над васильками кружил шмель, наполняя воздух жужжанием. Мне было больно за Евгения и Нелли. Но что я мог сделать для них? Ничего! Как мог, я попытался утешить Евгения, приводя разные доводы и примеры. Мне показалось, что уходил он менее обеспокоенным, чем до нашей встречи. Если так, слава Богу! Больше его я никогда не видел!

Ещё какое-то время я оставался там, где мы разговаривали с Евгением. Вновь мысли обрушились на меня потоком. Вновь вспомнил я Тамару... Грусть подступала всё ближе и ближе. Я ещё не совсем утвердился в новом восприятии мира, но внутренний голос подтолкнул меня: «Встань и иди». Сделав над собой усилие, я встал и пошёл.

Ещё какое-то время мною владели грустные воспоминания, но красота природы и дух планеты возымели надо мной власть, и я пришёл в хорошее настроение. Я старался избегать людных мест. Мне хотелось побыть наедине с собой и с природой. Лишь изредка я входил в селения, чтобы узнать — на верном ли я пути к городу со странным названием Скало-До.

Мой путь к городку занял ни много, ни мало — шесть дней. На подходе к городу меня застала ночь, а с рассветом я вошёл в городок и отправился на поиски домика Виктора и Ольги. Пока шёл к домику, успел заглянуть на базарную площадь и пройти по нескольким магазинам. И вот я уже почти на окраине города. Нашёл нужную мне улицу и дом.

— Мир этому дому, — сказал я, войдя в дом.

— Приветствую тебя, путник, проходи..., — неуверенно отозвалась женский голос, и в прихожую вышла Ольга, с интересом вглядываясь в моё лицо. После лёгкого замешательства она продолжила: — Прходи, что ж ты на пороге стоишь? А я сразу и не узнала тебя. Да проходи же, Николай!

В этом доме помнили обо мне! Я обрадовался радушному приёму Ольги, но Виктора не оказалось дома. Она предложила его подождать и очень плотно накормила, не обращая внимания на мои отказы.

— Ты был в пути столько дней и говоришь, что не голоден? Да кто тебе поверит? Вот покушаешь, тогда и говори, что сыт.

Отказываться было неловко. Поев, я спросил:

— Ольга, как далеко ушёл Виктор?

— Да здесь он, недалеко. Сказал, что быстро вернётся, а сам что-то задержался. Снова его этот чудаков разговорами заправляет.

— Это Ютиш что ли? — спросил я.

— Да, он. А ты откуда его знаешь? — удивилась она.

— Мне в прошлый раз Виктор говорил о нём.

— Тогда понятно.

— Ольга, — обратился я к женщине.

— Да?

— Я, пожалуй, не буду ждать, пока вернётся Виктор. Я навешу его и Ютиша сразу.

— Ты хочешь идти к Ютишу в дом? — спросила Ольга.

— Да, а разве нельзя? — в свою очередь удивился я.

— Да нет, почему же, можно. Только странный он какой-то, может что-нибудь учудить. Понимаешь, он не совсем обычный, что ли... со странностями. За это прозвали его чудаком.

— Но ведь он сейчас не один дома. С ним Виктор. Он говорил, что познакомит меня с Ютишем. Думаю, всё обойдётся.

— Я не удерживаю тебя, вовсе нет. Если хочешь — иди. Только со странностями этот человек.

– Тогда я пойду.

– Хорошо. Скажи Виктору, что я жду его, пусть долго не задерживается. Ладно?

– Хорошо, я передам твою просьбу.

– Николай, а ты ещё вернёшься?

– Скорее всего, да. Если только встреча с Ютишем странным образом не изменит моих планов, — и я вышел из дома.

Желая застать Виктора у Ютиша, я вмиг оказался возле небольшого домика, утопающего в зелени садов. Дверь была приоткрыта, и я явно слышал спор двух человек. Значит, Виктор был ещё здесь.

– Мир этому дому, — приветствовал я, входя в дом.

Разговор резко оборвался. Мужчины сидели за столом: Виктор — лицом к двери, а Ютиш — спиной.

– Входи, пуг... — Виктор смолк, узнав меня, и ждал реакции Ютиша.

Он же медленно повернулся к двери и взглянул на меня. Мне показалось, что его взгляд пронзил меня насквозь. Но мне нечего было скрывать или утаивать, я с чистым сердцем вошёл в дом.

Ютиш, как и Николос, выглядел старцем. В нём чувствовались сила и решительность. Одет он был в белую рубаху с круглым воротом. Вдоль горловины и на рукавах от плеча до кисти рук сбегал затейливый узор. Рубаха подпоясана широким, тоже расшитым узором, поясом, тёмные штаны. Он сидел, и я не мог различить их покроя. Его волосы цвета спеющей ржи с проседью, спадали ниже плеч и были стянуты малиновой ленточкой: она не давала морщиниться лбу и придерживала волосы, не давая им падать на глаза. Таким я увидел Ютиша. Он измерил меня взглядом и просто сказал:

– Проходи, гостем будешь.

Виктор вздохнул с облегчением.

– Ютиш, это мой друг Николай. Помнишь, я рассказывал тебе о нём?

– Помню. Я и так понял, что он пришёл к тебе. Проходи, что ж ты стоишь в дверях? Вроде бы не из робкого десятка. Что, уже кумушки успели напеть о чуде Ютише?

– Да нет, ещё не успели. Но слышал, что ты слывёшь человеком странным, — открыто сказал я Ютишу, подходя к столу.

Он достал из-под стола табурет и предложил:

– Присядь, мил человек, и скажи мне, мы вот тут с Виктором спорим, может ты решишь вопрос: «Почему, если человек несколько выделяется среди других, к нему относятся как к чудаку?» Это ещё легко сказано, – как к ненормальному. И не только на Земле, но, как видишь, и здесь, в мире намного высокоорганизованном, чем Земной? Почему? Хотя можешь и не отвечать, ты такой же с причудами, как и я. Только не так сильно выделяешься среди других, – глядя пристально на меня, говорил Ютиш, – ты тоже охоч до приключений, не сидится тебе на одном месте. Только, мил человек, головы терять не надо. Принимай жизнь такой, какая она есть. И пойми простую истину: ты едва ли можешь повлиять на определённый Свыше ход событий. Ты можешь только улучшить самую малость своё положение, или усугубить его настолько, что никогда не сможешь вернуться даже к тому, что имел. Хотя, зачем я тебе всё это говорю, после тьмы к тебе пришло прозрение...

Виктор с удивлением смотрел то на меня, то на Ютиша. Я же внимал каждому слову старца. Его нельзя назвать ни убогим, ни умалишённым. Он очень мудр!..

Вдруг Ютиш спохватился:

– Что ж это я даже ничего тебе и не предложил, вижу, что ты не голоден, так хоть соку выпей! Сам готовлю, – и он вышел в другую комнату.

– Николай, ты что-нибудь понял из того, что тебе сказал Ютиш? – спросил меня Виктор.

– Да, я всё понял.

– Если честно, то я не совсем понял окончание его монолога. После какой тьмы ты прозрел? Что это значит?

– Виктор, я не хочу тебя обидеть. Всё, что он сказал, предназначено мне. Я понял смысл его слов, но говорить об этом мне не хочется. Воспоминания болезненны для меня, и пока я ещё не готов свободно говорить о случившемся.

– Что ж, твоё право. Я не настаиваю...

– А вот и я, – входя в комнату с подносом в руках, сказал Ютиш.

Его глаза светились каким-то лихорадочным блеском. Он поставил на стол поднос с красивым графином и тремя бокалами сока.

– Гранатовый, пробуйте, – предложил Ютиш.

Виктор с недоверием посмотрел на напиток. Видимо, он не совсем доверял Ютишу. У меня же никаких сомнений не возникло.

Напиток был вкусный, освежающий. Ютиш тоже пил и нахваливал:

– Я сам придумал его состав. Кроме гранатового сока я добавляю настои некоторых трав. Получается неплохо. Тебе нравится, Николай?

– Да, очень приятно пьётся. Попробуй, Виктор, – предложил ему уже я.

Он же пригубил, но пить не стал. И тут я вспомнил, о чём меня просила Ольга.

– Виктор, Ольга просила, чтобы ты не задерживался долго, она тебя ждёт.

– Ютиш, я думаю, вам с Николаем будет о чём поговорить, а я пойду домой. Мне не хочется ссориться с Ольгой, я обещал ей не задерживаться.

– Хочешь – иди. Я никого не удерживаю. Заходи, как будет ещё настроение поспорить.

– Хорошо, я зайду. Николай, а ты ещё зайдёшь к нам? – спросил Виктор.

– Не буду обещать. Может быть, и приду.

– Тогда до встречи.

– До встречи, Виктор!

Он вышел. Ютиш, глядя ему вслед, сказал с иронией:

– Он хоть и приходит ко мне, но не верит полностью в искренность моих отношений к людям. Всё ждёт, подвоха. А это не по мне. Вот и сейчас воспользовался предлогом уйти, лишь бы не пить напитка: а вдруг там что-нибудь подмешано... Глупо, но мне иногда не по себе. Я же ведь человек...

– Ютиш, почему к тебе так относятся?

– Не знаю... Хотя это не совсем так... В силу обстоятельств я вынужден был войти в этот город в виде бродяги, в образе, вызывающем у окружающих смех. Так я должен был ходить по городу ровно три недели, чтобы почти каждый житель видел и знал меня. И только по истечении этих трёх недель я мог начать строить дом в месте, которое выберу сам... После скитаний по городу я знал, что не смогу жить ни в одном районе города, поэтому и решил построить дом здесь, на труднодоступной террасе. Надо мной смеялись, когда я таскал сюда землю и облагораживал каменистую почву террасы. Да мне-то что? Пусть смеются... Я построил дом сам, без чьей-либо помощи. Всё, что

ты видишь здесь, всё это сделано вот этими руками, – и Ютиш потряс массивными мозолистыми руками.

Он молчал, а я не решался заговорить, потому что видел: Ютиш взволнован, он настроен выговориться за многие годы, может быть, впервые, а мой любой неосторожный вопрос мог его сбить...

А Ютиш продолжал:

– Я всё сделал сам. Мне это не сложно... У меня богатый опыт жизни и достаточно знаний... Меня сначала забавляло, что меня зовут чудачком и рассказывают обо мне всякие небывлицы, потом это стало приедаться и раздражать. Со временем во мне выростала ненависть ко всем. Я озлобился против всех, кто входил со мной в какой-либо контакт, и я перестал общаться со всеми, кого знал. Я долгие годы жил один, как отшельник... Всё необходимое для жизни я мог производить сам, поэтому не особо пострадал от того, что был лишён возможности ходить на рынок. Общения с людьми я лишил себя сам ... Так оно и произошло, как я не раз видел во сне...

Ютиш говорил медленно, словно рассуждал сам с собой. Казалось, он забыл о своём существовании. Но вот, после очередной паузы он продолжил:

– Часто я видел сон: иду по теряющейся в траве тропинке, меня мучает жажда. И вот я слышу журчание ручья или небольшой речушки. Я иду на шум и выхожу к мелкой и широкой речке. Вода чистая, прозрачная... Наклоняюсь, зачерпываю в ладони и жадно пью... Вдруг моё внимание привлекают непонятные звуки: показалось, что кто-то всхлипывает, и я не ошибся. Оглянувшись, вижу на другой стороне речушки на крупном камне хрупкую девочку лет пяти-шести. Я подхожу к ней и спрашиваю: «Малышка, почему ты здесь одна и почему плачешь?» Она поднимает ко мне заплаканное личико и жалобно просит: «Возьми меня, дедушка. Мне очень страшно...» Я протягиваю к ней руки и... каждый раз просыпаюсь на этом месте...

Он снова долго молчал и после молчания вновь продолжил рассказ:

– Всё в точности, как во сне, было и в жизни, вот уже более года назад... Я протянул к малышке руки и почувствовал на грубых руках лёгкие нежные пальчики девочки. Она не отшатнулась от меня, а тянулась ко мне... В её виде было столько трогательного, что я не выдержал. Да, я плакал, держа её на руках и шагая к дому. А бедное дитя прильнуло ко мне и уснуло, пока мы шли к дому. Конечно, я не мог её оставить... Я взял её к себе. Какое-то время она никуда не выходила далее

дома и сада. Я научил её читать и писать. Она много не умела... а мне было в радость видеть её успехи. Малышка сообразительна... Я не мог держать её взаперти. Ей надо было учиться в школе, куда я её и устроил... Она зовёт меня так ласково: «Дедушка». Моя маленькая и прекрасная Леонора, она сейчас в школе и скоро должна вернуться домой. Знаешь, Николай, — обратился ко мне Ютиш, — ты очень терпеливый человек. Моё общество никто не выносит. Только вот Леонора меня любит, да Виктор не чурается, хоть и не верит мне.

— Ютиш, ты очень интересная личность, с тобой легко и интересно...

— Ты так говоришь, — прервал он меня, — потому что сам одинок. Хоть и пришло к тебе прозрение после тьмы, твоё одиночество не ушло. Оно лишь приняло иную форму: стремление соединиться со всем миром, оно в ощущении некоего единства со всем живым. А когда ты стремишься быть со всеми, хочешь ты того или нет, ты всё равно один, потому что быть сразу со всеми невозможно для человека. Это постижимо для Бога! Он — Дух и он Вездесущ. Он в каждой былинке... А человек был, есть и будет оставаться частичкой в огромном круговороте Вселенной. Вот так-то, мил человек.

— Ютиш, почему ты вынужден жить здесь и в таком обличи? Я не хочу тебя обидеть, но твоя история заинтересовала меня.

— Ты не единственный, кто проявляет ко мне подобный интерес. Но делают это чаще всего из праздного любопытства и из-за тщеславия. Ты же искренен... Я расскажу тебе, но не сейчас. Я слышу, что во дворе шалит моя малышка. Она сейчас войдёт в дом.

— Дедушка, это я пришла. Можно... — она осеклась, увидев, что дедушка не один.

— Не робей, Леонора, малышка моя. Это хороший человек. Так что ты хотела?

— Приветствую! — Леонора, кивнула мне и быстро подошла к Ютишу. Она что-то тихо заговорщически протараторила ему и стояла, ожидая ответа.

Ютиш напустил на себя строгость, хоть и улыбался уголками губ. Я знал, что он не откажет ей в просьбе, хоть и хотел быть построже к ней. Он испытывающее глядел на малышку и негромко, но твёрдо сказал:

— Хорошо, ты можешь пойти, но с закатом солнца ты должна быть дома, до сумерек. Ты меня поняла?

– Да, бабушка, я вернусь пораньше. Ты не волнуйся за меня, я же буду не одна.

– Иди, – коротко ответил на её реплику Ютиш и потрепал по щеке.

Леонора звонко чмокнула бабушку в щёку и выбежала на улицу. Через несколько мгновений стихли её шаги.

– Ютиш, откуда она?

– Кто? Леонора-то? Я и сам не знаю. Когда принёс её домой, она спала. Я уложил её на свою кровать. Это я после для неё смастерил кроватку... Так она проспала более суток, а проснувшись, сразу позвала меня: «Бабушка, бабушка, ты где?» Всё, что мне удалось о ней узнать от неё же – это только имя. А ещё она рассказала мне, что купалась с сестрой и братом в реке, их имён она не помнит, а про родителей говорит, что жили они в большом доме, у них был балкон, а под ним сад. В саду фонтан, но ей не разрешали там купаться, вот она и убежала со старшими на реку. Они баловались на воде, а потом ей стало больно в ноге и темно в глазах... Больше от неё так ничего и не добился. Говорит, что когда прошла боль, она открыла глаза и увидела, что сидит на камне и никого рядом нет. Ей стало страшно и она заплакала. А потом пришёл бабушка и забрал её к себе.

– Неужели её никто не искал?

– Может и до сих пор ищут. Только ко мне никто не обращался, ничего не спрашивал, а я не могу выйти из города, разве что только побродить в его окрестностях...

– Почему так, Ютиш?

– Я обещал тебе рассказать свою историю. Хочешь, слушай, хочешь – нет.

– Что ты! Мне в самом деле интересно. Я ещё ни разу с подобным не сталкивался.

– Это и не мудрено. Сколько ты живёшь в этом мире? Год? Два? Не больше... И ранее никогда здесь не был.

– Ты прозорлив, Ютиш! Так оно и есть.

– Я не спрашиваю ничего о тебе, потому что многое вижу сам. Мне этого достаточно, чтобы понять тебя и твой интерес к моей персоне... То, что я здесь – это мне в наказание за содеянное...

– Ютиш, как долго ты живёшь таким образом?

– Чего таить, доходит третий десяток лет. Осталось почти столько же. Так что моя малышка успеет вырасти с бабушкой. А когда изме-

нится мой вид и образ, она уже будет взрослой и всё поймёт, — с грустью проговорил Ютиш.

— Ты хочешь её воспитать?

— Да. Даже если её будут забирать, сделаю всё так, чтобы она осталось со мной. Она для меня сейчас самый близкий и родной человек.

— Ютиш, а что же всё-таки было с тобой?

— Ты сам возвращаешься к этому вопросу, значит, слушаешь всё. Я, мил человек, жил на Земле не единожды. Где только я не побывал и кем я только не был! Я прошёл и нищету, и богатство. Я познал и боль, и разочарование, мне знакомы и счастье, и любовь. Я был на вершине славы, и был втоптан в грязь... На Земле я прожил девять раз.

— О!

— Да, да. Ты не ослышался — девять раз. И не удивляйся более, что я вижу тебя насквозь, я не знаю лишь самое твоё сокровенное. У меня богатый опыт жизни. Я говорил тебе уже об этом. Но продолжу: когда я шёл на Землю в последний раз, я выбрал себе самую сложную из всех прожитых судеб ранее. Я устал скитаться, мне хотелось определиться, обрести счастье и жить. У меня сильно развита интуиция, так что все ловушки и западни я обходил, если уж не с лёгкостью полёта птицы или веяния ветра, то и без особого труда. Всё складывалось хорошо: я встретил девушку, полюбил её. Она стала мне женой, подарила мне прекрасных сыновей-погодок. Далее шёл самый опасный этап в моей жизни, полный искушений и соблазнов, пройдя через который, я обрёл бы всё желаемое. Но ... жизнь распорядилась иначе. По глупости во хмелю поспорил с приятелем в каком-то кабаке: он-де не сможет так просто ударить ножом человека... Оказалось — смог... Рана была смертельной, а муки недолгими.

— Ютиш, но ты же не сам оборвал свою жизнь! Это была случайность. Почему же ты так наказан?

— О, Николай, как ты ещё неопытен! На мне было много всего плохого от прошлых жизней. Были пороки и привычки, от которых я так и не успел избавиться, а здесь они вновь возобладали надо мной.

— Я знаю, что порок и дурные наклонности должны преодолеваются человеком на Земле в плотном теле, потому что с ним уходит то, что губило его. Если только в теле же и преодолеешь тягу к пороку...

— Послушай-ка, мил человек, я недооценил тебя! Ты не так наивен, как мне показалось. Скажи, откуда такие познания, ведь ты недавно здесь, в чём сам признался?

– Я учусь в Синоде Духовного Образования.

– О! И на каком же ты уровне?

– Перешёл на седьмой, – ответил я спокойно.

– И это всего за год с небольшим? Ну ты, мил человек, далеко пойдёшь. Нечасто такие люди встречаются.

– Перехвалишь, Ютиш, не надо... – отшутился я на сказанное мне.

– Так не бывает: «Перехвалишь». Знание либо есть, либо его нет. Вот что я тебе скажу: если по окончании Синода предложат учиться дальше – не отказывайся. Иди дальше, не останавливайся на достигнутом, постоянно совершенствуй себя. В этом прогресс Вселенной.

– Я и не думаю оставлять учёбу. Мне она в радость. Так что буду учиться дальше, вот только немного развеюсь...

– Отдых тоже дело нужное. Да, что ещё хотел сказать, раз уж к слову пришлось... Николай, я только здесь, в уединении, понял, как низко опускается человечество, и как долго ему идти ещё, падая в вопросах морали! Но со временем начнётся возрождение! Как же мучительно это будет для тех, кто прокладывает будет путь следующим поколениям. Такие люди будут подобно мне, изгоями в обществе, непонятыми в их чистых стремлениях и помыслах к великому и возвышенному.

– Я думал над этим, Ютиш, и готов согласиться с тобой, что прозрение к людям придёт, увы, не скоро!

– Николай, если б знали люди, что главное для человека не его плоть, а его дух, они бы меньше заботились о ненужных благах! Стало быть, намного меньше соблазна и пошлости. Плоть?! Ненасытная оболочка, поражающая и уничтожающая.

– Я не совсем с тобой согласен, она и совершенствует дух, укрепляет его...

– Да, так-то оно так... Если только человек высокоорганизован, а не уподобляется животному, стремясь удовлетворить любую плотскую похоть. Но мы не будем спорить. Ни к чему! Мы и без лишних объяснений поняли друг друга. Ты согласен?

– Конечно, да!

– Знаешь, Николай, я давно ни с кем не был так откровенен. Рядом с тобой мне легко, и я предлагаю тебе нечто вроде сделки. Конечно, это шутка. Я хочу, чтобы ты остался на некоторое время у меня.

Погости. Потолкуем. Что знаю я, научу; может, и мне будет чему научиться у тебя. Как ты на это смотришь?

- Ютиш, я принимаю твоё предложение и остаюсь у тебя.
- Что ж, добро пожаловать!

У Ютиша я провёл более двух недель. У нас было много общего. Каждый по-своему был одинок, и каждый в чём-то искал и находил успокоение. Как-то Леонора уснула за столом — пока Ютиш ходил за своим излюбленным напитком, она, прислонившись к стене, заснула.

– Устала, малышка, — сказал нежно Ютиш, осторожно беря её на руки.

- Чем-нибудь помочь тебе, Ютиш?
- Разбери её кровать, — и он пропустил меня вперёд.

Я снял и сложил аккуратно покрывало, расправил тоненькое лёгкое одеяльце из красивой материи и положил небольшую подушку. Уголок наволочки был расшит затейливым золотистым узором, подобный узор я видел в первый день на рубаше Ютиша. Пока я возился с постелью, Ютиш держал девочку на руках, потом он попросил:

- Помоги мне, сними башмачки.

И вот уже малышка спит в кровати, а мы с Ютишем вышли в сад. Дверь в дом была приоткрыта, на что Ютиш сказал мне:

– Вдруг проснётся, чтоб услышать, если будет звать. А иногда она, бывает, во сне плачет, помочь просит. Разбужу её или сама проснётся, стану спрашивать, что ей снилось, говорит: «Не помню», а сама дрожит, что листок на ветру. Знаю, не договаривает она мне, да я ничего не могу поделать, не проникну же я в её сны...

- Ютиш, а я ни разу здесь не видел снов. Почему?

– Ещё не пришло, значит, время.

– А ты видишь сны?

– Вижу, но не часто. До встречи с Леонорой мне снился один и тот же сон, с тех пор ничего более не вижу.

– Ютиш, значит ли это, что ты перестал во время сна выходить и чем-либо заниматься?

– Ты знаешь об этом?! Хотя да... Синод... Не знаю, Николай, а сейчас птица подневольная. Да и вообще видения во время сна несчастны. Этого достигают немногие... Бывает, во сне приходят откровения, вот как мне о Леоноре... К тому же выход во сне — это не совсем точно сказано. Скорее, некое раздвоение.

– Да, я согласен с тобой, просто не совсем точно выразил свою мысль. Но такое раздвоение проходят только сильные духи, а когда приходят откровения – это просто эпизод из будущего прокручивается. Во время сна на человека легче воздействовать, поэтому они и приходят как бы во сне.

– Ты хочешь сказать, что приход откровений и раздвоение – различны по природе происхождения?

– Да, это так.

– Николай, вот что значит нежелание учиться! Я не знал об этом. И всё по глупости своей. Была возможность учиться, да спесь обуяла. Я же сильный, у меня большой опыт жизни, зачем мне знать ещё что-то, мне уже известного хватает... А зря... Я только теперь, в уединении, очень много осознал.

– Это же прекрасно, Ютиш! Значит, не зря тебе дано было такое наказание. Оно пошло тебе на пользу.

– В этом ты, мил человек, прав. Только что проку в том, что я так много осознал и во многом покаялся. Мне ещё столько лет тянуть определённую мне узду. Знаешь, страшно становится, когда думаю об этом. Одно утешение сейчас – Леонора.

– Ютиш, а ты не думал, что это тебе нечто вроде награды? И в то же время – утешение...

– Думал... И благодарен Всевышнему за Леонору и за тебя тоже.

– А я-то при чём?

– Ты? Ты на многое мне глаза открыл. За многие годы я впервые по-нормальному говорю с человеком и не боюсь получить оплеуху.

– Значит наша сделка состоялась? – попытался пошутить я, видя, что Ютиш впадает в плохое расположение духа, наверное от нахлынувших воспоминаний. И шутка возымела действие.

– Значит, сделка, говоришь?! Состоялась, мил человек, состоялась, – и он по-братски обнял меня за плечи. В короткий миг я заметил, как увлажнились его глаза, и в них блеснула благодарность.

Однажды у нас возник спор относительно еды. Вот из-за чего всё началось: Ютиш приготовил салат из кореньев спаржи, заправленной корицей, а Леонора отказалась его кушать.

– Дедушка, ну зачем ты положил в салат корицу? – спросила она, отодвигая от себя блюдечко.

– Корица – хорошая приправа к этому салату.

– Но она имеет неприятный запах...

– Леонора, оставь капризы! – слегка повысил на неё голос Ютиш.

– Но дедушка, я не люблю корицу..., – жалобно проговорила девочка, готовая вот-вот расплакаться.

– Хорошо, не хочешь – не ешь. Иди, там в блюде есть ещё не заправленный ничем салат. Возьми и делай с ним всё, что захочешь, – строго приказал малышке Ютиш.

Леонора со счастливым личиком соскользнула с табурета и почти бегом направилась в маленькую боковую комнату, которая служила чем-то вроде кухни, где готовилась еда. Через несколько мгновений она появилась с блюдцем в руках и торжественно прошествовала к столу. Ютиш укоризненно посмотрел на неё и шумно втянул в себя воздух.

– А тмин и чесночные семена вкуснее? – спросил он девочку.

– На вот, отведай, дедушка, – не растерялась малышка и протянула блюдечко с салатом Ютишу.

– Нет, не хочу. Ешь сама, – Ютиш отклонил протянутое угощение и повернулся, чтобы добавить себе ещё салата с корицей.

В этот момент Леонора наклонилась ко мне и заговорщически шепнула:

– Он не любит запах чеснока, поэтому считает вредным. Хочешь попробовать?

– Ох, девчонка, ты сообщников себе ищешь? – услышав последнюю реплику, нарочито сказанную громко, парировал Ютиш.

Леонора смотрела с интересом на меня.

– Давай попробую.

Леонора часть салата со своего блюдечка отложила мне и снова полужёпотом:

– Он только вид делает, что сердится. Я его знаю.

– О чём это вы переговариваетесь? – спросил Ютиш.

– Я говорю, что вкусней, а ты мне не веришь, – быстро отреагировала Леонора.

Я усмехнулся: Леонора подшучивала над дедом. Салат, заправленный Леонорой, имел своеобразный вкус и был вкусен, как и салат с корицей. Мне понравились оба блюда. Ютиш наблюдал за мной и ждал моей оценки.

– Знаешь, Леонора, – я специально обратился к ней, а не к Ютишу, – салаты и тот и другой – оба вкусны. Каждый имеет свой привкус.

– Значит тебе понравилось?! Я же говорила тебе, бабушка! А ты мне не веришь..., – торжествовала своей маленькой победой Леонора.

– Так вот как! Вы сговорились!

– Вовсе нет, тебе показалось, – ответил я Ютишу.

– Знаю-знаю я вас, а о чём шептались? Я же видел, – Ютиш шутил, чтобы порадовать малышку.

– А вот и нет, не сговорились! Николай сам всё так решил, – не унималась девчушка.

Пока мы препирались, всё было съедено и выпито. Ютиш подвёл итог:

– Леонора, девочка моя, убери со стола, а мы с Николаем в саду потолкуем.

– Хорошо, бабушка, я всё сделаю.

Девчушка стала убирать со стола, а мы с Ютишем вышли в сад.

– Знаешь, Николай, спаржа с корицей – это изысканный вариант салата. Другие добавки ни к чему, они только убивают весь вкус.

– Ну почему же, Ютиш? У каждого свой вкус. И каждый волен в выборе еды...

– Да это так, но мне кажется, что исказить классические блюда ни к чему.

– Ютиш, это не искажение, а лишь различные варианты одного блюда. Вот и всё. Спаржа с корицей останется спаржей с корицей. От того, что будут использоваться другие специи, вкус салата из спаржи с корицей не изменится.

– Николай, как ты не понимаешь, что изысканность во всём, даже в еде, прививается с детства.

– Ты имеешь в виду Леонору? Разве она не знает принятых норм порядка?

– В том-то и дело, я пытаюсь привить ей хорошие манеры...

– Вкушение спаржи ты считаешь одной из хороших манер? – удивился я.

– А почему нет? Ведь это изысканный вариант блюда! – в свою очередь, недоумевал Ютиш.

– Ютиш, пойми, что если человек разборчив в еде, в одежде – это хорошо. Нельзя уподобляться животному. Хотя и животное не станет есть что попало.

– Смотри где и какое? – С иронией сказал Ютиш.

– Но речь сейчас не об этом. Я о воспитании Леоноры. Совсем не обязательно навязывать ей свои взгляды на жизнь. Куда лучше было бы высказывать различные точки зрения, приводить различные примеры, давая тем самым ей возможность выбора.

– Ты действительно так считаешь? – внимательно глядя на меня, спросил Ютиш.

– Так оно и есть. Ребёнок должен формироваться как личность с детства. Надо расширять его кругозор, а там уж он пусть сам решает, что ему более предпочтительно.

– А если будет проявляться склонность к пороку? Тогда как быть?

– Ютиш, с этим надо бороться. Но по этому поводу не дашь строгих правил и указаний. Их просто нет...

– Тогда как же быть?

– Для каждого случая и для каждого ребёнка должен быть исключительно индивидуальный подход.

– Вот оно что! Я совсем, оказывается, ничего не смыслю в воспитании детей? Николай, а у тебя откуда такие познания? Ты воспитывал детей? Сколько их у тебя было?

– Ни одного, Ютиш...

– Как так?

– Я не успел обзавестись детьми. Слишком рано ушёл в мир иной.

– Я не хотел причинять тебе боль. Не огорчайся. Я больше не коснусь этой темы.

– Отчего же? Если есть проблемы, я рад помочь. А что касается меня, то есть боль и хуже, но...

– Не надо вспоминать о плохом. Лучше жить с надеждой на хорошее в будущем. Очень важно не потерять Веру и Надежду, в чём бы они ни проявлялись.

– Хорошо бы иметь и третье – Любовь!

– Любовь?! – воскликнул Ютиш.

– Да, прекрасно, если есть и Надежда, и Вера, и Любовь...

– А у тебя их нет? – спросил Ютиш и тут же продолжил: – Хотя глупо задавать такой вопрос, и всё же... Николай, почему ты один?

– Я не был женат...

– Это не главное, разве ты никого не любил?

- Любил и люблю...
- Ты здесь, а она ещё на Земле?
- Нет, она намного раньше пришла сюда.
- Значит, что-то произошло?
- Я не знаю.
- Совсем ничего не знаешь о ней?

– Вот именно. Ничего. Я пытался её найти, но всё тщетно. Я чуть было не погиб сам, но её не смог найти, – впервые за много времени я относительно спокойно говорил о Тамаре, о своих неудачах в её поисках, во мне явно произошли перемены.

– Странно... Ты ведь можешь свободно передвигаться и не только пешком!?

– Да, но мои поиски не принесли мне никаких результатов.

– Значит, здесь во всём повинна она сама, – как бы просто вслух высказался Ютиш.

– Как это повинна она? – не понял его я.

– Очень просто. По какой-то причине она не хочет тебя видеть, вот и ограждает себя некой стеной, сквозь которую ты не можешь пройти. Сталкиваясь с выставленным для тебя залоном, ты попадаешь куда попало. Не делай этого более, Николай, мой тебе в этом совет. Подобные препятствия опасны.

– Я научен горьким опытом, и давно отказался от её поисков.

– Разумное решение.

– Ютиш, а ты встретишься со своей женой?

– Я не знаю этого, Николай. Подобное от меня сокрыто. Я даже не знаю, что будет со мной по истечении определённого в изгнании срока.

– Извини, что спросил об этом.

– Ничего! – бодро ответил Ютиш, – откровенность за откровенность. Но и носы нечего вешать. Не надо унывать! Идём лучше выпьем чего-нибудь освежающего, да и отдыхать пора.

Пока мы спорили о еде, о воспитании детей, делились сокровенным, незаметно подкрались сумерки. Потянуло прохладой из долины. И мы решили вернуться в дом. Ютиш подошёл к Леоноре, поправил одеяло, сползающее на пол, и, глянув на меня, сказал:

– И нам пора отходить ко сну.

Между разговорами мы работали в саду. Ютиш содержал свой сад в идеальном порядке. Но были и недочёты.

– Ютиш, почему ты на одной клумбе посадил розы и гвоздики?

– Очень неплохой замысел, только вот гвоздики почему-то чахнут. А так алые розы в окружении белых гвоздик – прекрасно смотрятся.

– Ютиш, ты не достигнешь замысла, хоть идея и хорошая.

– Почему?

– Роза – королева цветов. Гвоздики можно назвать её придворными дамами. И вот скажи мне, Ютиш, всегда ли королева ладит со своими приближёнными дамами?

– Нет, но причём здесь цветы?

– А при том, что они плохо уживаются друг с другом, когда растут вблизи. Ты можешь сделать чуть иначе и всё будет в порядке.

– Что ты имеешь в виду?

– Немного удали гвоздики от роз, сделав меж ними разделяющую полосу из низеньких трав. И твой замысел воплощён!

– Николай, цветы-то в Синоде, надеюсь, не изучают? – спросил меня Ютиш.

– Почему ты так решил?

– Думаю, что есть науки более важные, чем изучение растений и всякой живности.

– Вовсе нет. Этим занимаются на Земле, это же изучают и здесь.

– А есть ли какая-то разница в изучении?

– Вся разница лишь в том, что сделав открытие здесь, человек идёт на Землю и воплощает идею в жизнь. Продвижение науки на Земле происходит под влиянием Космоса. Только, увы, открытия часто используются не по назначению. Это понимаешь лишь здесь, на Земле же всё воспринимается несколько иначе.

– О, Николай, как же я наивен!

– О чём ты, Ютиш?

– Да всё об учёбе! Вот что значит нежелание учиться. Я не знаю даже самых элементарных вещей.

– Если будет возможность учиться, используй её.

– Вот именно, если будет...

Ютиш был сокрушён своим открытием: он был необразованным. Мне это показалось странным, ведь, по его рассказу, где и кем он толь-

ко не был. Неужели ему ни разу не было предоставлено возможности учиться? Об этом я и спросил Ютиша. На что он мне ответил:

– Была возможность учиться. Я и учился. Но не вникал в глубину наук, хватая лишь верхушки, думая обойтись и тем, что знал. У меня никогда не было желания учиться. Если что и учил, то только по необходимости. Да и знания не задерживались надолго.

Страшно быть необразованным! Это даёт о себе знать рано или поздно. Хорошо, если есть возможность наверстать хоть немного из упущенного. А если такой возможности нет?.. Не всегда обязательно очень сильно углубляться в изучение сразу в нескольких направлениях. Кругозор должен быть обширным, а вот знания хотя бы чего-то незначительного, но полные, должны быть. Что определяет культуру человека? Его воспитание и образование...

Вот в такие размышления я был погружён, прочищая арык. Ютиш же, я видел, сидел возле куста роз, окружённого чахлыми гвоздиками, погрузившись в раздумья. Как он подошёл ко мне – не заметил, отдавшись на волю мыслей.

– Николай, – негромко позвал меня Ютиш.

– ...

– Николай, – ещё раз окликнул он меня.

Я оставил работу и подошёл к нему.

– Бросай ты эту затею – чистить арыки. Пошли лучше по саду пройдёмся. Может, ещё подскажешь мне что. Ты, наверное, уже приметил изъяны, – увлекая меня за собой, говорил Ютиш.

– Да, заметил. У тебя сад сильно зарос. Негоже так.

– Деревья-то не густо растут. Как же он зарос?

– Ты скажи мне, яблоки ты какие собираешь?

– Как, какие? Спелые. Вкусные.

– Да я не это имею в виду. Они постоянно у тебя крупные?

– Нет, пока деревья были моложе, и яблоки были крупнее, а в последнее время мельчают.

– Уход за ними особый нужен...

– Да разве я плохо за садом ухаживаю? – возмутился Ютиш. – И воду-то вон откуда проводил, в камнях углубления долбил, арык делал...

– Ютиш, ты не понял меня. Я говорю: уход за деревьями особый нужен. Понимаешь, особый! Обрезать деревья надо, чтоб были не так густы.

– Зачем обрезать?

– Больше света будет попадать на яблоки, больше питания будут получать, значит, и крупнее расти будут.

– А ты знаешь, как надо ветви резать?

– Знаю, идём, покажу.

Я объяснил Ютишу, как делается обрезка, почему и какие удаляют ветви. Немного мы поработали вместе.

– Скажи, Николай, где ты этому научился?

– Ещё будучи ребёнком, мне нравилось гулять в саду возле дома, я видел, что делает Агафон с деревьями. А детство, сам знаешь, любопытное. Вот и спрашивал у него, что да как. Сам пробовал. Хоть и ворчал на меня Агафон, а всё же не прогонял. А потом уже здесь доучивал то, что знал и что забыл.

После мы с Ютишем и его цветник перепланировали: по-иному подобрали и разместили цветы, чтоб, куда ни глянь в окно, всегда глазу было радостно от цветения прекрасного творения земли. Примерно так высказался мне Ютиш.

Время шло быстро. Я не отдавал себе отчёта в том, сколько я уже живу у Ютиша. За всё это время я ни разу не спустился к Виктору, и он ни разу более не заходил... Мне не сиделось долго на одном месте, сердце жаждало всё нового и нового. Поэтому я решил, что мне пора распрощаться с приветливым хозяином маленького домика на скалистой горе, с маленькой чудной девочкой Леонорой. Я к обоим привязался, и чем больше оставался в их кругу, тем более остро осознавал, что мне будет труднее с ними расставаться. Да и Леонора тянулась ко мне. Иной раз, задавая не по-детски серьёзные вопросы, она ставила меня в тупик, потому что я не знал, как объяснить ребёнку... Всё, что мне оставалось – разговаривать с ней как со взрослым человеком. Вот что она мне преподнесла однажды:

– Скажи, Николай, а что за тёмный колодец, через который люди летят?

– Колодец? – переспросил её я.

– Да, тёмный и длинный. Когда летишь по нему, кажется, что где-то там вверху солнечно и тепло...

– Леонора, а когда ты это видела? – спросил я, стараясь оттянуть время, чтобы подобрать слова, которые были бы ей понятны, к тому же мне было интересно узнать, что ещё она помнит, ведь насколько я понял, она не поняла или не осознала перехода из мира в мир.

– Давно. Я летела как птичка. А рядом со мной летела старая ворона...

– Ворона? – перебил я Леонору.

– Ну да, ворона... Нет, не ворона, бабушка, похожая на ворону. Мне было страшно, и я хотела к маме... Потом она куда-то в сторону улетела, а мне стало тепло-тепло и захотелось спать. Когда я проснулась, за мной пришёл дедушка.

– Леонора, через колодец проходят все люди, когда идут из одного мира в другой.

– Но я не шла, а летела!

– Это всё равно: шла ли ты, или летела, ты двигалась, – не знаю, что почерпнула из моего ответа малышка, но она больше ничего не стала спрашивать, а просто ушла.

По прошествии нескольких дней она вновь вернулась к этому разговору:

– Как ты думаешь, Николай, если я обратно спущусь по колодцу, меня мама возьмёт домой?

Таким вопросом я был буквально шокирован. Немного помолчав, подбирая слова, я попытался ей объяснить, что, чтобы увидеть маму, не обязательно проходить колодец, есть другой путь. Но, придя к маме, она будет её видеть, хотя саму Леонору никто не увидит.

Малышка спросила меня:

– Никто не увидит, потому что я теперь другая?

– Да.

– А если я пойду по колодцу, что будет?

– Ты на Земле родишься маленьким ребёнком, и у тебя будут другие родители.

– А к своим я могу вернуться?

– Можешь, но ты будешь совсем другой и никто в тебе не узнает Леонору.

– Плохо..., – она задумалась.

– Скажи, Леонора, ты скучаешь по родным?

– Конечно... Дедушка добрый, он любит меня, но он не мой дедушка... Понимаешь?

– Почему ты так решила?

– Все так говорят, что он нашёл меня. И я помню, как он меня у реки забрал и к себе принёс. Я люблю его, но хочу к маме..., – со слезами на глазах она убежала.

Мы её долго не могли найти. Я рассказал Ютишу о нашем разговоре... Леонора пришла сама. Не знаю, о чём они разговаривали, но когда вошли в дом, Леонора была весёлой, а в глазах Ютиша читалась тревога.

Больше подобных разговоров не было. Леонора была весёлой и озорной. Ютиш тоже выглядел спокойным.

Когда я оповестил об уходе, Ютиш сказал:

— Я знал, что рано или поздно ты уйдёшь. Мне было хорошо с тобой. Интересно... Но удерживать тебя не стану. У нас у каждого своя жизнь. Будет время, приходи. Всегда буду рад тебя видеть...

— Николай, почему ты уходишь? Остайся с нами, — причитала Леонора. В глазах малышки застыли слёзы, готовые брызнуть в любой миг.

— Мне пора уходить, малышка.

— Уже?.. Сразу сейчас?..

— Да.

Леонора заплакала и прильнула к Ютишу. Мне было больно расставаться с ними, и, коротко бросив:

— До встречи, Ютиш, я ещё приду к вам, не плачь, Леонора! — я перенёсся к своему дому.

ГЛАВА 10

Вернувшись домой и немного отдохнув, я принялся за уборку в доме. Кое-что переставил, некоторые вещи заменил на новые и с небывалым рвением принялся работать в саду. Когда обдумывал цветник для Ютиша, у меня зародилась идея относительно своего — и я воплотил ее в жизнь. Замысел удался, что вселило в меня небывалую радость.

Я всё более осваивался в новом состоянии, в которое вошёл после болезни. Мне казалось, что хватит сил и горы свернуть, если будет надо. Как-то, идя на рынок, возле одного небольшого дома я рассмотрел странное растение: вдоль живой изгороди тянулась дорожка разных цветов. Небольшие цветочки разного окраса образовывали радужное сияние. Я залюбовался и передумал идти на рынок, решив узнать у Николоса, что это за растение.

— Тебе нравятся цветы? — услышал я рядом с собой женский голос.

Оглянувшись, я увидел молодую женщину, она смотрела на меня весело. В её глазах читался задор.

— Да, мне очень понравился коврик из цветов вдоль живой изгороди. Ты не скажешь, что это за растение?

— Оно зовётся портулак.

— Как? — переспросил я, не запомнив чудное название.

— Портулак, — чётко произнесла женщина.

— Благодарю. Мне пора.

— Удачи в пути, — пожелала женщина мне вслед.

И вот я у Николоса.

— Николай, ты всегда словно гром среди ясного неба, — ворчал старец, — с первого дня твоего появления в моём доме, ты каждый раз преподносишь что-нибудь необычное.

Это он отчитывал меня в шутку, когда узнал, зачем я к нему пожаловал.

— Где же я тебе возьму портулак? — продолжал ворчать Николос. — У меня у самого он не растёт.

— Скажи хотя бы, где его можно достать?

- Где достать? У Николоса, старца. Знаешь такого?
- Знаю, но ты только что сказал, что у тебя портулак не растёт.
- Это не значит, что его у меня нет.
- Значит, всё-таки есть?
- Конечно, есть. Пусть черенки, но это уже что-то.
- Николос, а что я должен с ними делать?
- Идём со мной, всё увидишь сам.

Мы вышли в сад, выбрав солнечное местечко. Старец велел мне вскопать землю и сделать небольшую грядку. Пока я оформлял грядку, вернулся Николос. Он принёс черенки в небольшом деревянном ящичке и воду. Воткнув череночки в землю, слегка полил, засыпал сверху тонким слоем земли и снова полил.

- А теперь можно и домой идти.
- Николос, я то же самое мог проделать и дома у себя, если бы ты мне объяснил.
- Поживёшь у меня немного, пока появятся всходы, после дома всё рассадить, где пожелаешь.
- Не понимаю тебя, к чему всё это?
- Черенки уже лежат давно, они могут плохо прорасти. Я же не могу тебе дать неизвестно что. Идём в дом, — увлёк меня за собою Николос. — Скажи, Николай, где ты хочешь рассадить портулак? — поинтересовался старец.
- Вдоль дорожек и живой изгороди в саду. Нечто подобное я видел совсем недавно. Вот меня и осенила идея — кое-что изменить и высадить это растение.
- С чего это ты вдруг ударился в цветоводство?
- Николос, ты же знаешь мою слабость к цветам. Так что же здесь непонятного?
- Да, я знаю, что ты любишь цветы и прекрасно за ними ухаживаешь. Но... как мне кажется, в тебе произошли какие-то перемены...
- Разве это плохо?
- Нет, наоборот, хорошо. Ведь перемены — к лучшему, у тебя появился интерес к жизни. Это прекрасно. Вот порадует за тебя Био, когда вернётся!
- А Учителя ещё нет дома?
- Нет, он заходил ко мне ненадолго, спрашивал о тебе и сказал, что пробудет в пути более сорока обычных дней. Должно быть, тяжёлый ему достался ученик.

- А я так хотел его повидать...
- Не переживай. Он вернётся, и обо всём поговорите. Я думаю, тебе есть чем с ним поделиться.
- Да нет, ничего особенного не произошло. Просто после болезни я его почти не видел. Чего-то не хватает.
- Ты привык к нему. Он стал для тебя ближе чем Друг.

Несколько дней я провёл у Николоса, дожидаясь, пока портулак прорастёт и немного войдёт в силу, чтобы его можно было пересадить. Как и обычно я помогал Николосу работать в саду, а в свободные часы наблюдал за работой пчёл, сидя возле улья. Меня завораживали эти труженицы-насекомые, а их монотонное жужжание действовало на меня успокаивающе. Либо читал и размышлял, а то и просто бродил по саду.

И вот мои растеньица достаточно окрепли. Мы с Николосом аккуратно уложили их в дорожную суму и, сказав друг другу: «До встречи!», я вернулся домой.

Вернувшись домой, я вновь принялся за работу в саду. Перекладывал вымощенные гладкими небольшими плоскими камнями дорожки, вскапывал землю, ровнял и рассаживал портулак. Растений оказалось более чем достаточно, и я решил оставшиеся высадить вдоль дороги за домом, подумав: «Пусть и другие любят красоту живого коврика».

Пока приживались растеньица, я ещё много переделал в саду. Обновил арыки, вокруг небольшого фонтана перед окнами гостиной высадил лилии, оставив свободной лишь небольшую часть не засаженной. Здесь, стаскивая камни с реки, я выложил некое подобие грота в скале и обсадил грот вьющимися розами. Когда всё примется и зацветёт — должно быть красиво!

Вот так в работе проходили дни. Портулак хорошо разросся и уже набирал цвет. Я обдумывал, всё ли сделал, что хотел или, может, ещё что-нибудь изменить? Мой сад, конечно, несравним с садом Николоса. У меня он маленький, но ухоженный и переходящий в парк со стороны соседней улицы. Это создавало впечатление большого массива зелени, хотя мои владения были невелики.

Я сидел в беседке, обвитой диким виноградом, и вслушивался в шелест листвы, перекликающейся с гомоном птиц и журчанием воды в фонтане, когда мне показалось, что в дом кто-то вошёл. Я быстро на-

правился к дому, навстречу мне шёл Учитель. Он был явно чем-то смущён.

– Ба! Николай! Ты ли это? И всё, что я вижу, — он жестом указал на цветник и дорожки в сиянии маленьких звёздочек портулака, — не снится ли мне?

– Нет, Учитель, не снится. Это я, Николай.

Он подошёл ко мне и обнял.

– Я рад за тебя, Николай, искренне рад, что ты полностью оправился от болезни.

– Что было, то прошло и, можно сказать, забыто.

– Это хорошо, в тебе чувствуется бодрость и стремление к жизни. Чего ещё желать? Знаешь, Николай, а я пришёл за тобой.

– За мной? — удивился я.

– Да, за тобой. Помнишь, я как-то давно уже обещал побывать с тобой в Долине Перехода и у Озера Забвения. Так вот, если ты всё ещё желаешь побывать там, то собирайся. Мы должны сразу идти. У меня есть немного времени, вот я и заглянул к тебе, помня своё обещание.

– Конечно, хочу! — воскликнул я. — Только подожди меня немного, Учитель, я переоденусь и, может быть взять с собой что-нибудь съестного?

– Хорошая идея. Только поторопись. Время не ждёт, пора в дорогу.

Через несколько мгновений я шагал с Учителем к окраине города, переодетый в дорожный костюм и с сумой для пищи. Пока мы шли, Учитель кое-что успел мне объяснить.

– Николай, в Долину Перехода мы пойдём не сразу, есть ещё кое-какие дела. Ты знаешь, что у меня новый ученик?

– Да, знаю.

– Так вот, сейчас он ждёт нас. Но я должен кое о чём тебя предупредить. Он только что прошёл испытания в пути сорока дней. Сейчас ему предстоит ещё одно испытание, а потом мы пойдём к Озеру Забвения. Мой ученик, его зовут Шарль, не знает, что сразу будет возвращён на Землю. Поэтому ты должен постоянно следить за собой и ни словом не обмолвиться о том, что знаешь, даже если он будет спрашивать или жаловаться. В общем, будь с ним по-возможности холодным и меньше разговаривай...

– Хорошо, Учитель...

– Пойми, что взяв тебя с собой, я несу ответственность двойную: за Шарля и за тебя.

– Я всё понял, Учитель, ты можешь на меня положиться. Я буду к нему холоден и буду нем.

– Верю в тебя, Николай, идём быстрее.

– Учитель, а кто он, этот Шарль? – спросил я, ускоряя шаг, чтоб не отстать от Учителя.

– Сейчас уже нет возможности ничего рассказать, мы уже пришли, вон он, видишь? – и Учитель указал на мужчину, ходившего от дерева к дереву словно маятник.

– Вижу, – ответил я.

– После расскажу о нём, а пока помни, что ты мне только что обещал.

– Я не забыл ничего.

– Хорошо, слушай и молчи. «Шарль!» – окликнул Учитель мужчину, и тот направился к нам.

– Ты вернулся, Учитель?! – обрадованно затараторил Шарль. – А я уже думал, что ты забыл обо мне или оставил, чтобы испытать меня...

– Хватит, Шарль, – оборвал его Учитель, – я сказал тебе, что далее мы пойдём втроём. И вот, нас трое. Пора в путь.

– А куда мы пойдём сейчас? – не унимался Шарль.

– Помолчи немного и всё увидишь сам. Я уже не раз говорил, что тебе надо быть терпеливее.

– Натура у меня такая, Учитель, не могу подолгу молчать, не получается...

Да, и в самом деле Шарль был болтлив. Невысокого роста, коренастый. Тёмные, с лёгкой волной волосы, хоть и коротко острижены, но спутанные и слежавшиеся на затылке. Глаза серые, тусклые, взгляд бегаящий. Одет он был в обветшалую рясу служителя церкви.

«Он католик и священник, – пронеслось у меня в голове. – Странно, почему он в астральном теле? Ведь он прошёл реку и должен был сменить облик, но сохранил его». Что всё это значит – мне оставалось лишь догадываться или ждать, когда объяснит Учитель.

Учитель, взяв за руки меня и Шарля, негромко сказал:

– С Богом, в путь...

И вот мы на месте. Оглядевшись, я посмотрел на Шарля, он чувствовал себя вполне уверенно. Мне же место показалось злополучным, я

никогда не хотел бы оказаться здесь ещё раз. Приземистые домики из грубо отёсанных брёвен полуразрушены. Видимо, пожары здесь — обычное дело, потому что нигде в обгоревших местах ничто не было восстановлено и залатано. Скучная растительность. Редкие деревца изогнуты или надломлены. Дорога вся в рытвинах, со зловонной зеленоватой жидкостью в лужах. Люди здесь самые разные: и уродливые, и в болячках, и в язвах. Были и похожие на Учителя, должно быть, тоже Учителя, в их лицах была особая строгость и непроницаемость.

Через дорогу, по которой мы шли, пронеслась кошка, взъерошенная и испуганная, вслед за ней нёсся огромный чёрный пёс, шерсть на нём висела клочьями, на рёбрах была содрана кожа, и рана гноилась. Это место приводило меня в ужас, а Шарль с лёгкостью заметил:

— Отличная парочка, — махнул он рукой в сторону удаляющихся животных.

И я, и Учитель, идя по дороге, обходили лужи, поднимая подошвы дорожных плащей. Шарль же не обращал внимания на это всё. Мне казалось, что он привычен к подобной обстановке, она его не ужасает, скорее, наоборот, забавляет. Он шагал бодро, рассматривая всё в округе и отпуская пошловатые реплики по поводу увиденного.

Учитель хранил молчание. Я тоже не решался заговорить, да и чувствовал, что не имею на это права. Со всех сторон неслись то стоны, то крики, то причитания. Где-то вдалеке слышалось пение: чистый звонкий голос почти тонул в хоре дикого рёва и вновь прорывался сквозь эту завесу шума.

— Надо же, как поёт... Во голосище! Всех переорал, — снова бросил реплику Шарль.

Внезапно Учитель остановился возле добротного двухэтажного дома. Его окна были плотно закрыты. Учитель подошёл к двери и трижды стукнул металлической ручкой по кованому железу под ней. Через мгновение дверь приоткрылась. Учитель и вышедший перемолвились несколькими фразами, и Учитель, глядя на меня, сказал:

— Останешься здесь, я скоро вернусь.

— А как же я? — жалобно застал Шарль. — Я голоден и прилично устал, не мешало бы подумать и об отдыхе...

— Уймись, Шарль, — грубо оборвал его Учитель, — мы идём дальше.

Они ушли, а я вошёл в открытую дверь вслед за вышедшим мне навстречу молодым человеком. Как только закрылась за мной дверь, я словно оказался в другом мире. Здесь было спокойно.

— Ваша комната наверху, от лестницы вторая дверь слева, — указал рукой на лестницу сопровождавший меня молодой человек и добавил, — если что будет нужно, можешь обратиться ко мне, я в комнате, видишь, где открыта дверь?

— Да. Благодарю, пока ничего не надо.

Он молча пошёл по коридору к своей комнате, а я поднялся на второй этаж и зашёл в указанную мне комнату. Как я понял, Учитель оставил меня в доме для путешествующих. Я долго ждал Учителя. Делать было нечего, конечно, я мог сходить к молодому человеку, он здесь, должно быть, распорядитель, и попросить у него что-нибудь из книг, но не решался выйти из комнаты, в любую минуту ожидая прихода Учителя.

Комната маленькая, обставленная скромно: две кровати и небольшой столик у окна, которое снаружи было закрыто ставнями. В ожидании Учителя я незаметно погрузился в сон. Вдруг я внезапно проснулся, сел на кровати и не сразу понял, где нахожусь. В комнате был полумрак, но на кровати я различил Учителя. Он спал. Когда вернулся, не стал меня будить, значит, в этом не было необходимости.

Успокоившись от резкого толчка, из-за которого я проснулся, я с блаженством растянулся на кровати. Спокойствие разливалось по телу, изгоняя напряжение. Уснуть я больше не смог, а пробуждения Учителя ждать пришлось недолго.

— Уже не спишь? — спросил он, вставая с кровати.

— Успел проснуться.

— Давно?

— Нет. Недавно, от толчка какого-то...

— Значит, мне не показалось.

— Что это было, Учитель?

— Да мало ли что могло произойти. Здесь возможно всё, что угодно...

— Учитель, а где мы находимся? Или ты не можешь говорить об этом?

— Отчего же? Здесь нет тайны. Сейчас мы находимся в стране Вечного Огня. Пожары здесь — обычное дело. Здесь есть «летучий» огонь, так его называют. Там, где он пролетит, остаются выжженные

дыры, которые никто не латает. Да это и ни к чему, те, кто здесь живёт постоянно, уже привыкли, а тем, кто здесь по делу или проходом, это не нужно.

– Да, я обратил внимание на большое количество обгоревших домов, которые готовы вот-вот рухнуть.

– Если завалится какое-либо строение, его обитатели окажутся под открытым небом и будут вынуждены искать приют в других полуразвалинах.

– Но ведь везде кто-то живёт?

– Что из этого? Бездомные силой будут отвоёвывать право быть под крышей.

– Это ужасно!

– Не спорю. Да, такова здесь жизнь.

– Что будет, если будут разрушены все или почти все строения и их обитатели окажутся на улице?

– Бывает и такое. Тогда те, кто вынужден скитаться, разбегается по стране в поисках жилья. Находя уцелевшие роши деревьев, строят новое жильё. А если нет, живут где придётся, роя даже норы в земле.

– Учитель, что здесь за обитатели? Кто они такие?

– Сюда люди попадают по разным причинам. Здесь есть сосланные в наказание, а есть те, которые вынуждены жить здесь по праву бытия.

– Я видел, что здесь в основном уродливые и искалеченные язвами и болезнями люди. Они страшны. Такое чувство, что они близки к полной деградации.

– Чаще всего так и бывает. Отсюда выходят к нормальной жизни лишь единицы. Невозможно жить многие годы в такой обстановке и остаться чистыми. Внешний вид этих душ отличен от их тел. Они могли быть на Земле изящными и красивыми, но, погрязнув в пороках, исказили своё обличье. Придя сюда, в этот мир, они уже не могут свободно жить среди светлых духов, поэтому вынуждены искать места, где они менее отличны от окружающих их.

– Что именно из пороков ты имеешь в виду, Учитель?

– Всё, что угодно! Порок остаётся пороком, каким бы он ни был: будь то обман, мошенничество или лжесвидетельство против ближнего, особенно для личного удобства. Это и блуд, и пьянство, и развращение, да мало ли что можно привести ещё в пример.

– Можно сказать, что это – падшие души?

- Да, можно и так сказать.
- Учитель, а они могут быть посланы вновь на Землю на перевоспитание?
 - Конечно, могут, но только души, ещё способные на такой переход и способные к восстановлению.
 - Разве переход влияет на состояние духа?
 - Ещё как! В Долине Перехода особая атмосфера, ты ещё раз попытаешь её давление на себе. Проходя через разные области, деградирующая душа может превратиться в прах, то есть перестать существовать, сохранив лишь отрицательный заряд энергии, которая трудно поддаётся уничтожению. Если такая энергия достигнет духа, близкого ей по состоянию, этот дух обогащается за счёт её силой.
 - А если человек деградирует вне Долины Перехода, что происходит? Мне интересно знать это.
 - Разложение вне Долины проще: деградируя, распадается сам дух, не сохраняя при этом никакого заряда энергии.
 - Учитель, а кто следит за этими духами?
 - Есть специальные службы. Их состав периодически меняется, потому что жутко жить в таких условиях, даже если это и твоя работа...
 - А ты можешь сказать, кто именно входит в состав этих служб?
 - Сказать, кто именно – нет, лишь предположительно – это часто Учителя...
 - И таким духам даются Учителя?
 - Не всем, за некоторыми есть просто наблюдающие, или их ещё называют «ведущие». А потом, Николай, ведь не могут же духи быть брошены на произвол. Всё, что есть – есть творение Божье. Этого не надо забывать.
 - А Шарль, почему он здесь? – спросил я Учителя, вспомнив о его ученике.
 - Шарль должен пройти здесь очередное испытание, чтобы была определена окончательно его участь, и выбран тот или иной вариант испытаний на Земле.
 - Возврат для него неизбежен?
 - Да, это определено не мной, и не мне что-либо менять.
 - Почему он вот так сразу возвращается на Землю?

– Он погиб по случайности, а на Землю был отправлен на исправление. Шарль не достиг уровня, который бы ему позволил остаться здесь, поэтому он и будет возвращён сразу.

– А что за испытание он проходит здесь?

– На милосердие и сострадание.

– Как ты узнаешь, прошёл ли он испытание?

– Так же, как это делал с тобой и со всеми учениками, так же наблюдают и другие Учителя.

– А ты можешь это показать мне?

– Если сможешь, то увидишь, для этого требуется немного напряжения. Становись рядом со мной, закрой глаза, представь Шарля, смотри.

Я сделал всё в точности, как сказал Учитель. Сначала было темно. Через некоторое время темнота начала спадать, появились светлые двигающиеся разводы, они-то и разорвали стоявшую в глазах темноту. Когда всё стало светлым, сначала нечётко, а затем всё более резко обозначились контуры.

– Ты что-нибудь видишь, Николай? – спросил Учитель.

– Да, но ещё не чётко.

– Сделай над собой усилие и сосредоточься на появляющихся видениях. Изображение должно стать ясным.

Через несколько мгновений Учитель спросил вновь:

– Ясность видений приобрёл?

– Да.

– Тогда смотри молча.

Вот что я увидел:

Шарль прощается с Учителем, который даёт ему последние наставления:

– Ровно через сутки я вернусь за тобой. Слушай меня внимательно, ты должен быть здесь, в этом селении. Выйдя за его пределы, ты рискуешь затеряться в этой стране безвозвратно. Поэтому под любым предлогом ты должен остаться здесь.

– А разве меня кто-нибудь будет сманивать?

– Шарль, слушай и запоминай, дважды я повторять не буду.

– Хорошо, Учитель, я внимательно слушаю.

– Всё, что от тебя требуется – устроиться на ночлег и провести день, пока я не приду за тобой. Это всё.

– Учитель, а место получше выбрать было нельзя? – заскулил Шарль и попытался схватить Учителя за полу дорожного плаща.

– Я сказал тебе всё. Имей достоинство, отпусти полу плаща, мне надо идти.

– Ну хорошо, хорошо. Я горд и не буду плакаться – у всех дела, дела, а ты тут ходишь, как неприкаянный и не знаешь, что тебя ждёт за ближним углом..., – он отпустил плащ и поднялся с земли.

Учитель ушёл, теперь же виделся только Шарль.

– Ждать, так ждать, спать так спать, – сказал он вслух сам себе и вразвалочку побрёл к небольшому деревцу.

Явно он не был особо расстроен, в нём хорошо просматривалась беспечность и безвольность, или, скорее всего, подавленность духа. Шарль прошёл мимо деревца, покружил возле него в поисках чего-то и вернулся к нему. Он лёг на землю, свернувшись калачиком, и долгое время оставался без движения. Похоже было, что он уснул или задремал. И вдруг я увидел яркое огненное пятно,двигающееся в сторону Шарля. Мне захотелось протянуть к нему руку и растолкать его, казалось, что, протяни я руку, смогу дотронуться до него. Но в этот момент я почувствовал, как рука Учителя коснулась моей руки, удерживая её. И в этот миг огненный шар, именно шар, потому что, приближаясь, размытое пятно приобрело округлую форму, пронёсся со свистом над головой Шарля, я слышал этот свист и ощутил движение воздуха тоже над головой, таким явственным было видение.

Шарль вскочил на ноги и стал озираться по сторонам. Оглянувшись, он увидел огненный шар, метавшийся из стороны в сторону и нёсшийся вновь на него. Испугавшись, он бросился бежать в сторону построек, желая там укрыться. Он бежал быстро и увлекал за собой массу воздуха, и огненный шар ринулся в его сторону. Шарль, оглянувшись, ужаснулся и, подвернув ногу, упал. Это и спасло его от ожогов. Шар пронёсся над ним и ударился в один из разрушенных почти до основания домишек. Вмиг развалина была охвачена огнём, а огненный шар всё нёсся дальше и дальше, оставляя за собой, словно змей, извивающийся хвост огня.

Из пробитых домиков, пылающих огнём, выскакивали их обитатели. Кто-то прятался тут же, кто-то бежал неизвестно куда. Поднялась суматоха. А Шарль оставался лежать без движения. Казалось, что он мёртв. Меня охватило волнение, но я услышал, как Учитель едва слышно произнёс:

— Всё в порядке, смотри дальше.

Пока не улеглась суматоха, Шарль оставался лежать без движения там, где упал. Вот он потихоньку приподнял голову, осмотрелся, затем сел и стал рассматривать повреждённую ногу. Была заметна припухлость.

— Вот не повезло, — вслух высказался Шарль, — никакого спокойствия тут, ни поспать, ни поесть... Да ладно...

Шарль встал и, слегка похрамывая, побрёл в дальний край села. На него никто не обращал внимания. Здесь каждый жил, стараясь сохранить себя самого и не думая при этом об окружающих. Шарль брёл по дороге, что-то бормоча себе под нос. Как бы я ни прислушивался, не мог различить ни единого слова, но несколько слов, сказанных чуть громче, навели меня на мысль, что он читает молитву по латыни.

Видимо, Шарль не очень хорошо различал дорогу, по которой шёл, иначе не споткнулся бы о живое существо. Шарль отшатнулся, увидев перед собой нечто двигающееся и стонущее:

— Помогите встать, хоть кто-нибудь...

Шарль осенил себя крестом, видение не исчезло, оно было реальным и продолжало просить о помощи.

— Да больно надо таскаться со всеми тут, — проворчал Шарль, обходя живое существо, — хотя мой долг священника обязывает быть милосердным, но ужасно ноет нога...

— Помогите мне, прошу, я не могу встать...

— И всего-то? А идти сможешь?

— Да мне бы только встать...

Шарль помог встать существу. Непонятно было, кто это — мужчина или женщина. Оно имело ужасающий вид. Шарль отстранился от него и сказал:

— Теперь ты стоишь на ногах, иди дальше сам, — и брезгливо стал стряхивать со своей одежды прилипшую грязь, тихонько отходя от существа.

— Постой, ты помог встать, но идти я не могу, подай мне костыли, они где-то тут рядом.

— Возьмёшь сам, — ответил Шарль, готовый в любой момент пуститься наутёк.

— Если я наклонюсь, то снова упаду, помоги мне...

— Ну хорошо, хорошо, я помогу тебе, только не маши руками и помолчи...

Попросить помолчать было отчего: голос существа был грудным, со свистом и всхлипываниями, словно у него в груди была дырка, через которую входил и выходил воздух, издавая ужасные звуки. Шарль пошёл к существу и посмотрел: есть ли рядом с ним костыли. Он поднял некое подобие костыля, второго рядом не было. Волоча за собой первую находку, Шарль стал искать второй костыль и, только найдя оба, он отдал их существу. Пока оно обретало равновесие, Шарль был далеко от этого места. Он забыл и о больной ноге, так быстро бежал.

Сразу за селением начиналась холмистая местность, но холмы были скалистыми, почти без растительности. Облюбовав местечко, Шарль, вновь свернувшись калачиком, попытался заснуть. Не знаю, удалось ли ему хоть дыхание перевести... Потому что со стороны селения в его сторону шествовала целая делегация во главе с безобразным существом на костылях, которому недавно оказал помощь Шарль.

Я вновь испытал желание протянуть руку и растормошить Шарля, но меня снова удержал Учитель, сказав тихо:

— Смотри, просто смотри...

Шарль устроился очень ловко, он слился с землёй и его было почти не видно. Шествовавшая на его поиски делегация, а я был уверен, что они искали именно Шарля, прошла мимо, не увидев его. Я облегчённо вздохнул. Шум, поднятый чудищами, привлёк внимание Шарля. Он приподнялся на локте и стал всматриваться вдаль. Потом, осторожно приподнявшись чуть выше, одной рукой стал рвать жёсткую траву и сыпать её на себя, а другой брал землю и тоже сыпал на себя. Спрятав голову в руки, он оставался лежать. Рядом происходили разные события, но он ни на что не реагировал...

Как-то резко видение оборвалось.

— Пора идти за ним. Николай, ты подождёшь нас здесь, — сказал Учитель.

Я слышал его голос, но не чётко различал, где он сейчас находится в комнате, перед глазами всё плыло. Меня слегка качнуло, и я почувствовал, как меня поддержал Учитель.

— Это от непривычки и перенапряжения. Садись вот здесь, скоро всё пройдёт. Жди моего возвращения. Тебя вызовет распорядитель, спустишься вниз. Сам никуда не ходи, — и Учитель ушёл.

Я ещё какое-то время пребывал в непонятном состоянии, когда всё кружится, но не столько перед глазами, сколько в голове. Такое вот у

меня было ощущение. Постепенно всё встало на свои места, затуманенный разум приобрёл ясность.

Когда за мной вошёл распорядитель, я был в полном порядке и даже успел немного поесть, потому что почувствовал голод, видимо, от перерасхода энергии на созерцание видения о Шарле. Я спустился вниз за распорядителем, в коридоре сновали какие-то люди, среди них у двери я различил Учителя и подошёл к нему.

— Всё было спокойно? — спросил Учитель.

— Вполне. Во всяком случае я ничего не заметил необычного, — ответил я, удивлённый вопросом.

— Хорошо. Поторопимся. Надо уходить.

Мы вышли на улицу, Шарль ждал нас. Как и в доме, на улице была суматоха.

— Что происходит, Учитель? — спросил Шарль. — Что за суматоха?

Но ответа он не услышал, как и я не понял, что ответил Учитель. В этот момент что-то ужасно громыхнуло и содрогнулась земля, да так сильно, что я едва удержался на ногах. Учитель резко схватил за руку Шарля, готового броситься бежать, и взял за руку меня. Мгновение — и мы все трое в иной местности. Здесь всё спокойно и природа более живая, чем там, где мы только что побывали. Осмотревшись, я подумал, что когда-то видел уже нечто подобное, но где и когда?..

— Учитель, скажи, Учитель, — тормошил его Шарль за рукав, — что произошло? Почему мы здесь?

— Ничего не произошло. Все целы. А мы здесь потому, что должны быть здесь, а не где-то...

— А что было там, Учитель? — не унимался Шарль.

Едва ли удостоил бы его ответом Учитель, но он в моих глазах прочёл недоумение и сказал, как бы между прочим:

— Нам удалось избежать извержения вулкана. Теперь продолжим путь дальше.

Я был в ещё большем недоумении: какой вулкан мог извергаться там? В моём представлении вулкан мог извергнуться в горах. Там же, где мы были, я не видел даже невысоких гор, лишь небольшие скалистые холмы, бедные растительностью. «Хотя в Стране Вечного Огня может быть и не такое», — подумалось мне, там всё как-то необычно.

Чем дальше мы шли, тем всё больше я убеждался в том, что мы входим в Долину Перехода, потому что всё чаще попадались деревья, по-

хожие на ольху, а именно их я видел в пути сорока дней, по ним ориентировался, на верном ли я пути. Я шёл, вспоминая свой путь, заново переживая все те ощущения, что когда-то испытал. Дойдя до самых мрачных воспоминаний, я заставил себя остановиться и больше не возвращаться к ним.

Шарль шагал легко и беспечно. Догадывался ли он о том, куда идёт, или хотя бы обратил внимание, что местность ему чем-то знакома? А может он шёл другим путём? Возможно ли? Долина Перехода одна и избежать её невозможно... То, что здесь зовётся Долиной Перехода, с Земли в ясную звёздную ночь просматривается хорошо и называется Млечным Путём. Млечный Путь и Есть Долина Перехода. Самое большое скопление маленьких звёздочек, образующих туманность в Млечном Пути, выливается в Долине Перехода в Озеро Забвения, к которому мы держали путь сейчас.

Действительно, как говорил Учитель, атмосфера здесь особая. Чувствуется постоянное напряжение и непонятное движение. Хотя реально не видишь, что именно движется в воздухе, но ощущаешь это движение постоянно, испытывая при этом волнение души. Когда я держал по Долине путь в сорок дней, я не придавал этим ощущениям особого значения. Мой ум и всё существо были живы иными проблемами, чтобы обращать на это движение внимание. Теперь же у меня не было тех забот, и я мог полностью ощутить на себе постоянное напряжение и движение в воздухе.

Что мне ещё показалось необычным здесь, так это внутреннее чувство, что в пути сорока дней я был в другой стороне Долины. Сейчас же мы двигались по противоположной её стороне. Наверное, это нормально. Часть Долины, по которой идут путники в сорок дней, не должна соприкасаться с частью, по которой идут души к Озеру Забвения.

Постоянно болтавший Шарль на сей раз шёл молча. По мере того, как мы углублялись в Долину, его лицо приобретало матовый оттенок, а глаза забегали ещё быстрее. Он не смотрел по сторонам, лишь изредка оглядывался на нас с Учителем, так как шёл немного впереди от нас. В его взгляде читались страх и мольба. О чём он молил? Не знаю. Также не знаю, что он испытывал и переживал в эти мучительные часы по дороге к Озеру Забвения.

Все трое хранили молчание.

По дороге нам почти никто не попадался. Лишь несколько раз прошли навстречу люди, одеянием похожие на Учителя. Кто один, кто по двое. Они возвращались, сделав свою работу.

И всё-таки, чтобы быть Учителем, надо иметь к этому особое призвание и небывалую выдержку, и силу воли, в чём я убедился за несколько дней пути с Учителем, сопровождая Шарля. Сколько же надо иметь мужества и твёрдости! Право, такое дано не каждому.

Навстречу нам шли двое, они о чём-то оживлённо разговаривали. Я отвлёкся было на них, как почувствовал толчок локтем в бок и услышал возбуждённый голос Учителя:

— Всё внимание на Шарля, он готов бежать.

Я не сразу понял, что произошло. Поравнявшись с идущими навстречу нам, Шарль резко метнулся в сторону и быстро побежал к видневшейся вдали небольшой рощице. Учитель метнулся за ним, но не бежал, а просто шёл. Те двое остановились, и один из них спросил:

— Нужна помощь?

Учитель, не оглядываясь на них, коротко ответил:

— Нет, справлюсь сам, — и продолжал медленно идти за бегущим Шарлем.

Я, онемев от удивления, смотрел на происходящее, словно всё это было во сне. Вдруг Шарль упал. Я видел, что он не споткнулся, не подвернул ногу, он просто упал и не пытался даже двинуться. Один из двоих, предложивший помощь, сказал:

— Можно спокойно возвращаться. Ему помощь не понадобится, справится сам, — и они пошли дальше.

Учитель дошёл до Шарля, тот встал и, пошатываясь и спотыкаясь, пошёл к дороге рядом с Учителем.

— Я знал, что он выкинет что-нибудь по дороге, — говорил мне Учитель, — но и предположить не мог, что побежит. Лишь в последний миг уловил его настроение.

— Что с ним теперь? — осторожно спросил я.

— Можешь говорить свободно. До места он будет идти по инерции, ни о чём не думая и ничего не понимая.

— Что ты с ним сделал, Учитель?

— Я его остановил и вывел на мгновение из сознания.

— Как это — вывел из сознания?

— Так говорят в подобных случаях: «Вывел из сознания», а на самом деле просто затормозил его сообразительность, воздействуя на

определённый участок «мозга». Он теперь будет во всём повиноваться мне.

– Что ты ему приказал?

– Просто идти рядом со мной.

– И он ничего сейчас не понимает?

– Нет, он полностью подвластен мне. Такое разрешено в особых случаях. И, забегая вперёд, отвечу ещё на один, пока не заданный тобой, вопрос: подобное воздействие – результат особых учений и тренировок. Через такое проходят все, кто становятся Учителями.

– Значит, Учителя тоже учатся?

– Да, и очень многому. Не все выдерживают курс обучения, но те, кто его проходит полностью, обладают особыми знаниями и наделены особыми возможностями. Не то, чтобы наделяются свыше, а приобретают в ходе обучения и тренировки.

– Мне кажется, что я не смог бы пройти через подобный курс обучения.

– Николай, ты ещё не полностью знаешь о своих возможностях. Пройти курс обучения, может, и не будет для тебя сложным, но вот призвания в тебе к этой работе маловато.

– Почему, Учитель?

– Ты очень чувствителен к чужой боли. Да тебе и не обязательно становиться Учителем. У тебя совсем иной склад души и иное призвание в жизни. Каждый в силу своих сил и возможностей должен творить во благо Вселенной.

Шарль безропотно шёл за Учителем почти рядом с ним. Он тупо смотрел на дорогу и шагал, шагал...

– Мы можем немного сократить путь, если пойдём вот по этой дороге, – Учитель указал на среднюю из трёх дорог, – она самая прямая, значит, и самая короткая.

– А если бы Шарль был в нормальном состоянии, каким бы мы пошли путём?

– Той дорожкой, которую бы он выбрал сам.

– По какой пойдёшь дороге – это имеет значение?

– Смотря для кого. Для Шарля – да. Если б вот ты сейчас или кто-то другой шёл по доброй воле – нет.

– Учитель, какая меж доброй волей и принуждением разница при выборе дороги?

– Если душа идёт добровольно, она внутренне знает самый короткий путь и выбирает среднюю дорогу. Те же, кто по принуждению — стараются задержаться здесь насколько это возможно, поэтому избирают более длинные дороги, тоже внутренне зная это. Но, выбирая иной путь, душа сама выбирает себе те или иные неожиданности в пути.

– Что это может быть?

– Разное: это и завалы на пути, которые надо обходить, и широкие реки, чтобы переплыть через которые, надо что-то смастерить. Это может быть и местность, лишённая всякой живности и всего съестного, тогда душа обречена на голод.

– Где же всё это размещается?

– Вокруг вот этих двух дорог. От них идёт множество небольших, которые и таят возможные неожиданности.

– И всё равно, Учитель, я не совсем понимаю...

– Что же здесь неясного? Долина Перехода велика, вот всё и размещается в ней. Причём каждый идёт своим путём. Прими реальность такой, какая она есть.

– Попробую... Учитель, а что будет дальше с Шарлем?

– Что будет дальше? На подходе к Озеру Забвения я выведу его из состояния заторможенности, сохранив лишь над ним влияние подчинения. Он будет полностью всё воспринимать, но не сможет отойти от меня. Я ему не верю, потому лучше перестраховаться, чем навлечь новые неприятности.

– Учитель, а за то, что произошло, ты несёшь ответственность?

– Нет, но я буду должен дать полный отчёт о проделанной работе.

– И о происшествии тоже?

– Конечно, я не имею права ничего скрывать.

– А кому ты подчинён?

– Стоящим выше меня. Это определённая группа людей духовно чистых и возвышенных. Их невозможно обмануть, невозможно что-либо скрыть. Они как бы насквозь видят тебя. Я рассказываю о происшедшем и передаю им своего подопечного. На этом моя работа кончается.

В это время нас обогнала женщина, она шла легко, словно плыла, и что-то напевала. Оглянувшись, она улыбнулась нам и продолжила путь, не сбавляя темпа движения.

– Учитель, кто эта женщина? – спросил я.

– Откуда мне знать, Николай? Судя по тому, что она идёт этим путём, значит эта душа идёт на Землю. Она идёт легко, потому что идёт добровольно.

– Почему она одна, без сопровождения?

– Зачем ей кто-либо в сопровождение? Она ведь идёт добровольно. Конечно, у неё есть Ведущий. Но он может ждать её у Озера Забвения или где-нибудь на подходе к нему, чтобы передать её вышестоящим.

– Учитель, как долго нам ещё идти?

– Мы уже почти у цели. Вон за тем поворотом открывается равнина, где Озеро Забвения.

Мы дошли до поворота, и перед нами открылась живописная местность – холмистая, изрезанная мелкими речушками, колками, да рошицами. Местами ярко пестрели цветы. Как здесь прекрасно! Немного пройдя вперёд от поворота, я обнаружил, что почти на одном уровне ещё две дороги соединяются с той, по которой шли мы, делая её более просторной и широкой.

– Вот, видишь, Николай, – обратился ко мне Учитель, – как бы они ни вились, эти дороги, они всё равно сливаются в одну, ведущую к Озеру Забвения.

– Как разошлись ранее, так и соединились в одну, словно они единое целое.

– Так оно и есть. Все три дороги – единое целое.

– Учитель, а как же идёт Ведущий, хотя бы той женщины, что обогнала нас? – спросил я, осенённый вдруг таким вот вопросом.

– Он переносится, а не идёт, как идём мы.

– Почему?

– Ему это незачем. Здесь лишь маленькое «но» для души, идущей на Землю. Путь к Озеру Забвения она должна проделать пешком.

– Но женщина не шла, она словно плыла или летела...

– Она просто очень быстро двигалась, поэтому создалось впечатление полёта... Николай, ты чуть ускори шаг, а я с Шарлем догоню тебя.

– Ты его приводишь в нормальное состояние?

– Да. Пора. Мы уже подошли к цели.

Я чуть ускорил шаг, но не успел отойти далеко, как со мной поравнялись Учитель и идущий рядом с ним Шарль. Шарль шёл, озираясь,

по сторонам. Он, видимо, ещё не совсем отошёл от пребывания в заторможенном состоянии, или не отдавал себе отчёта в том, где он находится.

– Учитель, я что спал? – спросил вдруг Шарль.

– С чего ты взял, что спал? – ответил вопросом Учитель, напряжённо всматриваясь в лицо подопечного.

– То мы шли по почти пустынной местности, а здесь всё равно, что оазис среди пустыни. Где мы находимся, Учитель? – тараторил Шарль. В нём проснулась обычная привычка много говорить.

– Не лукавь, Шарль. Меня не проведёшь, – ответил ему Учитель.

– О чём ты говоришь, Учитель? Я не совсем понимаю тебя..., – пробормотал Шарль, оцениваяюще глядя по сторонам.

– Шарль, прекрати. Я вижу тебя насквозь. Ты не сможешь удалиться от меня более чем на шаг в сторону. Не пытайся больше бежать. Будет только хуже тебе же.

– Что, дурачком меня сделал, да? – запричитал Шарль. – Притащил силою сюда, к себе приковал. Что, боишься меня, да? Сильнее тебя однако буду?! Что молчишь? Сказать нечего?

– Я сказал тебе то, что считал нужным. Более от меня не требуй ничего.

Что бы ни говорил Учителю Шарль, тот оставался спокойным и невозмутимым. На его лице появилось знакомое мне выражение – маска непроницаемости. Я поражался выдержке Учителя, ведь Шарль хамил, говорил ужасные непристойности, это после попытки-то убежать. Не знаю, что сделал Учитель, но, сделав шаг вперёд, Шарль на ровном месте упал, словно споткнувшись. Учитель, поравнявшись с ним, задержался на миг, пока Шарль встал на ноги, и пошёл дальше. Шарль ещё несколько раз пытался оторваться от Учителя, забегая вперёд или отставая, но только падал. Все его попытки были тщетны. Обессилев, Шарль, понутив голову, плёлся на шаг сзади от Учителя, что-то бормоча себе под нос и время от времени осеняя себя крестом.

И вот нашим взорам открылась прекрасная жемчужина Вселенной – Озеро Забвения!.. Возле озера было многолюдно. Каждый был занят своим делом, но впечатление хаоса не создавалось, словно кто-то невидимый управлял всеми людьми, подходившими к Озеру. Каждый делал то, что должен был делать...

Близ самого Озера было менее живописно. Зелень травы иссечена множеством небольших тропинок, по которым сновали туда-сюда люди, не давая им возможности зарasti. Цветы почти не встречались, а если и росли, то мелкие и неяркие. Берег песчаный, изредка в песок врезаются большие полосы гальки и ракушек.

Вода! Трудно сказать, какого цвета вода в Озере. У берега она прозрачная, видны камешки на дне. На глубине, если смотреть чуть со стороны, вода принимает иссиня-лиловый оттенок. А когда поверхность воды морщинит ветер, то бегущие волны имеют насыщенный цвет бирюзы. Озеро непостоянно, в нём часто происходят какие-то перемены, от чего меняется и его окраска. Оно может быть светлым, прозрачно-голубым, а может вмиг стать тёмным, почти чёрным, а то вдруг вспыхнет разными оттенками.

У меня создалось впечатление, что Озеро Забвения – живой организм, всё чувствующий и всё воспринимающий. Окраска его воды изменяется подобно смене настроения человека. Увидев эту красоту однажды, более не сможешь забыть её никогда.

Пока мы подходили к Озеру, оно несколько раз сменило свою окраску, оно играло светлыми тонами, светилось из глубины сиянием, приковывающим внимание. Шарль, как и я, был поражён красотой Озера. Он даже перестал сопротивляться и покорно шёл за Учителем, всё его внимание было приковано к воде. О чём он думал, – не знаю. Мною же владела мысль: «Какую силу хранит в себе вода Озера Забвения? Ведь испив её, душа, идущая на Землю, забывает и все знания и свою жизнь в этом мире!»

– Ты пойдёшь с нами, – обратился ко мне Учитель.

Мы подошли к трём мужчинам в белых одеждах до земли. Они, должно быть, ждали прихода Учителя и Шарля.

– Как прошёл путь? – спросил один из них Учителя, без всяких приветствий и вступлений.

Учитель начал рассказ, а спросивший жестом остановил его, закрыл глаза и сказал:

– Покажи, что считаешь нужным.

Учитель тоже закрыл глаза, встав при этом лицом к говорившему с ним. Так они стояли друг против друга несколько мгновений. Затем мужчина в белой одежде открыл глаза, сказав:

– Довольно, я всё понял.

– А применение силы с моей стороны? – спросил его Учитель.

– Ответственность за её применение с тебя снимаю. Ты поступил правильно.

– Я могу идти, или будут ещё вопросы? – вновь спросил Учитель.

Разговаривавший с ним мужчина повернулся к двум другим, обменявшись с ними несколькими фразами, которые я не понял. Потом повернулся к Учителю и сказал ему, чеканя каждое слово:

– Ты справился с работой отлично. Вопросов к тебе нет. Есть лишь просьба: если не составит труда, помоги определить судьбу душе, идущей на Землю.

– Что я должен сделать?

– Марк проводит тебя и объяснит... Кто этот человек? – спросил мужчина, указав на меня взглядом.

– Он идёт со мной.

Мужчина посмотрел на меня так, словно раздел. Его взгляд был очень проникновенен, мне показалось, что он вывернул меня наизнанку, а потом всё вернул на свои места. От этого «осмотра» осталось не очень приятное ощущение.

– Этот человек может идти с вами, – обратился он к Марку, – он чист.

Учитель улыбнулся мне и позвал:

– Идём, нам пора.

Шарль остался с теми двумя мужчинами, а мы пошли за Марком, он по дороге объяснил нам:

– Мой напарник не пришёл вовремя. Видимо, что-то случилось. В определении судьбы душе, идущей на Землю, должны участвовать хотя бы двое, но на этот раз нас трое, так даже лучше. Давайте найдём где-нибудь более спокойное местечко, и я всё объясню, – он осмотрелся и жестом указал, куда мы должны идти.

Мы сели с Учителем напротив Марка. Трава, на вид мягкая и сочная, на самом деле оказалась жёсткой. Я потрогал её рукой. Согнутые былинки почти сразу возвращались в изначальное положение. Глядя на меня, Марк улыбнулся, но ничего не сказал мне, а продолжил объяснение:

– Церемония проходит так: мы подойдём к берегу Озера, к нам приведут в данном случае женщину. Она преклонит колени. Ведущий будет держать её за руку, другую она прижмёт к груди. Мы должны будем встать полукругом за её спиной на небольшом расстоянии и, со-

средоточившись, при закрытых глазах просмотреть всю её жизнь от рождения до смерти: все возможные варианты, отклонения и исключения. Это понятно? – спросил Марк.

– Да, – ответил Учитель, – а что надо делать при просмотре, за чем следить?

– В этом изюминка! По своему усмотрению любой из вас, в том числе и я, может на определённом участке жизни сделать любые изменения: усложнить ситуацию или облегчить путь к достижению цели. Можно поставить любое препятствие.

– Это очень серьёзная и ответственная работа! – изумлённо сказал я вслух то, о чём подумал.

Марк улыбнулся мне и ответил:

– Согласен с тобой, но такова участь каждого идущего на Землю. Он определяет и выбирает место рождения, родителей, а с этим – условия жизни. Также ставит перед собой цель, которую к исходу должен достигнуть, пройдя через определённые им самим же препятствия. При просмотре эти препятствия можно усложнить или облегчить. Для этого надо мысленно в данном участке поставить небольшой крестик и всё.

– А как же реально в жизни отобразится этот крестик? – вновь спросил я у Марка.

– Всё будет зависеть от случайной ситуации, куда придётся крестик. Это обусловят окружение и местонахождение человека.

– То есть, полностью можно положиться на волю случая. А человек сам будет искать выход из ситуации, полагаясь на свой ум, интуицию и так далее, – сделал я вывод из сказанного Марком.

– Ты сообразителен, – серьёзно глядя на меня, проговорил Марк и задал вопрос: – Скажи, как твоё имя?

Я посмотрел на Учителя, растерявшись от неожиданного вопроса. Он же мне просто ответил, прикрыв глаза. Я понял Учителя, он хотел сказать мне: «Не молчи, отвечай».

– Николай Осеев.

– Ты был его учеником? – спросил Марк, указывая глазами на Учителя.

– Да.

– Как долго?

– Один год.

– Когда ты вышел из-под его опеки?

– Немногим менее года.

На лице Марка проскользнуло удивление, но он тут же овладел собой, и его лицо стало непроницаемым.

– Больше к тебе, Николай, вопросов нет. Если и вам всё ясно, то нам пора идти.

– Да, – сказал Учитель утвердительно.

– Да, – подтвердил я ясность изложенного Марком.

Мы подошли к берегу Озера Забвения. Откуда-то сразу же навстречу нам вышел мужчина в длинной до земли светло-голубой одежде. Он вёл за руку прекрасную молодую женщину, в которой я узнал ту самую, что обогнала нас по дороге. На её лице мелькнула улыбка, обращённая ко мне и Учителю. Она узнала нас.

Далее всё было так, как и говорил Марк.

Ведущий держал за левую руку коленопреклонённую женщину, правую же она прижала к груди. Мы полукругом стояли на шаг позади неё.

Закрыв глаза, я сначала ощутил пустоту перед собой, подёрнутую сероватой дымкой. Затем появилось ощущение приближения чего-то. Сероватая дымка расступилась, и уже знакомым мне образом появилось изображение. Сначала нечёткое, а потом всё резче и яснее вырисовывались картины, сменяющие одна другую.

Я видел родителей малышки, её рождение, детство. Это тихий и болезненный ребёнок. Очень много крестиков в этот период. Зная, что могу вмешаться в её жизнь, я убрал два крестика, избавив её тем самым от двух простуд: в первый раз – когда она по весне очень сильно промочила ноги, но продолжала с детьми пускать кораблики в ручье и доставать их, если они застревали, и вновь спускать на воду. Во второй раз, тоже весной, но уже годом позже, она во дворе сбивала сосульки с крыши пристроек около дома и грызла их. Это грозило ужасной ангиной.

Что произошло в тот миг, когда я поднял первый крестик? Конечно убирал я его мысленно, просто стирал силою воображения. Подняв крестик таким образом, я увидел, как картинки, только что увиденные мной, прокрутились назад в обратном порядке... Прозвучал щелчок, я не понял, в каком месте. Был он приглушённый, после него стали прокручиваться те же события, но несколько изменённые. Что же изменилось?..

Няня, собирая малышку на улицу, надела ей резиновые сапожки, а не войлочные, как раньше. Теперь же малышка, пуская кораблики, не

промочила ноги, тем самым избежала простуды. Во втором случае, когда я поднял крестик, произошли тоже изменения: малышка за столом опрокинула на себя тарелку супа, за что была наказана — её не пустили гулять на улицу в этот день, а на следующий — семья уезжала за город. То есть, жизнь продолжалась, и опасность ангины миновала.

Когда я поднял первый крестик, ощутил рядом с собой чьё-то присутствие. От того, кто находился рядом, исходило тепло и шло чувство успокоения и уверенности в себе. Я хотел было открыть глаза и посмотреть, кто же это стоит рядом со мной, но не мог сделать этого. Моё внимание от ощущения тепла, спокойствия и уверенности переключилось на бегущие одна за другой картинки. Так просматривался день за днём во всех случайностях. Если Учитель или Марк вносили какие-то изменения, я видел лишь изменённый вариант. Должно быть, если я вносил какие-то изменения, они видели тоже только изменённый вариант.

Юность: девушка жива и подвижна, очень общительна и разговорчива, весела. Ко времени замужества её дорожки расходились веером. У неё будет много поклонников, но выбор падёт на трёх претендентов. Наблюдая за её жизнью, я вошёл в её образ, испытывая и радость, и переживания, и боль, обиду, разочарования — всё, что она должна была испытать, пройдя через конкретные события. Я снова стал на какой-то период ею самой. Я ужасно боялся сделать ошибку: проставить где-нибудь крестик, усложнив ситуацию. В какой-то момент я ощутил острую потребность вмешаться и остановить миловидного юношу — удержать его от признания в любви. Я поставил крестик. События прокрутились назад, и вот идёт изменённый вариант: он провожает её до дому, держа под руку, вот его рука соскользнула ей на талию. Всё как в первый раз. «Неужели ничего не изменится?!» — ужаснулся я. И в этот миг откуда-то из подворотни, громко залаяв, выскочила огромная собака. Я даже вздрогнул от неожиданности. Но юноша отпустил девушку и вжался в угол между домами, оставив её беззащитной. У меня в голове проскользнула мысль: «Кошку бы!» — и тут же с дерева спрыгивает кошка... Собака бросилась теперь за дико кричащей кошкой, тем самым девушка избежала укусов. Я облегчённо вздохнул. Юноша подошёл к ней и попытался вновь обнять, шепча слова утешения. Она же оттолкнула его, вlepив ему пощёчину.

Таким образом, я устранил одного претендента на её руку, но усложнил тем самым ситуацию: девушке придётся пережить разочарова-

ние. Но зато она неминуемо встретится с человеком, предназначенным ей в мужа Свыше. Если же в силу каких-то обстоятельств они расстанутся, к ней навстречу выйдет неминуемо дублёр. Я не желал ей зла, хотя и знал, как тяжела боль разочарования, ведь милостивого юношу она превозносила, считая его чуть ли не идеальным мужчиной...

Более серьёзно я не вмешивался в её жизнь, лишь просматривал и изменял некоторые мелкие ситуации... Я чувствовал себя в ответе за изменения в её жизни, и наблюдал лишь за обновлёнными вариантами ситуаций, которые изменяли Учитель и Марк.

Так была просмотрена вся её жизнь. Как долго мы этим занимались — не знаю, но когда видения исчезли, и я открыл глаза, женщина всё ещё стояла, преклонив колени.

Марк подошёл к ней, указывая нам жестом, чтобы оставались на месте, и обратился к женщине:

— Закрой глаза. Смотри и запоминай.

Через какое-то время женщина поднялась с колен, опираясь на руку Ведущего, и повернулась лицом к Марку.

— Ты всё хорошо просмотрела и запомнила? — спросил Марк, чеканя слова.

— Да, — ответила твёрдо женщина.

— Желает ли просмотреть некоторые ситуации ещё раз?

— Нет, — также твёрдо и уверенно прозвучал ответ.

— Ты готова к переходу?

На лице женщины отобразилось волнение, казалось, в короткий миг её охватила масса чувств. Но, овладев собой, она чётко произнесла:

— Да, я готова к переходу.

— Благословляю во имя Бога Святого, — осения крестом женщину и всё так же чеканя слова, проговорил Марк.

Затем Марк, Ведущий, который стоял рядом с женщиной, и сама идущая на Землю в один голос произнесли:

— Аминь!

От вида этой церемонии у меня мурашки пробежали по телу. Я даже как-то непроизвольно вздрогнул. Я посмотрел на Учителя, тот был спокоен, видимо для него происходящее было знакомо.

В это время Марк и Ведущий взяли за руки женщину и подошли к самой воде. Марк стоял с одной стороны от женщины, Ведущий — с

другой. Они внимательно следили за ней, она же сделала ещё несколько небольших шагов в воде так, что ноги её были по щиколотки омыты водой. Стоя вот так, она подняла руки к лицу, откинула прядь выбившихся из туго заплетённой косы волос и наклонилась к воде.

Я стоял немного сбоку от неё и мог видеть, что она делает. Женщина зачерпнула в пригоршню воды и умыла лицо, затем ещё несколько раз зачерпывала воду и пила её с жадностью. Я видел, как её качнуло в сторону, но она удержалась на ногах, и тут к ней подошёл Ведущий. Поддерживая, он увлёк её за собой.

– Удачи в пути! – пожелал им вслед Марк.

– Благодарю! – отозвался Ведущий, уводя за собой покорно идущую женщину.

– Куда они идут теперь? – поинтересовался я.

– Сейчас они держат путь к месту, называемому в Долине Перехода Лобное.

– Что это значит?

– Это место, с которого душа сходит на Землю и соединяется с телом в момент рождения ребёнка.

– А как совершается этот переход?

– Ты хочешь спросить, что испытывает душа в этот миг? – уточнил Марк.

– Да.

– То же самое, что и при уходе в этот мир на девятые сутки. Происходит движение по некоему тоннелю, только теперь в обратном направлении – к Земле, а не от неё.

– Что происходит при соединении тела и души?

– О, Николай, я не смогу ответить на этот вопрос, так как не знаю и сам. Всё, что могу сказать, – соединение тела и духа – Таинство Божие.

Пока мы разговаривали, Учитель не вмешивался в нашу беседу. Наступила небольшая пауза, и Учитель спросил:

– Мы можем уйти?

– Да, конечно. Благодарю за помощь. И вот ещё что, – глядя на меня продолжил Марк, – Николай, хорошо запомни событие этого дня. Придёт время, и тебе придётся деталь за деталью восстановить в памяти всё, происходящее сегодня.

– В день, когда я буду идти этим путём?

– Нет. Ты вспомнишь это не для себя, для других. Более ничего не могу тебе сказать. А теперь можете возвращаться.

Не прощаясь и не говоря более друг другу ничего, мы разошлись в разные стороны.

Учитель шёл, задумавшись, я не прерывал его мыслей. Мне было на что посмотреть здесь. Хотя бы само Озеро! Оно вызывало во мне неопишное восхищение... Я любовался игрой света и волн. Мы шли вдоль Озера по берегу. Моё внимание привлёк крик, тонущий в общем шуме, разливающимся в воздухе. Голос показался мне знакомым. Оглянувшись, я увидел... и замер... Двое мужчин в белых одеждах, как у Марка, буквально волоком по земле тянули к воде Шарля!..

– Учитель! – окликнул его я. – Учитель, смотри! Это же Шарль, твой подопечный!

Учитель подошёл ко мне, и мы вместе смотрели на происходящее чуть наискосок от нас.

Шарль извивался и кричал что-то нечленораздельное. Его вопли более походили на рёв раненого животного. И вот они все трое в воде. Видимо, Шарля заставляют пить, а он отчаянно мотает головой, не желая касаться лицом воды. Тогда один из державших его мужчин наклонился к нему и свободной рукой умыл его лицо. Но и после этого Шарль отказывался пить воду. Всё тот же мужчина, что и умывал его, положив руку на голову Шарля, несколько раз с силою опустил её в воду, задерживая в воде ненадолго. И вот Шарль, а он стоял на коленях в воде, ослаб и коснулся воды лицом, видимо стал пить сам. Затем его подняли на ноги, и, пошатываящегося, один из державших его мужчин повёл в сторону от Озера. Они уже затерялись среди людей, а я, всё ещё поражённый увиденным, стоял и смотрел вдаль.

– Идём, Николай, – тронул за руку меня Учитель, желая вывести из состояния прострации, – идём, ну сколько ещё можно здесь стоять?

Не говоря Учителю ни слова, я всё же пошёл за ним. Так мы в молчании дошли до развилки дорог.

– Николай, ты хочешь вернуться домой?

– Нет, Учитель, я давно не видел тебя, мне хочется побыть с тобой, поговорить. Если, конечно, ты не занят, то можно отправиться к тебе.

– Что ж, ко мне, значит ко мне.

Он взял меня за руку. Миг, и мы у его небольшого домика. Войдя в дом, Учитель прошёлся по комнатам, определив:

– Дважды приходил Николос. Наверное, что-то случилось. Хотя странно, что он ничего не оставил. Навешу его завтра. Я совсем выбился из сил, – и он подошёл к шкафчику, в котором держал кое-что из непортящихся продуктов.

Осмотрев критичным взглядом полочки, он констатировал:

– Не мешало бы сходить на рынок, но я устал...

– Учитель, то, что я брал с собой в дорогу, почти цело. Я устал и голоден. Надо поддержать силы.

Пока я ходил за сумой, Учитель быстро приготовил напиток, взболтав сироп с водой. Мы плотно поели. Я почувствовал, как уходит от меня некое напряжение, сменяясь чувством удовлетворения. Вставать из-за стола не хотелось. Мы так и сидели какое-то время с Учителем за столом. Он спросил меня, где я побывал. И я рассказал ему в первую очередь про Ютиша и Леонору.

– Знаешь, Учитель, меня интересует вот что: каким образом Леонора оказалась в неизвестном месте, и почему её никто не встречал и не искал? Ведь в городе знали, что Ютиш нашёл девочку...

– Здесь есть своя загадка. Я же могу сказать, что девочка была некрещёной.

– Почему?

– Потому что такие дети часто теряются во Вселенной, попадая в различные ситуации, проходя даже мимо встречающих их.

– Что же теперь будет с ними?

– Не знаю, как распорядится Всевышний, но я отправлю в Космос полученную от тебя информацию. По праву Учителя я могу сделать это.

– А кому ты передашь о Ютише и Леоноре сообщение? – мне была безразлична их участь.

– Я передам эту информацию во Вселенский Банк Знаний. К кому она попадёт, я не могу знать. Но жизнь Ютиша, я имею в виду его наказание, будет пересмотрена, а девочка, скорее всего, примет крещение и будет возвращена родным.

– Жаль..., – произвольно сорвалось у меня.

– Чего тебе жаль?

– Мне жаль Ютиша, он очень привязался к малышке и будет без неё страдать.

– Но, Николай, согласишься, ты сам говорил, что Ютиш недостаточно образован, значит, не может дать ей должного воспитания.

– Леонора же посещает школу!

– Она посещает начальные классы. А что будет после? Ты не задумывался над этим?

– Нет, я не думал...

– Вот и плохо. Ютиш в наказании, с твоих слов, пробудет ещё более двадцати лет. Он не имеет права выходить за окрестности города. Куда он сможет устроить девочку, чтобы она смогла учиться дальше?

– Здесь может помочь школа, в которой она учится, – продолжал настаивать я.

– Нет, начальные классы не направляют более никуда выходящих из их стен детей. Об этом должны заботиться родители. А что может сделать Ютиш? Скажи мне: что?

– Не знаю...

– Так вот, мне кажется, что сообщение о них в Банк Знаний Вселенной – самое правильное решение. Разве ты не согласен?

– Согласен, – ответил я после некоторого молчания, вынужденный принять позицию Учителя.

Я всё же был немного расстроен. И, возможно, с расстроенных чувств забыл и об усталости. Я всё убрал со стола. Разобрал кровать Учителю, постлал постель себе в той же комнате на тахте. Учитель наблюдал за мной и улыбался. Я, несколько раз взглянув на него вскользь, видел лукавую усмешку в его глазах.

– Николай, – заговорил он, нарушая молчание, – ты не доволен сегодняшними событиями? Что тебя удручает? Не молчи, поделись.

– Не знаю, просто вид Шарля... Его сопровождающие применили к нему силу...

– Иногда приходится и силу применять.

– Ладно, что было, то было. Давай лучше ляжем отдыхать. Меня что-то в сон клонит.

– Николай, а мне интересно вот что: что имел в виду Марк, сказав, что тебе придётся вспомнить всё увиденное для других?

– Не знаю. Я не задумывался над этим.

– А знаешь, Николай, его слова можно воспринимать как пророчество или предсказание.

– Почему?

– Понимаешь, это чистые и возвышенные духи. Их нельзя обмануть. Им же открыто многое, что скрыто от нас.

– Поживём – увидим... Я устал, и у меня в голове путаются мысли...

– Что ж, доброй ночи, Николай.

– Доброй ночи, Учитель.

Я сразу же уснул. А утром пришлось расстаться с Учителем, хоть у меня ещё были к нему вопросы, но он был вынужден идти к Николосу.

ГЛАВА 11

После посещения Долины Перехода у меня возникло желание взять в руки краски, кисти и мольберт. Полученное в Синоде образование на пятом и шестом уровнях давало мне возможность овладеть основами техники живописи и приобрести кое-какие навыки в работе с красками. Конечно, я не пытался даже посягнуть на красоты игры света и теней, запечатлённые в памяти на Озере Забвения, но у меня было желание прорисовать воду так, чтобы глядя на холст, казалось, что она в движении, что она плещется, бьётся о берег. Я, как говорится, с головой ушёл в эту работу. Сначала получалось просто рисованное изображение: картинка, и никакого движения. Я испортил не один холст, но всё же добился желаемого результата. Я нарисовал несколько небольших пейзажей, где непременно присутствовала вода. Не знаю, как бы оценили мои работы художники-мастера, я же был доволен.

В работе находил душевное удовлетворение и успокоение. На какой-то период я стал затворником, потому что ни у кого не бывал, а если кто и приходил ко мне, то не заставал дома. Я рано утром уходил из дома. Бродил, выискивая более живописные, на мой взгляд, места, делал зарисовки, наброски. Потом, облюбовав какое-нибудь место, начинал рисовать, используя ранее сделанные наброски, совмещая их с выбранным видом. На один холст, как я подсчитал, у меня уходило около трёх недель.

И вот однажды я вернулся чуть раньше, завершив работу над очередным пейзажем. Я был в хорошем расположении духа и даже что-то напевал вполголоса. Придя домой, я в гостиной расставил готовые холсты и стал рассматривать свои работы и оценивать их, как будто я был критиком. Я так увлёкся придуманной ролью, что не заметил, как в дом кто-то вошёл. Я не замечал этого присутствия очень долго.

— Последние работы более совершенны. В общем, эта маленькая коллекция заслуживает быть показанной более широкой аудитории, — констатировал я-критик, рассматривая выставленные работы.

— Я тоже так думаю, — услышал я за спиной бабушкин голос.

От неожиданности я даже вздрогнул. Повернувшись к бабушке, я увидел её радостной и улыбающейся. Она похлопала в ладоши и ещё раз озадачила меня:

– Николушка, ты у меня не только неплохой художник, но ещё и актёр!

– Бабушка, как долго ты наблюдала за мной?

– Почти с того момента, как ты вернулся домой.

– Не может быть!?!... – воскликнул я.

– Чего не может быть? – переспросила она.

– Не может быть, что ты так долго находишься в доме, а я совсем не чувствовал твоего присутствия.

– Тебе рассказать, что ты делал и говорил?

– Нет, не надо, – устыдился я своего поведения.

– Когда я зашла в гостиную, ты уже успел войти в образ критика. Я не стала останавливать тебя, поражённая твоей игрой.

– Ладно, не надо более об этом. А картины, скажи, тебе нравятся?..

– Я уже высказала своё мнение. Мне больше всего понравилась вон та, в центре.

– Хорошо, бабушка, я вставлю её в рамку и подарю тебе.

– Зачем же, Николай?

– Она тебе понравилась, вот пусть и будет у тебя. – Мне была приятна похвала бабушки, к тому же мне и самому по замыслу больше нравилась именно эта картина, которую выбрала бабушка.

– Ты серьёзно подумай над своим предложением, Николай, – в голосе бабушки послышались строгие нотки, что означало её недовольство.

– Чем я вызвал твоё негодование, бабушка?

– Как чем? Тебе не мешало бы серьёзно отнестись к своим работам и показать их более сведущим людям, чем я.

Подобное заявление вызвало у меня смех, и я рассмеялся, чем обидел бабушку ещё больше:

– Не понимаю, над чем ты смеёшься? Я говорю тебе серьёзные вещи.

– Не обижайся, бабушка, просто всё это, что ты видишь здесь, – я обвёл рукой, указывая на картины, – не серьёзно. Это лишь маленькая прихоть. Я никогда не стану художником, у меня нет к этому искусству призвания!

- Ты посмотри, что ты нарисовал и как!
- Не отрицаю, мне нравится, но у меня более нет желания рисовать...
- Я совсем отказываюсь понимать тебя...
- Бабушка, – я подошёл к ней и обнял её, – пойми, моё призвание – перо, а не кисть. Конечно, если будет появляться желание рисовать, и будет для этого возможность – я буду рисовать, но только для себя. И не более... Это для общего развития.
- А как ты намерен поступить с этими картинами?
- Участь одной уже решена – оправленная в резную рамку, которую, я обещаю тебе, выстругаю сам, эта картина будет доставлена в твой дом. Примерно то же самое произойдёт с другими. Я оставлю себе лишь те, что мне особо понравились.
- Ты неисправим, Николай, – вздохнула бабушка.
- Почему же?
- С тобой бесполезно спорить, ты всё равно сделаешь по-своему.
- Я огорчил тебя?
- И да, и нет. Ты зрелая личность и можешь поступать во всём так, как хочешь. Прошло то время, когда ты нуждался во мне...
- Не говори так, бабушка, – перебил её я, – ты не права! Здесь, сейчас ты нужна мне более, чем когда-либо. С тобой в мою жизнь вошло что-то новое...
- Да, как же! Ты обещал навестить меня, а самого и след простыл... И картину в рамке, позвольте узнать, когда доставите? – Бабушка продолжала сердиться. Так было и раньше, когда я, выслушав её мнение, поступал по-своему.
- Бабушка, я не задержу подарок надолго. Обещаю тебе... А ты... Ты правда очень много сделала для меня. Ты не раз уже возвращаешь меня к жизни... Вот и теперь, когда ты здесь, я чувствую себя не таким одиноким, как раньше.
- Ты одинок?
- Как тебе ни покажется странным, но я одинок. Понимаешь, я один...
- погоди, Николушка, как же так? А твоя девушка, о которой ты рассказывал мне?... Она ведь ушла намного раньше тебя, разве вы не встретились?
- Нет.

– Почему же? Ведь ты говорил мне, что вы любите друг друга... Ты так верил в эту жизнь и в то, что вы встретитесь здесь, на небесах...

– Этому ты научила меня, но всё вышло иначе.

– Не понимаю... Объясни, что хоть произошло?

Мне пришлось рассказать ей всё, что я знаю и, конечно, о своих безуспешных поисках Тамары. Я только скрыл разговор между Учителем и Николосом, который случайно подслушал. Теперь бабушка была расстроена ещё больше, но уже не из-за картин. Она переживала за меня...

– А я-то думала, что хоть ты обретёшь счастье... В тот раз я не стала спрашивать, почему в доме нет женщины. Думала, что ты сам меня с ней познакомишь, а вышло-то вон оно как...

– Бабушка, а как ты?

– Что ты имеешь в виду? Одинока ли я?

– Да, это.

– Я не буду скрывать, Николай. Пока живу одна. А что будет дальше – Бог покажет.

– А твой муж, что с ним?

– ...

– Ты и раньше ничего не рассказывала о нём, почему, бабушка?

– Так сложилась моя жизнь, что в молодости я никого не любила. Красавицей не была, но ребята за мной ходили. Годы шли... Отец решил, что пора меня замуж отдавать. Он у меня спросил: «Есть ли кто у тебя, дочка, на примете, кто сердцу мил?» А что я могла ему ответить? Холодно было сердце моё. Я так ему и сказала. Тогда он сам подыскал мне жениха.

– Бабушка, а что же ты, так и пошла замуж без любви, за кого указали?

– Ох, Ни́колушка, не я была одна такой в наши-то годы. На сердце холод... А лишний рот в доме держать кто будет?.. Вот, как исполнилось мне семнадцать, так отец и объявил о моей помолвке с будущим мужем. Он с его родителями всё заранее обговорил.

– А ты не знала?

– Почему не знала? Догадывалась. Только отец в тайне имя избранника держал до самой помолвки. Мать знала, но тоже молчала. Не знаю, отец ли запретил, или верила в моё благополучие, что так спокойна была. Когда отец сказал, за кого мне придётся замуж идти, я и ахнула. Да, было отчего!.. Семья побогаче нашей, да и парень собою

красив, не одна девка по нему сохла. Мать мне сказала: «В хорошую семью идёшь, дочка. И не далеко. В соседнем селе жить будешь. И парень собою пригож. Думаю, счастлива будешь». Только от этих слов защемило что-то в сердце. Нехорошо мне стало, побледнела. Матушка ахнула, что плохо де мне стало, а отец: «Бывает такое в канун свадьбы». Они, оказывается, обо всём договорились: и когда сватов зашлют, и когда свадьба будет. Пришлось смириться, хотя вплоть до свадьбы слёзы лила. А после свадьбы — и того более...

— Бабушка, он что, совсем плохой был?

— Да нет, не так уж и плох. Ты поймёшь меня: ко мне, как к женщине, ласков, а в остальном — всё равно, что зверь: грубый и жестокий. Я никогда таких жестоких не видела. Первое время мы неплохо жили, а как понесла я малыша, так он гулять начал, да на меня покрикивать. А там и руки стал распускать.

— Что ж ты молчала? Родителям рассказала бы...

— Не могла. Боялась его гнев на себя навлечь, да и доля женская такая — всё терпеть. Чем дольше жили, тем хуже становилось. Детей трое было, да не любил он их. Как подрастать стали, так он и на них руку подымал. Я защищала, как могла... Устала я очень, стала Бога просить, чтоб поразил его болезнью, приковал к постели, или уж совсем забрал. Грех на душу брала, но детей было жалко, особенно первенца — отца твоего. Он старший, да мальчишка, ему больше всех доставалось... А потом его убили...

— Не рассказывай об этом, я всё знаю.

— Знаешь? — брови бабушки изогнулись в удивлении. — Кто тебе рассказал?

— Мой Учитель.

— Учитель?

— Да. Когда он шёл меня встречать, он изучил мою жизнь, всю мою родословную. Он знает жизнь близких мне людей, всё так, как оно было на самом деле.

— Что ж, тогда мне не надо будет вспоминать ещё раз то, что вызывает во мне ужас.

— Бабушка, а где он сейчас? Ты что-нибудь знаешь о нём или виделась?

— Нет! Не хочу встречаться с ним. Он ненавистен мне. Но я его видела. Ведущий его приходил ко мне, говорил, что встреча возможна. Да я отказалась. Тогда он предложил мне посмотреть на него, может,

что изменится, ведь его образ здесь иной, и он во многом стал лучше. Он исправляется. Мне с трудом в это верилось.

— И ты решилась посмотреть на него?

— Да, женское любопытство взяло верх надо мной.

— Что тобою двигало ещё, кроме любопытства?

— Пожалуй, ничего. Он был красивым мужчиной при жизни на Земле, и мне хотелось посмотреть на него, каким он стал. Любви я к нему не испытывала, а с годами стала ненавидеть...

— Ты была там, где находится он?

— Нет. Его Ведущий показал мне его жизнь иным образом. Вот, что я увидела: высокий широкоплечий мужчина с рыжеватыми волосами ниже плеч, оголён по пояс; штаны ветхие, изодранные; руки широкие, натруженные. Я сначала видела его со спины. Он вышел из дома, если эту лачугу можно назвать домом... Скорее — нора в земле, лишь дверь деревянная, а в ней небольшое округлое отверстие, должно быть, вместо окна. Он вышел из своей лачуги и пошёл вниз по тропке. Кругом подобные строения, люди спуют, но всё моё внимание было лишь на нём, я хотела видеть его лицо. Так он дошёл до большого входа в гору и слился с потоком похожих на него людей. В полумраке я видела, как он работает. Но его лицо я не могла рассмотреть, лишь глаза вспыхивали двумя живыми огоньками, когда он поворачивался в сторону горевшего вдали факела. У него длинная борода, отчего он ещё больше казался похож на зверя.

— Почему ты в нём до сих пор видишь зверя?

— Не знаю, Николай. Не знаю...

— А что было потом?

— Я всё-таки рассмотрела его при нормальном свете, когда он вышел из забоя на улицу и умылся. Да, его Ведущий был прав, он действительно сильно изменился. Ему было так не присуще сострадание к другим. А что же видела я? Он помог дотащить руду в корзине споткнувшемуся человеку. Мало того, он прижал его к себе и говорил что-то успокаивающее, но я не могла расслышать его слов. Николушка, я не верила тому, что видела...

— А как он выглядит?

— Я уже говорила, что он бородат. Издали похож на старика. А приглядишься — молод и полон сил. Глаза голубые, ресницы рыжие, почти бесцветные. Это всё, что можно было рассмотреть на его лице. Когда он повернулся боком, то прорисовался римский профиль.

– Твоё любопытство было удовлетворено?

– Конечно, но сострадания, жалости или хоть какого-нибудь интереса он во мне не вызвал. Для меня он был и останется чужим человеком.

– И что же теперь?

– Да ничего. Всё идёт своим чередом. А Ведущий спросил у меня: «Хочешь ли ты, чтобы твоему мужу сообщили о твоём приходе?» «Нет», – ответила я. «Почему?» – удивился Ведущий. «Я хочу, чтобы он забыл обо мне, как и я о нём. Разве ты не видишь, что мы разные люди? Я никогда не желаю его видеть». «Твои слова обдуманы?» «Да». «И ты никогда не пожелаешь встречаться с ним, даже по истечении срока его наказаний?» «А на сколько лет он отправлен на рудники?» «На двести лет, но уже меньше. К тому же он исправляется, и я, как его Ведущий, буду ходатайствовать о нём, чтобы сократили срок повинностей». «Нет. Я не желаю видеть его ни сейчас, ни потом», – я была решительно настроена, и Ведущий не стал со мной спорить, особенно после слов: «Если он исправляется, значит, ему становятся не чужды боль и разочарование; он осознаёт, что есть истинная радость. А если так, то я не хочу ему причинять лишней боли. Он, наверное, тешит себя надеждой быть вместе со мной, но пусть лучше сразу знает: нет – и всё». «Я не совсем тебя понимаю», – сказал Ведущий. «Пусть исправляется и дальше, но не ради меня, а ради себя самого. Так он избежит разочарования» ... «Это понятно, но ты не хочешь, чтобы он знал о твоём приходе в этот мир?» «Да. Я не хочу. Ты ему лучше сразу скажи, что в силу определённых обстоятельств мы никогда не сможем быть вместе». «Я вижу, ты тверда в своём решении. И в тебе нет к нему никакого сострадания. А о любви лучше и не говорить: ты его никогда не любила». «Я не буду отрицать твоих слов. Они верны». «Тогда я уйду». «Удачи в пути и работе», – от души пожелала я Ведущему и проводила его до двери, – вот такие дела, Николушка.

– Бабушка, но ты сказала, что живёшь пока одна. Что ты имела в виду?

– О! Я жду свою любовь...

– ...?

– Да-да! Не удивляйся. Когда мне было около сорока лет, в нашем селе появился врач. Знала, что он женат. Однако сердцу не прикажешь. Старалась его избегать, но тщетно! В моём сердце жил он, и только он. Мне жизнь показалась краше. Я летала...

– А он? Как он относился к тебе?

– Несколько лет жила в томлении... Однажды мои сомнения были разрушены: мы встретились случайно в почтовой карете. В город нас ехало только двое. Всего несколько часов езды, а радость на годы! Конечно, меж нами не было ничего предосудительного. Он человек чести: узы брака святы. И я не пыталась разбивать его семью. Знаю, каково воспитывать детей женщине одной. А детей у него – семеро!

– И как же вы мирились со своим положением?

– А нам не надо было многого! Хватало при встрече взгляда и улыбки. Иногда ночами во сне мы были вместе и счастливы. Именно сны и вселили в меня уверенность, что и здесь мы будем вместе. Ведь наши души соприкасались...

– Как прекрасна твоя история и необычна. Я рад за тебя, бабушка, если вы соединитесь и будете вместе.

– Я с нетерпением жду этой встречи. И хочу выйти его встречать.

– Ты уже что-то успела узнать?

– Да. Он болен чахоткой. Удерживала его на Земле только я, а теперь его жизнь угасает быстро, и он очень скоро станет Путником...

В этот вечер мы долго засиделись с бабушкой за разговорами. Снова вспоминали, мечтали, радовались и грустили...

Пока мы вели разговоры, я сделал рамку для картины и вставил картину в неё. Рамка получилась красивой, а в работе мне пригодились и помогли навыки, приобретённые при жизни на Земле. Я обещал не задерживать подарок в своём доме и сдержал слово. Картина сразу же попала по назначению. Бабушка взяла с собой картину, уходя домой. Я же так и не побывал у неё в гостях и на этот раз.

Я ужаснулся, подсчитав по картинам, сколько же времени провёл в уединении. Немудрено, что бабушка решила навестить меня сама. Мне снова не сиделось дома. Но сад пришёл в запущенное состояние, и мне пришлось заняться прочисткой арыков, так как они заросли травой. Потом занялся срезкой цветов, чтобы вновь шла выгонка побегов, и не переставали цвести маленькие творения природы. На работу в саду у меня ушло около недели.

Более важных дел не было. А находиться в бездельи было выше моих сил. Бездеятельность угнетает меня. Мне постоянно надо что-то делать. И я стал подумывать о возвращении в Синод. Я побывал у Синода, деревце, по которому определяли начало занятий, только наби-

рало цвет. До начала полного цветения жимолости было ещё около двух недель. Мне надо было чем-то занять себя. И я решил навестить Учителя, к которому у меня было немало вопросов.

Его не было дома, а мне предназначалась информация: «Николай, я у старца Николоса». И в этот раз мне пришлось идти к Николосу. Учитель был в доме старца один, что удивило меня.

– А где Николос? – спросил я.

– Не знаю. Когда мы вернулись из долины Перехода, если помнишь, я говорил, что меня искал Николос, но не оставил мне никакой информации.

– Да, я помню, ты на следующий день ушёл к нему.

– Так вот с того дня я и нахожусь здесь. Работы, сам знаешь, много. Оставить без присмотра цветник никак нельзя.

– А как Николос объяснил необходимость своего отсутствия так долго?

– Он ничего не сказал. Спросил лишь: свободен ли я и смогу ли побыть здесь в его отсутствие. Я согласился, а Николос тут же ушёл, сказав на ходу, что всё объяснит по возвращении. А чем всё это время занимался ты?

– Хочешь, покажу? Потому что словами объяснять придётся долго.

– Не возражаю.

– Тогда подожди меня немного. Вернусь домой, возьму... и ты всё увидишь сам.

– Николай, ты заинтриговал меня. Хоть и привык, что ты всякий раз преподносишь что-нибудь необычное, и на сей раз я теряюсь в догадках. Что можно делать почти полгода, чтобы принести в руках и показать?

– Принесу, увидишь, – и я вышел из дома.

Вернувшись домой и взяв картины, я тихо, стараясь не шуметь, оставил их в прихожей. И с пустыми руками вошёл в столовую, где находился Учитель.

– И что же ты принёс показать мне? Уж не воздух ли? – пошутил Учитель, увидев меня.

– Нет, не воздух. Ты побудь немного здесь, пока не позову тебя.

– Принимается, только скажи, что ты собираешься делать?

– Мне надо кое-что привести в порядок, чтобы ты оценил по достоинству...

– Отлично! Иди и делай всё, что тебе угодно, а я сгораю от нетерпения...

Расставив картины в гостиной так, чтобы на них выгодно падал свет, я позвал Учителя. Он вошёл и замер.

– Правда, здесь недостаёт ещё одной, я подарил её бабушке.

– И ты хочешь сказать, что всё это нарисовал сам?

– Да.

– Николай, не знаю, что и сказать. Ты всегда меня удивлял, наверное, никогда и не изменишься.

– Бабушка тоже мне говорила: «Ты неисправим».

– И она права. Кроме бабушки эти картины ещё кто-нибудь видел?

– Нет. Только не надо уговаривать показать их более сведущим в живописи. Это чистое желание. Прихоть. Я не буду серьёзно заниматься живописью, так, только для себя.

– Значит, бабушка не смогла тебя убедить?

– Нет.

– А мне стоит попробовать?

– Не надо терять время. У меня есть к тебе более интересный разговор, чем обсуждение моих художеств.

– А кому он интересней, не тебе ли? – снова шутил Учитель.

– Учитель, скажи, какая из картин тебе понравилась больше всего?

– Вот эта, – он выбрал одну из трёх последних работ.

Хорошо, что картина была уже в рамке. Я ещё не все картины вставил в рамки.

– Бери, она твоя.

– ...?

– Да, я дарю тебе эту картину.

– А ты не хочешь показать свои картины хотя бы в Синоде? Ведь у тебя есть предмет живописи.

– Я как-то и не подумал об этом. Хорошую ты мне идею подал, Учитель.

– Не стану с тобой спорить относительно занятий живописью. С этим ты разберёшься сам. Если будет нужна картина для Синода, ты можешь её взять у меня, даже в моё отсутствие. Благодарю за подарок. А теперь начинай свой интересный разговор.

— Думаю, что разговор займёт немало времени, а ты собирался в цветник, когда я пришёл.

— Ты прав. Цветник надо полить. Идём в сад, за работою и поговорим. Меж разговорами и работа спорится лучше.

— Учитель, наше посещение долины Перехода оставило много вопросов.

— Спрашивай, отвечу.

— Учитель, душа, идущая на Землю, пьёт воду из озера Забвения в начале родов у женщины?

— Да.

— А как существуют селения в Долине Перехода, где души ожидают своего рождения?

— Они живут там не совсем в ожидании рождения. Чаще в поисках родителей.

— Почему именно там, разве нельзя жить в своём доме?

— Можно, но с Долины Перехода легче просматривается Земля. А ты знаешь, что не все духи одинаково сильны. Поэтому более слабые просто вынуждены переселяться в Долину, где им легче определиться в будущей жизни.

— Значит, по этой причине Виктор и Нелли оставили планету Озёр? Ты помнишь Виктора, Учитель?

— Конечно, помню. Нелли намного сильнее Виктора. Она могла бы оставаться в их доме, но предпочла следовать за любимым.

— Знаю, что существует связь между матерью и ребёнком ещё задолго до его рождения и прерывается лишь со смертью одного из них. Учитель, что это за связь?

— Это астральная связь плоти. Она начинается с момента зачатия.

— И всё же пока не пришло время родов, дух остаётся свободным?

— Не совсем так. Он свободен лишь относительно. Потому что частичка его уходит на Землю. И в виде энергии входит в клетку зачатия, способствуя тем самым её росту и строению всего организма и тела будущего человека.

— Значит, дух сам принимает участие в строительстве своего тела?

— Нет. Используется лишь его энергия. А строительство организма ведут особые силы.

– Что это за силы, Учитель?
– Это разумная энергия Космоса.
– Каким образом происходит строительство тела?
– Как тебе объяснить? Берётся строительный материал и со стороны матери, и со стороны отца. В буквальном смысле идёт деление и размножение клеток живой плотной материи. Этим процессом руководят Силы Космоса.

– Учитель, что берётся от обоих родителей? Ведь плод развивается в организме матери...

– Энергия, несущая родовой и наследственный потенциалы... На строительство же тела берутся необходимые компоненты, вырабатываемые кровью матери и поступающие с пищей.

– А как закладывается информация рода и наследственности?

– Это энергетическая информация. И как энергия она собирается в клеточках строящегося тела, что и обуславливает в рождённом ребёнке принадлежность его к определённому родовому дереву и конкретной его ветви. Принадлежность к роду определяется по линии отца. Мужчина же и является продолжателем рода. А вот принадлежность к народности определяет мать. Потому что в её чреве растёт плод, её кровь течёт в ребёнке, даже если линия отца возьмёт верх над линией матери, я имею в виду внешний вид ребёнка.

– Учитель, а как обстоят дела с преждевременными родами?

– Бывает и такое. Но все решения принимаются Силами Космоса, только они могут определить момент выхода ребёнка в жизнь.

– Учитель, кому подчиняются Силы Космоса? – я задал вопрос, не надеясь получить ответ, однако Учитель ответил:

– Это разумная энергия, она живёт и руководствуется своими порядками и законами. В процесс строительства плода ничто не может вмешаться.

– Учитель, а как же порча, сглаз отражаются на ребёнке, когда он ещё живёт во чреве матери? Такие понятия существуют в народе, значит, для этого есть основания?

– Не совсем понял тебя, к чему ты клонишь?

– Говорят, что плод принимает действие чар на себя.

– Николай, скажи мне, а что есть – чары?

– Это отрицательный вид энергии Космоса.

– Ну вот ты сам себе и ответил на вопрос.

– То есть?

– Плод принимает на себя воздействия чар, иначе – отрицательную энергию. Она, как и энергия рода, собирается в клеточках строящегося тела. Плод более восприимчив к такой энергии в силу процесса закладки информации в клетках.

– Хорошо, Учитель, а как определяется пол ребёнка? Душа выбирает его сама?

– Как правило, да. Обычно женщины рождаются женщинами, а мужчины – мужчинами.

– Ты сказал: «обычно», значит, есть исключения?

– Конечно, есть. В силу определённых обстоятельств пол может быть изменён: самой душой добровольно, или в наказание, против её воли.

– В какой срок определяется точно и безвозвратно пол ребёнка?

– К четырнадцати-пятнадцати неделям со дня зачатия.

– Учитель, а может ли в момент рождения в тело войти иной дух?

– О! Нет, только тот, что определён и долгие месяцы был связан с матерью. Должен сказать, что бывают исключительно редкие случаи, когда в тело входит иной дух, но на это воля Божья... Мы с тобой, Николай, неплохо поработали, – сказал Учитель, поднимаясь с земли и страшивая с одежды соринки: он прореживал цветочную грядку. – Ты тоже всё сделал?

– Кажется, да. Но если будет густо, то рядки придётся проредить ещё раз через несколько дней.

– Что верно, то верно. Идём в дом. Мне хочется выпить чего-нибудь освежающего.

– Я тоже не откажусь.

Учитель быстро приготовил напиток с мятой. Он на самом деле действовал освежающе. Выпив по бокалу напитка, мы вышли в сад и устроились под раскидистой яблоней. Сквозь листву просматривались зреющие яблоки, и разливался едва уловимый в изобилии запахов сада их аромат.

– Николай, что ты намерен делать в ближайшее время?

– Решил вернуться в Синод.

– Ты серьёзно? – спросил Учитель, приподнявшись на локте и удивлённо глядя на меня.

– Да, я уже был в Синоде. До начала занятий осталось чуть более недели. Жимолость уже набирает цвет.

– Я одобряю твоё решение.

– Сколько можно отдыхать? Пора продолжать учёбу. Я чувствую себя отдохнувшим и полным сил.

– Я рад за тебя. Подожди, так ты ещё успеешь на одно мероприятие. Ты заморочил мне голову своей живописью, и я чуть было не забыл тебе сказать. Думаю, тебе это будет интересно...

– Что-то о Ютише?

– Угадал. На мою информацию пришёл ответ, что его дело пересмотрено.

– И что с ними будет теперь? – я сгорал от нетерпения узнать судьбу Ютиша и Леоноры, – они стали частью моей жизни.

Учитель, прикрыв глаза, немного помолчал и ответил мне:

– Через четыре дня Ютиш и Леонора покинут свой дом в окрестностях городка со странным названием Скало-До. В этот же день Леонора примет крещение. Ты можешь навестить их.

– Непременно я буду там. Я должен ещё раз увидиться с Леонорой и Ютишем. А за эти дни кое-что поделаю дома. Вдруг задержусь, так чтоб перед началом занятий не было лишних хлопот.

– Что ж, разумно. А я-то думал, что ты останешься со мной, ведь Николос ещё не вернулся.

– Учитель, если тебе нужна помощь, ты скажи, я буду приходить помогать тебе, но остаться с тобой здесь не могу. Хочу приготовить что-нибудь в подарок Ютишу и Леоноре. Я ещё не решил, что именно подарю, но ... у меня есть идея...

– Николай, с работой я и сам справлюсь, только вот немного скучновато мне. И поговорить не с кем. Будет время, заглядывай. Не знаю, когда вернётся Николос, и как долго я пробуду здесь.

– Хорошо, Учитель, постараюсь навещать тебя.

– Ты домой отправишься сейчас?

– Да нет, время терпит. Я пойду завтра.

– Значит, решил мне скрасить один вечер?

– Можно и так сказать.

– А можно иначе? – шутя спросил Учитель.

– А можно иначе: хочу побыть с другом. Что здесь предосудительного? А?

– Ничего! Я рад, что ты останешься. После ужина, может, сыграем партию-две в шахматы?

– Можно.

– А кто будет готовить ужин? – лукавил Учитель.

– Конечно же – я.

– И что сегодня будет у нас на ужин? – Учитель сделал ударение на слово «будет».

– Пожалуй, ужин будет лёгким. И если уж мы вспомнили о Леоноре и Ютише, то я приготовлю два вида салата, служившие поводом для раздора меж ними.

– Постой-ка, ты что-то говорил по этому поводу. Не припомню, в чём суть?

– В разной заправке салата специями.

– И всего-то?!

Ужин прошёл за лёгкой беседой. А потом мы с Учителем играли в шахматы. Дважды ничья, и один раз я проиграл. За последней партией мне вдруг вспомнилась жимолость у входа в Синод...

– Учитель, а почему у входа в Синод растёт именно жимолость, а не что-то иное?

Учитель рассеянно посмотрел на меня. Я повторил вопрос, а он рассмеялся. Теперь был озадачен я.

– Знаешь, Николай, я как раз думал, почему Николос растит жимолость вдали от других кустарников? И когда ты задал вопрос, то я не понял, причём здесь Синод?

Теперь мы смеялись оба.

– Учитель, а всё-таки почему?

– Есть такое предание, почти легенда, правда, она стала забываться среди учеников. А гласит она вот что: когда было сооружено здание Синода, то на его открытие к началу занятий расцвела именно жимолость. Теперь она – особый символ, служит мерилom начала нового периода обучения в Синоде Духовного Образования.

Должно быть, я увлёкся рассказом Учителя и проиграл партию. Он предложил сыграть ещё одну. Результат – ничья. На этом и решили остановиться и лечь отдохнуть.

Учитель уснул быстро, во всяком случае, мне так показалось. Я же долго лежал без сна. Осмысливал разговор с Учителем и ещё раз убедился, что мне необходимо приступить к занятиям и продолжить образование. Ведь я мог и не задавать такие вопросы Учителю, а постичь

эти знания сам. Потом я стал обдумывать, что мне подарить Ютишу и Леоноре

Относительно Ютиша я решил почти сразу: подарю ему одну из своих картин. Какой бы ни была техника исполнения, всё ж: творение – моё, а с ним – и память на долгое время. А вот Леонора? Что же подарить малышке? Моё воображение рисовало мне разные решения. Я же остановил свой выбор на одной из книг моей библиотеки, а именно: «Хорошие манеры и развитие вкуса духа (для начинающих)». И зная, что Леонора любила кормить белочек в саду Ютиша, я решил вырезать ей зверька из дерева. Будет и игрушка, и память не только обо мне, но и о Ютише.

Удовлетворённый такими думами, я незаметно погрузился в сон. Мне показалось, что я только что заснул, как меня разбудил непонятный шум. Прислушавшись, я различил приглушённые голоса Учителя и Николоса: с ними был кто-то ещё. Этот голос был мне не знаком. Шум же производила перестановка ваз с цветами, срезанными в саду, и, соответственно, каждому цветку рассказывалась его легенда. Я знал, что срезанных цветов около десятка. Можно было бы ещё понежиться в постели, но... любопытство! Мне были интересны не только легенды цветов, но и незнакомец. Однако главный интерес представляли сам Николос и причина его столь внезапного и долгого отсутствия.

Я привёл себя в порядок и вышел в гостиную. Учитель уже завершил рассказ легенд цветов, Николос на стебельках делал пометки.

– Приветствую всех собравшихся! – я окинул взглядом гостиную, незнакомцем оказался ... Один, и мне стало неловко от того, что я не узнал его по голосу.

– Доброе утро, Николай, – почти в один голос приветствовали Николос и Один.

Видимо, старец и Один пришли давно. Меня же будить не стали. А за время моего отсутствия Учитель успел рассказать им о моих художествах.

– Николай, покажи нам свои картины, не таи, – обратился ко мне Один. И мне пришлось вновь расставлять картины в гостиной.

При утреннем освещении они ещё более выигрывали в цвете, чем вечером, когда я показывал их Учителю. Один и Николос оценили работу кисти.

– Я предложил Николаю показать свои работы в Синоде, – сказал Учитель, чем вызвал удивление у Одина и Николоса.

– Да, я решил вернуться в Синод, – смущённо проговорил я.

– Это хорошее решение, Николай! – ободрил меня Николос и обратился к Одину: «Ты вернёшься домой?»

– Да, у меня много дел. Николай, – обратился Один ко мне, – не оставляй начатого, хоть изредка работай красками. В тебе есть зачатки художника. Я как-нибудь подарю тебе серию книг об искусстве.

– Благодарю тебя, Один!

– Мне пора. Всем до встречи! – попрощался Один.

– До встречи!

– До встречи!

– До встречи, Один!

Один ушёл, а Николос попросил нас дать ему хоть что-нибудь покушать и немного отдохнуть.

– После сна я всё вам расскажу, – довершил он.

Пока я готовил салат, а Учитель – свой излюбленный напиток с мятой, старец уснул. Мы решили его не тревожить. А когда же он проснулся и поел, то, заговорщически улыбаясь, позвал нас:

– Био, Николай, пойдёмте в сад. Я расскажу вам свою историю и причину долгого отсутствия.

И вот мы все втрём за столиком в саду. Я сидел вполоборота к дому. В какой-то миг мне показалось, что в дом вошла женщина. Это было маловероятным, и я не стал об этом говорить, решив, что увиденное – плод моей фантазии.

– Так что произошло? – первым заговорил Учитель.

– Сейчас всё расскажу. Николая я знаю совсем мало, а вот с тобой, Био, сколько мы знакомы?

– Я что-то и не припомню...

– Не важно... – старец перебил Учителя на полуслове и сам смолк.

– О чём ты задумался, Николос? – спросил его Учитель.

– Не важно ... Слушайте: когда-то, не одно столетие назад встретились две одинокие души, познакомились, сблизились. У них было много общего, они никогда не надоедали друг другу. Им было интересно вместе. Но ... Они желали большего: любви и её продолжения – детей... Тогда они решили вместе идти на Землю, чтоб соединиться там, а, вернувшись в оставленный мир, обрести полное счастье... Они на Земле. Встретились лишь на несколько дней и не смогли решиться остаться вместе. Жизнь разъединила их! Каждый прожил вне радости, в

поисках друг друга. Никто: ни он, ни она — не оставили на Земле своего продолжения. Словно сговорившись, приняли обет безбрачия, посвятив свою жизнь служению Богу. Каждый, придя в этот мир, старался найти другого. На поиски ушло много лет. Но они всё же встретились! И с ещё большей силой возжелали любви и детей. Снова они идут на Землю. И снова оказываются врозь: не успев встретиться, они создают разные семьи, тем самым удаляются друг от друга. И, спустя годы, они вновь встречаются в этом мире! И умоляют Всевышнего соединить их. Решение было таким: он один идёт на Землю. Она же придёт к нему последним ребёнком — дочерью. И проживёт долгую жизнь... — Николос смолк.

Чем дольше я слушал рассказ старца, тем всё больше утверждался в мысли, что мне не привиделось: в дом действительно вошла женщина. И старец рассказывал о себе и о ней.

— И чем же завершилась твоя история, Николос? — спросил Учитель.

— Я задумался немного... На чём я остановился? ... Ах, да... Так вот, пришёл её срок возвращаться в этот мир... — Николос вновь замолчал.

— Послушай, мудрый старец, я что-то не совсем понимаю твою причастность к этой истории. Хотя и в скудном изложении, она прозвучала достаточно поэтично и нашла в моей душе отклик, — иронично проговорил Учитель и добавил, — будь же снисходителен и заверши свой рассказ, не томи нас ожиданием развязки...

— Учитель, думаю, Николосу надо помочь. Он робеет и не решается сказать о самом главном.

— ...? — Николос был озадачен моей вставкой.

— Чем же мы ему можем помочь? — с не меньшим удивлением смотрел на меня Учитель.

— Николос, — обратился я к старцу, — я думаю, тебе надо её позвать, и тогда всё встанет на свои места. Или я не прав?

Старец с благодарностью мне улыбнулся и позвал:

— Лючия!

Учитель смотрел то на меня, то на старца так, словно мы разыграли его. А посмотрев в сторону дома, обомлел... К нам с лёгкостью спешила прекрасная женщина. Высокая и статная. В сиреновом платье «летающего покрова». Белокурая, с зеленоватыми глазами, опушёнными

длинными ресницами. Казалось, что прекрасная добрая фея сошла с цветка и спешит к нам, словно мы нуждаемся в её помощи и внимании.

Николос тоже преобразился. Он более не был старцем! Как он объяснит несколько позже он дал себе зарок: до встречи с Люцией оставаться в том виде, в котором оставил Землю. Нас же он хотел удивить, но его замысел не совсем удался. Хотя и так всё вышло просто отлично! Теперь Николос – высокий, статный, красивый мужчина. Белокур, как Люция, только волосы вьются локонами до плеч. Высокий лоб, тёмные брови, большие раскосые серые глаза. Николос и Люция были под стать друг другу.

Перемена в Николосе произошла молниеносно. И когда Люция подошла к нему, то Учитель был изумлён их видом...

– Знакомьтесь, друзья мои, это – Люция, а это – Николай и Биатриче, – он указал на нас, – я говорил тебе о них, Люция. А вам, друзья мои, я рассказывал про Мэри... Так её когда-то звали...

– Николай и Биатриче, мы приглашаем вас на венчание, – негромко и смущённо произнесла прекрасная Люция, – Николос немного позже объявит день.

Нам с Учителем оставалось только развести руками и поздравить соединившуюся таким образом замечательную пару. Николос и Люция были счастливы! Они только что вернулись домой. Им было о чём поговорить. Наше присутствие только сковывало их. Им надо было привыкать к обрётённому покою, или поверить в то, что они теперь будут вместе.

Простившись с ними, я и Учитель ещё поговорили о происшедшем, но уже вне их дома. И тоже, попрощавшись, каждый вернулся домой.

Вот и настал долгожданный день: я увижу Ютиша и Леонору. К назначенному времени я отправился в городок Скало-До. Я пришёл раньше всех. Ещё никого не было, и Ютиш с Леонорой ожидали прихода людей, которые решат их жизнь.

– Николай?! – удивлённо воскликнула Леонора и побежала в дом оповестить Ютиша о моём приходе.

Он вышел навстречу мне, держа Леонору за руку.

– Приветствую тебя, Николай!

– Доброе утро, Леонора! Мир дому твоему, Ютиш!

– Как хорошо, что ты успел прийти к нам, – запрочитала малышка, освобождая ручонку из мощной ладони Ютиша, – а я уж думала, что ты не застанешь нас здесь...

– Сегодня особенный день, Леонора, – и я протянул ей вырезанную из дерева белку, раскрашенную так, что зверёк казался живым, – сохрани её в память обо мне.

– Ой! Совсем как живая! Вот чудо! А ты её сам сделал?

– Конечно, сам.

– Тогда я буду её беречь.

– А вот это, – я достал и протянул Леоноре книгу, – думаю, пригодится тебе. Ты должна расти воспитанной...

– А умной мне не надо быть? – перебила меня Леонора на полуслове и звонко рассмеялась.

– Умной? Ты и так достаточно умна, к тому же ты учишься и, наверное, будешь учиться и дальше, но кроме ума женщине надо ещё так много всего, что воспитание не повредит. Разве не так?

– Ой, Николай, ты говоришь со мной совсем как со взрослой! – смутилась девчушка.

– Ты же растёшь и взрослеешь. Ну иди же, посмотри книгу. Я вижу, тебе не терпится её полистать, – вмешался в наш разговор Ютиш.

– Дедушка, ты хоть сегодня не будь таким!

– Каким таким?

– Ну, немного вредным...

– Ах, это я-то вредный? А ты – маленькая кокетка, – улыбаясь, Ютиш легонько подтолкнул Леонору в сторону сада, – мне с Николаем поговорить надо. А ты иди ...

– Всегда ты такой! – обиженно сказала Леонора и пошла к саду.

– Я так и понял, Николай, что это ты вмешался в нашу жизнь, – заговорил Ютиш, едва девочка отошла от нас.

Ютиш говорил тихо, полуприкрыв глаза. И я не совсем понимал, радуется это его или нет. А он продолжал:

– Знаешь, я хоть и думал много обо всём: о Леоноре, о жизни и так... о мелочах разных..., всё же не мог определиться, что для нас с Леонорой лучше? Твоё посещение смуту в сердце внесло, ещё беспокойнее мне стало. Я не знал, как вмешаться в ход событий. И тут появился мой Ведущий. Он объявил, что в такой-то день придёт не один. Будет решена судьба девочки и пересмотрены мои повинности. Я заметался

сразу-то, даже скрыться хотел... Да куда идти? Найдут – хуже будет. Я-то ладно, а вот Леонора... Задумался я тогда. Наши с тобой разговоры вспомнил. И решил, что будет лучше, если девочка родных обретёт. Я-то ей никто, да ещё и повинности отбываю... Хорошо, Николай, что ты вмешался в ход событий. Каким бы ни было моё дальнейшее пребывание здесь, так хоть Леонора будет жить полноценной жизнью...

– Не я, Ютиш, вмешался в твою жизнь...

– Как не ты? Ты же всё знаешь о сегодняшнем дне и пришёл специально пораньше, чтобы можно было поговорить и проститься с нами...

– Да, это так. Не отрицаю.

– Тогда объясни.

– У меня есть друг. Он... его работа – Учитель. По праву своего положения он отправил информацию в банк Космоса. Ему через какое-то время пришёл ответ на его сообщение. Вот так я узнал, что сегодня важный день для тебя с Леонорой.

– Как ни крути, а всё ж ты повлиял на ход событий.

– Я только рассказал другу о своём путешествии и о встрече с тобой. А он поступил так, как счёл более разумным.

– И ты, и он... Мне кажется, скоро придут...

– Ютиш, тебе, как и Леоноре, я сделал подарок. Вот, – и я протянул ему картину.

– Николай, я даже не знаю, что и сказать. Но картину сохраню. Подожди... Я сейчас, – и он исчез в доме. А через миг появился с полотенцем в руках, расшитым затейливым золотистым узором, как и тот, что я видел на рубахе Ютиша и на постельке Леоноры. Ютиш протянул его мне со словами: – На вот, возьми в память обо мне. Я тут немного рукодельничал. Вроде бы прилично получается?

– Даже очень красиво.

– Тебе нравится? Вот и ладно, бери... Слышишь голоса?

– Да, слышу...

– Это за нами... Ты останешься или уйдёшь?

– Останусь пока...

– Хорошо, надо позвать Леонору, – и Ютиш позвал: «Леонора, малышка, иди в дом! Пора...».

Девчушка была где-то рядом и сразу же подошла к Ютишу. Он прижал её к себе.

Дальше всё произошло очень быстро. Мы вышли во двор, Ютиш захватил свою суму, сложив в неё все подарки. Я уже видел, как превращается в лёгкое, быстро рассеивающееся облачко пыли дом и всё, что находится в нём. Так же было и в этот раз.

Потом все спустились к речушке, где Ютиш нашёл Леонору. Там у камня, на котором сидела девочка до прихода «дедушки», было всё готово для крещения. У берега сделано углубление, войдя в которое и присев, Леонора с головой оказалась в воде. Она была переодета в белую просторную рубаху до земли. Из так называемой купели её приняла бабушка. Интересная миловидная женщина. Её одежда была подобрана со вкусом, но из более грубого полотна, чем одежды всех здесь собравшихся, кроме Ютиша. Он вообще был в рубище в этот день.

Бабушка поставила девочку на траву. К ней подошёл священник, трижды осенив её крестом, он благословлял: «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа». Все присутствующие вторили ему: «Аминь».

Затем её поздравила бабушка, вручив подарок. Я не понял, что за предмет оказался у неё в руках. Бабушка так хлопотала о Леоноре, что мне её не было видно. А девчужка искала взглядом Ютиша. Ютиш подошёл ко мне и протянул белку.

— Подойди к ней. Книгу и тут ещё кое-что я после отдам сам. Иди, — он подтолкнул меня.

Я подошёл к Леоноре, она обрадовалась:

— Бабушка, это Николай, мой друг. Смотри, какую он мне сделал белку! Совсем как живая.

— Красивый зверёк, — согласилась бабушка и продолжила: — Нам пора возвращаться домой. Попрощайся со своим другом.

— Николай, мы больше не встретимся. Я буду жить с бабушкой очень далеко от тебя. Но я никогда не забуду о тебе. Ты мне веришь?

— Конечно, верю, Леонора. Я тоже буду вспоминать о тебе.

— А почему ты сделал мне белку? — вдруг совсем беспечно спросила Леонора.

— Я видел, что в саду Ютиша ты любила играть с белкой...

— Значит, она будет мне памятью не только о тебе, но и о Ютише, о его саде, и о белке... — снова Леонора стала серьёзной.

— Будь счастлива, Леонора!

— Удачи и тебе, Николай!

Я отошёл от девочки, уступив место Ютишу.

– Дедушка, ты тоже здесь? А я думала, что больше не увижу тебя.

– Ну почему же? Разве я мог уйти, не попрощавшись со своей малышкой? Только зови меня Ютиш, ладно?

– Нет, ты всё равно мой дедушка, и ты меня спас. – Она обняла его. – А ты ещё наведишь меня, дедушка?

Ютиш взглянул на стоящего рядом с ним мужчину, и тот ответил:

– Конечно, он ещё навестит тебя.

– Дедушка, ты правда придёшь к нам в гости?

– Обязательно приду, малышка.

Вокруг нас всё пришло в движение, все засуетились. Леонора вновь прижалась к Ютишу.

– Нам пора в путь, Леонора. – строго сказала ей бабушка, видимо, ей было немного не по себе от трогательного прощания Ютиша с Леонорой.

– Здесь все твои любимые игрушки, Леонора. Я собрал их для тебя.

– А книга от Николая? Она исчезла вместе с домом? – ужаснулась малышка.

– Нет, Леонора, она тоже здесь. Я всё сберёг для тебя. На вот, возьми, – и Ютиш подрагивающими руками протянул малышке небольшую суму, расшитую его затейливым золотым узором.

– Дедушка, когда ты успел? Ты вышивал ночами? Да как тебе и скрыть-то удалось от меня?..

– Да, малышка.

– Прощайтесь, – тронул за плечо Ютиша его Ведущий.

– До встречи, Леонора. И не грусти обо мне. С бабушкой тебе будет лучше.

– Я буду ждать тебя, дедушка.

– Зови меня просто Ютиш. Так будет лучше.

– Нет, ты всё равно мой дедушка, – почти крикнула Леонора, сделав удар на слове «мой».

– До встречи, Леонора.

– До встречи, дедушка Ютиш! – и Леонора в сопровождении бабушки и ещё нескольких человек пошли в сторону городка.

Те же, кто остался здесь, встали полукругом так, чтобы Ютиш был к ним лицом. Я стоял чуть поодаль со стороны Ютиша.

Стоявших в полукруге было человек шесть-семь. А Ютиш... сколько же он имел мужества! Я волновался за него, пожалуй, больше, чем он сам. К Ютишу подошёл его Ведущий и встал рядом с ним. Среди собравшихся в полукруге я узнал Марка. На его лице, как и на моём, мелькнуло удивление. Марк кивнул мне слегка головой. Я ответил ему тем же. И получил информацию: «Задержишься немного. Марк».

Я отвлёкся на Марка и пропустил часть обращения к Ютишу.

— ...далее следует сказать, — говорил мужчина в белых одеждах, выйдя немного вперёд от всех, — что твои повинности, Ютиш, пересмотрены, в них внесены изменения. С тебя снимается запрет на передвижение. А это значит, что ты можешь свободно передвигаться силою желаний. С этого дня ты будешь жить на планете Особой, где проведёшь десять лет, неся повинности. Каждое твоё действие может быть использовано против тебя же. Поэтому будь благоразумным. Всё остальное тебе сообщит твой Ведущий. Ты остаёшься по-прежнему ему полностью подотчётен. Желаю тебе удачи, Ютиш! Ты начинаешь новый этап в жизни.

— Благодарю.

Все стали расходиться кто куда, а я подошёл к Ютишу.

— Ты всё слышал, Николай?

— Да.

— Тогда тебе должно быть понятно, что мы расстаёмся навсегда.

— Может, ещё когда и свидимся...

— Едва ли. Но я сохраню светлые воспоминания о наших встречах.

— Ты сможешь меня найти на этой планете. В городе Дубовый бор, слышишь, Ютиш?

— Ты веришь в такую возможность?

— А почему бы и нет? Всякое бывает...

— Ты прав. Но... Да, ладно... Удачи тебе, Николай, и будь счастливым!

— Прощай, Ютиш. Главное — верь в себя, в свои силы. Будет возможность учиться — учись. А в остальном положишься на волю Всевышнего.

— Прощай...

Ютиш и Ведущий пошли в сторону городка, а ко мне подошёл Марк.

— Николай, каким образом ты оказался здесь?

– О Ютише и Леоноре я рассказал Учителю...

– Понятно. Можешь не объяснять дальше. Он получил ответ на свою информацию-запрос и сообщил её тебе, как заинтересованному лицу.

– Марк, я не должен был присутствовать здесь?

– Нет, запрета никакого не было. Просто любопытство. Видимо, наши пути соприкоснутся ещё не раз, – слегка кивнув мне головой, Марк исчез. На поляне больше никого не было. Я остался один. С места, где я стоял, проглядывалась часть горы, где стоял раньше дом Ютиша. Там тоже ничего и никого не было. Сохранился лишь сад, но со временем он придёт в запустение. Деревья и цветы станут более дикими без ухода за ними. И всё же этот сад будет долго служить напоминанием о странном чуде Ютише.

Побродив немного по окрестностям городка, я передумал навещать Виктора. Он не верил в Ютиша и не доверял ему, хоть и общался с ним. А мне меньше всего хотелось убеждать кого бы то ни было в нормальности и человечности Ютиша, если его принимали за чудака.

После я ещё не раз возвращался в сад Ютиша, видел, как он приходит в упадок. Позаботился о цветах: провёл к ним арычки, чтобы не пропали из-за недостатка влаги. Дом Виктора я обходил стороной, думаю, у меня были на то причины.

Вернувшись домой, я занялся приготовлением к занятиям. Пролистал кое-какие книги и учебники, восстановив в памяти то, что изучал ранее. Обдумал и создал одежду для посещения занятий.

Как-то под вечер ко мне пришёл Николос. Он сообщил о дне их венчания с Лючией.

– Извини, Николос, я едва ли смогу быть на вашем торжестве.

– Почему ты не хочешь разделить с нами радость воссоединения?

– Если б это зависело только от меня... Николос, в день вашего венчания я должен быть в Синоде. Объявляется начало обучения на новом уровне. Ты же знаешь, что по уставу Синода я не могу пропустить этот день.

– Да, конечно. Жаль... Но ты постарайся не задерживаться в Синоде, может быть, и успеешь. А если нет, то приходи к нам. Мы собираемся дома в тесном кругу для общения.

– Хорошо, я приду. Николос, а... где вы теперь будете жить?

– Лючия вынуждена войти в мой дом. Я не могу оставить свою работу: мой сад, цветник... Мне без этого не жить.

– И Лючия дала согласие?

– Конечно, согласна. Правда, мы могли бы переселиться на Радужную или на планету Хрусталя. Но ... решили остаться здесь.

– Что ж, Николос, я рад за вас. Лючия со временем привыкнет и полюбит твой сад. Невозможно не оценить красоту его замысла и не восхищаться им!

– Николай, в тебе говорит поэт. Знаешь, я верил в то, что она останется со мной. Лючия даже согласилась помогать мне с цветами. Думаю, мы хорошо будем ладить... Я пойду... А то Лючия одна дома. Да и я ещё не привык совсем к её присутствию в доме. Ещё живёт страх, что могу потерять её вновь... Мы ждём тебя, Николай!

– Я приду. До встречи!

Дни до начала занятий в Синоде пролетели гораздо быстрее, чем я мог предположить. Заранее я побывал в Синоде. Лига встретила меня радушно.

– Ты так скоро решил вернуться в Синод? Для меня это неожиданность.

– Мне кажется, что я достаточно отдохнул. Почти год...

– Что есть год!? Николай, ты ведь знаешь, время относительно. Я рада твоему стремлению продолжить обучение. Надеюсь, у тебя не будет проблем в учёбе. Не нарушай устав Синода в первый день занятий... Ты можешь идти.

– Благодарю, – я вышел из комнаты Лиги, прошёлся по коридорам, где ещё было тихо.

Да, я хотел вернуться сюда и учиться дальше...

Первый день занятий в Синоде начинался как обычно: те, кто приходил впервые, чувствовали себя робко и неуверенно, поражённые величиим и красотой самого здания Синода и смущённые неизвестностью и таинственностью, витающей в воздухе. Они выделялись среди всех неуверенностью и озабоченностью, и влекущей их поспешностью. Я же чувствовал себя свободно и с интересом наблюдал за другими. А всего-то несколько лет назад я был в числе переступивших впервые порог Синода и так же, как и они, был робок и не уверен в себе...

Начало занятий на каждом уровне распределено так, чтобы Лига и её сопровождающие лица успевали побывать везде. Как и самый первый день, день моего появления здесь с Учителем, группе, но уже седьмого уровня, были объявлены требования Синода к учащимся и проведена переключка присутствующих. Из названных не было более половины! Я видел по лицу Лиги, что она сильно озабочена таким числом отсутствующих.

После ухода Лиги были оглашены преподаваемые на этом уровне предметы и названы имена Учителей. Всё! Мне большего и не надо было знать. Многие остались для общения, я же спешил к Николосу и Люции на их праздник, на их венчание.

Конечно же, я опоздал! Обряд венчания уже совершался, когда я вошёл в Храм, украшенный множеством разных цветов.

Николос и Люция стояли на коленях перед алтарём. Учитель и незнакомая мне женщина держали над их головами венцы. В Храме горели свечи и пел прекрасный хор! Я никогда ещё не слышал такого пения. Мне показалось, что я стал маленьким мальчиком с крыльями за спиной, и взмыл в высь небесную, распахнувшуюся передо мною и объявляющую меня теплом и искрящимся светом... Когда прошло ощущение полёта, я посмотрел на сочетающуюся чету. Они вслед за священником шли в круг аналая.

Я не прислушивался к словам священника, я стоял, охваченный со всех сторон музыкой и пением. Заиграл орган! Все стали поздравлять Николоса и Люцию. Подхваченный общим движением, а собравшихся было много, я двинулся к молодой чете. Вдруг остановился, поражённый! У меня даже нет цветов... Я так спешил с занятий в Храм, что совсем забыл о цветах. И... в этот миг у меня в руках появились пышные георгины. И как бы со стороны я услышал голос: «Это любимые цветы Люции». И вот я возле Люции и Николоса, я только и успел сказать им: «Поздравляю» и отдать цветы, едва различив в общем гуле слова: «О! Мои любимые!» Все хотели поздравить молодую чету, и я оказался отстранённым от них. Пока собравшиеся поздравляли и медленно растекались, кто куда, я всё не мог двинуться с места, заворожённый игрой органа и пением.

Храм почти опустел, и молодая чета в сопровождении близких тоже двинулась к выходу под ещё более захватывающие звуки музыки.

— Идём, Николай, — позвал меня Учитель, — когда ты пришёл, я не видел тебя?

- Давно, но не захватил начала венчания.
- Хорошо, что ты всё-таки пришёл, молодые будут рады. Знаешь, Николай, мне нужна твоя помощь.
- Что мне надо делать?
- Ничего особенного. Просто цветы, собранные в гирлянды, надо распустить в небольшие корзинки. Этими цветами будут осыпать путь молодых к дому. Так положено.
- А мы успеем?
- Должны успеть. Нам помогут. Да и молодые к дому будут идти пешком, мы же должны оказаться у дома раньше их.
- Хорошо, тогда не будем терять времени.

Нам с Учителем помогало ещё несколько человек. Они же с нами направились и к дому Николоса. Мы всё успели и даже ещё немного пришлось ждать молодую чету.

Дорожка к дому перед молодыми была усыпана разными мелкими цветами. Они шли счастливые и необычайно красивые. На Лючии ослепительно белое платье, казавшееся почти воздушным из-за множества оборок, рюшек и прочего. Николос же был одет более скромно: тоже белая из тонкого материала простого покроя длинная мужская сорочка до земли, в поясе перехваченная широким кушаком, расшитым золотом. Кисти пояса свободно развивались при ходьбе. Голова не покрыта, волосы распущены. У Лючии же волосы уложены в причёску, и вместе с локонами к плечам спадали гирлянды белых цветов. Она казалась нереальной, пришедшей откуда-то издалека, и в любой миг готовой вернуться назад.

Глядя на них, я думал о Тамаре. Мысли произвольно неслись к ней. От переживаний и воспоминаний становилось грустно. Что ещё больше занимало меня, так это глубокая внутренняя убеждённость, что мне вот так, как Николос и Лючия, никогда не идти от Храма к дому по усыпанной цветами дорожке. Я пытался заглушить в себе это убеждение. Веселиться мне не хотелось, но и уйти вот так вдруг я не мог... В отличие от земных обрядов, здесь на венчание молодой чете никем ничто не дарится, кроме цветов и поздравлений.

Я долго гулял в саду в самой отдалённой от дома его части. Немного приведя свои мысли и чувства в порядок, я всё же решил войти в дом. Среди собравшихся было несколько совсем незнакомых мне людей. Стол накрыт так, что мне, одинокому, и не мечталось.

Когда я вошёл в дом, все собрались в гостиной. Слышались музыка и прекрасное исполнение песни о любви и весне, о красоте и радости, о счастье и веселье... Меня вновь охватила тоска, но выйти из дома всё же не решился.

Пела женщина, та, что держала венец над головой Лючии в Храме. А потом танцевала сама Лючия. Даже на время танца она не захотела сменить на другой свой свадебный наряд. Длинное платье несколько ограничивало её подвижность в танце, и всё же она была неотразима.

Я старался улыбаться, не выдавая грусти, и даже сыграл на рояле небольшую пьесу. Николос и Лючия видели меня, теперь можно было незаметно затеряться среди собравшихся и уйти домой.

Поговорив немного с Одним, я отошёл к Учителю. Он поинтересовался событиями дня в Синоде и, даже не договорив начатой фразы, извинившись, оставил меня, спеша на призыв Лючии. Мне так было даже лучше — легче уйти.

Вернувшись домой, я долго сидел в саду, обдумывая и вновь вспоминая ушедшие безвозвратно дни и события. В этот день я принял очень важное для себя решение — больше не искать Тамару, пока она не придёт сама. Я дал себе запрет даже думать и вспоминать о ней, твёрдо решив положиться на волю Всевышнего: «Будь, что будет! — Сказал я себе. — Я не имею больше права гневить Создателя своими поступками и нежеланием смириться с действительностью. Я должен жить, учиться и работать!»

ГЛАВА 12

Прошло много лет с того дня, когда я принял важное для себя решение. Нужно сказать, что поставленные себе самому запреты возы-мели силу: мне стало намного легче, я избавился от внутренних проти-воречий, снедавших меня и омрачавших жизнь.

Конечно, я не забыл ничего из прошлого. И, когда непроизвольно вспоминалось то, на что я поставил себе запрет, в такие минуты что-то срабатывало внутри меня, заставляя отвлечься чем-либо и тем самым уйти от воспоминаний прошлого. И жизнь шла своим чередом.

Я опускаю в повествовании более десятка лет, потому что особых событий, о которых мне хотелось бы рассказать, не было. Самым важ-ным для меня на годы стала учёба в Синоде.

На старших уровнях Синода Духовного Образования учиться было сложнее. Поэтому с седьмого по двенадцатый, заключительный уро-вень на обучение у меня ушло около пяти лет. А с первого по шестой — всего-навсего около года!

И всё же учёба давалась мне легко, может, потому что я не был обре-менён другими заботами, кроме ведения дома и работы в саду.

После встречи с Вайнером на рудниках, когда с меня были сняты повинности, я обрёл относительную свободу: до начала работы, опре-делённой мне, было времени десятка два лет, а другим меня ничем не обременяли. Учёба стала главным! Что меня немного угнетало, так это неспособность писать стихи. Своего рода это — испытание. Повинно-сти с меня были сняты, а запрет на стихи оставался. Я смирился с та-ким положением и всецело отдался изучению наук.

По окончании Синода Духовного Образования я год отдыхал. Бы-вал среди друзей, много путешествовал. Занимался живописью, по-свящая ей всё свободное время.

У меня появились новые знакомые. Я уже не чувствовал, как рань-ше, одиночество. С новыми знакомствами я обретал уверенность в себе. Но самыми близкими были для меня и оставались — Учитель и бабушка, Один и Николос. С Лючией я почему-то не смог обрести бо-лее тёплых отношений. Она лишь однажды обронила вскользь:

— Почему именно ты подарил мне эти георгины в самый счастливый для меня день? — она сделала ударение на слове: «ты», и продолжила, — ведь на твоём месте мог быть и кто-то другой. Так бы я не знала... Ты... и ..., — и Лючия быстро ушла.

Откуда мне было знать, почему я, а не кто-то другой подарил ей любимые цветы! Какое это имело или имеет для неё значение? И вообще для меня так и оставалось загадкой, откуда в Храме в день венчания Николоса и Лючии у меня в руках появился роскошный букет тёмно-бордовых георгинов?!

Из-за Лючии я стал реже бывать в доме Николоса, но от этого наши отношения не стали хуже. С Учителем и Одним я ещё более сблизился. Мы стали чем-то нераздельным, хоть и виделись не часто. У меня много времени уходило на учёбу. Один тоже продолжал прерванное ранее обучение, а у Учителя была своя работа, в силу этого он подолгу отсутствовал. Но когда мы собирались вместе, для нас это было настоящим праздником.

И вот год отдыха после завершения учёбы в Синоде позади! Мне пришло время поступить в Синод Вселенских Истин. По праву получения духовного образования я был зачислен в Синод Вселенских Истин. Здесь более строгие порядки. Обучение состоит тоже из двенадцати уровней: шесть низших и шесть высших. На прохождение каждого уровня определялось время не менее года. Если не укладываешься в этот срок, то можешь продлить время обучения на срок, который сочтёшь нужным.

Я начал занятия на первом уровне, а Один перешёл на седьмой. Мы учились в разных частях здания и почти не встречались. Здесь было тише и спокойнее, меньше учащихся и меньше суматохи. А меж собой Синод Вселенских Истин все называли — Вселенским. На учёбу во Вселенском у меня ушло двенадцать лет. Я был благодарен Лиге, что она давала мне много дополнительного материала в нагрузку, говоря:

— Во Вселенском будет учиться легче, если уже сейчас ты получишь элементарные знания по изучаемому там.

Она со многими работала индивидуально. И меня всегда удивляло, сколько же в ней энергии и знаний, если она так много работает и успевает проводить занятия как с группами учащихся, так и с отдельными учениками высших уровней. Мне же она давала задания для самостоятельного изучения, время от времени она вызывала меня к

себе и в простой непринуждённой беседе узнавала всё, что ей было необходимо. А именно: насколько глубоко я изучил данный ею материал.

Меж низшими и высшими уровнями во Вселенском я не брал отдыха, у меня было достаточно свободного времени, которое я посвящал обучению игре на органе. Мне очень нравится орган — синтезатор различных звуков, которые, сочетаясь, словно подхватывают душу и уносят её в неизведанные прекрасные выси. Так я воспринимаю музыку звучащего органа.

И вот обучение в Синоде Вселенских Истин завершено! Я получил высшее образование Космоса. И почти одновременно мне был возвращён дар — писать стихи, хоть и не в той полноте, которой я обладал на Земле. Сначала у меня слагались лишь четверостишья, которые я не мог продолжить: терялась связь меж строками и исчезал замысел стихотворения. Своими неудачами я поделился с Одним при встрече:

— Знаешь, Один, ко мне вернулся дар стихотворчества, но более одного четверостишья я не могу сложить — теряется замысел.

— Это совсем не страшно, Николай, ты долгое время был оторван от этого занятия, поэтому потерял некоторые навыки. Со временем всё восстановится.

— Хорошо бы, но я боюсь, что вместо поэта стану прозаиком!

— Не понимаю тебя...

— У меня в последнее время очень легко идёт проза, хочешь, прочти на досуге, здесь наброски нескольких рассказов, — и я протянул ему папку с черновиками.

— А как же ты?

— Возьму после, или передашь через кого-нибудь. Я и после могу завершить работу над ними.

— Что ж, я прочту. Это интересно. А о стихах не переживай, если в прозе звучит поэзия, то рано или поздно родится рифма и сложатся строки и стихи. А, может, и поэмы.

— Благодарю, Один, за доброе слово. Ты спешишь?

— Да, так уж обстоят дела, мне надо идти... О! Чуть не забыл спросить, ты не знаешь, когда вернётся Био?

— Учитель вернётся через две недели, если не позже, но никак не раньше.

— Хорошо, я навещу его, он нужен мне. До встречи, Николай.

— До встречи, Один.

Если Николоса я привык называть просто Николосом, а не старцем, как звал его раньше, то Учителя называть по имени я так и не смог. Он был и останется для меня Учителем.

Как-то однажды ко мне пришёл Учитель. Он старался быть весёлым и разговорчивым, даже шутил. И всё же я видел, что он чем-то озабочен. Я чувствовал, что ему надо поговорить со мной, но он не мог начать разговор. Через несколько дней он пришёл снова и по-прежнему не мог решиться на разговор. Тогда я решил помочь ему.

— Скажи, Учитель, тебя что-то волнует или беспокоит, может быть, я могу быть тебе полезным?

— О чём ты, Николай? Ах, да... Я обеспокоен, но не собой, а тобой. Я давно хочу поговорить с тобой, да всё не решаюсь...

— А ты не думай особо, что и как сказать. Говори прямо всё, как есть.

— Николай! За годы жизни здесь, в этом мире, ты слился с ним, стал его неотъемлемой частичкой. К тебе возвращается дар творчества, и очень скоро ты начнёшь работать...

— К чему ты всё это говоришь, Учитель?

— Я хочу уберечь тебя, может, от очередной ошибки или срыва. Тебе это сейчас ни к чему.

— Я понял тебя, Учитель, ты что-то хочешь сказать мне о Тамаре, — впервые за многие годы я вслух произнёс её имя.

— Да, о ней. Ты дорог мне ... а я кое-что узнал ...

— Что, Учитель? Скажи мне ...

— Я ничего не буду тебе говорить, потому что она сама тебе при встрече всё расскажет.

— Когда она придёт ко мне? Ты можешь сказать?

— Скоро. Теперь уже очень скоро. Намного раньше, чем ты можешь предположить. Возможно, в ближайшие несколько дней.

— О! Учитель, как ты меня обрадовал ...

— Не знаю, должен ли я был тебе говорить об этом, но уже сказанного не вернёшь.

— Ты сообщил мне хорошую новость, Учитель, так что же тебя беспокоит, от чего же ты меня хочешь оградить? — я был в восторге и ни о чём серьёзном не думал в эти минуты.

— От очередного срыва!

— Разве для этого есть причины? Учитель, скажи мне, что ты знаешь?

– Я могу сказать только одно: Тамаре предстоит сделать выбор, и решение только за ней...

– О каком выборе ты можешь говорить, Учитель? Ведь мы с Тамарой любим друг друга...

– Хорошо, если б это было так...

– Я верю, что так оно и есть, Учитель!

– Что ж, я, пожалуй, пойду. Надеюсь, твоя вера спасёт тебя...

Не знаю, что имел в виду Учитель, говоря эти слова. Но после его ухода я ещё долгое время находился под впечатлением известия о предстоящей встрече с Тамарой. Я всё в доме привёл в полнейший порядок. Расставил в вазах в комнатах цветы. Я приготовился к встрече, которую так долго ждал...

Когда же прошёл пыл страсти, я задумался о словах Учителя, о его обеспокоенности. Всплыл в памяти давно услышанный разговор между Учителем и Николосом. Вспомнилось то странное чувство, охватившее меня в день венчания Николоса и Лючии. И как-то произвольно вспомнился роскошный букет георгинов... К чему он вспомнился – не знаю. Видимо, тоже имеет какое-то отношение к Тамаре...

Мною вновь овладело волнение и непонятное противоречие чувств. Я вновь боролся сам с собой и не мог принять ни одну из противоположных сторон. Заглушая в себе внутренний голос, я решил ждать встречи с Тамарой. Только так могла быть разрешена борьба чувств.

Хоть и предупредил меня о предстоящей встрече Учитель, хоть я и пытался подготовиться к ней, думал о том, как я встречу Тамару, что скажу ей. Я даже представил себе возможные меж нами диалоги... И всё-таки она застала меня врасплох.

Я работал в саду на своём маленьком цветничке: поливал цветы и тихо разговаривал с ними. Неожиданно почувствовал чьё-то присутствие рядом... Оглянулся и замер... Передо мною стояла Тамара, такая, какой я знал её на Земле. От удивления и неожиданности я выронил из рук лейку, она упала к моим ногам, сломав крупную ромашку. Вода из неё пролилась мне на ноги, а я всё не мог овладеть собой. Подобной реакции от себя я не ожидал: я был совсем не готов к этой встрече.

Тамара подошла ко мне, подняла лейку и поставила её возле цветника на траву, а мне тихо и вкрадчиво сказала:

— Что с тобой, Николай? Я ведь не привидение. Или ты совсем не ждал меня? Что же ты перестал думать обо мне и искать меня? — Тамара съязвила, чем я был удивлён.

— Нет, это не так! Идём в дом, я всё тебе расскажу, — я попытался взять её за руку, но она отстранилась от меня.

— Я видела в твоём саду беседку, лучше поговорим там. Я не хочу входить в твой дом! — она подчеркнула голосом «в твой дом».

— Тамара, почему ты так говоришь со мной? В чём я провинился перед тобой?

— Ты?... — она встала в проходе беседки, загородив его. — Ты заставил меня страдать!

— Тамара, в чём же моя вина? — Я хотел вновь взять её за руку, подойдя к ней, но она прошла в глубь беседки и учтиво предложила мне присесть. Сама же она села напротив меня.

— Ты ворвался в мою жизнь и заставил меня страдать ещё там, в Саратове. И здесь ты не оставил меня в покое, преследовал...

— Я не преследовал, я искал тебя!

— А я не хотела тебя видеть и делала всё возможное, чтобы ты не нашёл меня.

— Любимая! — меня переполняли чувства нежности и любви, которые на многие годы были словно похоронены во мне, а теперь восстали к жизни. — Зачем ты избегала меня? Ведь мы могли быть счастливы...

— Счастливы? А в чём оно, счастье? Уж не в том ли, что я страдала? ...

— Тамара, объясни мне, что произошло с тобой за эти годы. Ты изменила ко мне своё отношение. Почему?

— Ты нравился мне, я не скрываю, но я никогда не любила тебя. Моей единственной любовью был и остался для меня мой кузен... Я влюбилась в него совсем девчонкой, он отвечал мне взаимностью, но мы не могли быть вместе... Помнишь, как-то однажды ты пришёл ко мне домой, я плакала и не слышала, как ты вошёл в комнату... В тот день я получила письмо от него. Оно было нежным и тёплым, в нём прозвучало признание, что он всегда меня помнит и никогда не забудет, но ... Он женился ... Его родители подыскали ему достойную партию из высшего общества. Я не хотела ни с кем делиться своей трагедией, тем более с тобой. После этого потрясения болезнь стала прогрессировать... Я знала, что мои дни сочтены... И когда ты решил

вновь просить моей руки, я открыла тебе ещё одну тайну: я была неизлечимо больна. Ты помнишь это, или тоже забыл?

– Не злись, Тамара, я ничего не забыл, я всё помню. И страдал не меньше твоего, поверь...

– Я не хочу тебя слушать. Я пришла говорить... Да, я делала всё возможное, чтобы ты не нашёл меня, и я добилась своего...

– А знаешь ли ты, что могло произойти со мной от твоих причуд? Я чуть было не погиб...

– Мне не интересно это!

– Тамара, что с тобой? Ты никогда ни к кому не была жестока...

– Ошибаешься. Я всегда была такой, только ты этого не видел, или не хотел видеть. Да, я знаю, что ты искал меня, но потом ты перестал стучать в воздвигнутую мной стену, разделяющую нас. Ты даже перестал думать обо мне. Раньше, когда ты грустил и вспоминал меня, я испытывала чувство волнения. А потом всё стихло. Я не стала тебе нужна!

– Это неправда, Тамара!

– Не надо слов, прошу, слушай, пока я говорю. Я часто ходила на Землю и была рядом с кузеном. Твои знаки внимания возбудили во мне пыл женщины. Я помнила твои руки, я не могла забыть твои губы, потому что всё это познала с тобой. Но я хотела быть с ним, я входила в его дом, никем не видимая и... я страдала от невозможного. Я ходила с ума, когда он был рядом с женой. Я не находила себе места, когда у них рождались дети. Я хотела быть женой и матерью... Он редко вспоминал обо мне... Но я верила... А потом и ты исчез. Я даже не пыталась узнать, где ты и что с тобой. В один день я дала себе запрет... Тебе незачем его знать. Ты для меня уже ничего не значишь...

Слова Тамары падали камнем мне на сердце, оно рвалось на части от боли и отчаяния. Я старался сдерживать себя, насколько это было возможно. Меня начало знобить, хоть день был душный. Я не мог ей ни возразить, ни вообще что-либо говорить, только слушал... Всё более резкий голос Тамары и её обидные слова долго ещё слышались мне после её ухода, а пока она продолжала говорить:

– ... Я многие годы провела в ожидании и томлении. Теперь мой возлюбленный здесь. Мы встретились. Он искал меня сам, и мы счастливы... Я должна была сделать выбор, и я его сделала. Ты – чужой мне человек! Ты жалок рядом с ним... Пусть я груба и даже дерзка с тобой, пусть... Ты причинил мне страдание и боль, теперь страдай ты. Я знаю,

что буду наказана за это зло. Но мне будет легче ответить за него, зная, что ты теперь втопан мною в грязь. Что ты будешь страдать ещё больше, чем, возможно, страдала я. Все эти годы я была одинока, теперь и ты познай полное одиночество без всякой надежды на будущее... Я высказала тебе всё, что хотела. А теперь ухожу. Я специально пришла к тебе в том виде, который знаком тебе. Я не хочу, чтобы ты знал моё лицо, мой облик. Пусть всё умрёт в тебе с этим, уже ничего не значащим для меня, обликом. Ты однажды похоронил Тамару, так забудь о ней. Не ищи меня, даже не пытайся... Ты не существуешь для меня, так забудь обо мне. Я же никогда более не напомню тебе о своём существовании. Уходя, я ухожу навсегда и никогда не войду в твой дом! — она повернулась и пошла к выходу, но в последний момент остановилась и, оглянувшись, сказала, как бы между прочим: — А помнишь ли ты день Венчания Николоса и Лючии? И букет георгин? Можешь не отвечать, ты не забыл этого и никогда не забудешь. Это я тебе их вручила, так Лючия узнала того, по чьей вине я не могла быть в этот торжественный день рядом с ней и разделить её счастье. Мы знакомы с ней давно, не одно столетие! Ну вот и всё. Прощай! ...

Тамара, гордо подняв голову, пошла прочь от беседки, я же сражённый всем услышанным, не мог двинуться с места. Мысли неслись с огромной скоростью, от их быстроты у меня всё поплыло перед глазами. Я не хотел жить!

Все мои надежды рухнули. Будущего не существовало, ибо я не мыслил себя без Тамары. Я хотел умереть, превратиться в прах и исчезнуть навсегда! Более сильного отчаяния я не испытывал. Я не мог находиться здесь, в этой беседке, но и не мог двинуться с места, у меня подкашивались ноги и всё плыло... плыло...

В чувства меня привело сильное встряхивание. Открыв глаза, я увидел Учителя. Он что-то говорил мне, но я его не понимал. Он же, видя, что я прихожу в сознание, дал мне выпить горьковато-кислый напиток. Мне стало легче. Всё окружающее встало на место и более не раскачивалось; постепенно возвращался и слух.

— Николай, ты слышишь меня? — спросил Учитель.

— Да, слышу, мне стало легче.

— Вот и хорошо. Идём в дом, тебе надо отдохнуть. Идём же, я помогу тебе, — и он помог мне встать.

Но я не нуждался в помощи, я мог свободно двигаться сам. Я не хотел идти в дом, и вообще никого не хотел видеть. Я не нуждался в уте-

шении и сострадании, это только бы унизило меня. Но и справиться с самим собой мне едва хватало сил. Мне надо было уйти, уединиться. Переболеть и самому вернуться к жизни без чьей-либо помощи...

Учитель пытался удержать меня, но я отстранил его и быстро пошёл к парку, там была дорога...

— Николай, не делай глупостей! Куда ты? Остановись, я всё равно найду тебя...

— Не надо, не ищи. Я должен со всем справиться сам...

— Вернись, Николай. Вернись...

Но я уже не слышал его призыва и был далеко от дома... Не знаю, сколько времени мною владело отчаяние, и не знаю, где я был... Не помню... Если хотелось кушать, я входил в город или в селение, шёл на рынок и брал необходимые продукты, вновь брёл, куда глаза глядят...

Это были самые мрачные дни в моей жизни. Даже сейчас, вспоминая о них, я испытываю боль. Не хочу говорить о днях скитания. Внутренне я знал, что Тамара не жестокая. Она так вела себя, чтобы побольше причинить мне боли. Я не был уверен, что она в полной мере обрела счастье. Я мог бы дать ей большее: вместе сойти на Землю и там обрести Любовь и детей, а вернувшись, обрести полное счастье. Я понимал, что кузен Тамары обрёл Любовь и детей, его продолжение на Земле. А Тамара?! Она осталась одинокой! ... Она хотела быть женой и матерью. Это её боль! И решение этой проблемы — только возвращение на Землю. А значит, вновь разлука... с кузеном! Если только он не решится идти с ней... Мне было больно за неё больше, чем за себя.

Прошло достаточно времени, прежде чем я смог всё обдумать. Появилась мысль: несмотря ни на что всё же повидаться с Тамарой. Может быть, она изменит своё мнение обо мне. Но внутренний голос мне твердил: «Не делай этого. Не надо». Да и действительно, зачем мне вмешиваться в её жизнь? Зачем причинять себе и ей лишний раз боль? Она ушла навсегда и безвозвратно. Она так решила... И мне надо смириться с этим. Что-то внутри меня всколыхнулось, и я вспомнил свой приход в этот мир и разговор с Всевышним...

Я не хотел более гневить Его своими поступками. Я трижды пытался уйти от себя самого. В последний раз самое страшное — я не хотел жить...

Впервые я пытался уйти от себя самого, ища успокоения в усиленной учёбе, и подорвал свой энергетический потенциал, после при-

шлось восстанавливать его. Во второй раз я бежал от себя, бывая у всех знакомых, везде, где только мог пройти. Но ... остановился. Может быть, благодаря Бену...

За последние годы я дважды виделся с ним и то не наедине и недолго. Однажды я столкнулся с ним случайно.

— Знаешь, Ник, ты дал мне в прошлый раз много полезных советов. Они пошли мне на пользу. Мой Учитель сильно удивился. Он даже говорил в шутку: «А не подменил ли мне тебя твой приятель за три дня, что вы отсутствовали?» В общем мы с ним поладили.

— Как ты теперь живёшь, Бен? Где?

— Всё там же. Только у меня теперь другой Учитель. И... мне сложно с ним...

— Почему, Бен?

— Ник, я не могу говорить с тобой больше. Он идёт, и мне надо уходить с ним.

— Бен, я навещу тебя, можно?

— Нет. Ник, умоляю, не делай этого. У меня всё в порядке, просто Учитель очень строгий! Когда будет возможность, я приду к тебе сам.

— До встречи, Бен!

Я видел, как он затерялся среди людей, а встретились мы на рынке. Я видел, как он подошёл к Учителю. Поведение Бена озадачило меня. Но, боясь навредить ему, я отказался от посещения.

Спустя ещё несколько лет я встретился с Беном на Радужной, когда был у Одина в гостях. Бен, как и я, прогуливался возле моря. Я не сразу узнал его, любясь статным юношей, видимо, ожидающим встречи... И лишь подойдя ближе и приглядевшись, я узнал!

— Бенедито! — позвал я его.

Он от неожиданности вздрогнул и повернулся в мою сторону, он побледнел.

— Бен, это же я, Николай!

— Ник! Как здорово, что мы встретились! И снова случайно... Нас с тобой само Провидение сводит.

— Это уж точно.

— Ник, что ты делаешь здесь, на Радужной?

— Я у Одина. Помнишь его?

— Помню. Как можно забыть!

– Я у него в гостях. Решил немного подышать морским воздухом и вот... встретил тебя. А что здесь делаешь ты?

– Я жду своего Ведущего.

– Ты снова сменил наставника?

– Да. Скоро я поступлю в Синод Духовного Образования, а по окончании шестого уровня, как он мне объяснил, я должен буду подыскать себе родителей на Земле и войти в тело. Моё пребывание здесь близиться к завершению...

– Значит, у тебя всё в порядке, Бен? Ты бодр и весел. Я рад за тебя. А то, что будешь учиться в Синоде, это очень хорошо! Значит, тебе доверяют...

– А ты знаешь про Синод?

– Конечно, я уже учился в нём.

– Ах, да. Я и забыл. А ты что уже не учишься там? – удивился Бен.

– Нет, не учусь. Я закончил все двенадцать уровней, сейчас учусь на втором уровне во Вселенском.

– Что значит – Вселенский?

– Синод Вселенских Истин.

– Вот голова у тебя, Ник! Мне бы такую...

– А разве ты плохо учишься?

– Да нет. Знаешь, я решил немного слукавить. Можно ведь и растянуть учёбу на более долгий срок. Скажи, можно?

– Конечно, можно. Но зачем тебе это?

– Я хочу ещё немного пожить здесь, прежде чем пойду на Землю. Меня этот переход не страшит, но всё же здесь лучше.

– Согласен с тобой. Только не переусердствуй с занятиями в Синоде. Если тебя проверят, то ты можешь быть отчислен за пренебрежительное отношение к уставу Синода. Ведь устав обязывает учиться, а не заниматься времяпрепровождением.

– Ник, скажи, на сколько можно продлить обучение на уровне?

– На несколько месяцев.

– Всего-то?

– Да, Бен. Мне незачем тебя обманывать.

– Я верю тебе, Ник, – и он стал пристально всматриваться вдаль.

– Идёт твой Ведущий?

– Да, нам снова не удалось поговорить подольше.

– Во всяком случае тебе ничто не угрожает. Скажи, что же было с тем Учителем?

– Ничего особенного. Ты же знаешь моё любопытство... Я провинился и был наказан. Мне было запрещено общаться с кем бы то ни было. Я боялся ещё больше разгневать Учителя, поэтому и просил тебя не приходиться ко мне.

– Бен, а почему ты ни разу не навестил меня за эти годы?

– Мне не повезло. Я дважды приходил к тебе, но... тебя не было дома, а я не знал, где тебя можно найти. А так хотелось увидаться!..

– Приветствую, – кивнул мне головой Ведущий Бена, и обратился к нему: – Мы можем возвращаться домой, Бен. Я не заставил тебя долго ждать?

– Нет. Я даже рад, что ты задержался. Я встретил своего друга.

– Что ж, я рад. Но мы не можем более здесь задерживаться. Нам пора идти.

– Прощай, Ник. До встречи!

– До встречи, Бенедито! ...

Было время, когда я пытался остановить этот мир и вернуться к прежнему телу. Я пережил ужасное потрясение, но восстановил силы и жил! Даже был этому рад. Этот период жизни до встречи с Тamarой вёл на меня теплом воспоминаний. Пока вновь мною не овладело отчаяние... Но я уже не был слабым духом и не нуждался в помощи, как это было раньше. Во мне было достаточно сил, чтобы справиться со своей болью и отчаянием. Нужно было лишь время...

Я вспоминал, вспоминал... Мне становилось как-то легче, когда я вспоминал о Бене. Я вспоминал и нашу последнюю встречу. Сколько же лет прошло с тех пор! А что теперь стало с Беном?

Мне захотелось увидаться с ним, и я отправился к его домику. В этот миг я не отдавал себе отчёта в том, что прошло уже очень много лет и, возможно, я не увижу его.

Во мне вновь просыпалось стремление жить. И вот я возле того места, где жил Бен, но не могу найти его дом. Вот он стоял здесь! Я не мог ошибиться... И тут я услышал голос Бена как бы со стороны:

– Ник, я знаю, что ты когда-нибудь придёшь к моему дому. Я знаю, что ты услышишь меня. Прости, Ник, это я виноват в том, что мы больше не встретимся. Я пренебрёг твоим предостережением относительно Синода. Уже на втором уровне я был исключён за непочтение

к Уставу Синода и по принуждению возвращаюсь на Землю. Мы больше никогда не встретимся с тобой... Ник, Прощай! И не грусти обо мне. Жизнь продолжается...

Я был поражён словами Бена. Сколько же лет хранилась эта информация в ожидании меня! Мне стало ужасно стыдно за себя, что я столько лет так ни разу и не решился навестить Бена. Пусть я бы не застал его, но... Мне было стыдно и больно за себя... Я забыл о мальчишке, который так много для меня значил и сделал. Пусть его уже не было здесь, и я не мог с ним встретиться, но он ещё раз, не зная об этом, вернул меня к жизни...

Сначала я сразу же хотел пойти к Учителю и попросить его узнать о Бене, но передумал... Ведь Бен уже не тот человек, которого я знал. Он стал другим, войдя в тело. Уж лучше сохранить его образ и не знать другого.

И я снова погрузился в воспоминания: дом Марты, Бен, наше с Ним путешествие в поисках места для моего жительства... Мне захотелось вернуться домой. Хорошо, когда у человека есть пристанище, куда он может вернуться после долгих скитаний. И не беда, что его никто там не ждёт. У него есть дом! А это немаловажно. Во мне в который раз что-то менялось. Я чувствовал в себе эти перемены.

Вернувшись домой, я прежде всего прошёлся по саду. Всё было ухожено, словно я никуда не уходил надолго, а вот только что вышел и тут же вернулся. Это Учитель или Николос не дали засохнуть моим цветам и саду. Как же прекрасно, когда есть верные друзья! И на них можно положиться в любой ситуации. Я вошёл в дом и почувствовал усталость. Мне хотелось помыться, привести себя в порядок и хорошенько выспаться, что я и сделал.

Приняв душ, я почувствовал свежесть во всём теле, словно я был стариком и приобрёл молодость. Стало как-то легко и захотелось кушать. Я заглянул в шкафчик для продуктов. И... Учитель, а я был уверен, что это он, позаботился даже об этом, как будто знал о моём приходе. В вазочке высилась горка моих любимых вяленых персиков, а рядом лежал кусок сыра. Этого было достаточно, чтобы утолить голод. Эти продукты хранились долго, а сыр со временем приобрёл особый вкус. Поев, я лёг спать... Проспал я, как сказал Учитель, трое суток. Когда я проснулся, он был в доме.

— Учитель? — и удивился, и обрадовался я.

– А кого ты хотел бы увидеть?

– Никого, поэтому и удивлён, как ты узнал, что я вернулся домой?

– Очень просто, я вот уже трое суток ожидаю твоего пробуждения, благо время терпит, а то жаль было бы тебя будить.

– Я не совсем тебя понял, Учитель...

– Когда ты ушёл из дома, я долго ждал тебя, а потом понял, что ты ушёл надолго. Тогда я в твоём доме установил нечто вроде сигнализатора. С твоим приходом я немедленно получил возврат, так я узнал, что ты вернулся.

– А что произошло за время моего отсутствия, и как долго меня не было дома?

– Ты пробродяжничал больше двух месяцев. И, видимо, не задумывался абсолютно о времени...

– Что ты имеешь в виду, Учитель?

– Разве ты забыл, что истекает срок твоих повинностей? А значит, подходит время более ответственное. Ты должен приступить к работе.

– О! Я совсем забыл... Учитель, что бы я делал без тебя?! Прошло столько лет, как я вышел из-под твоей опеки, а ты всё равно помогаешь мне.

– Я уже говорил, что привязался к тебе, как к сыну. Знаешь, Николай, всё же трудно вот так жить, не заботясь ни о ком. Мои ученики приходят и уходят, я для них лишь наставник и не более. А ведь мне не чужды простые чувства, как стремление к отцовству, желание заботиться и любить дитя, быть ему нужным и полезным. У меня большой нерастраченный потенциал чувств, который накапливается во мне. Всё из-за моей работы. Правда, я не мыслю себя в другом образе. Но всё то, что живёт во мне, просится наружу...

– Учитель! – воскликнул я и прижался к нему с сыновьей благодарностью.

Я очень признателен Учителю за его заботу обо мне. Мне иногда становится не по себе от одной мысли: а если б его не было, или он уйдёт? ... Я потеряю с его уходом частичку себя самого, как и с уходом Бена я ощутил некую пустоту, которую никто и ничто не мог заполнить. Я чувствовал себя виноватым перед ним...

– Николай, я вижу, что ты в порядке. У меня есть дела и мне надо спешить.

– Ты уже уходишь, Учитель?

– Да. Но я ещё навещу тебя. А сейчас мне хочется тебя предупредить...

– О чём?!

– Не волнуйся, о твоём отсутствии никто не знает...

– Даже Николос и бабушка? А Один?

– Я же сказал тебе – никто. Просто ты должен быть готов в любой миг встретить людей, которые придут к тебе оповестить об окончании времени повинностей и о начале работы, и так далее.

– Что я должен при этом делать?

– Ничего. Только постарайся в эти дни пореже выходить из дома. Где бы ты ни был, тебя найдут, но лучше будь дома. Это мой тебе совет. А пока набирайся сил, отдыхай. Я скоро вернусь. До встречи.

– До встречи.

Учитель ушёл. Мне казалось, что в доме душно, хоть утро было прохладным. Я вышел в сад и остановился у фонтана. Мой замысел удался! Почему-то меня это обрадовало именно в этот миг, хотя я давно уже изменил его вид, сделав искусственно нечто вроде скалы и обсадив вьющимися розами. Я стоял спиной к беседке и, подумал: я уберу её. Беседку сделаю чуть поодаль от дома, в глубине сада, а на этом месте что-нибудь сооружу.

Решив так, я сразу принялся за дело. Разрушить беседку мне не составляло труда: мгновение – и лёгкое облачко осело на землю. Для начала я вскопал землю, где стояла беседка, и засадил её маргаритками. А в облюбованном месте воздвиг другую, совсем не похожую на бывшую, беседку. Обсадил её вьющейся лианой лимонника и принялся расчищать дорожку к ней, и выкладывая затем небольшими гладкими камнями, чтобы не было грязи от земли. Пласты земли с травой с прокладываемой дорожки я укладывал там, где была дорожка к старой беседке, так что всё казалось естественным и давно существующим. Осталось лишь дожждаться, пока разрастётся лимонник и оплетёт беседку, да взойдут и расцветут маргаритки.

На изменения в саду у меня ушло несколько дней. Придерживаясь совета Учителя, я не выходил из дома, разве что за продуктами на рынок, я ведь почти ничего не производил сам. У меня в саду росло несколько плодовых деревьев: яблони, груши и сливы. Мне очень нравились персики, но такие, как я хотел бы выращивать, растут только на Радужной, поэтому я отказался от их выращивания. А ещё за до-

мом растут три куста винограда, который я ем, когда он поспевает, и сушу впрок. То, что остаётся в излишке, я уношу на рынок и сдаю распорядителю. Вот и всё! Остальное я приобретаю там же, на рынке. За многие годы я уже узнал, где более хорошего качества продукты, и у меня есть постоянные люди, к приходу которых на рынок я стараюсь выйти и взять то, что мне необходимо для питания, ведь те, кто выращивают овощи и фрукты, по-разному относятся к своему занятию.

Я только что вернулся с рынка, как в дом вошёл незнакомый мне человек, по одежде я догадался — рассыльный. Так называют тех, кто находится под чьей-либо опекой и выполняет поручения.

— Николай? — спросил он, войдя в комнату.

— Да, это я.

— У меня к тебе послание. Завтра с утра ты должен быть возле Вселенского. Я встречу тебя и провожу. Вызов связан с началом работы.

— Благодарю.

— До встречи. И не опаздывай.

— До встречи.

Хорошо, что я был дома, и рассыльному не пришлось меня искать. Завтра, так завтра...

Утром я был возле Вселенского. Рассыльный уже ждал меня.

— Я не опоздал?

— Нет. Идём. Тебя ждут, — и он вошёл в здание.

Я следовал за ним по хорошо знакомым коридорам и этажам. Мы поднялись по широкой парадной лестнице на третий этаж и прошли в половину, где ведётся обучение на высших уровнях. Немного пройдя по коридору, он остановился и сказал мне:

— Подожди немного здесь. — И вошёл в одну из комнат. Через несколько мгновений он вышел. — Можешь войти.

Немного волнуясь, я открыл дверь и вошёл в комнату. У окна за небольшим столом сидели трое мужчин, один стоял, глядя в окно.

— Николай Осеев? — спросил меня один из сидящих за столом в одежде Учителя, все остальные были в белом.

— Да, — утвердительно ответил я.

— Ты знаешь, что истёк срок твоих повинностей?

— Да.

– Теперь ты должен приступить к работе. Какое твоё призвание, определённое до повинностей?

– Я поэт.

– Как давно ты не работаешь над стихотворениями?

– Со дня начала повинностей.

– Значит, был дан запрет?

– Да.

– А в последнее время ты не пробовал писать стихотворения?

– Пробовал, но у меня получается в стихотворной форме записать не более четырёх-шести строк. Зато лучше идёт проза.

– Ты что-то пробовал писать?

– Да. Несколько рассказов.

– У тебя записи с собой?

– Да.

– Дай их сюда.

Я подошёл и положил на стол небольшой блокнот, в который переписал свои рассказы, доработав их. Взял его я на всякий случай, вдруг понадобится. Все трое склонились к нему, изучая написанное. Затем немного посоветовались, и со мной стал разговаривать один из мужчин в белом:

– Николай, что тебе всё же ближе – поэзия или проза?

– Поэзия.

– А каково твоё отношение к прозе? К тому, что ты записал в этом блокноте?

– Эти записи я делал для себя, чтобы сохранить возникшие мысли и чувства, когда ко мне вернётся способность слагать стихи в полной мере. Я хотел бы переложить эти рассказы на язык поэзии.

– Значит, ты решил остаться поэтом?

– Да, но если будет слагаться и проза, думаю, поэзия от этого не пострадает.

Как ни странно, я чувствовал себя уверенно и свободно, говорил с ними, как с равными себе. Всё волнение ушло. Меня лишь смущало одно обстоятельство: кто тот человек, стоящий у окна ко всем спиной? И почему он так стоит? Зачем нужно здесь его присутствие?..

– Ты готов к началу работы?

– Да.

– Если есть обстоятельства, вынуждающие тебя на какое-то время воздержаться от начала работы, сообщи о них сразу, сейчас.

– Нет, я свободен и могу начать работу.

Они снова о чём-то посоветовались. Заговорил опять мужчина в одежде Учителя:

– Николай, так как за годы ты несколько утратил способности в стихотворчестве, тебе даётся возможность восстановиться как поэту, и только после этого ты можешь приступить к работе.

– Какой срок мне отведён для восстановления?

– Это будет зависеть всецело от тебя. Когда сам считаешь, что достиг достаточного уровня развития, обратись к своему наставнику – Ведущему.

– Мне даётся Ведущий? – удивился я.

– Да. Некоторое время ты будешь работать под его началом, пока освоишься с работой. Потом он укажет тебе, где и у кого ты будешь отчитываться о проделанной работе и получать новые задания. Пока же ты под его опекой и подотчётен будешь ему.

– Хорошо. А кто мой наставник?

– Марк, – обратился Учитель к человеку, стоящему у окна.

Марк повернулся, и я его узнал.

– Вот твой Ведущий наставник, – заговорил молчавший всё это время мужчина за столом, – я знаю, что вы знакомы. Марк всё тебе объяснит. А пока вы оба свободны.

– Идём, Николай, – обратился ко мне Марк, – и мы вышли из комнаты, – не удивляйся, что твоим наставником буду я.

– И всё же интересно, почему ты?

– Я должен был присутствовать при посвящении в работу одного из освободившихся от повинностей. Когда же решался вопрос о наставнике, было названо твоё имя и положение. Я догадался, что речь не о ком-то другом, а именно о тебе, и сам попросился в твои Ведущие.

– Почему?

– Ты интересен мне. Я думаю, мы найдём общий язык в работе, и не только. Само Провеидение уже в который раз сталкивает нас самым странным образом. Вот я и подумал: знать, от предначертанного Свыше не уйти.

– Что ты имеешь в виду?

– Ещё не знаю, но я предчувствую: нам придётся много работать рядом. Я это понял при первой встрече с тобой в Долине Перехода.

– Марк, у меня вопрос к тебе...

– Да, я слушаю.

- Как мне обращаться к тебе? Называть Ведушим, или ...
 - Зови меня просто «Марк», я не хочу другого обращения ко мне.
 - Хорошо.
 - Значит, Николай, тебе определён срок на восстановление творческих способностей. Не буду вмешиваться в твои дела. Я оставлю тебя на три месяца. Если понадобится раньше, найдёшь меня через своего Учителя Биатриче Домиано. Если нет, то я найду тебя сам. Сейчас ты свободен и можешь заниматься, чем пожелаешь. Главная для тебя цель – восстановиться как поэт. По положению Ведущего я должен следить за тобой, но не вижу в этом необходимости. Я доверяю тебе.
 - Благодарю за откровенность, Марк.
 - Если у тебя больше ко мне нет вопросов, ты свободен. Встретимся через три месяца.
 - Вопросов нет.
- Марк сказал мне всё, что счёл необходимым. Уходя, он добавил:
- До встречи, Николай, – я удивился словам Марка, до этого дня он не прощался со мной.
 - До встречи, – отозвался я.

Вернувшись домой, я застал Учителя.

- Как дела? Трудовое начало? – поинтересовался Учитель.
- Я рассказал ему всё о событиях последних дней и о том, что моим наставником будет Марк.
- Марк? – удивился Учитель.
 - Я тоже был удивлён.
 - Это преднамеренно с его стороны, или случайность?
 - Случайность. А что, какая-то есть разница?
 - Нет, никакой. У меня такое чувство, что вас зачем-то сводит само Провидение.
 - Марк высказал примерно то же.
 - Ну вот, Николай, у тебя есть ещё немного времени отдохнуть, а потом начнётся трудовая деятельность.
 - У меня на время отдыха тоже есть работа.
 - То, что ты имеешь в виду, придёт к тебе незаметно, само собой.

– Мне хочется поскорее восстановить свои способности. Столько задумок... Надо воплощать их в жизнь, пока они не исчезли в небытие...

– И всё-таки ты выглядишь грустным, Николай.

– Тебе кажется, Учитель.

– Нет, меня не проведёшь. Что тому причина?

– Я не хочу говорить о ней, Учитель. И ты не напоминай мне о ней никогда. Что ушло, то ушло. Ушедшего не вернуть. Во мне по-прежнему живы все чувства. Я верю и надеюсь, что в будущем всё же обрету счастье. Только моей спутницей станет на годы грусть. Я уже не смогу так радоваться всему, как раньше.

– Не говори так, Николай!

– Учитель, моё солнце во мраке и моя звезда поблекла. Никто и ничто не изменит во мне этого ощущения, пока не придёт сказанное Всевышним...

– Что ты имеешь в виду?

– Когда по приходе в этот мир я предстал перед Всевышним, Он говорил со мной. Многих его слов тогда я не понял. Их смысл приходит ко мне постепенно. Всевышний сказал мне: «Любовь ждёт тебя, и не важно в чьём образе она придёт... Иди, высоко подняв голову, и ты её найдёшь здесь». Понимаешь, Учитель? Это не Тамара. Иначе зачем было говорить: «... не важно, в чьём образе она придёт...». Я должен найти Любовь здесь.

– Даже если ты встретишь родственную по духу тебе Душу, вы не сможете соединиться здесь. Лишь на Земле...

– Я готов к такому переходу.

– Что ж, Николай, я не стану тебя переубеждать о солнце во мраке и о поблекшей звезде. Меня тешит то, что в тебе жива Вера и не угасла Надежда. Если в тебе живы Вера и Надежда, то за собой они приведут и Любовь. Не отчаивайся, Николай, жизнь продолжается!

– Да, жизнь продолжается..., – я вспомнил слова Бена, и мне снова стало не по себе.

– О чём ты задумался, Николай?

– О Бене... Ты помнишь его?

– Да, конечно. Ты видел его?

– Нет, и не увижу уже. Он на Земле.

– Если хочешь, я могу его найти для тебя и показать его тебе.

– Нет, Учитель, не надо. Я думал о такой возможности, но не хочу...

– Почему? – удивился Учитель.

– Я виноват перед ним и хочу сохранить его образ в памяти таким, каким знал.

– Твоё право... В чём ты считаешь себя виноватым перед ним?

– Я на многие годы забыл о нём. Понимаешь: забыл, а он всегда верил в меня. Он даже оставил мне послание, которое дождалось меня годы... Годы! ...

– Мне знакомы угрызания совести. Николай, ты осознал свою вину, раскаялся. Сознание раскаянности должно облегчить твои страдания и предотвратить в будущем подобные поступки.

– Я виноват...

– Николай, мы все люди. Ошибаемся и о многом забываем. Хорошо, если со временем приходит раскаяние, это не позволяет черстветь душе, а значит, и расти духовно дальше.

– Ты пытаешься меня утешить?

– Нет, я говорю тебе только то, что постиг сам; то, через что прошёл сам... Если хочешь, я поживу у тебя некоторое время, чтобы тебе не было так одиноко и грустно.

– Не надо, Учитель. Мне лучше побыть одному. Я не чувствую себя одиноким уже давно. У меня есть ты, Один, бабушка, Николос. Разве я один? Нет, я более не одинок. Я избавился от преследовавшего меня долгое время одиночества. А что до грусти, так она теперь моя сестра. Мы неразлучны с ней.

– Хорошо. Я оставляю тебя. Не забывай навещать время от времени нас.

– Ты тоже приходи, Учитель. Я всегда рад тебя видеть.

– До встречи, Николай.

– До встречи.

– Удачи тебе в творчестве.

– Благодарю.

Учитель ушёл, а я остался один. Если раньше мне не сиделось дома, хотелось быть на людях, то теперь я искал уединения дома ли, на природе ли... Часто уходил из дома просто побродить по окрестностям города. Излюбленным местом уединения стала одна речушка, несколько удалённая от города и скрытая от любопытных глаз невысокой скалистой сопкой. Мне очень нравился живописный уголок в изгибе реки, и

я часто бывал здесь. Мне легче думалось и было не так грустно. Это местечко имело особое воздействие на меня. Именно у реки я впервые за многие недели сочинил первый свой стих в этом мире со дня своего прихода сюда.

Как я ни пытался заняться творчеством, ничего не получалось: рифма не шла, мысли несвязно ложились в строки. И, как говорил Учитель: «Всё придёт само собой», так и вышло.

Стихи стали слагаться легко. У меня несколько изменился слог, в отличие от земного он стал более лиричным и насыщенным. Но мои стихотворения были полны грусти и боли. Нечасто в них светило солнце...

До срока, обозначенного Марком, оставалась неделя. Я решил подождать, пока он придёт сам, к тому же неделя — это не так уж много. Несколько дней ничего не изменят. Я решил побывать у Николоса. Дома оказалась Лючия, и я, сославшись на занятость, быстро ушёл от них. Учителя не было дома. Зато бабушка очень обрадовалась мне. А ещё я побывал у Одина. Получилось некое турне перед началом работы. И очень кстати, потому что долгое время я не мог никуда уйти. Марк учил меня работать...

ГЛАВА 13

В назначенный день Марк был у меня.

– Как дела творческие, Николай? Есть успехи или тебе ещё надо время для восстановления способностей?

– Марк, ко мне всё вернулось само собой и совсем недавно. Но думаю, что я могу приступить к работе.

– Ты уверен в своих силах?

– Да.

– Тогда идём со мной. По дороге я всё тебе объясню. Что будет непонятным, спрашивай сразу, не оставляя на потом.

– Хорошо.

Мы вышли за город. Марк взял меня за руку и мы перенеслись на миг в Долину Перехода к тому месту, откуда я не раз сходил на Землю.

– Николай, твоя работа будет проходить на Земле, пока ты не овладеешь определёнными навыками, чтобы вести работу из этого мира.

– Куда мы направляемся сейчас?

– В Скандинавию.

– С кем я буду работать?

– Для начала тебе дана малышка лет десяти-двенадцати. Сегодня ты только познакомишься с ней и с местностью, где она живёт. Идём.

Марк снова взял меня за руку и, пройдя через уплотнение между мирами, мы ступили на землю Скандинавии.

– Николай, ты запомнил место, куда должен будешь приходить?

– Да.

– Тогда ты сейчас вернёшься обратно и снова сойдёшь на Землю. Я буду тебя ждать здесь.

Я был уверен в себе и своих силах, но не имел права не повиноваться наставнику. Вернувшись к дороге, вдоль которой росла ольха, я вновь сошёл на Землю. Ошибки не было.

– Хорошо, Николай. Идём, я покажу тебе девочку, – и Марк быстро зашагал в сторону небольшого села, – вот мы и на месте. Но я

что-то не вижу девочку в доме. Придётся поискать её. Она не могла уйти дальше села.

Девчущку мы нашли быстро. Русоволосая сероглазая девочка играла со сверстниками, отличаясь от них лишь некой медлительностью. Глядя на неё, я определил:

— Она мечтательница и фантазёрка.

— Ты не ошибся.

— Скажи, Марк, что я должен делать?

— На сегодня всё. Мы можем вернуться.

— Как вернуться?!...

— Ты удивлён и разочарован, но таков распорядок посвящения в работу.

— Марк, я совсем не устал. Объясни мне хотя бы, что я должен делать после знакомства с местностью и девочкой?

— Хорошо. Я дам тебе следующее задание: в течение нескольких дней ты должен будешь длительно находиться рядом с девчущкой, наблюдать за ней.

— И всё?

— Пока да. Тебе надо освоиться в этой обстановке. Наблюдай за ней, следи за её разговорами со всеми: с детьми на улице, дома с родными и если вдруг она начнёт разговаривать вслух сама с собой.

— Для чего мне это понадобится в дальнейшем?

— Тебе необходимо проникнуться её мыслями, чувствами и образами, которыми девочка живёт. В дальнейшем, когда ты будешь работать с ней, ты должен хорошо знать её говор и слог. Ты понимаешь меня?

— Да, конечно. И как долго я должен наблюдать за девочкой?

— Всё зависит от тебя, насколько быстро ты сможешь уловить её внутренний мир, чтобы, работая с ней, ничего не нарушить.

— Это понятно.

— На сегодня, думаю, всё. Мы можем вернуться домой.

— Марк, можно мне остаться здесь и уже сегодня приступить к работе?

— Если хочешь — да. Я должен в таком случае дать тебе некоторые указания.

— Да, я слушаю.

— Николай, здесь нет ничего особенного, однако, слушай: днём в ярких солнечных лучах тебе будет сложно находить девочку, поэтому

больше работай в утренние и послеобеденные часы на Земле. И ещё вот что: ты не должен вмешиваться в её сны. То есть, когда малышка заснёт, ты должен сразу же покинуть её. Она никаким образом не должна тебя видеть и знать. Это запомнить не сложно.

— Я всё понял, Марк.

— Тогда я оставляю тебя. Удачи в работе.

— Марк, а как я смогу найти тебя по возвращении с Земли?

— Разумный вопрос. Я совсем забыл об этом. Ты просто, сосредоточившись, должен вызвать меня по необходимости. Искать меня не надо. Я буду сам приходить к тебе. Больше вопросов нет?

— Пока нет.

— До встречи, Николай.

— До встречи.

Марк ушёл. А я ещё несколько дней находился на Земле, лишь ненадолго возвращаясь домой, чтобы покушать, немного отдохнуть и поработать в саду. Я не мог позволить себе запустить посадки, доведя их до истощения и гибели.

Малышка жила в большой семье среднего достатка. Она была одной из младших дочерей большого семейства. Среди ребятишек она почти ни с кем не общалась очень близко. Из её разговоров с ними я ничего не почерпнул полезного для себя. Так мне казалось. Я лишь заметил в ней особенность: когда её обижали словесно — она была острой на язычок. Если её кто-либо ударит, она скорчит рожицу и уйдёт. Она никогда не отвечала силой на силу.

В семье же каким может быть общение с близкими, когда детей одиннадцать — один меньше другого? Была у малышей нянька. И только с ней моя малышка делилась событиями дня. Когда малыши уложены в постели, няня спускалась в свою комнату возле кухни, и тогда малышка, тихонько выбравшись из кровати, а она уже спала на нижнем этаже со старшими сёстрами, а не в детской, бежала в комнату к няне и делилась с ней обидами и радостями. Часто рассказывала ей придуманные истории или слушала сказки. Потом, почти засыпая на ходу, шла в кровать и засыпала.

На наблюдения за ней у меня ушло больше времени, чем я ожидал. Зато представленный мною отчёт о проделанной работе привёл Марка в восторг. Он искренне воскликнул:

— Николай, да ты молодец! Если и дальше так будет продолжаться, то ты легко освоишься с определённой тебе работой.

– Марк, мы сейчас пойдём на Землю?

– Нет. Завтра с утра. Ты отдыхай. Мне надо более полно изучить твой отчёт, чтобы знать всё в точности и не ошибиться при объяснениях.

– Хорошо. Где мы встретимся завтра утром?

– Не спутай, утро по Земному. Я найду за тобою сам. Так будет всегда, если я не предупрежу тебя об изменениях заранее.

Вечером Марк зашёл за мной, и мы отправились на Землю. Остановились близ деревушки, и Марк начал мне объяснять:

– Прежде всего тебе надо научиться влиять на ход мыслей девочки. Это должно происходить только влиянием со стороны — внушением.

– Как это — влиянием со стороны?

– Ты смотришь на неё и пытаешься воздействовать. Например: она идёт в одном направлении, ты же пытаешься её остановить внушением и повернуть обратно или куда захочешь.

– Марк, зачем это необходимо?

– Таким образом ты будешь знать, что имеешь на неё влияние. Это пригодится в дальнейшем, когда воздействием со стороны ты будешь её мысли и фантазии сначала упорядочивать, придавая им завершённый смысл, а потом рифмовать более удачные моменты. Это понятно?

– В общем, да.

– При работе объясню более подробно.

– Марк, скажи, а каким ещё может быть воздействие на человека?

– Воздействие может оказываться непосредственно на определённый участок головного мозга. Такое воздействие будет прямым, а не со стороны, потому что происходит более глубокое вмешательство в жизненные процессы человека.

– Понятно. Марк, почему воздействие должно быть только со стороны?

– Она ещё дитя. Её сознание хрупкое и очень восприимчивое. Прямому воздействию ты научишься немного позднее, когда будешь работать со взрослыми людьми.

– Ты начал посвящать меня в работу с ребёнком, потому что дитя более восприимчиво? Научившись воздействовать на более слабое сознание, будет легче работать с более сильными? Да? ...

– Да, Николай, на сегодня вопросов достаточно, ты любопытен. Но время идёт быстро. Пойдём, я покажу и объясню тебе ещё раз сказанное.

Малышка только что встала и, сидя на кровати, одевалась.

– Смотри, Николай, показываю, как воздействовать со стороны. Сосредоточиваешь внимание на малышке и мысленно ей приказываешь. Вот она берёт один башмачок, видишь?

– Да.

– А я говорю ей: «Положи его и возьми другой».

И действительно, малышка на миг приостановилась в движении и... положила башмачок, который держала в руках, взяла другой и стала его надевать.

Да, сила воздействия у Марка была большой. Мне же было ещё ой как далеко до него. Несколько раз я пробовал воздействовать на девочку, но у меня не всё получалось. Малышка чувствовала воздействие со стороны, но не улавливала моих указаний.

– Николай, её не надо утомлять. Она ребёнок. А потом помни, что воздействовать легче, когда человек находится с утра под влиянием сна и вечером, когда сон овладевает человеком. Или же когда человек ослаблен, вял, подавлен, рассеян. На сегодня на утро достаточно, вернёмся ещё раз вечером. Потом будешь учиться воздействовать со стороны сам. Когда посчитаешь, что овладел в достаточной мере, я как бы проэкзаменую тебя.

– Понятно.

– А теперь возвращаемся домой.

Вечером Марк зашёл за мной, и мы вновь спустились на Землю. Марк, ещё раз показывая, прокомментировал воздействие со стороны. Несколько попыток с моей стороны не дали никаких результатов. Всё было, как и утром: малышка реагировала на меня, но не слышала приказа.

– Николай, на сегодня достаточно. Завтра вернёшься и будешь работать сам.

– Хорошо, Марк.

На обучение воздействию со стороны у меня ушло около месяца. За это время Марк дважды навещал меня. Я очень переживал, что плохо продвигаюсь вперёд. Марк же ободрил:

– Не переживай, получится хоть раз, считай, что научился. Всё будет хорошо.

И Марк оказался прав. У меня получилось остановить девочку, идущую к няне, и вернуть её в комнату. В этот вечер я уже больше не делал попыток воздействовать. Зато на следующий – пробовал несколько раз, у меня получалось, хоть и давалось с трудом. Ещё несколько дней я отработывал воздействие, а потом вызвал Марка. Он остался доволен моими успехами. И я получил очередное задание:

– Теперь ты будешь заставлять девочку перед сном думать и ненавязчиво внушать склонность к завершённости возникающих историй. Полагаясь при этом только на свою интуицию. Результаты воздействия будешь получать, наблюдая за ней по возможности в течение дня, из её разговоров и, может быть, высказанных мыслей вслух. Это понятно?

– Да.

– И ещё: как только заметишь результаты воздействия, вызовешь меня, – продолжил Марк.

– Больше указаний не будет?

– Нет. Удачи в работе.

– До встречи, Марк.

Марк дал мне указания, и я принялся за работу. Научившись влиять на малышку, я легко вступал с нею в контакт. Мне не составляло труда, когда она оставалась одна, вводить её в задумчивость. Я навевал ей мысли о рассказанных старой няней сказках, возвращал её к придуманным ею же историям. Я достаточно долго уже общался с ней и слышал её фантазии. Малышка задумывалась, что-то бормотала, но я не мог разобрать её высказываний. Тогда я решил задать ей нечто вроде программы: поделиться своими мыслями с няней, потому что няня больше других была привязана к девочке и всегда с интересом выслушивала детские фантазии.

Замысел удался.

Дальше я не мог действовать сам без Марка. И я вызвал его. Снова Марк проверил мою работу и дал мне новые указания:

– Старайся ненавязчиво подводить её мысли к рифме, и пусть при более строгом воздействии с твоей стороны девочка записывает слагаемые строки. Для начала направляй её мысли на определённые сюжеты, а если уловишь то, о чём она думает, старайся углубить её заинтересованность в возникших мыслях.

Я делал всё в точности, как указал Марк. Однако малышка не желала записывать сложенные строки. Как я понял несколько позднее, она запоминала их и, время от времени, повторяла. И всё же у неё должно возникнуть желание записывать стихи, чтобы они сохранились. Тогда я решил воздействовать на малышку через няню.

Когда девочка вновь делилась с няней событиями дня, она прочла ей вновь написанные четыре строчки. В этот момент я решил внушить няне попросить малышку прочесть один из ранее сложенных стишков в шесть попарно рифмованных строк. Мне удалось!

На просьбу няни девочка откликнулась, но вспомнила лишь четыре строки и, как ни старалась, не могла вспомнить последние две... Мне везло! Няня напомнила ей эти строки. Девочка ликовала, а я через няню воздействовал на неё: няня по моему внушению посоветовала малышке записывать стихи. Девочка согласилась, но при условии, что няня расскажет ей и то, что она сама уже успела забыть. Следующим вечером в небольшой тетрадке по-детски коряво были записаны стихи, в том числе и под диктовку няни.

Успех небывалый! Я был счастлив удаче, но не знал, как Марк отнесётся к моему самовольству, ведь мне позволено работать только с малышкой. Сделав отчёт о проделанной работе, я вызвал Марка. Он изучил мой отчёт при мне же. Просмотрел его несколько раз, что наводило меня на мысль: я допустил в работе ошибку, вмешав няню. Однако Марк улыбнулся:

– Николай, а ты неплохой нашёл выход из положения. Хотя тебе было сказано работать только с малышкой, но ты не допустил непозволительного, использовал лишь воздействие со стороны.

– Что мне будет за нарушения, Марк?

– Ничего! Нарушений нет! Просто выход из создавшейся ситуации необычен.

– Мне просто повезло с няней. Я не ожидал от неё подобного. Она, оказывается, хранила в памяти её стишки, вот я и решил воспользоваться ситуацией.

– Что я могу тебе сказать? Ты неплохо поработал. Основные положения ты знаешь. Я доверяю тебе, поэтому даю тебе свободу действий. Периодически будешь предоставлять мне отчёты о работе. С этого дня ты – её Ведущий. Работать будешь с ней до тех пор, пока она не станет самостоятельной в своём творчестве.

– Чем определяется самостоятельность в творчестве, Марк?

– Самостоятельность приходит с возможностью и способностью без чьей-либо помощи работать с информацией мысли и идущими нитями Космоса. Это понятно?

– Понятно. Значит, я буду вести девочку до тех пор, пока она не станет без моей помощи работать с информацией и сама рифмовать возникающие мысли?

– Да, так.

– А что за нити, идущие из Космоса?

– Объясню. Ей с рождения заложен дар к стихотворчеству. Ты сможешь ей развить этот дар. С определёнными навыками она получит возможность в некотором роде общаться с Космосом, не напрямую, а через свой дар.

– Каким образом?

– У неё возникает замысел стиха, его сюжет. Она с началом работы силою мысли и воображения выходит в Космос, откуда черпает возвышенность и одухотворённость. Это и есть нити Космоса.

– Ты хочешь сказать, что нити Космоса – стремление к возвышенности слога, или, иначе, поэтичность, одухотворённость, сила мысли, воображение?

– Да, Николай, ты сообразителен...

– Марк, то же самое делалось и со мной, когда я был на Земле?

– Да, в какой-то мере тоже. С каждым человеком работа ведётся индивидуально.

– Что будет со мной, когда девочка приобретёт творческую самостоятельность? Мне будет дан другой подопечный?

– Конечно, это теперь твоя работа надолго.

– Выходит, что я в какой-то степени Учитель... – высказал я мысль вслух.

– Почему же в какой-то степени? Ты и есть Учитель, только Учителя ведут разные дисциплины. На твою долю выпал творческий удел. Разве тебе не нравится твоя работа?

– Отчего же? Мне очень интересно работать.

– Я рад, что ты нашёл своё призвание.

Пока Марк не дал мне свободу в деятельности, я не мог никуда уйти без его ведома, потому что был ему полностью подотчётен... На работу с девочкой из небольшой деревушки в Скандинавии у меня ушло около десяти лет. Я был свободен в действии, меня не обременяло ни что,

поэтому я мог свободное время проводить как мне хотелось. Я был благодарен Марку за данную мне такую возможность.

Я проникся силою мысли к девушке. Иначе сказать — вошёл в её канал. И когда она испытывала желание записывать возникшие мысли в стихах, я чувствовал её желание. Оно звучало во мне особыми импульсами, которые я ни с чем не мог спутать и слышал, где бы я ни находился. Так было со всеми, с кем мне довелось работать. Следующим же моим учеником был взрослый мужчина. С ним я работал вместе с Марком и лишь непродолжительное время. Очевидно, чтобы я мог приобрести ещё определённые навыки в работе.

Марк объяснил мне прямое воздействие на головной мозг. Оно употребляется лишь в определённых случаях, когда человек абсолютно не поддаётся воздействию со стороны. Таким образом, я прошёл обучение перед началом самостоятельной работы. И получил звание — Учитель. Это событие нигде особо не разглашалось. Я в сопровождении Марка предстал перед той же комиссией, что и несколько лет назад. Марк сделал отчёт о проделанной работе и сказал:

— Я считаю, что мой подопечный готов самостоятельно работать.

Тогда один из присутствующих в комиссии встал из-за стола и торжественно объявил:

— Николай Осеев получает степень Учителя!

— Поздравляю, Николай, — обнял меня за плечи Марк, — и удачи тебе в работе.

— Благодарю.

— Все свободны, — объявил мужчина в мантии Учителя Вселенского, — а ты, — он кивнул мне, — задержись для дополнительной беседы.

Все вышли. Марк успел сказать мне:

— Я подожду тебя у входа...

— Николай, — обратился ко мне мужчина в мантии Учителя, — я поздравляю тебя с полученным званием Учителя. И должен дать тебе некоторые указания. Будь внимателен, это очень важно в работе.

— Да, я слушаю.

— Прежде всего соблюдай и сохраняй честь Учителя, будь достоин носить это звание. Оно почётно. В дальнейшем учеников ты будешь находить, исходя из информации Банка Космоса, куда будешь самостоятельно делать запросы. Там есть твои данные. В Банк же будешь

периодически отправлять отчёты о проделанной работе. Если будут возникать какие-то спорные ситуации, тебе будут приходиться поправки к работе, которые ты должен беспрекословно выполнять. И вот ещё, пожалуй, последнее наставление: твоя работа позволяет тебе свободно передвигаться везде, поэтому тебе нужно быть внимательным ко всему происходящему вокруг тебя. Если ты соприкоснёшься с чем-то, что заинтересует тебя, ты должен передать информацию в Банк Космоса. Это может быть, например...

Я улыбнулся, вспомнив Учителя и историю с Ютишем и Леонорой.

— Николай, чему ты улыбаешься? Я говорю об очень серьёзном для тебя.

— Извини, я вспомнил одну ситуацию, когда... — и я рассказал о случившемся.

— Вот и замечательно, что ты понял меня. Мне не надо тебе объяснять. И... Подожди, я же не сказал тебе ещё одну важную деталь: о своих учениках, проводимой с ними работе и о месте их нахождения ты никому, ни под каким предлогом не должен разглашать без особого указания из Банка Космоса. Теперь, пожалуй, всё. Желаю удачи в работе, коллега.

— Благодарю.

У выхода меня ждал Марк.

— Николай, возникли какие-то сложности? Почему ты так долго задержался? — Марк был сильно взволнован.

— Не переживай, Марк. Всё в порядке. Мы просто немного поговорили...

— Поговорили? О чём? ...

— Да так, пришлось к слову, — и я передал часть разговора.

— Николай, ты не исправим!

— Я уже не раз слышал подобное. Марк, я что-то сделал не то?

— Да нет... Ты интересная личность, во всяком случае для меня. Знаешь, у меня не сильно много времени, я долго не могу задерживаться, поэтому скажу прямо и открыто: ты не возражаешь, если мы не прервём связь общения?

— Нет. Я не имею ничего против, даже рад...

— Вот и хорошо, Николай. Тогда не удивляйся, если я вдруг появлюсь в твоём доме... Мне пора. Увидимся ещё...

— До встречи, Марк!

— До встречи, — и он резко исчез из вида.

Несколько дней я решил провести свободно. У меня накопились дела дома и надо было немного поработать в саду. В последний месяц мы с Марком много работали над отчётом о проведённой совместно работе. Ведь надо было охватить всё с самого начала, выбрать основное и интересное, скомпоновать и изложить...

И вот я с чувством волнения дал запрос на своё имя в Банк Информации Космоса. Ждать пришлось долго, или мне так казалось. От волнения я не находил себе места и решил побывать у Учителя. К моей радости я застал его дома. Я буквально засыпал его вопросами, можно сказать, с порога.

— Учитель, ты дома?!

— Как видишь — да, и пока не собираюсь уходить. Проходи, что-то случилось?

— Нет, но есть проблемы...

— Да-а?! — удивился он.

— Учитель, я дал запрос на своё имя в Банк Космоса, но вот уже две недели нет ответа... Как ты думаешь, мне надо повторить свой запрос или...

— Вот именно «или» ... Скажи, ты посвящён в Учителя? Когда?

— Недели две назад.

— Почему ты умолчал? С этого и надо было начинать разговор. Я поздравляю тебя с почётным званием Учителя...

— Благодарю. И всё же...

— И всё же тебе надо иметь терпение.

— Терпение в чём?

— Во всём, Николай, даже в мелочах.

— А что с запросом?

— Ты излишне волнуешься. Ответ на запрос можно ждать и год, и два. К тому же ты — начинающий работу. Тебе будет сделан особый выбор, чтобы ты мог справиться, приобрести и утвердить полученное и недополученное. Потому что работа с наставником не может охватить всех ситуаций. Так что волноваться не стоит. Две недели ещё ничего не значат. При долгой бездеятельности ты свободен. Радуйся свободному времени! Используй его в полной мере. Ведь с появлением ученика ты уже не будешь предоставлен сам себе. Ты будешь занят.

— Значит, ничего страшного не произошло?

– Значит, ничего... Только не отлучайся надолго далеко от дома, пока не получишь определённую информацию. Возможно, что-то уже ждёт тебя. Поэтому тебе лучше вернуться домой.

– Хорошо, Учитель, я так и сделаю.

– Да, вот ещё что, Николай: когда придёт информация, почувствуешь её импульс, и постарайся его запомнить. Это нечто вроде твоего позывного. Когда ты свыкнешься с ним, то на приход информации будешь реагировать, где бы ты ни был. А пока вернись домой. Так будет лучше. До встречи.

– До встречи, Учитель.

После возвращения домой от Учителя, я ещё дня два ждал прихода информации. И вот я уловил незнакомый мне импульс, идущий ко мне. Я постарался его запомнить. Ответ на мой запрос был примерно такой: «Запрос получен. Для начинающего Учителя работы нет. Жди последующих указаний». И я вновь пребывал в ожидании. Не зная, чем заняться, чтобы унять волнение, я вновь вернулся к живописи. Уходил недалеко от дома в окрестности города и работал. Так прошло где-то около месяца.

Однажды я отдыхал в своём излюбленном местечке уединения у реки, когда почувствовал слабый знакомый мне импульс. Я быстро вернулся домой. Меня ожидало сообщение: «Ввиду отсутствия работы для начинающего Учителя, можешь быть свободен в действиях до последующих указаний. Ориентировочный срок – до двух лет».

Это невысказано! Я свободен от работы два года! Меня ужаснуло такое сообщение... Я рвался к работе, желая в неё погрузиться всецело и уйти от своей печали и грусти, отдавая все силы своим ученикам. Но, увы! ... Я очень расстроился. Такого поворота дел я никак не ожидал. И решил пойти к Учителю.

– Николай, чем ты так удручён? – сразу же задал вопрос Учитель.

– Я получил очередную информацию...

– И что?

– Ввиду отсутствия работы для начинающего Учителя я свободен.

– И как долго?

– Около двух лет!

– Это же прекрасно, Николай!

– Я так не думаю.

– Почему? Что тебя так огорчает?

– Что я буду делать всё это время? Я же не смогу продержаться без работы долго... Я в ней искал спасение, а получил...

– Глупо приходить в отчаяние из-за подобного. Со временем ты поймёшь, как дороги передышки между работой.

– Со временем – может быть, но не сейчас...

– И всё же хорошенько обдумай, чем тебе лучше заняться. Я не могу тебе советовать. В себе разбирайся сам. К чему почувствуешь большую тягу, влечение, на то и посвяти свободное время и силы.

– Я не знаю, чем бы хотел заняться...

– Это пока, со временем решение придёт. Да, кстати, я собирался к Николосу сходить. Ты не пойдёшь со мной?

– Можно... Я всё равно не знаю, чем заняться.

– Идём со мной. Немного развеешь грусть.

И мы перенеслись к саду Николоса. Учитель предложил пройтись до дома пешком:

– Вечер так прекрасен. Ты не возражаешь, если мы немного пройдемся пешком?

– Нет, я только «за».

Мы шли молча, наслаждаясь пением птиц, которое прерывалось, уступая место трелям соловья. Я был зачарован. Учитель негромко позвал меня:

– Николай, ты пойдёшь в дом или ещё погуляешь в саду?

– Я иду, просто задумался...

Подходя к дому, я почувствовал странное волнение, охватившее меня. Я остановился.

– Что с тобой, Николай?

– Я не хочу с ней встречаться. Я не пойду к Николосу, мне лучше уйти домой, – и я повернулся, готовый уйти.

– Объясни мне, что произошло, Николай? О ком ты... Не хочешь ли ты сказать, что там...

– Да, она там... Она подруга Лючии.

– Поступай, как знаешь.

– Я вернусь домой. Только обещай мне, Учитель, что в её присутствии ты не будешь говорить обо мне...

– Хорошо, я всё понял, Николай.

– Благодарю... Я после ещё навещу тебя.

– Хорошо, до встречи.

— До встречи, Учитель, — и я вернулся домой, но не стал заходить в дом, а пошёл к реке, зная, что там обрету относительное равновесие и спокойствие...

Домой я вернулся поздно. Заново пережив трагедию разрыва с Тamarой. Я чувствовал себя подавленным. В гостиной меня ждал Учитель.

— Наконец-то ты вернулся, Николай, — сказал он при моём входе в комнату, вздохнув облегчённо.

— Ты давно меня ждёшь?

— Нет. А когда не застал тебя дома, ужаснулся: не занесло ли тебя куда-нибудь в очередной раз...

— Нет, Учитель, всё хорошо. Я очень устал и хочу спать. А обо мне не переживай, я уже не только что пришедший сюда дух, которому ещё предстоит со всем освоиться и который сильно восприимчив к событиям, происходящим вокруг него. У меня достаточно сил. Только я чувствую себя уставшим...

— Судя по твоему разговору, ты действительно далёк от необдуманных поступков. Ты устал, ложись спать, а я побуду с тобой, пока ты не уснёшь.

У меня не было ни сил, ни желания возражать Учителю, к тому же с его присутствием рядом мне было спокойнее и легче.

И вот я проснулся обновлённым, с лёгкостью на сердце. Я ещё долго лежал, не желая шевелиться, чтобы сохранить подольше пережитые ощущения. Мне показалось, что в доме Учитель. Я позвал его.

— Ты проснулся, Николай, как себя чувствуешь?

— Хорошо, а почему ты до сих пор здесь?

— А где мне быть, если ты спал почти двое суток? Ты скажи мне, что тебе снилось, или где побывал во время сна, на твоём лице печать одухотворённости, — и, словно улавливая моё желание не двигаться, Учитель присел рядом с кроватью на низенькую скамеечку. — Ну же, расскажи.

— Я видел сон: во сне я вновь предстал перед Всевышним. Он разговаривал со мной: «Встань, Николай», — услышал я голос над собой, подняв голову, я увидел рядом с собой Светоносного; я же лежал ничком на какой-то поляне леса, не зная, каким образом попал туда. Я встал и преклонил перед ним колена, но он ещё раз сказал мне: — «Встань, Николай!» — И я встал. От Него исходило тепло и успокоение.

Как и в первую встречу с Ним, я не видел Его лица. Оно терялось за искрившимися лучезарными струйками света, исходящими от Него. Я улавливал лишь Его облик. Он не был молод, в Нём чувствовалась мудрая зрелость и могучая сила. Я был поражён своим прозрением. Я не видел, а осязал Его. Сознание во мне немного помутилось... — «Воспрянь духом, Николай, — вновь обратился ко мне Всевышний, — ответь мне, помнишь ли ты про Мой Дар Тебе?» «Помню и храню его в себе. Я ничего не забыл», — ко мне вернулась уверенность, и я мог свободно разговаривать, лишь волнение не унималось. «Скажи мне, почему ты не захотел увидеть ту, которую так ждал, ведь твои чувства к ней живы?» «Она не хотела открывать мне свой лик», — я сделал ударение на слово «она». «А ты хочешь её видеть?» «Нет. Она ушла от меня к другому, значит, я не достоин её. И зачем мне вторгаться в её жизнь, нарушая спокойствие и счастье? Прошло уже немало лет...». «Ты прав. Прошли годы, но их срок невелик. Хочешь, я покажу её тебе?» «Нет!» — воскликнул я. «Ты не хочешь знать её лик? Почему?» «Я хочу сохранить в памяти тот образ, который любил. На Земле мы были близки, а здесь стали чужими. К чему мне знать её лик?» «Я повторю тебе ещё раз: Любовь свою ты найдёшь здесь, не важно, в чьём образе она придёт. Но ты должен выйти из состояния уединения. Живи и радуйся жизни, этот мир так прекрасен и многолик — познай его!» — и он стал удаляться от меня, пока не исчез совсем... Потом я испытал толчок, от которого проснулся. Но мне не хочется двигаться, я до сих пор ощущаю тепло Его присутствия.

— Мне знакомы такие чувства. Николай, за годы пребывания в этом мире, — Учитель как бы рассуждал вслух, — ты сумел подняться вверх. Если, представ пред Всевышним после пути сорока дней, ты не смог разглядеть Его лик, то теперь же тебе это удалось в большей степени. Он прав. Живи и радуйся жизни, этот мир так прекрасен!

— Учитель, возможно ли найти Любовь здесь?

— Он сказал тебе, значит, так и будет. Неужели тебя будет страшить переход в тело для того, чтобы соединиться со своею Мечтой?

— Конечно, нет.

— Тогда надейся, верь и жди. Но не сиди дома. На дом она к тебе не придёт...

— Я знаю, Учитель. И всё уже решил для себя.

— Что же за решение ты принял?

— Я познаю этот мир!

— Разве ты мало его знаешь? Ты многое познал...

— Да, это так. Я много учился и многое познал, но я не видел этот мир! Всевышний сказал: «... этот мир прекрасен и многолик — познай его!» У меня есть такая возможность. Теперь я рад, что так долго останусь свободным от работы. Лишь бы хватило времени повидать всё или как можно больше...

— Николай, это очень хорошее решение. Не задумывайся о доме, о саде — иди. Я обо всём позабочусь.

— Но ведь ты тоже бываешь часто занят...

— Я найду, кому присмотреть за всем в моё отсутствие. Не переживай об этом... Да ведь ты и сам можешь в любое время вернуться домой...

Решение было принято, и через несколько дней я отправился в путь. Вне дома я провёл около двух лет, лишь изредка возвращаясь домой, чтобы увидеться с друзьями. Вскоре после путешествия я получил информацию: «Подыскивается работа. Следи за поступающей информацией».

И действительно, через месяца два-три я приступил к работе со своим первым учеником. Я впервые работал самостоятельно и очень волновался, но никаких нареканий из Банка Космоса на мои отчёты не приходило. Давались лишь указания. Это радовало.

Стараясь отдавать все силы работе, я всё же был свободен. В такие минуты я наслаждался отдыхом, работая в саду или делая небольшие эскизы и зарисовки, которые со временем превращались в пейзажи. А после путешествия я стал делать наброски запавших в сердце событий, людей, образов.

Так у меня собралась приличная коллекция моих работ. Как-то однажды я решил показать их на выставке в Синоде Духовного Образования. Я знал о проводимых там в большом выставочном зале показах художественных произведений. Даже когда я учился во Вселенском, выставлял свои работы в Синоде. Лига говорила мне, что я могу и в дальнейшем выставлять свои работы в выставочном зале Синода, и я воспользовался данной мне возможностью.

Побывав в Синоде, я договорился с Лигой о дне и времени выставки моих работ. На некоторых картинах я ставил свой вензель, говорящий о том, что они остаются в моей собственности. Некоторые картины

мне было действительно жаль куда-то отдавать, и я решил их оставить себе, пусть лишь на некоторое время.

Через несколько дней должна была состояться выставка моих работ. Я расставил картины в том порядке, в котором чередовались события и лица моего путешествия. Остановливаясь на каждом полотне взглядом, я словно вновь окунался на короткий миг в события тех дней...

Первым ярким запомнившимся событием было посещение «грубых» миров. Я не знаю, каким более точным словом определить их суть. Здесь нет грубости в понятии людских отношений. Люди здесь добры и отзывчивы. Только их быт несколько отличается от того мира, в котором привык жить я. Дома и различные строения примитивны по архитектуре. Люди надевают одежды не из тонкой материи, а что-то похуже на рубище.

Меня томила жажда, и я решил войти в небольшой домик на окраине городка, через который проходил. Дверь была приоткрыта, и я вошёл.

— Мир вашему дому.

— Входи, путник, — пригласил меня молодой юноша, отодвигая от себя на край стола что-то бесформенное, с чем он работал до моего появления. Он встал и стряхнул древесную стружку, внимательно посмотрев на меня, он продолжил: — Я вижу, ты издалека. Проходи, отдохни с дороги.

— Да я не устал в пути, меня томит жажда...

— Пройди к столу, сейчас приготовлю что-нибудь освежающее.

— Я не откажусь и от простой воды.

— А я, как хозяин дома, хочу, чтобы ты ушёл от меня с лёгким сердцем, — возразил юноша и вышел в смежную комнату.

Пока он ходил, я осмотрелся. Потолки в доме невысокие. Окна достаточно большие с широкими подоконниками, на которых в горшочках стояли разные цветы. На окнах шторы с мережкой по низу. У окна большой круглый деревянный стол, с резными ножками. Резная скамья, на которой я сидел. На стене — несколько полочек с книгами. А с другой стороны от окна — шкаф с посудой. Что мне бросилось в глаза — посуда: глиняная и деревянная.

– Не сильно долго заставил ждать? – входя, заговорил со мной юноша, расставляя на столе с подноса кушанья. – Отведай, путник, думаю, будешь доволен.

– Благодарю.

Отказываться было неловко. Хоть я и не был голоден, всё же поел.

– И я заодно с тобой перекушу, а то с утра за работой, о еде совсем забыл, – юноша был приветлив и открыт.

– А что ты делаешь? – задал я вопрос, указывая на бесформенный предмет на столе.

– Да так, задумка у меня одна есть. Хочу вазу сделать из дерева, чтоб на диковинную птицу была похожа. В который раз всё порчу. Хотел оставить затею, да вот сегодня удачлив в работе, может, получится.

– А как ты делаешь? У тебя есть рисунок или что-нибудь подобное, с чего ты копируешь вазу?

– Нет, сам кое-что придумал, а рисовать-то я особо не умею. Так, только фантазирую... Хочешь, покажу зарисовку.

– Это интересно, покажи.

Юноша показал мне листок бумаги с нечётким рисунком, а потом и то, что он делал. Основная форма дерева была не испорчена. Он не знал, что делать дальше, чтоб сохранить её. Тогда я попросил у него лист бумаги и чем-нибудь рисовать. Он принёс мне бумагу и мелки. Пока я рисовал вид вазы с боку, сверху, он внимательно следил за мной.

– А ты не художник?

– Нет, я не художник. Моё призвание в другом...

– Но ты так красиво рисуешь! Мне, наверное, никогда этому не научиться.

– Если есть желание – научись.

– У кого мне учиться..., – вздохнул юноша, и в его глазах скользнула тень грусти. – Если вот ты объяснишь хоть немного, буду за то признателен.

– А у тебя есть уже что-то готовое, сделанное тобой самим? Покажи, – попросил я его.

В глазах юноши метнулась надежда. Я не мог обмануть его ожиданий. Моим первым желанием было сделать запрос в Банк Информации Космоса, но я решил сначала сам испытать его возможности, чтоб не было осложнений. Юноша принёс мне несколько своих поделок.

— Это, пожалуй, самое лучшее, что я когда-либо сделал. Только они...

— В этих работах один недостаток, — сказал я, окинув всё принесённое взглядом, — в них не соблюдена пропорция.

— Ты объяснишь мне, что это значит?

— Да. Если у тебя есть желание рисовать, я постараюсь помочь.

— Скажи, кто же ты есть, если не художник?

— Я поэт.

— ...? — юноша посмотрел на меня удивлённо. — Что, все поэты так здорово рисуют?

— Вовсе нет. Рисунок — это моё увлечение.

Торопиться мне было некуда, а в юноше что-то было от Бена. Может быть, любознательность и живость характера, а может, и что-то внешнее. Я решил задержаться здесь на несколько дней. Остаток дня я посвятил объяснению простых принципов построения рисунка. Юноша был сообразительным. Вечером, уже собираясь ложиться спать, я сделал запрос в Банк Космоса. За несколько дней, что я давал уроки юноше с красивым именем Грей, пришёл ответ на мой запрос. Он был положительным.

— Грей, — позвал я юношу, — завтра я вновь отправлюсь в путь. самого простого в рисунке ты достиг. Остальному тебя научит Учитель.

— О чём ты говоришь, Николай? И почему ты решил уйти уже завтра, ведь ты хотел остаться ещё на несколько дней?

— Я не вижу в этом особой необходимости, Грей. Я путешествую. Мне интересно познать этот мир, в котором живу. А тебе будет дан Учитель, который научит тебя всем таинствам рисунка и живописи.

— Николай, ты не просто поэт, и не просто путешественник. Скажи, кто же ты есть на самом деле? Почему ты решил, что мне будет дан Учитель?

— Поверь мне, Грей, я поэт. Сейчас у меня есть свободное от работы время, и я путешествую. Большого тебе сказать не могу. Пусть это останется моей маленькой тайной. Недели через две ты будешь работать с Учителем. Разве ты не рад?

— Даже очень рад!

— Тогда в чём дело?

— Не хочешь — не говори. Только ты для меня всё равно, что чудный странник, пришедший ниоткуда и уходящий в никуда. Я не забуду тебя. Обещаю, что доделаю вазу до конца по твоим рисункам.

— Хорошая идея. Ваза должна получиться. Замысел прекрасен, только его надо воплотить в жизнь. И вот ещё что, Грей, ты не против, если я вечером сделаю несколько набросков с тебя, когда ты за работой?

— Конечно, нет.

Вот по тем сделанным зарисовкам в доме Грея, я рисовал эту картину, перед которой стоял сейчас. Грея я изобразил с его задуманной вазой в руках. Ваза ещё не доработана, но её замысел чётко проглядывается... Я ещё долго путешествовал по тому миру. Природа, как и везде, прекрасна! Люди работают и живут... Потом я перешёл в мир менее «грубый». Конечно, определение грубости относительно. Здесь вместе уживаются и грубые холщовые материи, и более тонкие одежды. Мне казалось, что я продвигаюсь как бы снизу вверх, переходя с планеты на планету, где на каждом новом витке более высокий уровень организации жизни и духовности людей.

Мир, в котором жил я, более высокоорганизованный, чем все те, что я посетил. Здесь я не задержался надолго. Лишь на несколько дней вернулся домой. Подходя к дому, я заметил, что кто-то работает в саду. Мелькнула мысль — Учитель. Однако, приглядевшись, я понял: нет, это не он. Человек мне совсем не знаком... Ощутил лёгкое волнение на сердце, но тут же успокоился — Учитель обещал, что на время его отсутствия найдёт, кому позаботиться обо всём. Должно быть, этот человек и есть посыльный Учителя.

Оставив суму в доме, я вышел в сад.

— Приветствую, — обратился я к работающему.

Он оглянулся на меня. Поставил лейку на землю и спросил:

— Ты вернулся домой насовсем или уйдёшь снова?

— Я хочу отдохнуть в домашней обстановке несколько дней, потом снова в путь.

— Я доделаю здесь кое-что и уйду. Вернусь через несколько дней. До встречи, — и он вновь взял в руку лейку и продолжил работу, словно меня здесь уже не было. Поведение этого человека меня несколько смутило. И всё же вмешиваться в его жизнь мне было ни к чему.

Я навестил бабушку, повидался с Николосом. Учителя всё ещё не было. Через несколько дней пришёл посыльный Учителя.

— Когда ты уходишь? — спросил он.

— Думаю, завтра. А ты не знаешь, когда вернётся Учитель Биатриче?

— У него новый ученик, и он совсем недавно пошёл встречать его. Я приду завтра.

В его поведении было что-то странное. Он не хотел или не мог разговаривать со мной? Кто был этот человек? Пожалуй, на эти вопросы мог ответить сам он или Учитель.

И вот я снова в пути...

Переходя от картины к картине, вновь и вновь оживали события тех лет. Я помню, когда взошёл на новый виток планет, то поразился увиденному. Если сначала мне краски планеты Радужной казались очень яркими, то в сравнении с тем, что увидел я, они поблекли. Как живописна и прекрасна здесь природа! Самые обычные цветы казались сказочными творениями, а перелетающие с цветка на цветок бабочки — маленькими эльфами. Я долго ходил по разным планетам, наслаждаясь красотой, впитывая в себя её краски, словно губка. Какие же здесь прекрасные дома и строения, как богаты они в замыслах архитекторов, нет одинаковых или чем-то похожих друг на друга. Будь это роскошный дворец или простой маленький деревянный домик, во всём просматривается изящество линий и особая неповторимость. Здесь и люди живут несколько по-иному, чем я видел ранее.

Проходя как-то мимо небольшого, но очень аккуратного замка, я увидел человека, подстригающего кусты изгороди, и спросил:

— Не скажешь ли мне, где в этом городе дом для путешественников?

Мужчина оставил работу и подошёл ко мне.

— Идём, я провожу тебя, путник.

Мы вошли в широко открытые ворота, прошли по небольшому дворику, похожему на сказку: в центре двора — фонтан (бронзовый мальчуган держит в руках рыбу, изо рта которой бьёт струя воды), надворные постройки утопают в зелени вьющихся лиан, вдоль дорожек, ведущих ко входам в постройки и в большое здание, — цветы. Всё зелено и в небольших клумбах захватывающих дух цветов. Мы подошли к

большому зданию. Мужчина, сопровождавший меня, открыл передо мною дверь и негромко сказал:

– Проходи.

Я вошёл в здание. Ко мне тут же подошёл другой мужчина в одежде, похожей на того, кто меня встретил на улице. Он жестом пригласил меня следовать за ним. Буквально через несколько шагов от входа он остановился и сказал:

– Проходи, умойся с дороги.

Вслед за ним я вошёл в небольшую комнату, красиво убранную. Он взял со столика полотенце и кувшин с водой. Полил мне на руки. Я умылся над фарфоровой раковиной. Он подал мне полотенце и жестом указал на удобный стул-качалку. Я был поражён всем происходящим, что невольно соглашался со всем, что мне предлагали. Я сел на стул-качалку, и, прежде, чем успел опомниться, мужчина оказался возле моих ног с чашей воды. Он омыл мне ноги и подал удобные мягкие туфли домашнего покроя, как раз по моей ноге. От происходящего, мне казалось, я онемел. Пока этот мужчина выливал воду, в комнату вошла женщина и позвала меня:

– Идём со мной, я покажу тебе твою комнату.

Пока мы шли по коридору и поднимались по лестнице, женщина продолжала говорить:

– Комната выходит окнами во двор, есть небольшой балкон. Думаю, всё необходимое найдёшь в комнате. Если что-то понадобится ещё, обратишься ко мне. Я нахожусь вот в этой комнате, — она указала жестом на дверь под лестницей, ведущей на третий этаж, — Ну вот мы пришли, — женщина открыла одну из дверей и предложила мне, — проходи, устраивайся и отдыхай. К полудню принесут обед.

Я вошёл в комнату, закрыл дверь и огляделся. Комната обставлена роскошно, но нет ничего лишнего, всё очень изысканно и красиво. Как и во всех домах путешествующих — у стены кровать, у окна — столик. А ещё вдобавок ко всему на стене против кровати — две полочки с книгами. И небольшой платяной шкаф в углу. Шторы на окнах из лёгкой, не плотной материи, которая хорошо пропускает свет. Бельё на постели тоже тонкое, ажурное с вышивкой. На подушке красивая вышивка уголком. Столик у окна резной, на нём на розовой салфетке высокая ваза из переливающегося стекла и букет неярких цветов. На полочках с книгами по краям стояли в горшочках вьющиеся цветы. На одной из створок платяного шкафа большое зеркало в резной оправе.

Я подошёл к шкафу и открыл дверцу. В нём висела лёгкая мужская одежда различного покроя. Посмотрев в зеркало, я пришёл к выводу, что мой дорожный плащ изрядно потрепался и был в пыли. Я его сбросил на пол. Он тут же исчез, хотя в комнате никого не было. Я перестал удивляться происходящему. Всё принимал за должное. Сбросив плащ, я решил сменить свою одежду. Выбрал то, что было мне по душе и переоделся. Вся моя одежда, как и плащ, исчезла. Только теперь я решил лечь и отдохнуть.

Книги меня не интересовали и я просто погрузился в мир мысли. Не знаю, как долго я пробыл в таком состоянии, но вот в комнату вошла девушка с подносом в руках и спросила:

– Будешь обедать?

– Я не голоден, а вот от освежающего напитка и фруктов не откажусь.

Девушка подошла к столу и с подноса поставила на него графин с оранжевой жидкостью и красивый высокий бокал. Молча вышла, а через несколько мгновений вернулась с вазой в руках. Всё так же молча поставила её на стол и лишь у двери задержалась, спросив:

– Что-нибудь надо ещё?

– Благодарю. Мне более ничего не надо.

Девушка вышла, а я выпил ароматный напиток и отведал фрукты. В вазе были яблоки и груши, айва и хурма, инжир и персики, а поверх всего — роскошная гроздь винограда. В налитых ягодах виднелись косточки.

Здесь действительно всё было сделано для полного отдыха путешественников.

Отдохнув, я вышел на балкон и сделал несколько набросков с живописного дворика. Потом прорисовал контуры всего здания (вид с дороги). И сделал наброски с работающего у входа человека. Мне долго не спалось, и я по памяти восстановил вид комнатки, где мне омыли ноги, и зарисовал. На следующий день к обеду я отправился в путь дальше. На мне была та одежда, что я выбрал себе в платяном шкафу. Лишь на выходе я снял мягкие и удобные туфли, надев свои сандалии.

Как же сильно отличаются эти миры! Тот, который я для себя назвал «грубым» и тот, который я покидаю сейчас...

А вот ещё одна картина. На ней изображён вид большого города. Его вид необычен. Ни с чем не сравнимы и мои воспоминания о нём...

Проходя по холмистой местности, я увидел вдаль большой город. Мир, по которому я шёл, казался мне вымершим. Я почти никого не встретил здесь, хоть и шёл несколько недель. А тут вдруг — город!

Я перенёсся к нему и вышел на его улицы. Людей почти не было видно. По хорошо укатанным дорогам ездили машины, бесшумно и не оставляя выхлопных газов. Что-то шевельнулось внутри меня, и, глядя на всё окружающее и непонятное мне, я легко находил ответы.

Так машины работают за счёт энергии Космоса, которая будет открыта Человечеством. Использование этой энергии безопасно и безвредно. Окружающая среда не загрязняется. Дома вдоль дорог большие и высокие, но не более девяти этажей. И вновь мысль извне: «Самая оптимальная высота для подобных зданий». Мне навстречу шли несколько человек. Люди высокие, статные и хорошо сложенные. Черты лиц правильные и красивые. От них исходило какое-то тепло. Мысль извне: «Это люди будущего. Особо одарённое поколение, оставшееся жить после многих перемен на Земле».

Мне было неловко в этом городе. Здесь всё казалось не совсем реальным или, точнее, не совсем живым — холодным. Мысль извне: «Это город далёкого будущего. Он не обжит и оттого холоден. Его посещают люди, которые, сходя на Землю, будут нести преобразования в науке и технике; изменять представление о жизни живущих на Земле; они поведут людей к сознательной и разумной жизни, выводя из тупика существующего образа жизни. На многие годы Человечество опустится в хаос Бытия. Познает боль и унижение. Пройдя через смрад разложения духовности общества, восстанет к новой жизни, ведомое сильными людьми Мира сего и Космоса...».

Перед глазами в короткий миг пронеслись ужасные события и войны, наводнения и землетрясения, извержения вулканов и всё то, что разрушает мир, и от чего гибнут люди. Затем на миг обрыв видения, и ... видения более спокойные: всё восстанавливается из разрушенного, но в обновлённом, более прекрасном виде. Потом восстановленное совершенствуется, изменяясь буквально на глазах... Толчок. Я открываю глаза и вижу, что стою на холме, с которого открывается прекрасная панорама города. Как я оказался на этом холме, не знаю. Но, движимый внутренним глубоким побуждением, беру бумагу и мелки. Легко и быстро делаю наброски города. Всё готово...

Более я не могу здесь находиться, гонимый чем-то Свыше, непонятным мне. Под впечатлением пережитого я возвращаюсь в очередной раз домой. Меня встретил Учитель. Он был очень взволнован.

— Николай, где ты был, и что произошло? Я не могу успокоиться, меня бьёт внутренняя дрожь. Я в непонятном волнении за тебя вот уже более суток.

— Более суток? — переспросил, удивившись, я.

— Да, более суток.

— А мне казалось, что всё это длилось не более часа, хотя...

— Что ты имеешь в виду, Николай? — Учитель был на грани эмоционального срыва, но всё же нашёл в себе силы сходить в сад за яблоками. Он предложил мне: — Вот яблоки. Поешь и рассказывай.

Я рассказал Учителю события последнего дня, а потом и всё остальное. Ведь со дня моего ухода в путешествие я видел его впервые. Мы долго беседовали с ним. Учитель был очень удивлён тем, что произошло со мной. Я имею в виду — видение на холме у города будущего. Я и сам не понимал, зачем всё это было мне открыто.

— Это знак Свыше, — сказал Учитель. — Когда-нибудь его значение ты поймёшь.

— Знаешь, Учитель, для меня не ново существование городов будущего. Я знаю, что есть во Вселенной область, отдалённая от всех миров, где существует всё, что уже есть на Земле и известно людям, а также всё то, что будет ещё ими открыто и познано. Но я никогда бы не подумал, что такие города холодны, словно города-мыслеобразы.

— Это из-за нежитости и тех, и других. Когда в городе или селении живут постоянно люди, там поселяется свой Дух. Он-то и влияет на восприятие живости и жизни окружающего и людей. Точно так же, как и у каждой речушки, ручейка или небольшой колки, есть свои Духи.

— Здесь, в этом мире, как и на Земле, всё имеет свою духовность. Я знаю. Но меня сильно поразила холодность города, его нежитость.

— Конечно, это ужасно, когда Дух города, леса или реки покидает свою обитель. Или в силу каких-то обстоятельств начинает мстить за причинённую ему боль, обиду, а, может, и за непочтение к нему, как к личности.

— Я не раз задумывался над этим. Ведь есть на Земле города, которые живут в веках и процветают, а есть те, которые возникают и гибнут, или чахнут. Они обделены вниманием Духа, живущего в них...

— Такое не редкость, а в дальнейшем будет происходить чаще.

— Почему, Учитель?

— Потому что Человечество идёт и ещё долго будет идти к тупику Бытия. Делать ошибки, вставать и идти дальше. Об этом говорит и твоё видение у города Будущего.

Несколько дней я провёл дома в обществе Учителя. Узнал о том, кто ухаживал за садом в моё отсутствие. Вот как он мне объяснил:

— Это человек, отбывающий повинности. Ему не позволено разговаривать более, чем это связано с работой. Поэтому он тебе показался несколько странным. А что ты собираешься делать теперь?

— Я ещё не везде побывал. Мне хочется увидеть миры, существующие параллельно с теми, где я был.

— Боюсь, что это несколько опасно для тебя. Тебе надо быть более осторожным и нигде не задерживаться надолго.

— Да у меня не так уж много свободного времени, а увидеть хочется ещё многое. Поэтому даже если и будет возможность где-нибудь задержаться, то я буду гоним внутренним голосом — увидеть как можно больше.

— Когда ты уйдёшь?

— Завтра. А ты ещё свободен?

— Пока да. Но в любой момент может прийти информация о работе.

— Ты ведь знаешь, Николай...

— Конечно, знаю.

И вот передо мной ещё несколько картин, глядя на которые я внутренне содрогаюсь. Увиденное я запечатлел по памяти после возвращения из путешествия...

Поразил меня больше всего Мир самоубийц. Как живут они? Ужасно! Их Мир — ряд планет, очень похожих одна на другую тем, что там живущие обитают в норах, вырытых в земле. Что есть свет, им едва ли ведомо. В этом мире царит Мрак, постоянный сумрак, частые туманы, которые оседают на растительности в виде тенёт. Отчего нельзя сказать, что именно за дерево или цветок растёт. Всё поглощено в липкий,

мерзкий налёт. Живущие здесь существуют. Питаются, чем придётся. Особенно трудно здесь Духам первые три года пребывания.

Церковью на Земле запрещено отпевать самоубийц в течение трёх лет. Но этот Мир осуждает их более строго. Если на Земле их отпевают в Церкви спустя три года со дня смерти и хоронят на кладбище отдельно ото всех за особой чертой (хотя с годами уйдёт и эта строгость), то здесь всё обстоит иначе.*

Если по истечении трёх лет после отпевания душа не раскаивается в содеянном, считая свою правоту превыше всего, она осуждается на ещё более ужасные условия жизни.

Близким, оставшимся на Земле, остаётся лишь верить и надеяться, что их ушедший раскается и пойдёт на новые испытания, а через некоторое время будет возвращён на Землю в тело, чтобы полностью освободиться от идей самоубийства. Такое искупление грехов возможно лишь в новой жизни, а эта жизнь не будет лёгкой и, возможно, не раз возникнут подобные ситуации. Это — испытание души на её твёрдость и решимость освободиться от греха, пройдя через перерождение.

Трудно сказать, что бывает с теми, кто не раскаивается в грехе самоубийства. Я не знаю даже, как низко они опускаются, и есть ли у них путь к восстановлению. Чаще же приходит раскаяние. Тогда предстоит долгий путь очищения. Для каждого этот путь свой, неповторимый. Всё зависит от того, насколько искренне признание греха содеянного, и каковы были обстоятельства, подтолкнувшие человека на самый страшный грех — оборвать собственной рукой свою жизнь.

Не менее страдают и убийцы. Они отнимают жизнь у других, не имея на это никакого права! Жизнь даётся человеку Свыше, и только Всевышний вправе решать, каким должно быть наказание убийце. Конечно, во все времена осуждалась такая жестокость, и убийц осуждали на смерть, либо их постигала Карма Космоса.

Люди, несущие обязанности судей на Земле, должны быть строги сами к себе, ибо они тоже предстанут перед судом и будут отвечать за каждого осуждённого ими человека!

Для убийцы же самое строгое наказание — видеть свои преступления, и не просто видеть, а испытывать на себе **всю боль жертвы**. И это не единожды, такое преследует постоянно, лишь на время отступают видения, чтобы потом вернуться с новой силой ощущений. Как долго преследуют такие видения? Пока душа не пройдёт путь искупления греха.

* - Смотрите примечания на странице 428

Бывают убийства случайные, непреднамеренные. Тогда человеку вменяются особые повинности во искупление содеянного, хотя его преступление может быть и снято с него.

Убийц очень легко узнать в этом мире. Им отнимают на правой руке мизинец и безымянный палец. Этого изъяна скрыть нельзя!

Мне даже трудно представить, насколько тяжела жизнь убийц и насильников. Их путь искупления вины более долгий и мучительный, чем у самоубийц! ...

А ещё есть миры, где соприкасаются Свет и Тьма. Здесь, как и на Земле, царит хаос, где добро часто воспринимается за зло, а зло почитается на уровне добра. Здесь стреляют и убивают, но смерти нет, остаются боль и раны. Этот мир тесно соприкасается со страной снов.

Как часто люди видят сны, события в которых развиваются в самых необычных условиях! Но всё происходящее реально. Для души человека притягателен мир соприкосновения Света и Тьмы, поэтому она часто, минуя страну снов, попадает в разные истории. Что манит человека в мир жестокий? Ответ прост: доступность и лёгкость входа в этот мир. Страна же снов, или же её часто называют страной Грёз — непостоянна, она меняется время от времени. Эти изменения зависят от стремления людей в эпохах. Отдельно же для каждой души в стране Грёз находится место, где душа любит бывать и отдыхать во время сна тела. Часто души сами себе создают эти места отдыха.

Более сильные духи, сошедшие на Землю, живут во время сна (а иногда и вне сна) жизнью, которую не воспринимает сознание человека, потому что это — жизнь души, подсознания. А знания духа, идущего на Землю, блокируются в момент родов, когда он пьёт воду из Озера Забвения. Сквозь этот блок, это препятствие, могут прорваться лишь очень сильные духом и волей люди. Так дано человеку Свыше — не помнить прошлой и не знать жизни души, когда она в теле.

А как же разгадывание снов? То, что должно разгадываться, — не сон, а сновидение, потому что душа часто вводит сознание в определённые видения, желая предостеречь человека от каких-либо поступков или событий. Ведь на подсознании запечатлена вся жизнь человека, всевозможные варианты поступков и событий, следующих за содеянным.

Бывают и Видения, которые не надо разгадывать, в них часто приходят предупреждения или описываются какие-либо периоды жизни. Это всё для того, чтобы уберечь человека от непоправимого. Откуда

приходят Видения? Свыше! Тем, кто возвышен и чист духом, кто слышим самим Всевышним, — Видения идут от Него самого. Тем же, кто заземлён и далёк в помыслах от истинного понятия Бога, Видения идут через их Ведущих или Ангелов Хранителей (когда человек крещён).

Не важно, какое религиозное течение исповедует человек. Перед Богом все равны. И каждый получит по своей вере. По вере, что живёт в сердце и душе! А не по принадлежности к той или иной Церкви...

Я ещё раз посмотрел на картины о мире соприкосновения Света и Тьмы. И мне вспомнился один небольшой эпизод.

Подходя к городу, моё внимание привлёк стон. Я прислушался и пошёл на стон. Чуть поодаль от дороги у дерева сидела женщина, она держала одной рукой другую, повисшую без движения. Я подошёл к ней. Она почти закричала:

— Оставь меня! Уйди, дай мне спокойно жить...

Видимо, она меня приняла за кого-то другого. Несмотря на протесты и мольбу оставить её в покое, я всё же осмотрел её руку. Резким движением я вставил выбитый в сторону локоть. Женщина потеряла на миг сознание. Постепенно она пришла в себя.

— Кто ты? — первое, что она спросила, глядя в лицо пристально мне в лицо.

— Я путешествую. И не желаю тебе зла. Пошевели рукой, думаю, что боль уже ушла.

Женщина подвигала болевшей рукой и улыбнулась.

— Боли нет. Благодарю тебя, путник.

— Я могу тебе чем-то помочь?

— Нет, не надо мне помощи. До дома я дойду сама. Если нам по пути, мы можем пойти вместе.

Мы вышли к дороге.

— В какую тебе сторону? — спросила женщина.

Я кивнул головой в сторону города.

— Мне тоже в город. Идём.

Какое-то время мы шли молча. Но всё же я не выдержал и спросил:

— Скажи, кто тебя преследует? Кого ты боишься?

— О чём ты говоришь, путник?

— Когда я нашёл тебя, ты бредила, кричала и умоляла оставить тебя в покое.

— А тебе что за дело до моей жизни? Ты есть и уйдёшь, не оставив после себя ни следочка...

— Может быть, я смогу тебе помочь?

— Помочь? — усмехнулась она. — Чем и зачем?

— Разве нельзя помочь просто так?

— Откуда ты такой взялся? Здесь не бывает ничего просто так. А тебе я не верю, хоть и не боюсь тебя. Прощай! — и женщина резко удалилась в сторону города.

Я был озадачен. Хотя, чему удивляться, если в этом мире рядом идут и добро и зло, сливаясь и переплетаясь. Мне стало странно от мысли: «Если б я жил здесь, потеряв доверие ко всем и всему? Это ужасно — не иметь доверия и потерять веру в людскую доброту и искренность...».

А вот несколько картин о стране Грёз. Они сказочны!

Я осмотрел ещё раз все свои работы. Потом убрал их, чтобы через несколько дней выставить их снова. Но уже на выставке... Я очень волновался за показ работ. Людей собралось много. Я ходил меж ними, теряясь в толпе. Мнения о работах были самые разные. Но выставка прошла удачно. Мои картины, кроме двух, на которых я оставил свой вензель, были взяты Синодом Духовного Образования в свою коллекцию. Так решило управление Синода.

— Николай, это успех! Поздравляю тебя! — поздравила меня Лига, бывшая среди зрителей.

— Благодарю, Лига.

— Я говорила, что тебе надо усиленно заниматься живописью. А ты же всё стоял на своём: поэзия твоё призвание и не более.

— Лига, я не изменил до сих пор своего мнения. Сейчас я работал для себя. Хотя знаешь, движим был внутренней силой, понуждающей меня рисовать. Но быть художником — нет. Моё призвание было и есть поэзия. Я не изменю Музе стиха.

— А что у тебя с работой?

— Пока вот был свободен. Путешествовал, рисовал. Теперь буду ждать распоряжений.

— Что ж, Николай, удачи тебе в работе. И не оставляй всё же живописи. Возвращайся к ней хоть изредка. Не обрывай данного тебе Свыше!

— Благодарю тебя, Лига. Ты всегда была снисходительна ко мне и добра.

- Признательна за искренность, Николай. Прощай.
- Прощай, Лига.

Она слилась с уже рedeющей толпой посетителей и исчезла совсем.

Вечером меня поздравили с успехом Один и Учитель. Мы весело провели время. Один остался у меня, а Учитель, сославшись на работу, покинул нас уже далеко за полночь.

Через месяц после выставки я получил сообщение из Банка Космоса, в котором говорилось о моём ученике и сроке начала работы.

Так был завершён ещё один этап в моей жизни. Конечно, условно. Так я определил это сам для себя, потому что с началом работы в мою жизнь входило что-то новое, ранее не известное мне.

ГЛАВА 14

Работать с первым учеником было интересно. Это, как и при работе с Марком, был ещё почти ребёнок. Тоже девчушка лет десяти-двенадцати. То, что бывает впервой, долго помнится. Но мне хочется рассказать об особом случае.

Путешествуя, я встретил Грея, которому по моему запросу был дан Учитель рисования. Вот таким же образом в ответ на чей-то запрос мне пришёл вызов на работу. Мой ученик жил в одном мире со мной. Когда я увидел его, мне издали бросилось в глаза что-то знакомое в посадке головы. Но я отбросил пришедшую мысль, что мы где-то встречались. Он подошёл ко мне в сопровождении Ведущего.

— Герман, это — твой Учитель. С этого момента ты в полном его подчинении, как был до этого в моём. Помни, что Учитель обо всём информировать будет меня. Желаю успеха. — И он ушёл, оставив нас одних. В его словах об Учителе открыто прозвучала угроза, что его я обо всём проинформирую.

И всё-таки в подростке, на вид лет семнадцати, было что-то знакомое. Даже имя! Мне казалось, что я его уже слышал. Юноша смотрел на меня открыто и доверчиво улыбался мне.

— Герман, права Учителя обязывают меня обо всём давать отчёт твоему Ведущему. Но я думаю, что сложностей в отношениях у нас не возникнет.

— Я буду во всём тебя слушаться. Ты добрый... Я вспомнил тебя сразу, как только увидел. Я всегда очень сильно хотел с тобой встретиться. Теперь ты мой Учитель. Я счастлив!

— Герман, ты должно быть, изменился за время. Мне многое в тебе знакомо. Но я не помню, где мы с тобой встречались и когда?

— Много, очень много лет назад мы встретились у Врат, ведущих в этот мир. Ты тогда раздал всё съестное, что было в дорожной суме. Ты быстро вошёл во Врата, я знал, что ты добрый...

— Герман, а как же ты? — я мгновенно вспомнил тот день и его историю.

— Я ещё года два ждал, пока за мной придут. Совсем измаялся и разочаровался в себе. Думал, что мне так и придётся скитаться во веки вечные.

— Но всё обошлось. Тебе даже дали Учителя, Герман, это уже хорошо. Значит, ты не потерян для жизни. Ты живёшь и будешь жить.

— Ты добр ко мне, Учитель.

Мне было немного странно слышать такое обращение к себе. Как-то сразу же меж нами сложились доверительные отношения. Я не знал проблем с Германом. Помимо поэзии (я должен был развить в нём эту склонность), я ещё многому учил его сам от себя. Отсылая отчёты о происходящем Ведущему Германа, я не раз получал от него указания быть более строгим к нему, не позволять ничего лишнего. Меня корбило такое отношение к Герману. Он был чистым юношей, и не только в отношении со мной, в чём я не сомневался. Однажды я всё-таки решил вызвать его на откровенный разговор. За полгода, что мы были вместе, я не затрагивал события, которые могли причинить боль Герману.

— Герман, я не имею к тебе никаких нареканий. Для меня ты чист, а вот твой Ведущий требует быть к тебе строже...

— Он всегда со мной так поступал, — перебил меня Герман, — я для него убийца и не более... Он не хочет видеть во мне человека.

— Герман, не вини его. У твоего Ведущего цель — воспитать тебя. А у каждого свои методы работы. Главное, чтобы цель была достигнута.

— При этом можно не считаться даже со мной? С моими чувствами, да? — почти прокричал Герман.

— Не обижайся, Герман. Пойми, что очень часто через боль приходит очищение.

— Может быть... Но только ты за всё время видишь во мне человека, а не убийцу. А я-то ведь был оправдан! С меня была снята греховность поступка, хотя я и прошёл путь очищения не из лёгких, пойми, меня не клеймили, я чист, я оправдан! — и Герман протянул ко мне обе руки, широко разводя пальцы. — Видишь, они все целы...

— Не горячись, Герман, прошу тебя, не надо, — и я, подойдя к нему, сильно прижал юношу к себе, — успокойся, не надо, Герман. Ты ещё долго будешь работать со мной. За это время я постараюсь тебя научить очень многому из того, что знаю сам, и тому, что необходимо тебе.

– Благодарю, Учитель! – в глазах Германа, обращённых ко мне, светилась признательность и искренняя благодарность.

Обнимая юношу, я вспомнил Бена. Мне подумалось: то, что я не дал ему, я дам Герману. На этом наш разговор был окончен. Лишь спустя ещё несколько месяцев мы вернулись к разговору, начатому мною.

– Знаешь, Учитель, – как-то сам начал Герман, – я давно хотел поговорить с тобой, только всё не решался. А теперь мне кажется, что я могу свободно говорить о своём прошлом. Воспоминания уже не ранят меня так, как раньше.

– Я говорил тебе, что со временем у тебя изменится отношение ко всему окружению.

– Это благодаря тебе, Учитель.

– Не столько из-за меня, сколько твоё стремление стать возвышенной привело тебя к тому, что ты постиг и ещё будешь постигать. Герман, что есть путь очищения?

– Разве ты не знаешь этого, Учитель?

– Я знаю, что существует путь очищения, я знаю, что для каждого человека он своеобразен. Но близко мне никогда не приходилось сталкиваться с подобным.

– Учитель, хочешь я расскажу тебе о себе?

– Если не тяжело вспоминать...

– Я уже освободился от боли за своё прошлое. Оно со мной, но я свободен от его гнёта... Когда я прошёл Врата, там меня встречал Ведущий. Ты видел его.

– Он все эти годы ведёт тебя?

– Да. Лишь по своему усмотрению выбирает мне Учителей.

– А как же со мной?

– Тебя дали Свыше, без ведома Ведущего. Он, конечно же, знал, но не выбирал тебя. Ему указали и всё. Так вот он встретил меня и всегда был рядом или где-то недалеко.

– Откуда ты это знаешь?

– Я чувствовал его присутствие. Он и теперь часто бывает недалеко от нас. Он следит за нами, точнее за мной. Да и пусть, я не боюсь его больше... Я жил сначала с ним в его доме. Он не позволял мне никуда выходить, а когда я попросил его увидеться с родными, он отказал мне в просьбе.

– Почему?

– Я на особом положении. И до сих пор я никого не видел из своих. Таково наказание осуждённых в изгнание, идущих по пути очищения.

– Я даже и не знал об этом обстоятельстве.

– Скоро будет снят этот запрет с меня. Мне говорил про это сам Ведущий.

– Герман, расскажи мне о пути очищения.

– Это трудно объяснить словами, но я попробую. Понимаешь, остаёшься один и живёшь отведённый тебе срок я не знаю в каком мире. Трудно даже описать всё происходящее, потому что теряешься, где реальность, а где преследующие видения. Здесь всё учитывается: каждый шаг, поступок, каждое слово. Надо во всём контролировать себя. Ошибся – обстановка ухудшается. Поступил благоразумно – становится немного легче.

– Что именно делал ты?

– Я не совсем помню. Так, лишь отдельные моменты, когда разум прояснялся и возвращалось нормальное восприятие происходящего. Всё как в кошмарном сне.

– Не вспоминай, Герман, это мучительно.

– Если честно, то да. После этого кошмара жизнь показалась раем. Хотя длилось это не долго. Я узнал от Ведущего, что на мне запрет: видеть родных не могу. А потом он отдал меня Учителю.

– Чему он тебя обучал?

– Да так, разному. Много я уже умел. С одеждой вот долго не получалось, ничего, научился. Потом он меня дома строить учил, а затем превращать в прах. Интересно. Только холоден он со мною был, во всём строг. Ничего лишнего не спроси – не скажет.

– Его работа такая, Герман.

– А потом ещё три Учителя было. Они отдельно занимались со мной, сменяя друг друга время от времени. Мне хотелось общаться с людьми, а я был заперт в домике Ведущего. Дальше его сада выйти не мог, даже если и очень хотелось. Меня что-то неведомое удерживало. Что спасало – библиотека Ведущего. Когда уходил Учитель, я брал книги и читал. Читал всё подряд, что попадалось.

– А как же с поэзией?

– Не знаю. Само пришло. От тоски и одиночества, наверное. Состояние такое было – вырваться бы из заточения и парить высоко-высоко, глядя на Землю сверху. В такие минуты на душе легче ста-

новилось. Я представлял себе то, что мог бы увидеть. Порой мне действительно казалось, что я лечу... Только вот выразить свои мысли не мог. Нескладно получалось. Я записывал и оставлял их...

— Герман, почему ты мне ничего об этих записях до сих пор не сказал?

— Сейчас много новых идей и слог лучше, всё то — не интересно.

— И всё же, покажи мне твои записи.

— Если ты так хочешь, Учитель, я дам тебе их. Прочти, только без меня.

— Почему, Герман?

— Мне стыдно за посещавшие меня мысли, глупости... — и Герман, положив передо мной на столик свои записи, почти выбежал в сад.

Я прочёл записи и поразился глубине их мысли. Юноша много страдал от одиночества. В этом мы были духовно очень близки.

Ненавязчиво я всё же убедил Германа вернуться к записям и обработать их. Таким образом, у него родилась серия стихов, в которых жило прошлое...

Герман находился в моём доме. Я не имел права нарушать запрет и позволить ему встретиться с родными. Но я сделал для него то, что мог. Я показал ему тех, кто остался на Земле, и тех, кто уже жил здесь. Я не пытался его изолировать от общества, если ко мне кто-то приходил, или я шёл куда-то, Герман всегда был со мной. Его Ведущий не одобрял моего метода работы, тогда я дал запрос в Банк Космоса и получил ответ, что могу свободно обращаться с юношей, не нарушая основных запретов. Таким образом, Герман получил относительную свободу. И я стал брать его везде с собой. Мы много путешествовали с ним по разным мирам. Часто бывали и на Земле, обходя лишь места, где он мог бы встретиться с родными.

Герман быстро всё схватывал на лету. Его поэтический слог восхищал меня. Во многом он превзошёл своего Учителя. Можно было и завершить обучение, но я находил разные предлоги, чтобы ещё хоть ненадолго удержать его рядом с собой. Я очень сильно привязался к Герману.

И вот мне пришла информация: дать полный отчёт о проделанной работе. Это означало только одно — моё время истекло... Герман уйдёт от меня. Единственное, что меня утешало, это то, что юноша окреп духом, приобрёл много знаний и опыта жизни. За двенадцать про-

ведённых вместе лет, я дал ему всё то, что только позволял мне Банк Космоса, обходя запреты, установленные Свыше.

Через месяца полтора, когда был отослан последний отчёт, мы расстались с Германом. Правда, не навсегда. Через несколько лет мы встретимся снова, но тогда об этом мы и не думали...

Когда мы расстались с Германом, у меня осталась некая особая привязанность к Земле. Мне нравилось сходить на Землю и бродить, где придётся. Мне было странно такое влечение. И всё же что-то незримое меня тянуло туда, оно было выше моих сил...

Я не был уже одиноким здесь. Прошло более века, как я живу в этом мире. Пришли мой отец и сестра, мама и она же дочь Анны. Мама прожила на Земле недолгий век, оставив троих детей подростками, она вернулась к отцу, сохранив свой прежний облик. Собрались все близкие. Мы были счастливы! Чего можно желать ещё, ведь мы все были снова вместе!

А меня же что-то незримое тянуло на Землю. В свободное от работы время я спускался на Землю и искал. Да, меня преследовало чувство, что я ишу! Но что я мог найти?!

И вот в двадцатом столетии в начале восьмидесятых годов на земле Казахстана в пригороде крупного города однажды зимой... Я проходил мимо небольшой школы. Дети играли в снежки. И... в какой-то миг девчушка в профиль ко мне показалась до боли знакомой. Я отшатнулся от поразившего меня сходства. Но это только миг! Нет, она не была похожа на ту, что причинила мне столько боли... Мне показалось... Я не мог оставаться здесь больше. На меня нахлынуло множество противоречивых чувств. Я вернулся домой. Я долго не мог овладеть собой, не мог найти себе места. Никого не хотел видеть, избегал любых встреч. Некоторое успокоение лишь приходило в моём излюбленном месте уединения, и то ненадолго.

Чувство, переполняющее меня, не давало мне покоя. Я не мог найти этому чувству имя. Так не могло продолжаться... И вот я вновь на Земле. Я долго искал её, ту, что поразила моё воображение. Хотя на поиски ушло всего около недели, мне эти дни показались вечностью. И всё же я нашёл её!

Девчушка-подросток! Она стала занимать все мои мысли, и я часто, очень часто спускался к ней и ради неё на Землю... Это поселение в горах стало для меня родным...

Бабушка, мама и отец были шокированы моей страстью. Меня поддержала сестра Анна, а Учитель мне сказал:

– Ты нашёл то, что искал. Сбереги своё счастье.

И действительно, я был счастлив! Мир мне показался иным – краски стали ярче. И моя спутница многих лет Грусть оставила меня... Всё стало иным, потому что ко мне пришла Любовь!

Сбылись слова Всевышнего. Я нашёл её Здесь! В этом мире, хоть она и жила на Земле. Я бережно хранил в сердце милый образ. Я что-то должен был делать для неё, но не знал, что... Заметив в ней богатое воображение и целый мир фантазий, я сделал на неё запрос в Банк Космоса. В тайне от меня то же самое сделал и Учитель.

Ответ, видимо, мы получили в один день.

– Николай, я не знаю, как ты воспримешь то, что я скажу тебе, но мне пришёл ответ на запрос. Очевидно, и ты скоро получишь информацию...

– Ты хочешь сказать, что у меня новая ученица?

– Ты уже знаешь?

– Да, Учитель, я знаю, о чём ты хочешь сказать. Я тоже дал запрос и получил ответ.

– Ты рад?

– Безумно рад! Я бесконечно счастлив!

Неполных десять лет она была моей ученицей. Я работал с ней с особым желанием. Она была для меня частью моей жизни. И я отдавал ей всю свою нежность. Долгое время не решался взглянуть на неё, как на душу. Однажды... мне показалось, что милая девушка с золотистыми волосами, которую я встретил в стране Грёз, очень близка и дорога мне. Я чувствовал к ней любовь. Такое открытие меня озадачило. И я следил за ней, стараясь быть незамеченным. Я шёл за ней тенью, пока она не вошла в тело; ошибки не было – это была она! Вот так я впервые встретил её дух.

Я недооценил хрупкую девочку... Её дух очень силен! Я знал о ней, как считал, всё, но ошибся. Мне была известна только её земная жизнь. О прошлом я ничего не знал. Мне не давалась о её прошлом никакая информация, и я решил, что в теле она живёт первую жизнь. Как же я ошибся!

Я посещал страну Грёз и наблюдал за ней. Мне казалось, что она ничего не подозревает. Однако...

— Скажи, как долго ты будешь таиться от меня? — обратилась она ко мне, появившись внезапно рядом со мной в тот миг, когда я потерял её из вида.

— Я не хочу тебе боли, поэтому шёл рядом, не открывая себя.

— Но я с самой первой встречи в стране Грёз тоже ишу тебя.

— Ты ищешь меня? — я был удивлён. — Зачем?

— Мы духовно очень близки. Ты притягиваешь меня. И я знаю, что ты помогаешь мне.

— Помогаю?

— Ну да, ты мой Учитель.

Я был шокирован её ответом. Откуда она могла это знать? Я постарался овладеть чувствами и мыслями, снедающими меня в этот миг массой противоречий.

— Учитель работает, а не помогает...

— Не лукавь, — она перебила меня на полуслове и посмотрела так, что мне показалось: она видит меня насквозь, — ты не только работаешь со мной, но и заботишься обо мне, потому что я небезразлична тебе. Ты радуешься, когда видишь меня.

— Не буду скрывать. Ты права, и для меня ты больше, чем ученица. Но скажи, откуда тебе известно, что я твой Учитель?

— Мне не составило труда узнать об этом. Не спрашивай, как, я едва ли смогу тебе ответить. А вот о твоих чувствах ко мне... — она на миг осеклась и твёрдо с уверенностью взглянула мне в глаза, добавив: — Они взаимны. Прощай, мне пора!

Я не мог двинуться с места. Не ослышался ли я, не пригрезилось ли мне всё происходящее? Нет, всё было реальностью! Мы ещё несколько раз встречались с ней в стране Грёз. Какое же это было счастливое время для меня. Но не долгим оказалось счастье...

Из Банка Космоса мне пришло предупреждение, что я могу лишиться работы со своей ученицей, так как вошёл с ней в тесный контакт. Я знал о таком запрете и всё же нарушил его. После предупреждения я ещё раз искал встречи с ней. Я должен был объяснить ей причину, почему мы не должны более видеться.

— Это значит, что мы больше никогда с тобою не встретимся? — в её голосе звучала боль.

— Нет, что ты! Милая моя, я буду работать с тобой, как и раньше, воздействуя со стороны. Так лучше для нас обоих. Иначе я могу потерять тебя навсегда. Понимаешь?

— Да, конечно, понимаю. Но я уже не смогу забыть тебя. Твой образ будет жить со мной, во мне.

— Милая, я не знаю, на какое время нас разлучают, мне было сказано в предупреждении не видеться с тобой до определённого Свыше срока.

— Что это значит? — в её глазах мелькнула радость и надежда.

— Если б я знал! ...

— Значит, у нас есть надежда на будущее. Николай, я сохранию в себе твой образ, пронесу его через годы. А теперь оставь меня. Я не желаю тебе неприятностей по работе. И до встречи...

— До встречи...

Она оказалась во много раз сильнее меня духом! Я чувствовал, что сказал и объяснил всё, что был должен, но во мне не было силы первому сказать ей: «Прощай». И она это сделала за меня.

Мы расстались почти на десять лет. Конечно, я работал с ней, заботился, но мы не виделись. Точнее, я мог её видеть, она же меня — нет...

Я настолько проникся её образом, что жил её миром, её восприятием жизни. Вместе с нею и радовался, и грустил, и переживал...

Во всех мужчинах, встречавшихся на её пути, она пыталась найти меня. Я видел и знал это, но ничего не мог сделать, чтобы хоть как-то облегчить ей внутреннюю борьбу с самой собой.

Милая моя, она жила глубоким внутренним миром, в который редко кого впускала, а если, впустив, потом теряла, то очень долго и болезненно переживала потерю. Тайно и безответно она влюблялась. Не находя в избраннике ничего общего со мной — разочаровывалась и от этого сильно переживала. Мой образ хранила её душа. А сознание металось от противоречивых чувств...

И вот однажды мне пришло Свыше через Банк Космоса сообщение, что я могу вступить в прямой контакт со своей ученицей. Запрет на встречи снят. Мы должны донести до людей очень важную информацию. И с этого момента будем работать вместе в любое время дня и ночи...

Как же мы были счастливы!

Но её жизнь шла своим чередом. Много из наших встреч она не помнила, лишь отдельные моменты. И тогда в её устах рождались прекрасные стихи. Она силою слога превзошла меня. И, работая с ней, я многому учился сам.

Изредка я приходил к ней, и мы вместе проводили счастливое время. Я много рассказывал ей об Учителе, Николосе и Одине. Ей было интересно увидеть сад и цветник, где растут говорящие цветы.

Выбрав момент, когда Лючия на несколько дней уходила к своим родителям, мы побывали у Николоса в гостях.

К дому мы шли через поле пшеницы. Ветер развивал материю её голубого платья. От ходьбы и ветра выбивалась прядь волос: золотистые они становились ещё ярче в отливах пшеницы. Её щёки зарумянились. Подходя к дому, мы оказались возле колодца.

– Давай попьём воды, Николай. Иначе я сгорю от жажды, – и она сама стала поднимать ведро с водой из колодца.

Подойдя к ней, я помог. Она жадно пила воду.

– Нам ещё долго идти?

– Нет, домик не виден из-за зелени деревьев.

– Так вот здесь уже начинаются владения старца Николоса?

– Да. Я попросил его принять прежний облик старца, чтобы ты увидела его таким, каким я его встретил.

– Идём быстрее, это так интересно! – и она быстро зашагала по дороге к дому.

Ей немного не повезло, в этот день ни один цветок не спел песенки. Но Николос показал уже срезанный цветок. Каким же счастьем светились её глаза. Сколько же было радости и впечатлений!

Николос потчевал нас чаем на травах и душистым мёдом. Мы сидели за столиком в саду, где насвистывал соловей. Время летело быстро. Нам пришла пора возвращаться...

Несколько раз мы бывали с ней у меня дома и, уходя на озёра, катались на лодке. Однажды она танцевала для меня. За время танца на ней несколько раз менялась одежда. Она была божественно прекрасна. Никогда не забуду этого танца, когда движения сливаются воедино с музыкой и рождаются с состоянием души, а одежда отображает настроение и дополняет линии движений!

Мы побывали и у Одина на Радужной. Я не смогу забыть этот день. Под раскидистыми деревьями возле дома была натянута полотняная кровать-качалка. Один ненадолго отлучился, попросив меня:

– Николай, если не трудно, сходи на рынок. Я не ждал гостей; возьми, что считаешь нужным, я быстро вернусь.

– Хорошо, Один, мы подождём тебя.

Она осталась отдыхать возле дома в кровати, натянутой между деревьям, а я сходил на рынок.

– Николай, что же ты так долго! Я ждала тебя и мне казалось, что ты не вернёшься...

– Как же я мог тебя оставить...!

Когда вернулся Один, нам пришла пора возвращаться. Мы немного поговорили и... она вернулась на Землю...

Помню, как мы гуляли по лесу, и я решил показать чудесный родничок леса! Его жемчужину! Прекрасную и неповторимую. Мы подошли к родничку. От воды шла ощутимая прохлада. Рядом с родничком стояла кружечка из бересты. Я зачерпнул воды. Немного отпил и протянул ей.

– Николай, что это?! – взяв из моих рук кружечку, удивлённо воскликнула она.

Да и было чему удивиться. Чаша родника наполнялась по капле. Капельки жемчужинами падали с каменистого выступа над родничком. Она, очарованная увиденным, затаив дыхание, следила за капелькой, падающей в чашу родничка. Упала ещё одна жемчужинка и... тишина.

– Я никогда не видела подобного! Какое же это чудо!

– Ты рада... Я знал, что ты удивишься родничку.

Ещё мне вспоминается встреча, когда мы бродили у реки. Посмотрев на водопад, мы поднялись вверх по течению. На лугу было много цветов, они благоухали, над цветами порхали бабочки.

– Николай, давай немного отдохнём здесь.

– Если ты хочешь, я не возражаю.

Она склонилась над прекрасным лиловым колокольчиком, вдохнув его аромат, а меня осенила мысль сделать из цветов венок для неё. И я воплотил в жизнь свою затею.

Я хотел надеть ей на голову, но она отстранила мою руку, сказав:

– Не надо, Николай; есть такая примета – к разлуке дарят венки. А я не хочу с тобой расставаться.

– Я не знал...

– А мы его предадим воде, пусть она его примет в дар от нас, – и бережно опустила венок на гладь воды. Лёгкое течение понесло венок к водопаду...

Как много всего пережито! В моём сердце жила с радостью боль... К ней пришла любовь на Земле. В чём-то она в своём избраннике видела меня. Она тянулась к нему и сердцем, и душой. Она металась, мучилась от внутренней борьбы. Видя её муки, страдал и я. Страдал потому, что ничего не мог изменить в происходящем и никак не мог на неё воздействовать, чтобы облегчить переживания. Я боялся её потерять...

Что-то вмешалось в её жизнь Свыше. Они не ругались, но... расстались. Мне стыдно признаться в своём эгоизме, но глубоко внутренне я был рад, что он ушёл от неё. Я метался и переживал не меньше, чем она. Меня одолевали сомнения, но наши встречи говорили о том, что мы по-прежнему духовно близки и неразлучны, что ничто не стоит между нами.

Не знаю, зачем и почему на её долю выпало ещё много испытаний. Я знал о них, но не имел права обмолвиться даже и словом. Иначе могло всё рухнуть. Чтобы мы могли соединиться, мне было определено Свыше — стать её сыном...

О! Как я переживал и молился за неё, чтобы в час испытаний она не ошиблась, не оступилась! Она должна была пройти путь соблазна, на который не поддавалась, тогда ей усложнили ситуацию, подведя события так, что она могла быть изнасилована! Я не мог этого пережить, но и сказать ей не мог ни слова. Милая моя с именем Бога на устах вышла из этой борьбы. Она осталась чиста и верна своему обету! И это для неё было не последнее испытание. Но мне стало спокойнее: самое страшное она прошла...

Как много значит — потерять девичью честь! Женщине это дано Свыше. Переступив запретную грань — всё равно, что совершить самоубийство! Нет, переступившие грань запрета не попадают в мир самоубийц, но ломают себе жизнь и несут Карму ответственности уже на Земле, а потом и здесь, в этом мире. Те, кто по своей воле отдаётся мужчине вне брака, горько каются. Одно то, что рушится жизнь женщины на Земле, другое — она здесь проходит путь искупления. Он не из лёгких.

А как же те, кто подвергается насилию против своих убеждений? Они не несут ответственности за свершившееся, если сделали всё возможное, чтобы избежать насилия. Однако ситуация судится только Всевышним, только Он решает правоту события.

Те же, кто встаёт на путь проституции... мне претит это слово. Эти души обрекают себя на гибель. Падшая женщина и здесь остаётся пад-

шей. Она приходит порочной, то есть не свободной от порока, и продолжает свои деяния и здесь. До тех пор, пока не деградирует как личность. Если же есть шанс восстановить дух, он даётся через возврат на Землю и жизнь, полную искушений и соблазнов, чтобы полностью увериться в избавлении от порока.

Жизнь падших женщин ужасна — они не знают приюта, их жилища даже если и роскошны — всегда лишь плод воображения, а не реальность. Они заманивают жертв в свои сети, а чаще бывают сами жертвами у блуждающих и тоже падших духов, особенно если попадают в мир соприкосновения Света и тьмы.

Я и сам когда-то попал под чары падшей женщины. Изменив свой облик, она заманила меня к себе. Спасло же меня Чудо!.. Жутко вспомнить её настоящий облик... даже по прошествии многих лет.

Горек удел и пьяниц, не избавившихся от порока Зелья на Земле. Они не могут здесь жить спокойно, их преследует Дух зелья, которому они отдаются, пристращаясь к алкоголю. Освободиться от его влияния трудно! Таких людей преследует запах спиртного до тех пор, пока они не находят путь удовлетворить растущую день ото дня прихоть: во что бы то ни стало соприкоснуться с одолевающим запахом. Путь к удовлетворению прихоти прост — Земля!

Дух, одолеваемый духом зелья, спускается на Землю и находит человека, употребляющего именно тот спиртной напиток, запах которого преследует его самого, и пристраивается к нему. Становится блуждающим духом! Человек пьёт, а дух через него вдыхает пары зелья, чем вынуждает человека пить всё больше и больше, и чаще.

Блуждающий дух постепенно деградирует и разрушается как личность. Но человек, к которому он пристраивается, тоже деградирует по-своему на Земле: меняется его облик, образ жизни и многое другое... Возле одного человека может собираться до десятка, а то и более блуждающих духов. Часто такой человек обречён на гибель.

Не все пьяницы, придя в этот мир, обречены на гибель. Есть души, которые через возврат на Землю полностью восстанавливают свой дух.

Шанс к возрождению даётся каждому. Используя его, можно обрести жизнь, а можно и усугубить своё положение. Жизнь на Земле полна соблазнов...

Мои переживания доводили меня до отчаяния, в такие минуты я удалялся в излюбленное место уединения у реки, только там обретал

успокоение. Я знал, что самое тяжёлое для неё позади, но предстояли и другие события...

Теперь уже все переживания позади. Она осталась верна своему обету и встретила человека, моего будущего отца, с которым чистой пошла под венец.

Я не хочу рассказывать о том, как душа воспринимает зачатие, готовясь к переходу на Землю.

Своих родителей я знал, мне предстояло выбрать путь на Земле. Из семи предложенных мне вариантов я выбрал три и составил для себя единый путь. Возможно и такое, хотя чаще выбирается уже готовый вариант.

О своей грядущей Земной жизни я не имею права говорить, чтобы избежать перемен. Всё, о чём могу поведать — мне в этой жизни очень часто не хватало решительности, а с нею и мужества. Я часто метался, сомневался... Поэтому, идя на Землю, я ставлю перед собой задачу — быть сильным, стойким, решительным, мужественным. Одним словом — мне необходимо укрепить свой дух, закалить себя и воспитать в себе силу воли. Это не значит, что я совсем безволен, иначе мне не доверили бы работу Учителя, но я хочу приобретённые за годы черты характера сделать более устойчивыми.

При выборе жизненного пути определяется и срок или дата прихода на Землю, исходя из которой вычисляется момент зачатия.

В момент зачатия между душой, идущей на Землю, и родителями устанавливается некая связь, которая сохраняется до смерти с матерью. С отцом же ниточка, связывающая его и плод, обрывается в момент родов. При этом отец не теряет с ребёнком ни кровного, ни духовного родства. Всё сохраняется. С матерью же эта связь более прочна: она существует в астральном виде и тянется от пупка ребёнка к матери, на каком бы расстоянии они ни находились. Эта связь прерывается лишь со смертью одного из них. Одно из основных предназначений женщины на Земле — полностью и всецело посвятить себя воспитанию детей. Поэтому так сильна связь между ею и детьми. Отец, конечно, тоже должен воспитывать своих детей. К тому же мужчина несёт полную ответственность за рождённых от него детей, даже если он и не знает о таковых. Это усиливает его ответственность за брошенное семья, потому что мужчина, как и женщина, должен соблюдать чистоту плоти.

Так вот, в момент зачатия образуется связь между родителями и душой, идущей на Землю. Между мной и родителями тоже образовалась такая связь. Изменилось ли моё состояние? Конечно, да! И очень сильно!

Душа, идущая на Землю, переходит на особое положение, потому что чувствует постоянное тяготение к строящемуся во чреве матери плоду – своему будущему телу. Прихоть женщины к чему-либо – не её прихоть, а потребность плода и духа. В первом случае – необходимые элементы берутся из поступающей пищи. А во втором – потребность духа, которая возникает из-за образовавшейся связи между телами и самим духом.

При строительстве тела и его росте дух испытывает некоторое состояние дискомфорта. У меня же возникает ощущение, что я нахожусь в некоем изолированном пространстве. Это пространство заслоняется от меня стеной, как если бы я просто стоял, а меня по кругу закладывали кирпичами, оставляя при этом некоторое пространство, чтобы я мог относительно свободно двигаться. Это только мои ощущения, моё восприятие происходящего, что совсем не обязательно для других. В первые недели беременности моя мама испытала приступы, ведущие к сбросу плода. Она ощущала боль физическую и испытывала страх потерять зародившуюся в ней жизнь. Мне же было относительно легче. Я не испытывал боли физической, боль была иной. Нить, связывающая меня с матерью, резко сокращалась, и я испытывал сильное тяготение к плоду (телу). И то некое изолированное пространство, в котором я постоянно ощущаю своё присутствие, сжималось, пульсировало вокруг меня, пытаюсь повергнуть во тьму. Я ещё раз говорю, что это – мои ощущения и восприятие происходящего, что не обязательно для других...

Через несколько месяцев мне предстоит путь в Долину Перехода к Озеру Забвения, а оттуда – на Землю...

Трудно сказать, что испытывает душа в момент схода на Землю. Я знаю лишь, что со стороны она смотрится маленькой звёздочкой или огоньком, движущимся по Млечному Пути к Земле.

Как соединяется душа с телом – таинство Божье. Что испытывает душа при соединении с телом? Не знаю. Но травмы, полученные телом при родах, сохраняются; они запечатляются мозгом. Значит ли это, что дух соединяется с телом ещё до выхода из чрева?..

ГЛАВА 15

Прослежен мой путь от прихода в этот мир и до возвращения на Землю. Самые основные события, мне кажется, я затронул и описал. Не знаю, насколько мне удался замысел книги, но я старался, чтобы она была лёгкой в чтении и доступной в понятии для любого Человека, в чьи руки она попадёт.

Думаю, что за несколько месяцев до пути в Долину перехода ничего не изменится. А что касается моей жизни в последнее время, то в ней ничего особо не изменилось, лишь образовались связи с моими родителями, которые я постоянно чувствую. А в остальном, я по-прежнему живу в своём доме, правда, свободен от работы, поэтому много свободного времени. Что делаю? Отдыхаю. Под настроение рисую, развивая руки, и закрепляю приобретённые навыки. Когда лирика наполняет моё сердце — пишу стихи. Слежу за садом и работаю над завершением книги. Уже всё написано, мне осталось передать лишь немного ещё. А именно то, что при уходе на Землю дом не всегда разрушают. Часто он остаётся и ждёт своих обитателей. Так поступлю со своим домом и я. Во время моего отсутствия за домом и садом будут присматривать родные и друзья. Сейчас я живу дома. Но такое бывает не всегда и не со всеми.

Очень часто идущие на Землю по несколько лет живут в средней части Долины Перехода, откуда хорошо просматривается Земля. Когда приходит время идти на Землю, душе даётся выбор — несколько судеб, то есть несколько Земных путей. И дух вправе в течение нескольких лет следить за своими будущими родителями, чтобы после определиться в предстоящем конкретном выборе жизни на Земле. Таким образом, дети выбирают своих родителей сами. Выбрав, они зависят над ними в ожидании момента зачатия.

Как же живут в Долине перехода? Строят временное жильё, а также — всё остальное. Лишь изредка забредающих в такие селения Путников сорока дней они не имеют права ни во что посвящать, ни о чём говорить или предупреждать. Они могут проявить сострадание и участие к Путнику, дав ночлег и пищу, но не более. А могут проявить полное

равнодушие и безразличие, всё будет зависеть от внутренней возвышенности живущего в Долине Перехода.

Вообще, уровень организации Человека часто определяется проявлением открытости и доброты к окружающим, в каком бы виде ни проявлялась доброта и стремление помочь.

Если что-то делаешь для другого Человека, никогда не попрекай его сделанным и не жалея уже отданного. Отдай то, что не жалко. А если где-то внутри тебя что-то беспокоит, лучше откажи, чтобы потом за глаза не обсуждать с другими свои «благодаяния» и «неблагодарность» того, кто принял твою помощь и поддержку. Человек, принявший твою помощь, благодарен и признателен тебе. Не сетуй, если он тебя ничем не отблагодарил и, может быть, даже не сказал: «Спасибо». Всегда помни: то, что отдаёшь, вернётся к тебе самым странным и необычным образом. Таков закон Космоса. И старайся не отвечать злом на зло, это только породит ещё большее зло! Если не можешь ответить добром, просто смолчи, уйди с дороги в сторону. Так будет лучше. А за оказанное тебе доброе дело, пусть даже самое незначительное, не бойся благодарить, говоря: «Спасибо». Ведь «спасибо» — это сочетание трёх слов: «Спаси тебя Бог!»

А приветствуя друг друга, когда говоришь: «Здравствуй», желаешь быть в здравии. Ошибочно мнение о желании здоровья. Ведь здравие — это общее состояние тела и духа, а именно — их чистота.

Доброта и искренность — черты, которые должны преобладать в Человеке. А если они не чисты, надо работать над собой, воспитывать их в себе. К такому выводу я пришёл очень много лет назад, когда постигал науки этого мира, Человек должен сам совершенствовать себя, только так возможен общий процесс развития мира и человечества в Космосе!

Человек должен развивать себя сам, заботясь о душе прежде всего. Но нельзя забывать и о теле. То, что дано Природой, изменить нельзя, но усовершенствовать и несколько преобразить — можно. Стойкость и настойчивость в воспитании и закалке тела совершенствует и дух. Воспитание души же зависит всецело только от человека! Окружение влияет на человека, и очень сильно, однако противостоять всему чуждому для его души может только сам человек. Каким бы он ни был на вид сильным по духу или безвольным (ведь внешний вид и производимое впечатление — далеко не истинное лицо и суть самого человека), его сущность заключена в теле и именуется душой.

Что представляет собой душа, ни один человек не сможет раскрыть в другом, да и в себе самом не часто осознает истинное своё лицо, потому что здесь стоит печать тайны Творца.

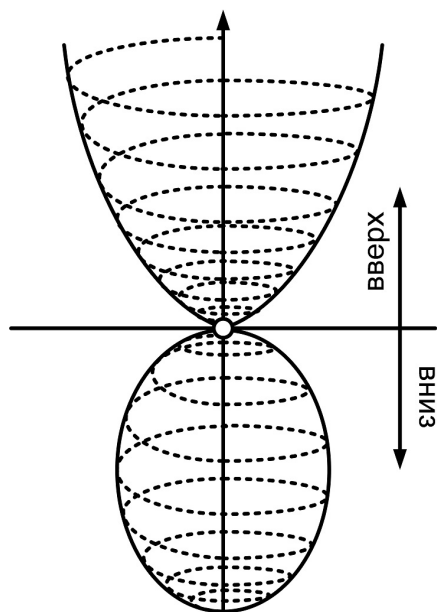
Я немного ударился в философию, но без неё никак нельзя обойтись, потому что философия развивает интеллект человека и влияет на формирование личности. Не надо заикливаться на чём-то одном. Надо расширять свой кругозор и время от времени анализировать всё: свои поступки и действия, желания и мысли, окружающие события и другое — всё то, что представляет интерес для каждого в отдельности. Всестороннее развитие человека — залог успеха в его совершенствовании как духа, так и личности. Развиваясь сам, человек увлекает за собой и других людей, тех, кто общается с ним. В своём совершенном развитии человек не может оставаться одиноким, даже если он по характеру замкнут. Накопившиеся в нём знания и открытия рано или поздно найдут выход и обязательно кому-то будут переданы.

Человек как личность — очень сложное создание, потому что в нём живёт и борется несколько начал: прежде всего в теле живёт дух — это начало от Всевышнего; само тело — плоть — это начало, данное Природой; в теле же ещё живёт одно начало — родительское — то, что называют наследственностью. Эти три начала влияют одно на другое, так как находятся в едином целом — в Человеке. Они формируют его сознание и влияют на совершенство личности отдельного индивида.

Может возникнуть вопрос: как же всё это исчисляет для себя душа, идущая на Землю, при выборе родителей? Дух, идущий на Землю, выбирает себе родителей. Это так. Но от него сокрыто очень многое, а именно то, что ему будет дано Природой и родителями. Это дополнительные испытания духу. Это таинство Творца!

И ошибочно мнение, что придя в мир иной, оставив бренную плоть, человек обретает Вселенские знания. Конечно, ему будет открыто и доступно то, что не известно даже более развитому человеку, но облачённому в плоть. Но чтобы приобрести Знания Вселенной..., надо пройти очень много ступеней всестороннего развития — и живя в теле, и будучи свободным от него.

Я очень много путешествовал и пришёл к выводу, что мир Вселенной развивается в двух основных направлениях, которые можно определить условно так: вверх и вниз; если провести линию, разделяющую эти два направления, то можно вывести несколько закономерностей. Попробую изобразить графически и объяснить.

Центр О – условно разделяющий два основных направления развития Мира Вселенной, на рисунке выглядит маленькой точкой. На самом же деле это очень обширная область, в центре которой находится планета Земля с её видимым и ощущаемым при соприкосновениях для человека миром. Далее же идут области, предполагаемые разумом человека, но не всегда объяснимые ввиду их утонченности и трудности восприятия. Иначе сказать – то, что чувствует, но не видит человек, хотя вполне реально ощущает эти соприкосновения с чем-то кажущимся нереальным или потусторонним. И всё это лишь из-за того, что человек не может найти веских материально подкреплённых доказательств. Попробую объяснить то, что на рисунке идёт в развитии вниз.

Это условно можно назвать Миром Тьмы и Зла.

Этот мир развивается по спирали. На каждом новом витке он расширяется и приобретает новые совершенства в количестве. Достигнув определённого уровня, он начинает сужаться, приобретая новые совершенства, но уже – совершенства качества. Достигнув же полной гармонии Совершенства Зла, этот мир уничтожает сам себя. Иначе я бы сказал: Зло самоуничтожимо в совершенстве развития, и только! Но несовершенное зло порождает новое зло. Поэтому никогда не отвечайте злом на зло, грубостью на грубость. Этим вы породите новое зло и новую грубость, которые опутывают и увлекают за собой, доводя до самоуничтожения личности и духа. Если уж нет силы ответить добром на зло, лучше просто промолчать. Это будет своего рода проявленное милосердие и к себе, и к тому, кто содеял злое.

О развитии Мира Вселенной вверх мне говорить сложно, потому что я не достиг его предела. Миры и области тоже развиваются по спирали по несколько иным закономерностям. Каждый виток вверх занимает более обширную область и более совершенен в качестве совершенства. Но это теория и мои предположения. Я не утверждаю, что всё происходит именно так, ведь я сам не достиг истинного совершенства в своём развитии...

А теперь попробую объяснить, что есть центр «О» на рисунке, или Земля. Ведь на Земле, с миром, видимым для человека, существует и мир, невидимый в обычных условиях, а проявляющийся в особых ситуациях. Как уживаются эти два мира? Просто. Мир невидимый существует в другом измерении. Поэтому он и невидим. Что собой представляет этот «невидимый» мир? Это мир злых и добрых духов.

Нет ничего необычного в разговорах о домовых, потому что домовые реальны. Однако кто их видит? Они и есть представители Мира, не видимого человеком. Также на Земле не видимо для человека обитают и разные духи: добрые и падшие, деградирующие в своём развитии. Падшие духи преследуют людей, тянувшихся к тому или иному пороку (греху). Добрые же — помогают людям. И здесь вновь проявляется взаимодействие двух противоборствующих сил — Добра и Зла. Кто же эти добрые духи? — Ранее жившие на Земле и, конечно, Ангелы!..

Ранее я рассказывал о Мире соединения Добра и Зла. Говорил о том, что этот Мир очень близок к Земле. Это так. Однако следует уточнить такую деталь: Мир соединения Добра и Зла близок к Миру Земному по характеру проявления как добра, так и зла, при этом планета Земля — лишь часть этого Мира.

Сюда же можно отнести и Страну Грёз, потому что области этой страны и Мира соединения Добра и Зла во многом соприкасаются. Это проявляется в выходе души из тела во время сна человека. Жизнь человека во сне существует параллельно с его жизнью бодрствования.

Кроме этого люди говорят и слагают сказки, легенды и предания о леших, водяных, кикиморах и прочих духах. Все они — тоже реальные существа и жители не видимого человеком Мира, параллельного Земному. Любой водоём, даже маленький родничок, имеет своего духа. В любой рощице, я не говорю о лесах и борах, есть свои духи. Также и сёла, города имеют своих, покровительствующих поселению, духов. И все эти духи уживаются друг с другом, образуя своеобразные общества. Так вот, в итоге можно сказать, что обитатели Мира Соединения Доб-

ра и Зла, страна Грёз и сама планета Земля и есть центр «О» на моём рисунке.

Конечно, сложно всё это уместить в воображении и осознать, но... такова истина, и её остаётся принять такой, какая она есть. Чтобы понять, надо размышлять, а размышление в свою очередь — это путь к совершенствованию духа и личности Человека. Однако, совершенствуются не только люди, но и духи.

Вот и я должен совершенствоваться дальше. Для этого и иду на Землю, но прежде передаю те знания, которые открылись мне...

Самая далёкая планета, на которой я побывал за время своих путешествий, это планета Алого Жемчуга. Мне не хватит слов, чтобы описать красоту! Яркость красок, множество оттенков и тонов, образующих единую гамму цветовой гармонии. Здесь не живут. На этой планете отдыхают те, кто может достичь её из пределов Миров Вселенной (на рисунке развивающихся вверх).

Невольно возникает вопрос: Почему же здесь никто не Живёт долго? Ответ не сложен. Красота планеты Алого Жемчуга пьянит! И даже изысканное воображение не в состоянии передать эту красоту и гармонию, и те ощущения при соприкосновении с ней. Здесь можно отдохнуть, отвлечься, уйти от всего тяготеющего, но оставаться долго — нет.

Когда находишься на этой планете, возникает ощущение внутренней полной гармонии со всей Вселенной, со всеми Мирами, со всеми Реальностями. Ведь во Вселенной существует не одна Реальность! Всё, что описано в этой книге, относится лишь к одной существующей истинной Реальности, в которой живут люди в теле на Земле и вне тела в Мирах, параллельных Земному, не видимых Человеком. Существуют и другие истинные Реальности, которые от Начала развития идут иными путями существования...

Так вот, чем дольше я находился на планете Алого Жемчуга, тем больше я ощущал своё несовершенство. И мне хотелось оставить этот мирок гармонии, чтобы вновь вернуться сюда, но уже более совершенным в развитии, и вновь пережить гармонию со всей Вселенной на новом витке существования (жизни)...

А ещё я побывал на планете Великого Океана, о которой мне хочется рассказать, а именно о её необычности. Здесь, как и на планете алого Жемчуга, никто не живёт, во всяком случае, подолгу. Но здесь всегда очень оживлённо. Изысканность и утончённость красоты этой

планеты ни с чем не сравнимы: они отличны от всего, виденного мною.

Большую часть планеты занимает водное пространство. А большая часть суши сосредоточена в одном месте, как раз там, где находится вход в подводный мир. И по водному пространству располагаются отдельные острова и группы островов. Довольно живописно!

Наибольший интерес у меня вызвал «Подводный Мир» – Ламинарий, сооружение колоссальных конструкций и размеров. Все проходы и тоннели из материала, похожего на стекло, но более прочного. Чтобы осмотреть хотя бы как можно больше, я провёл на планете Великого Океана около шести недель. Отдыхал я в доме для путешественников на одном из многочисленных островков вдали от шумной толчеи на основной части суши. Больше же время я проводил в Ламинарии.

В Ламинарии я сначала обследовал близкие к суше проходы. Сюда ещё проникает свет с поверхности воды. Это мир, очень богатый растительностью и разнообразен живностью. Чем дальше и глубже проникаешь по ходам Ламинария, тем всё сильнее изменяются виды растительности и живности. Постепенно исчезает свет, идущий с поверхности, зато появляется иное освещение – искусственное. Этого света хватает, чтобы рассмотреть близлежащее пространство за отгораживающим от воды сооружением.

Мне больше понравились виды на большей глубине, где, казалось бы, должно быть меньше растительности и живности. На первый взгляд, пожалуй, всё так и выглядит. Однако... Если присмотреться: водоросли здесь мелкие и грубоватые, они почти сливаются по цвету с грунтом и из-за этого едва различимы. Я не думал под такой толщей воды в кристалликах льда обнаружить жизнь. Но...

Я долго наблюдал за игрой света и тени, возникающей при едва заметных движениях водорослей. Потом моё внимание привлекли яркие молниеносные поблёскивания. Казалось, что это переливаются впущенные в воду жидкие металлические кристаллы. Я заинтересовался этим движением. Вдруг все исчезло. А немного позже, когда я хотел уйти, движущиеся огоньки вспыхнули чуть в стороне и близко к плотному сооружению Ламинария. Тихонько, чтобы не вспугнуть (ведь это были живые существа), я подошёл ближе и стал всматриваться. Оказалось, что это выхваченные искусственным освещением маленькие рыбки. Их было много, и двигались они быстро и несколько хаотично. На свету же переливались чешуйки, образуя блики света в воде. На-

сколько позволяло освещение, я мог наблюдать за ними. Рыбки резвились, общипывали водоросли, гонялись за чем-то ещё более мелким, чем они сами, у самого дна. Что же они догоняли — я так и не смог рассмотреть, как ни пытался. Или они надолго зависали на одном месте, казалось, становились совсем бездвижными. Больше всего меня удивило то, что эти мелкие рыбёшки свободно передвигались и среди сгустков, образованных кристаллами льда; их не тяготило невероятной силы давление толщи воды.

Я ещё несколько раз спускался на эти глубины, чтобы полюбоваться игрой «живых огоньков» — так я назвал рыбёшек. Рыбки должно быть совсем не имеют мяса, лишь жир. Иначе как им выжить в такой холодной воде?!

В средней же части Ламинария можно встретить всё что угодно: от медуз, морских коньков и звёзд разных форм и окраски до гигантских китов и акул. Я как-то наблюдал захват экзотически красивым «цветком» неосторожной рыбки, которой я любовался. Этот цветок — одно из существ кишечнополостных.

Когда проходишь по коридорам Ламинария, иной раз невольно отшатываешься от стен сооружения, когда акула невзначай тыкается носом в стену, или из тени какого-нибудь укрытия протягивает свои щупальца осьминог... От креветок и крабов до тюленей и моржей... Богат этот мир подводной и надводной живностью и растительностью.

Я много времени исследовал закоулки Ламинария, но мне кажется, что не осмотрел и половины того, что здесь имеется. Однако и от увиденного осталось достаточно впечатлений...

О чём мне хочется ещё рассказать, так это об области Искусств.

Что это такое?

На словах сложно объяснить. Попробую несколько как бы разложить на составные части.

Существует ряд планет, которые расположены так, что образуют по форме квадрат или вытянутый параллелограмм, всё зависит от того, откуда на них смотреть. Вот эти планеты и образуют мир Искусств. Они населены.

Вверх от планет (конечно, понятие «вверх» абстрактное) располагается область чистой (иначе, нетронутой) и возвышенной материи, где сосредоточено большое количество самой разнообразной информации — будь то о живописи, музыке, литературе и так далее. Здесь, в этой

Чистой области Информации нет жизни. Это лишь область материи, несущей информацию.

На планетах же Мира Искусств живут люди, достигшие определённых высот в развитии и совершенстве; либо те, кто постигает недостигнутое и неусовершенствованное, чтобы после закрепить приобретённое в теле на Земле...

Я шёл по одной из планет Мира Искусств. Мне было всё интересно. Природа живописна, а животные ходят свободно, не пугаясь людей. Дома самые разные. Что меня удивило — я не видел ни единого роскошного дворца или замка, как на Радужной планете. Все дома разные по конструкции и замыслу. Самое высокое сооружение, что попало мне по дороге, — это дом с мансардой под конусообразной крышей. Именно в этот дом я и решил зайти.

Во дворе никого не было. Я постучал в дверь, так как не нашёл другого оповестителя. Тихо. Дверь приоткрыта. Я каким-то внутренним чутьём уловил, что хозяин дома. Открыв дверь, я вошёл в дом и приветствовал:

— Мир этому дому.

В ответ мне — тишина.

Решив, что я обманулся в присутствии хозяина, я хотел выйти. Но моё внимание привлекло лёгкое колыхание занавеси на дверном проёме в комнату у окна. А ещё через мгновение появился молодой человек в восточном одеянии.

— Проходи, странствующий человек, — обратился он ко мне, — располагайся, чувствуй себя как дома. А я на время отлучусь. После — я в твоём распоряжении.

И он так же бесшумно исчез, как и появился в комнате с занавесями в дверном проёме.

Я прошёл и осмотрелся. В комнате, где я находился, было много окон, и она в силу какого-то внутреннего расположения казалась круглой, хотя снаружи дом вовсе не был таковым. Обстановка в комнате в восточном стиле. Я удобно расположился на полу среди множества подушек, пуфиков и прочего. Хозяин не заставил себя долго ждать. Всё так же бесшумно он вошёл в комнату, неся на подносе разнообразные ягоды и фрукты. Он поставил на невысокий столик поднос с угощениями и опустил на пол, скрестив по-турецки ноги.

— Меня зовут Расул, — представился он. — А как твоё имя?

– Николай.

В облике хозяина загадочного дома было что-то восточное. Да и имя он назвал такое, что я его не сразу запомнил, а лишь повторив его несколько раз про себя.

– По твоему виду и облику, ты – путешественник. Я не ошибся?

– Нет, я действительно путешествую.

– Думаю, что не ошибусь и на этот раз, сказав, что войти в дом ты решился из-за странной его формы.

– Да, и это так. Должно быть, я не из числа первых, заходящих в гости по этому поводу? – спросил я хозяина.

– А ты достаточно проникателен, хотя и вышел не из Высших Миров, да не оскорбят твой слух мои слова.

– Что ты! Я не в обиде за сказанное. И иду с планеты Озёр.

– Я не был там, но одно время жил на Мраморной.

Наступила небольшая пауза. Казалось, что Расул погрузился в воспоминания. Затем, словно стряхнув с себя тени прошлого, он сказал:

– Угощайся, фрукты свежие. Я только что собрал их в саду. И спрашивай... Спрашивай всё то, что тебе интересно.

– Скажи, Расул, за счёт чего эта комната кажется круглой?

– О! – он засмеялся. – Это обман зрения и только. Свет, поступающий от крыши, так рассеивается. От этого комната кажется круглой. Да я ещё и обставил её так, что создаётся полная иллюзия круга.

Я тоже улыбался, потому что обнаружил, что присмотревшись, заметил углы.

Потихоньку меж нами завязалась беседа, постепенно склоняющаяся к философским вопросам.

– Ты силён в философии, Николай, – говорил мне Расул, – знаешь много глубин, ещё не исследованных хорошо. Ты знаешь область чистую и возвышенную над нашими планетами Мира Искусств! И мне, чем больше я в них углубляюсь, тем больше открывается неизвестного и неизведанного. Ведь философия – тоже искусство. Искусство, которое не принято на Земле как таковое направление.

– Почему ты так думаешь?

– Думаю?! – воскликнул Расул. – Нет. Утверждаю! Философия – это искусство, включающее в себя так много составных частей и направлений, что его безжалостно расчленили. Но со временем эта наука, как принято называть её на Земле, обретёт первозданный вид, объединив в себя все те понятия, которые ей присущи. И тогда...

Расул оборвал фразу на полуслове и на время погрузился в себя, о чём-то размышляя.

– И тогда, – продолжил он после паузы, – тогда зазвучит новая музыка!

– Музыка? – я удивился такому итогу размышлений.

– Да, Николай, не удивляйся. Зазвучит именно музыка. Музыка, которую назовут космической или Музыкой Вселенной. Эта музыка близка к звучанию органа и в то же время – далека от него. Но у этих двух форм звучания единое начало – высокая духовность, понятная в музыке далеко не каждому.

– Почему ты так решил?

– Я не решил. Я открыл это в результате многих лет работы и наблюдений здесь, в Мире Искусств.

– Ты хочешь это воплотить на Земле? – поинтересовался я, заметив нотки грусти в голосе хозяина дома.

– Хотел бы, но я далёк уже от дел Земных. Моя работа только здесь.

– А как же твои открытия и познания?

– Николай, я переложу их на бумагу в томе книг открытий. И они будут храниться в Банке Космической Информации. А что-то передам ученикам, тем, кто пойдёт на Землю.

– Ты Учитель?! – удивился я.

– Нет. Ещё нет, но когда сочту в себе необходимые силы и запас знаний, пройду посвящение в Учителя.

– Удачи тебе на этом поприще.

– Благодарю..., – небольшая пауза, и Расул предложил выйти в сад. – Когда я много говорю, мне всегда хочется быть на лоне природы. Там легче дышится, и легче объясняться.

Мы вышли в сад. Как много было здесь разнообразных насаждений: от диковинных на вид, до самых обычных ромашек!

Я спросил у Расула:

– Почему ты вырастил в саду такие диковинные деревья со сказочными плодами и совсем простые цветы?

– А разве они так уж просты, эти цветы? – вопросом ответил мне Расул.

– Они кажутся простыми среди таких экзотических деревьев..., – ответил я неуверенно.

– Вот именно – кажутся! ... А ты всмотришься в них, разве они обычны и просты? Вовсе нет! Но в этом контрасте кажущейся изысканности и обыденности для меня сокрыта часть философии и Музыка... Каждый раз, выходя в сад, я наслаждаюсь этим звучанием. Может быть, и ты услышишь эту мелодию. Вслушайся, и непременно она зазвучит и для тебя.

Мы долго гуляли в саду. Разговаривали или молчали. И сколько бы я ни вслушивался, не слышал никакой мелодии. Должно быть, я далёк от того совершенства, которого достиг в развитии Расул. Всё, что я ощутил в себе – это внутренние перемены в душе: словно я слушаю раковину у берега моря на ветру. Может, это и было той музыкой, о которой и говорил Расул. Но его я об этом не спросил.

Провёл я у Расула несколько дней. Мы подолгу беседовали. Мне хочется передать разговор, начавшийся казалось бы с безобидного вопроса, заданного мною:

– Скажи, Расул, что за имя у тебя? Я никогда такого не слышал.

– Тебе интересно моё имя?

– Да, оно звучит несколько странно для меня.

– Прежде всего – это мусульманское имя, и оно достаточно редкое. Я не удивляюсь, что тебе оно не знакомо.

– Расул, извини за любопытство, а где ты жил на Земле до прихода сюда?

– Где жил? Что тебе сказать... Я пять раз ходил на Землю. В первый раз по праву бытия, зародившись в цветах настурции. После трижды против воли и при разных условиях, а в последний – шёл сам. Я знал, что так надо, что я должен сделать это. В третий и последний приход на Землю я жил в горах Кавказа. Последний раз я нёс имя – Фарух, но, придя сюда, я принял иной образ – более всего мне был близок третий сход на Землю. Вот таким ты и видишь меня сейчас.

– Расул, я много изучал вопросы и теории Ислама, но в первый раз за все путешествия встретился с представителем этого религиозного течения.

– Тебя это удивляет?

– Немного да.

– А что именно? – уточнил Расул, давая мне понять, что он настроен на долгую беседу.

Я немного помолчал, собираясь с мыслями, потому что вопросов у меня было более чем предостаточно. Были и свои предложения, версии. И я спросил:

– Как развиваются более низкие Миры жителей и почитателей Ислама?

– Ты глубоко смотришь на этот вопрос. Что ж, попробую объяснить. Николай, ты знаешь, что существует три основных религиозных Начала?

– Конечно, да.

– Тебе также известно, что они объединены единым Высшим Началом Космоса и Вселенной.

– Да.

– Так вот, Николай, можно вывести простую модель существования этих Миров, разъединённых религиозными воззрениями.

– Но они по сути своей глубоко близки друг другу ввиду единого Начала, – высказал я свои мысли.

– погоди, Николай. Коснёмся и этого вопроса, если хочешь. А пока речь о другом. Я говорю о разъединении Миров по религиозным воззрениям. Но они существуют так лишь на низких и до среднего уровня развития. Далее все Миры – единое целое. Потому что Начало у них общее.

– Расул, – возразил было я, – но ведь все три религиозных течения имеют общие ипостаси, почему они существуют разрозненно?

– Вспомни слова из Великой Книги Мира: «Каждый получит по вере своей...».

– Но эту фразу можно истолковать по-разному, – воскликнул я, перебив Расула.

Он же слегка вскинул руку вверх, этим жестом как бы призывая меня ко вниманию, и продолжил развивать свою идею:

– Так вот, в моём восприятии, на более низком уровне развития каждый получает по своей Вере, то есть по отношению каждого в отдельности к религиозному Началу. На более же высоком уровне тоже каждый получает «по вере своей», но..., – Расул замолчал.

Я тоже молчал, стараясь привести в порядок свои мысли и ещё раз проследить за ходом нашего разговора. Затем Расул продолжил:

– Но теперь отношение ко Всевышнему совсем иное, так как открыто много неизвестного человеку, но доступного духу. Вот здесь и

исчезают различия, и в полной мере проявляется единое общее в трёх течениях.

– На этом уровне и идёт соприкосновение разрозненных Миров?

– Да, Николай. Но Миры эти не так уж и разрознены. Ты о многом судишь по тому, что видел сам и изучал. Я же могу сказать о том, что на более низких уровнях развития Миры трёх религиозных течений имеют области соприкосновений. Потому что Мир Вселенной – един!

– Значит, я просто-напросто не попадал в эти области соприкосновений во время путешествий?

– Выходит, что так. Ты, Николай, исследовал Миры того уровня, где жил сам, поднимаясь или опускаясь виток за витком. Поэтому очень много ты и не мог увидеть. Да и невозможно исследовать весь Мир Вселенной во всех его проявлениях и тонкостях.

– Выходит, что на низком уровне и на высоком есть прикосновение между религиозными Мирами, а как же средний уровень?

– Знаешь, Николай, в моём восприятии это проявляется так: средний уровень – уровень переходящих. На этом витке соприкосновений нет, идёт параллельное существование Миров. А ты живёшь именно в этом переходящем уровне.

– Да... Теперь мне многое становится понятней..., – и после непродолжительной паузы я продолжил: – Расул, но ведь в религиозных трактатах много общего, что объединяет Буддизм, Христианство и Ислам, но люди разнятся...

– Ты прав, люди, не ведая о самом элементарном, отдаляются друг от друга в вопросах религии. А по сути – как ни называют Всевышнего на Земле, каким его ни представляют – Его сущность не меняется.

– Просто Человечество пошло по пути развития всеобщего разделения.

– Однако, Николай, так долго продолжаться не может, – возразил мне Расул, – раздор между народами приведёт к катаклизмам в природе и массовым вспышкам всевозможных болезней.

– А это может привести к гибели Земли?

– Нет! Исчезновение планеты Земля недопустимо! Что и каким образом проявится – от меня сокрыто, как я ни старался проникнуть в глубь этой проблемы – ничего не вышло.

– Значит, ещё не время знать.

– Может, и не время, а может, – это то, что Всевышний не раскрывает..., – и Расул погрузился в раздумье. После он продолжил: – Николай, ты говорил о едином начале трёх религиозных течений, так вот, возвращаясь к этому вопросу, хочу сказать, что от разрозненности люди придут к единению.

– Каким образом?

– Будет время, когда на Землю сойдут очень сильные и возвышенные духи. Сойдут и те, кого при жизни на Земле или несколько после причислили к лику Святых. Сойдут те, кто достиг определённых высот в развитии здесь. Это будет обновлённое поколение, которому будет доступно больше, чем другим поколениям. Вот эти люди и внесут обновление в религию. И новое объединит людей. Однако..., – Расул вновь смолк и задумался.

Молчал мой собеседник, а я собирался с мыслями и новыми вопросами. Я понял, что время от времени прерывать беседу молчанием – это привычно для Расула, который вновь продолжал после паузы:

– Однако, пройдут десятки лет на Земле, пока придёт время обновлённого поколения. Пройдут десятки лет, пока дети станут взрослыми, а потом пройдут годы и поколения сменят одно другим в упорной борьбе за Новое. Нелегко придётся людям, живущим на рубеже нового тысячелетия и после...

– Расул, скажи, откуда тебе всё это известно? – спросил я, видя, что он не намерен больше ничего говорить по этому поводу.

– Я – не пророк. И не воспринимай мои слова за пророческие... Хотя в них, Николай, нет ни слова вымысла. Я это открыл для себя за многие годы... А со временем приобретённые знания передам ученикам. А пока... мне предстоит ещё много работать... Уже вечерняя прохлада спускается росой в сады, идём в дом. В такое время в доме уютнее.

Мы вошли в дом. В доме было всего четыре комнаты. Одна – для гостей, в которой я оказался, войдя в дом. Ещё две комнаты рядом: одна кухня, а другая – рабочая (или лаборатория). В последнюю я не заглядывал. Внутреннее чутьё подсказывало, что излишнее любопытство к вопросам работы хозяина дома оскорбит его. Я не возражал против такого убеждения. Ведь каждый живёт своею жизнью.

Большую часть времени мы провели в комнатке на мансарде дома.

— Это моё повсечасное пристанище, — говорил Расул, — если не занят работой внизу.

Комнатка достаточно просторная. Дверь на балконе всегда открыта, и по комнате разливается благоухание вьющихся роз. Они тянулись от земли до балкона и оплетали его. На мгновение я остался в комнате один, и тут вошёл Расул с подносом фруктов, держащимся каким-то образом на его голове и с восточными яствами в руках.

— Продолжим беседу и покушаем. Я немного голоден, а ты? — обратился он ко мне, расставляя принесённое на низенький столик посреди комнаты.

— Да нет, но от инжира и хурмы не откажусь.

— Что ж, тогда на правах хозяина я приглашаю гостя к столу.

Меня удивляли бесшумные исчезновения и появления хозяина дома и быстрота приготовляемых блюд и угощений, о чём я и спросил его.

— В моём доме живёт женщина, — ответил Расул. — Она красива и умна, но очень застенчива и не выходит, когда в доме гости, кроме близких нам.

— Расул, я уже несколько дней нахожусь у тебя в доме, может быть, я стесняю ваш быт..., — узнав подобное, я чувствовал себя неловко.

— Нет, что ты! Халимат это не стесняет, а мне приятно твоё общество. К тому же гости в нашем доме не так уж часты.

Как бы ни убедительно звучали слова Расула, всё же я не мог более оставаться в этом доме, я оставил тихий гостеприимный дом и продолжил своё путешествие, а пока... вечер продолжался...

— Николай, — обратился ко мне хозяин дома, — вот ты — приверженец Христианства, да не оскорбят твой слух мои слова, скажи, как близок ты был к Богу, живя в теле на Земле?

Меня несколько озадачил столь неожиданный вопрос. Я даже растерялся немного... Но всё же, собравшись с мыслями, ответил:

— Я был окрещён во имя Христа родителями ещё в младенчестве. А после, подрастая, любил из праздников Рождество и Пасху, ожидая их наступления с нетерпением. Будучи взрослым, я редко бывал в Церкви. Что я знал о Боге? Да по сути — ничего! В моём сознании Бог ассоциировался с Иконой Спасителя, что висела в переднем углу в бабушкином доме... Я был далёк от Него и познал Его, лишь переступив грань смерти плоти, став духом...

– То же самое могу сказать и я, приверженец Ислама: я соблюдал правила Шариата, читал Коран, почитал Магомета, но от Аллаха был далёк. И понял это, лишь оставив Мир Земной. А вот Буддизм?! По-моему, это течение наиболее близко к истине Всевышнего..., – снова непродолжительная пауза, после которой я знал, Расул продолжит изложение своих мыслей. – За века от пришествия Христа на Землю, люди его учение превратили в догмы. Истина же Его слов понятна и доступна немногим.

– Это зависит от человека. Ведь каждый имеет своё мировоззрение и мировосприятие.

– Ты прав, Николай. Чтобы постичь Его Истины, надо совершенствоваться прежде всего себя: воспитывать и утверждать в себе личность, заботясь о душе, не забывая и о плоти.

– Расул, ты хочешь этим сказать, что каждый человек должен пропускать через себя, как через призму, поступающую извне любую информацию? И лишь то, что присуще человеку, будет им принято, как пройдя через грани призмы, лучи собираются в фокусе?

– Да, так, если выразить это образно. Однако я вновь повторю уже сказанное: «Каждый получит по вере своей...». Согласись, что человек, прожив жизнь, порой не зная ни единой молитвы, оставляя Землю, получает участь более завидную, чем тот, кто совершал все обрядовые почины и знал молитвы... А почему? Вопрос...

– Согласен. Потому что более важны непоказные дела и мысли, чем показное смирение и почитание, уживающиеся с внутренней непокорностью и гордыней.

– И, как бы подводя итог сказанному, – поддержал меня Расул, – не так важно то, как ты живёшь, а более важно то, чем ты живёшь! Внешнее богатство или нищета, одарённость или бездарность – не есть суть Личности Человека; то же можно сказать и о духе. Ведь под красивой внешностью, а, порой, и благопристойным местом обитания скрывается примитивное существо, получившее то, что имеет, лишь по стечению обстоятельств. А пройдя вновь возложенные испытания в теле на Земле, оказывается в далеко не пристойном виде...

Какое-то время мы молчали, погрузившись в размышления. Однако у меня ещё были вопросы к Расулу. Я знал, что больше не должен оставаться в его доме, поэтому решил продолжить разговор:

– Скажи, Расул, – нарушил я воцарившееся молчание, – тебе ведомо, что бывает с людьми любящими, но принадлежащими к разным религиозным течениям?

– Да..., – Расул посмотрел на меня с нескрываемым интересом, но ответил. – Любовь приходит к нам, не спрашивая нас ни о чём. Она одаряет нас привязанностью и нежностью чувств, зарождает в сердцах нерушимые связи... Да... Так что бывает в таких ситуациях? Любящие соединяются, если такое возможно..., – Расул говорил в задумчивости и медленно, словно сам с собой.

Мне показалось, что он не совсем понял мой вопрос.

– Расул, – обратился я к нему, – я не совсем это имел в виду...

– Николай, я прекрасно тебя понял, – остановил он меня на полуслове, – извини, это было небольшое отступление..., так..., мысли вслух...

Он слегка вскинул руку вверх, жестом как бы призывая к молчанию, и продолжил:

– Если эти двое по уровню развития духа близки друг другу, то они попадают в области соприкосновения Миров религиозных течений. А если нет, то... всё в руках Всевышнего! ...

– Расул, а дети, что с ними в смешанных браках?

– Что дети? Тебе известно, что дитя – продолжение линии отца. Значит, мать может их не встретить...

– А если она примет веру мужа и отца её детей?

– Это многого не изменит. Она скорее посчитается вероотступницей и понесёт наказание, которое может ещё больше отдалить её от близких...

– Значит, переход от Веры к Вере недопустим?!

– Можно сказать и так. Поэтому, если в детстве тебя предали той или иной религии, то неси её. Пусть ты был ещё несмышленным, и за тебя решили твои родители. Но... ты принял, прошёл Таинства посвящения, и душа дитя (ещё не разум, не сознание) всё запечатлела на уровне подсознания. И свершённое Всевышним Таинство живёт в тебе. Так зачем рушить уже установленную в тебе некую гармонию к развитию? А уж будучи взрослым, Человек свободен решать сам...

И снова воцарилась тишина в комнате с балконом, увитым розами, благоухающими в ночи.

– Расул, – вновь обратился я к собеседнику, – выходит, что браки между представителями разных религий не равны?

– В жизни не надо всё воспринимать буквально, ведь не существует шаблона! Каждый человек неповторим, и его жизнь – индивидуальна, ни с чем и ни с кем не сравнима! Каждому – своё. На всё воля Божья! Единственное, что я могу сказать, исходя из опыта собственной жизни: лучше не вступать в такие «неравные» браки.

– Почему, Расул?

– Я не осуждаю людей, вставших на такой путь. Этот путь труден. Их решительности можно даже позавидовать. Им же можно и посочувствовать. Их ждёт так много испытаний, тягот и лишений не только на Земле, но и здесь, в Мире ином...

– Но как же быть, если пришла Любовь?

– Что Любовь?! Её можно сохранить чистой и возвышенной, не запятнать её бременем плотской прихоти. Тогда, прожив врозь друг от друга на Земле, любящим проще соединиться здесь и обрести истинное счастье. Если пришла Любовь, она не оставит сердца пустыми, и двое стремящихся друг к другу обязательно встретятся.

– А дети? Ведь они продолжение...

– Что дети?! Их можно иметь в браке и продолжение твоё останется и ты их не потеряешь и здесь, сохранишь возможность общения с ними. Разве это не радость? А любовь чистая и обрётённая – разве это не счастье?

Было уже поздно. И я видел, что Расул утомлён. На многие вопросы он дал мне возможность посмотреть иначе. Я не хотел злоупотреблять его расположением к себе, поэтому больше не задавал вопросов. Ведь и так было очень много сказано. К тому же я знал, что все эти дни его почти не видит Халимат. Я – человек посторонний, ворвался в их жизнь, изменив её привычный уклад.

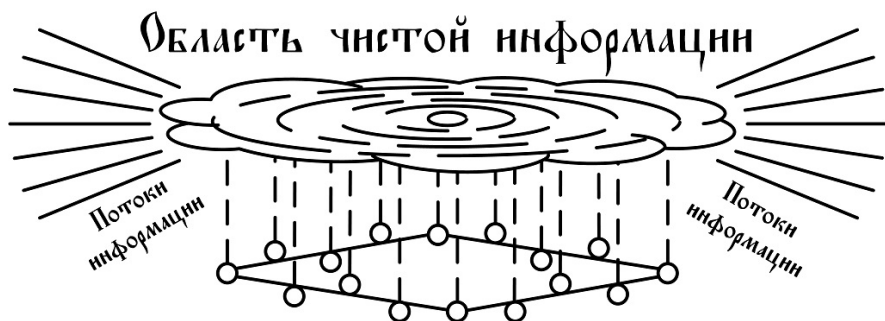
Пожелав друг другу доброй ночи, мы разошлись. А утром я простился с хозяином дома и пошёл путешествовать дальше.

Оставив дом гостеприимного Расула, я ещё долго осматривал и изучал область и планеты Мира Искусств, время от времени мысленно возвращаясь к нашим беседам.

Что же касается самой области Мира Искусств, то её можно представить так: я уже говорил несколько ранее, что планеты Мира Искусств расположены по квадрату или ромбу, всё зависит от того, откуда на них смотреть. Над этими планетами располагается область чистой и

нетронутой материи мыслей и образов. Эта область, как мне кажется, никем основательно не изучена, да это и невозможно.

Эту область можно представить так: от области чистой информации образов и мыслей расходятся лучи (потоки) информации, которые связаны с Космическим Банком Информации.

Почему эта область мало исследована? Потому что очень малое число живущих соприкасается с ней. Не каждый Человек или Дух имеет доступ к этой области. Если только он одарён Талантом от Все-вышнего. Мне кажется, иначе не может быть, ведь если бы всем всё было известно, то жизнь утратила бы свой смысл существования, который заключён в том, чтобы жить, познавая и открывая новое и новое, развиваясь и совершенствуясь. А за познанием и совершенством стоит Бессмертие и Вечность Вселенной.

Многое из написанного выше звучит философски. Поэтому о многом можно поразмышлять. А мне хочется поговорить о не менее интересном: о том, как развивается малыш во чреве матери, что он при этом ощущает, и как всё это воспринимает душа, идущая на Землю.

Сход души на Землю, зарождение жизни в теле для духа – подобен смерти Человека. Ведь дух, как и человек, не знает, **что** именно стоит за чертой перехода. Человек не знает, что ждёт его по ту сторону смерти и вообще, есть ли «там» жизнь. А Дух не может знать, **как** именно

сложится его жизнь и справится ли он с тем, ради чего идёт на Землю, и **что** его ждёт после!..

Строительство тельца малыша – это всецело работа Сил Природы под воздействием Сил Космоса. И вот малыш начинает двигаться сильнее, и мать ощущает «первое» движение. С чем можно сравнить это чувство? Каждая женщина воспринимает по-своему. Дух же улавливает самые малейшие движения, даже делящейся клетки. Душа повязана энергетически со своим отцом, а с матерью – дважды: энергетически и через пуповину, и не только плоть к плоти, но более прочно – астрально. Поэтому и после рождения существует астральная связь матери и ребёнка. И лишь со смертью одного из них эта связь обрывается. Но для души нести эти связи (энергетическую и астральную) – бремя. Это тяжело. У многих может возникать, говоря образно, тяжесть груза за плечами.

Плод развивается и движется. Эти движения передаются и духу. Как? Через энергетическую связь. Мне было интересно ощущать на себе движения плода (моей строящейся плоти).

Я был у Учителя. Мы сидели во дворике его дома и разговаривали... Внезапно я ощутил непонятное мне движение левой руки. Я ею не двигал, мои руки были сцеплены в замок, но было явное ощущение, что рука движется. Это ощущение исчезло так же внезапно, как и появилось. Мной овладело новое чувство, и на какой-то миг я был словно вырван из реального мне мира. Я погрузился на этот миг в мир внутренний – в мир чувств.

– Что с тобой, Николай? – коснувшись моего плеча, спросил у меня Учитель.

Я объяснил ему странное ощущение, возникшее во мне. Мои слова вызвали у него улыбку:

– Привыкай к таким ощущениям. Это достаточно на долгий срок, а со временем они будут возникать всё чаще и выразительней, более чувственно. Это твоя плоть даёт знать о себе.

Большого мне не надо было объяснять. Я понял, что малыш начал двигаться сильнее во чреве матери. Первое время мне было странно и интересно на себе испытывать подобные хаотические движения. Через некоторое время я освоился с новыми чувствами, и когда они накатываются на меня, я лишь внутренне улыбаюсь самому себе. Ведь это я, моя плоть двигается.

Чем больше срок беременности матери, тем более ощутимы эти движения. И мне порой кажется, что я бегу! Но это лишь плод делает более активные движения ножками. А порой кажется, что моя рука тянется, словно хочет что-то взять, или сжимается в кулак. Но это всё малыш в утробе. Из всего мне до сих пор не удалось освоиться с нечастыми движениями, когда малыш всем телом поворачивается; возникает ощущение кувырка через голову или поворота вокруг себя самого. Это на короткий миг меня приостанавливает, что бы я ни делал. А нужно признаться самому себе, что я — дитя, находящееся в утробе, ой какое беспокойное! ...

Плод растёт и развивается. За этим процессом стоит несколько Сил, разных по происхождению. Большую роль играет Сила Энергии, полученная в момент зачатия от обоих родителей. Большое влияние оказывают Силы Природы, что иначе можно назвать наследственностью генов и прочее. Однако основную роль в процессе развития плода играют Силы Космоса! Эти силы не подчиняются и не поддаются никакому влиянию извне. Они выполняют свою, если так можно сказать, программу, полученную Свыше. Силы Космоса включаются в работу ещё задолго до зачатия и рождения малыша, а прекращают её через сорок дней после родов. Можно сказать, им подвластно всё! Они даже могут вмешаться в процесс формирования половых органов и подавить действие Сил Природы, изменить предопределённое самой Природой! Это возможно до пятнадцати недель беременности.

Три Силы, три разных Начала воздействуют при зачатии и развитии плода. Если три Начала в полном согласии, никаких осложнений нет. Но при противодействии одной из трёх — верх всегда возьмут Силы Космоса. И такое бывает очень часто, поэтому и рождаются ни на кого не похожие дети. Вырастая и взрослея, они становятся индивидуальными личностями. Однако основную роль в развитии и становлении Человека играет Душа! Иначе сказать — Дух, вошедший в плоть. На Человека влияют также Силы Природы и Силы Энергии родителей, а подавить любую из них может только Душа, руководствуясь тем, что сохраняется в подсознании от знаний Космоса и того, что вложено Силами Космоса при развитии плода.

Силы Космоса оставляют малыша на сороковой день после его рождения, и в тот же миг их работу начинает выполнять подсознание. То есть, тройственность одного Начала не исчезает, а несколько преобразуется.

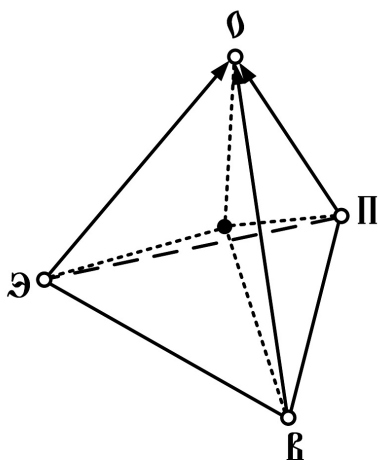
Очень часто говорят, что по правую руку от Человека стоит его Хранитель, а по левую — Искуситель. Не могу принять это утверждение дословно, также и не могу его полностью отрицать. У меня на этот счёт сложилось своё мнение и возникла идея, которую можно изобразить так: одна из вершин пирамиды со сторонами равносторонних треугольников есть центр «О» — сам Человек. Три других вершины — это три Начала Сил, от которых к центру идёт три луча: Сила Энергии родителей «Э», Сила Природы «П» и Всевышний (или Силы Космоса) «В».

Пирамида внутри поляя. И в этом замкнутом пространстве заключены Силы Зла, которые могут вмешаться в любой ток (течение) луча и влиять на Человека. Почему Силы Зла заключены в пирамиде? Объясню. Несколько ранее я писал о Мире Зла и его самоуничтожении при достижении полного совершенства и гармонии в развитии. Так вот, если эти силы самоуничтожимы, то они занимают некое определённое пространство. В моей идее я их заключил в пирамиду.

Может возникнуть вопрос: «Как же Силы Зла могут вмешаться со стороны Сил Космоса, если за ними стоит Всевышний?» Ответ на него прост: Господь всегда допускал Дьявола к Человеку, чтобы испытать его или наказать, а после — отзывал.

В том, что существуют Силы Зла и Миры Тьмы сомневаться не приходится. Это — Истина! Но зачем существует Зло? Для меня всё обстоит так: Господь допускает существование Зла, значит, в этом есть определённый Им смысл.

В моём сознании и воображении рисуется такая картина: Всевышний Творец создал единый Мир Вселенной и Космоса. Всё существующее в этом Мире пребывало в едином Начале, стремящемся к Абсолюту (или Наивысшему Совершенству, то есть — к Творцу). А в любом развивающемся обществе есть и идёт несколько путей разви-

тия, ход и течение которых очень трудно предугадать и предопределить. Так вот, Мир Космоса и Вселенной развивался: кто-то быстрее, кто-то медленнее продвигался в своём развитии к Абсолюту. Таким образом, возникла естественная закономерность – соблазн. А следствием соблазна явилось искушение. Так в Мир пришла и порочность, которую со временем облекли в слово – «грех».

На свете существует Наивысшая Благодать – Книга Мира – Библия. Однако её надо уметь читать и уметь понимать. Истинный смысл, заключённый в ней – Слово; но он сокрыт и не каждому доступен.

В моём восприятии Ветхозаветные Адам и Ева, а также Искушитель – аллегорические образы. Но они не безосновательны. Существовала Реальность с пагубным течением в развитии Мира Космоса и Вселенной. Эта Реальность была смещена от единого Начала, но продолжала развитие. В Библии же это запечатлено образно: в искушении Человека и его изгнании из Рая. Раем названы Высшие Миры, куда были лишены доступа живущие в «пагубной» Реальности, названные людьми. А далее Книга Мира повествует о развитии Человечества во Времени, а пространство и бесконечность в Вечности именуется Царством Небесным.

А что же есть Ад? Это реальный Мир Зла. Часто говорят о чудесах этого Мира. Есть ли они на самом деле? Есть. Я не исследовал этот Мир, так как подобное мероприятие сопряжено с опасностью лишиться жизни. Но я сталкивался с этим Миром, о чём описывал ранее. Изучал труды и описания прошедших разные области этого Мира, и сделал для себя определённые выводы. Возвращаясь же к чудовищам, я условно разделю их на существующие реально и на образы. Многие чудовища в Мире Зла, несмотря на устрашающий вид, безопасны в силу того, что это лишь мыслеобразы. Но если такие мыслеобразы наделены Силами Зла подобием разума... Более опасного существа и не сыскать.

Обитатели же Миров Зла обезображены по-разному, в меру своего пагубного развития и деградации. Попадают в разные области Миров Зла и люди (духи, оставившие плоть) в наказание за содеянное в жизни, в испытание, в утверждение и так далее. Но люди не остаются в этом Мире, они проходят через него и возвращаются в Высшие Миры, откуда и пошло их Высшее Начало. Те же люди, которые не желают отказать от порока, деградируют, но проходят несколько этапов, дающих возможность вернуться к полному восстановлению и

реабилитации. Если же данная возможность не используется, то дух деградирует до полного прекращения своего существования, даже как энергия.

Несколько возвращаясь к ранее написанному, хочу рассказать вот о чём. Силы Энергии родителей, полученные плодом при зачатии, что они представляют собой?

Мать и Отец малыша выходят из разных семей, чаще не объединённых кровным родством, а значит, они являются представителями разных родов. Род ведётся по линии Отца, и всё родовое передаётся от отца к сыну и так далее. Однако в момент зачатия и в первые три месяца развития малыша во чреве матери устанавливается будущий энергетический потенциал ребёнка. И в ходе этого процесса трудно сказать, чьё родовое Начало (отца или матери) возьмёт верх.

Что есть Сила Энергии рода? Это энергетическая информация, запечатлённая на особом рода материи – матрице рода. Эта матрица хранится в Банке Космической Информации. Насколько мне известно, на матрице записывается жизнь каждого члена рода: мужчин и женщин. Хотя женщина и являет собой продолжение рода мужа, её жизнь (отпечаток) хранится в том роду, из которого она вышла. А дети принадлежат роду отца.

Мощь же рода зависит от его численности и образа жизни членов рода. Мощь рода может возрастать и угасать от поколения к поколению, а может и прекратить своё существование, если больше не будут рождаться сыновья. Таким образом, если мощь и сила рода одного из родителей высокие, то и дитя получает высокий энергетический потенциал. Если энергия рода женщины преобладает, то мужской род обогащается за счёт новых токов информации. Если преобладает энергия рода мужчины, то информационно укрепляется потенциал рода женщины. Подобного типа информация считается дополнительной и тоже хранится на матрице.

Бывает, что в силу каких-то обстоятельств сын несёт фамилию матери. Тогда он является продолжением её рода, но даёт начало новой ветви, продолжением которой будут его дети, внуки...

Что же есть Силы Природы? Это Силы Высшего Начала, как и Силы Энергии родителей. Силы Природы наделяют малыша, живущего ещё в утробе, способностью слышать, понимать и чувствовать... И мне – малышу отрадно слышать голоса матери и отца, обращённые ко

мне. Даже если обращаются не вслух, а мысленно. Как приятно ощущать ласку их рук! У мамы они такие нежные и ласковые, а руки отца излучают силу и несут успокоение. Каким образом я это чувствую? Через малыша. Это он воспринимает ласку и голоса, такую способность ему дают Силы Природы. А через него ощущения передаются мне, ведь душа, идущая на Землю, и плод связаны между собой энергетически и астрально. И чем больше малыш, тем он отчётливей воспринимает всё извне. Меня охватывает нега, когда отец целует живот мамы. Слагаются и её чувства, и то, что ощущает малыш, ведь он всё воспринимает!

Милые мамы, разговаривайте со своими детьми ещё до того, как они родятся и увидят Мир Земной! Воспитывайте их в том духе, какими желаете их видеть.

Я знаю, что всё то, о чём мне говорят мои родители, о чём просят и рассказывают – всё это будет запечатлено подсознанием и, придя в мир, я это буду помнить, осознавать. Это тоже данная Силой Природы возможность.

Влияние Сил Природы на формирование малыша более тонкое и углублённое, часто сокрытое, потому что Силы Природы имеют более совершенное Начало. Или, иначе сказать, более возвышенное. Поэтому и их влияние на развитие плода более утончённое. И проявляется оно в различных чертах и особенностях характера человека, в его подвластности тому или иному влиянию извне. Воздействие этих Сил более проявляется, когда дитя выйдет в мир. Поэтому оно при развитии плода во чреве матери как бы сокрыто и незаметно.

Я говорил уже несколько ранее, что над всем при развитии во чреве плода преобладают Силы Космоса. Рождаются дети и прекрасными и убогими. Рождённые живут долго или рано умирают. Чем это можно объяснить? Всё тем же воздействием Сил Космоса, за которыми стоит Всевышний.

Однако здесь влияние оказывают и Силы Энергии родителей. Каким образом? Можно ответить так: дух, идущий на Землю, в силу каких-то обстоятельств, слаб. Заряд, полученный в момент зачатия, тоже не велик. Обе эти причины ведут к быстрому истощению энергетического потенциала Человека, что сокращает годы его жизни или делает его более подверженным разного рода болезням и порокам. Что же сокращает жизнь, подрывая здоровье? Бывает, что хилый на вид человек поражает своей выносливостью и стремлением жить. Здесь тоже ска-

зывается проявление Сил Энергии родителей: большой энергетический потенциал, полученный при зачатии, не дающий угаснуть жизни Человека, поддерживает и его здоровье. Здоровье во многом зависит от Силы Духа самого Человека, от его внутренней силы, противостоящей болезням и инфекциям, от его сознательного стремления жить!

И всё же, основное влияние и проявление на Человека и в Человеке имеют Силы Космоса. Так рано умирают дети по разным причинам. Бывает и такое, что в предыдущей жизни Человек в теле не дожил определённый Свыше срок значит прошёл не весь путь испытаний; поэтому он вновь возвращается на Землю, даже на несколько дней.

Невольно возникает вопрос: как же дитя может пронести на своих хрупких плечиках то, что не выполнил при жизни взрослый человек? Отвечу так: сход Духа на Землю страшен, так как сопряжён с разными опасностями, трудностями и испытаниями. Сам сход — это уже преодоление! Чтобы пройти это испытание — надо иметь Силу Духа и Волю. Таким образом, Рождение и Смерть искупают многое!

Можно сказать, что несправедливо отнимать у родителей детей... Однако это своего рода испытание или наказание. Почему так и за что? Известно лишь Всевышнему. Не надо принимать подобное за жестокость. Господь не жесток! Нет. Его Волю надо правильно понимать и принимать смиренно, потому что испытывая или наказывая нас, он и жалеет нас, хранит и спасает...

А вот как рождаются двойни и тройни?

Это работа Сил Космоса. Но таинство хранит Всевышний. Идущие на Землю двойней, в мире ином или прошлой жизни могут быть злейшими врагами. Вот их и соединяют родственной и кровной связью для примирения. Могут сходить вместе и любящие, не желающие ни на миг расставаться. Причины таких рождений различны, но за всеми стоит Всевышний. Своего рода это — тоже испытание, ведь быть связанными родственной и кровной связью тяжело, потому что все переживания, эмоции и даже болезни и пороки могут передаваться от одного к другому.

Да и что говорить об испытаниях и наказаниях?! Человек своей жизнью сам себе предопределяет грядущее. Один неверный, необдуманый шаг и... всё, что было достигнуто, может обратиться в прах. Поэтому, когда жизнь ли, случай ли предоставляет выбор, лучше хорошо всё обдумать и только тогда, приняв решение, совершать поступок.

Если человек привык контролировать свои действия в мелочах, тогда и в сложной ситуации ему будет легче сделать выбор.

В народе часто говорят: «Под лежащий камень вода не течёт!» Сколько глубокого смысла и мудрости заключено в этих словах! Их можно истолковать применительно к разным ситуациям. От этого, однако, глубинная мудрость их не изменит своей сути. Мне же они пришли сейчас на ум, и я их истолкую, исходя из пришедших мыслей.

Человек стоит перед выбором: поступить ему так, или вот эдак. Он может «прокрутить» мысленно предполагаемый исход события при разных своих поступках, а значит, он делает выбор! Только принятое решение не должно противоречить голосу сердца и совести, потому что выбор и принятое решение предопределяет грядущее для Человека, каким бы оно ни было. Однако Человек может сделать выбор: пусть мол всё идёт своим чередом, а там — будь, что будет. Конечно, жизнь его от такого решения не остановится, она продолжит свой ход. Но по какому пойдёт пути? На вопрос ответа нет! ... Потому что, когда Человек пассивен, его легко склонить и увести в сторону с праведного пути. Я говорил ранее о пирамиде из равносторонних треугольников с центром в точке «О» ... Так вот, пассивность Человека поощряет Силы Зла к искушению. А три воздействующие Силы на Человека не отторгают Искусителя. Почему? Потому что «под лежащий камень вода не течёт!»

Если у Человека нет никакого желания что-либо изменить в жизни, как-то повлиять на ход событий, хотя бы попытаться что-то изменить, то и Господь здесь бессилён! Но стоит Человеку хоть немного восстать против складывающихся обстоятельств, как на него начинает оказывать влияние одна из Трёх Сил Единого Начала. А это ведёт к изменению хода событий, а может, и всей жизни. Поэтому Человек должен прежде всего сам противостоять возникающим трудностям и испытаниям. Не падать духом. Надо бороться за то, чего хочешь достичь. Если есть в жизни стремление, значит, есть цель. А это значит, что жизнь имеет смысл, она не пуста!

А ещё мне хочется сказать о том, что мудрость надо черпать, не хватая звёзды с небес, а вдумываясь в простоту народных изречений. Пословицы, поговорки, сказки, были, предания, легенды и прочее — содержат в себе Ключ Жизни Человека. В них содержится всё то, что позволяет Человеку быть Человеком. Только надо вдуматься и понять смысл сказанного. А неиссякаемым Кладезем Жизни была и остаётся — Библия...

НОВАЯ ГЛАВА В КОНЦЕ КНИГИ

Если бы мне заранее сказали, что я окажусь в подобной ситуации, я бы усомнился. Всё это выглядит почти нереально. Но..., видимо попадать в каверзные ситуации — мой удел... Гонимый наилучшими и чистыми помыслами, я нередко оказываюсь не там, куда стремлюсь. Это ещё раз убедило и утвердило меня в том, что исправить всё я могу, лишь прийдя на Землю, родившись человеком малым...

Всё было готово к моему возвращению на Землю. Строительство плода и развитие его во чреве матери завершено. Запущены биологические часы на выход ребёнка в свет. Я оставил свою мать, так как последние несколько дней был неотлучно рядом с ней. Мне предстоял путь Долиной Перехода к Озеру Забвения. И я пришёл домой на Планету Озёр в полюбившийся городок — Дубовый Бор.

Я прошёлся несколько раз по дому, всё осматривая, замечая каждую мелочь. Я оставлял привычный мир и образ жизни. Передо мною стояла Неизвестность во всей своей красе. Как живущие на Земле боятся умирать, так и идущие на Землю испытывают страх! Страх перед чем? Перед Неизвестностью... И тех, и других страшит Переход.

Не могу сказать, что я не переживал. Меня одолевали и сомнение, и неуверенность. Справлюсь ли я со всем тем, что возложено на меня? Я знал, что должен. Старался утвердить самого себя в этом стремлении: сойти на Землю и пройти хотя бы большую часть испытаний. Нет, меня не тяготил сам Переход! Однако...

Я уничтожил некоторые бумаги и записи: то, что не представляло для меня никакой ценности и лишь захламляло стол и полки в моей спальне. Всё привёл в порядок. Сердце сжалось. Мне стало тягостно оставлять всё обжитое и идти в... Неизвестность!

Почему — Неизвестность? Ведь я всё знаю, сам выбирал родителей, свой Земной Путь! И всё же... В моей семье меня ждали сыном... Но мне было дано иное тело. Я должен был сойти на Землю, родившись девочкой! Несмотря на то, что я был в прямом контакте со своей матерью, я не имел права сказать ей об этом... Иначе... мне бы всё изменили без моего ведома и согласия. Силы Космоса вправе это сделать! Вот это

и тяготило меня больше всего!.. Как она, моя мама, встретит меня в ином обличии... Примет ли?! Не оттолкнёт ли? Сможет ли принять и понять меня и мой приход? ...

Я заранее написал ей «письма» и удерживал эту информацию, чтобы по мере необходимости она достигла слуха той, которой я всё это писал: стихи, обращения и то, что приходило на ум..., мысли вслух..., всю эту информацию я перевёл в непосредственную близость к моей милой и... маме... Больше мне было нечего делать дома. В нём царил ощущение пустоты... хотя всё оставалось без изменения. Мне было позволено сохранить дом, а не уничтожить его, как я видел подобное уже не раз: Евгений... Бен... Ютиш...

За моим домом в моё отсутствие, а точнее сказать, за садом, обещали следить Учитель и Николос. Бабушка сошла на Землю, ей там уж пятый десяток лет. Так что более близких мне людей, кроме мамы, Анны, да Одина, у меня более не было. Я заранее навестил всех близких ещё задолго до схода на Землю. Мне не хотелось травмировать ни их, ни себя расставанием..., пусть даже временным и по своей воле...

Лишь с Учителем я не переставал общаться, вплоть до последнего дня. Он должен был идти со мной к Озеру Забвения. Вот к Учителю-то я и пошёл, чтобы последние часы перед Сходом на Землю ещё раз всё обсудить...

— О, Николай! — воскликнул Учитель, увидев меня. — А я уж хотел к тебе идти...

— Я кое-что пересмотрел дома, навёл порядок. В общем, я готов к Сходу...

— А что так невесел?

— Не знаю...

— Что тебя тяготит?

— Не знаю...

— Ты чего-то боишься?

— Нет. Мне просто отчего-то тяжело. На сердце словно камень лежит.

— Николай, это вполне нормальное состояние.

— Ты так считаешь, Учитель?

— Конечно. Я думаю, это всё пройдёт. Давай лучше просмотрим твой Путь ещё раз.

И Учитель «прокрутил» мне мою будущую жизнь и все возможные варианты. Мы обсудили сложные ситуации... Подходило время идти на Лобное место, и Учитель сказал:

– Николай, пора идти в Долину... Я иду с тобой, ты не возражаешь?

– Конечно, нет, Учитель, но...

– Что – «но»?

– Я хочу пройти этой дорогой сам.

– Николай, ты всё хорошо обдумал? ...

– Да, Учитель. Я всё обдумал. Мне... нечего бояться. Я иду по доброй воле. И хочу идти один.

– Что ж, пусть будет по-твоему. Я буду ждать тебя со всеми у Озера Забвения. Хорошо?

– Ладно.

– Тогда с Богом, в Путь!

– С Богом, – повторил я.

Мы с Учителем вышли из его дома. До окраины города дошли вместе, а там расстались. Дальше я шёл один. Мысли мои метались. Я ещё и ещё раз вспоминал, всё ли сделал, что хотел; обо всём ли написал милой моей... маме...

Я шёл, всецело поглощённый своими мыслями и не смотрел по сторонам. Из этого состояния меня вывел нарастающий шум. Кто-то бежал, шлёпая босыми ногами, и что-то выкрикивал. Я оглянулся назад. Бежал мужчина средних лет. Лицо измождённое, волосы почти до пояса, растрепались. Ему мешал бежать плащ; такие плащи носят посыльные. Ему не хватало сумы. Мужчина оглядывался, и что-то угрожающе выкрикивал. Слов я не мог разобрать. Увидев меня, он оторопел от неожиданности, остановился и хотел бежать прочь, но... Подошёл ко мне и спросил:

– Скажи-ка мне, братец, куда эта дорога ведёт?

– А разве ты не знаешь? – что-то подтолкнуло меня ответить вопросом на вопрос.

– Так Озеро там? – махнул он рукой в сторону, куда бежал.

В пути я не мог лгать и уклоняться от ответа не было возможности. И я ответил:

– Да.

– Ты идёшь туда?

- Да.
- Сам?
- Да. А что тебя удивляет?
- То, что ты один.
- А что в этом странного? Я иду добровольно.
- Мне бы твою покорность!..
- Дело не в покорности и даже не в смирении...
- А в чём же тогда? – прервал меня мужчина и с интересом по-

смотрел на меня.

- В желании...

– В желании? – он явно недоумевал. – Ты хочешь сказать, что готов сойти на Землю по своему желанию?

- Да.
- Но..., что тобою движет?
- Я хочу Жить!

– Жить!? – эхом отозвался мужчина. Его взор затуманился, блеск глаз померк и бормоча: – Да, жить... жить, а не существовать... Жить..., – он побрёл в сторону от дороги. Потом оглянулся на меня, видимо, желая что-то спросить или сказать, но... махнув рукой, побрёл дальше. А я продолжил свой Путь.

Я шёл, размышляя: «Кто бы это мог быть?» Личность, несомненно, интересная, но затравленная, обречённая. Этот человек вызвал у меня чувство сострадания.

Так незаметно я подошёл к развилке дорог.

Мне было всё равно, каким идти путём-дорогой. Но... Я испытывал странное состояние: перед глазами плыли круги, всё плыло и покачивалось, звуки от меня удалялись, и их сменил звон. Он, словно волны, то приближался, то удалялся. Я чувствовал, что теряю равновесие, и из последних сил сошёл с дороги на обочину. Помню лишь, что я почти упал на траву, и... тьма обступила меня со всех сторон...

Мне казалось, что я пробуждаюсь после долгого тяжёлого сна. Тело ломило, в голове шумело, веки налились свинцом. Сделав над собой усилие, я открыл глаза и сел. Потянулся и оглянулся вокруг, но ничего не понял...

Голова стала чистой и ясной, ушёл шум и боль, оставила тело и ломота. Я чувствовал себя легко, как никогда ранее, однако, мне было не по себе от того, что я не знал, где нахожусь... Я не мог даже вспомнить

своего имени! С лёгкостью в теле я ощущал пустоту в сердце... Мысли неслись одна за другой. От их большого потока и бесчисленных вопросов, на которые я не мог ответить, меня стало лихорадить: бросало то в холод, то в жар. На лбу выступила испарина и ладони стали влажными.

Потеряв прошлое, меня не оставило присутствие духа и воли. Я пытался сконцентрироваться на себе и хоть что-то вспомнить, но... все мои попытки ни к чему не привели. Зато я ощутил голод. Это хоть какой-то признак жизни, а то было чувство полной изоляции и оторванности от всего в Мире. Я ощущал себя почти нереальным, несуществующим...

В поисках пищи я пошёл в сторону реки, как мне казалось по едва уловимому шуму воды. Когда я пришёл в сознание, то находился на открытой поляне среди молодых деревьев дуба и граба. Заросли оказались лишь рощей, из которой я быстро вышел. Шум воды становился всё отчётливее, значит, я шёл в правильном направлении. Но всё ли равно: «Куда?» Я знал только, что иду к реке и мне хочется кушать. Вдали я заметил что-то очень похожее на пшеницу и поспешил. Действительно, это была пшеница. Но что я мог с ней сделать? Я сорвал пару колосков, обшелушил и стал жевать зёрнышки. Эта пища мне показалась райской! Я испытал истинное удовольствие от сытости, но теперь мне хотелось пить, и я вновь пошёл в сторону реки.

Река оказалась маленькой речушкой, а такой шум производил водопад на ней. О! Это поистине величественное зрелище: с высоты метров ста ниспадало ажурное кружево, сотканное из воды и разлетающихся брызг, и восстающее яркими радужными переливами. Поражённый открывшимся мне зрелищем, я замер и любовался, с восторгом взирая на водопад.

Меня посетила мысль, что взобравшись туда, откуда ниспадает водопад, я могу хорошо осмотреть окрестности. Возможно, рядом селение или город, ведь кто-то же возделывал пшеницу, мимо которой я шёл. И вот я поднялся на скалу. Действительно, мне открылась широкая панорама живописных мест. Но меня ждало разочарование: рядом не было ни города, ни даже селения. Лишь три домика за дубовой рощицей. К ним я и перенёсся. Я внутренне чувствовал, что кто-то был в дальнем от меня доме. Два других — пусты. Я стоял в нерешительности, не зная, как поступить: войти или пройти мимо. Я ведь не знал даже своего имени...

Долго думать не пришлось. Из дома навстречу мне вышел мужчина, смуглый, хорошо сложенный. Чёрные, слегка волнистые волосы свободно спадали ниже плеч. Он был наг до пояса. Идя ко мне, он улыбнулся. От его глаз исходило тепло. Из-за пояса очень широких, похожих на юбку, штанов он вынул ленточку и повязал ею голову так, чтобы волосы не падали на глаза.

— Проходи в дом, Путник! — пригласил он меня, широко и открыто улыбаясь. — Мы всегда рады гостю, кем бы он ни был.

Смутившись, я глянул на него и подумал: «Неужели он знает, что со мной случилось?» Однако его приглашение принял: мне надо было хоть немного отдохнуть и узнать, где же я нахожусь. Но тут сердце снова полоснула боль — я ведь ничего не помню из моего прошлого... Я должен всё вспомнить, должен! Внутренне я чувствовал, что должно было произойти что-то очень важное. Но что? Ответа я не знал...

В доме, куда я вошёл вслед за мужчиной, было всё просто, но очень уютно, ничего лишнего, только необходимое. Я огляделся. Мне стало интересно: было такое ощущение, что подобное я вижу впервые, но знаю назначение предметов. Я понимал, что вошёл в дом. Я знал, что вот это, посреди комнаты, стоит стол и стулья. Стол покрыт ажурной тонкой скатертью, в вазе на столе стоят цветы, красивые, тёмно-бордовые. И я знаю, что это георгины. Георгины... Мне снова больно на сердце. Отчего? Не знаю. Я переводил взгляд с предмета на предмет, с вещи на вещь, называя их про себя и говоря себе самому, для чего они предназначены.

— Ты проходи, не робей. Дома я сегодня один, а вообще нас здесь живёт трое, — и мужчина назвал имена: — Киприан — это я, и Ераст с Павлом. Они — в горах.

Мужчина смотрел на меня. Я знал, что он ждёт взаимности. Я должен представиться ему, назвать своё имя. Увы! Я не мог этого сделать, а говорить, что придётся — не хотелось... Я должен, должен всё вспомнить... Киприан, видя, что я молчу, продолжил:

- Может, ты голоден или хочешь пить?
- Да. От еды я не откажусь.
- Тогда подожди здесь. Я скоро вернусь.

Киприан вышел, а я сел на табурет у окна. Как же здесь красиво! Я всё смотрел и смотрел, а на сердце щемило. В этом пейзаже за окном было что-то до боли знакомое, однако я не мог ничего вспомнить. Меня тяготило отсутствие воспоминаний так, что я был готов закрыть

глаза и бежать... Бежать... Пожалуй, я бы так и поступил, но в этот миг вошёл Киприан с подносом в руках.

– Присаживайся к столу, – пригласил он меня.

Мы сели за стол. Передо мною на подносе стояло два блюда: холодный овощной суп и морковный салат. В большом изящном бокале – напиток. Такой же бокал взял себе и Киприан.

– Ты уж не кори за простое угощение...

– Да что ты, – перебил я мужчину, – я и этому рад...

Мне стало неловко. Внутренне я знал, что не принято обрывать человека на полуслове, тем более, что его я видел впервые. Вот если бы я говорил с кем-нибудь хорошо знакомым мне, тогда подобное было бы допустимо. Я видел, что Киприан несколько смутился, но быстро овладел собой и продолжил разговор:

– Мы – подвижники. Живём уединённо. Быт наш – прост, пища – неприхотлива.

– А чем вы занимаетесь? – спросил я.

– Да как тебе сказать? – Киприан задумался и продолжил, – прежде всего – трудимся, обрабатываем землю, ровно столько, чтобы нам хватало на питание. А свободное время посвящаем служению Всевышнему и изучению философии.

– Служению Всевышнему... Что ты имеешь в виду?

– Пост, молитва и пение. И, конечно, забота о ближних, если нужна помощь.

– Вас здесь живёт всего трое?

– Да. Я и Павел решили уединиться... И вот мы обосновались здесь. А Ераст попал к нам случайно. Он путешествовал и набрёл на наши поля среди глуши дикой природы, пришёл к нам. Мы его приняли, а через какое-то время он решил, что будет жить с нами. Ему понравился наш образ жизни. Если и тебе сейчас некуда пойти или желаешь удалиться от суеты и побыть в тиши, то мы будем рады тебя приветствовать в наших рядах.

– Я... не знаю... Пока не знаю... Но если будет на то необходимость – приму приглашение.

– Что ж, поступай, как знаешь.

– А что это за местность?

– Это Долина Гейзеров.

– А рядом есть поселения?

– Это как сказать – «рядом». Несомненно, есть, но на почтительном расстоянии от долины. Я ведь говорил уже, что мы решили уединиться.

– Да, я помню.

– А где именно ты хочешь побывать?

Киприан задал мне вопрос, на который я не мог ответить, несмотря на то, что вопрос безобиден. Но мне снова стало больно...

– Хоть где. Я не был раньше в этих местах. Хочется посмотреть, а не знаю, с чего начать...

– О! Для начала ты неплохо забрался в глушь! – Киприан смеялся.

Он был весёлым человеком, с задором от природы, и, видимо, я его заинтересовал. Он был со мной искренен и открыт. А я, как бы ни было мне неприятно, не мог даже сказать своего имени. Я чувствовал, что Киприан порывается что-то мне сказать, но сдерживается. Я же не мог понять его желаний. А он продолжил:

– Что ж, если так, то тебе лучше сейчас отправиться в селение Малых Сопок, а оттуда пешком по дороге дойдёшь до города Алых Роз. Почему предлагаю идти пешком? Места очень живописные. Думаю, тебе понравится.

– Благодарю за угощение и за добрый совет. Я, пожалуй, пойду.

– Удерживать не стану. Решил идти, тогда в путь. Только помни, если будет трудно и некуда пойти – я всегда буду рад новой встрече с тобой. До встречи!

– До встречи, – эхом отозвался я на слова Киприана и вышел во двор.

Право, места здесь воистину живописные!

Я прошёл по предложенному мне Киприаном маршруту, восхищаясь красотой Природы, но полноты радости не испытал. По-прежнему я был никем! Мне некуда было пойти. Возможно, меня кто-то ждал, но я не знал об этом. Мне было очень плохо. Ничто не радовало. И я решил вернуться к Киприану и его подвижникам.

Подойдя к домам, я почувствовал, что Киприана нет дома, но кто-то там был. И я пошёл к домам. Мне навстречу вышел мужчина.

– Проходи, Путник, будешь гостем, а гости в нашем краю не часты! – он радушно пригласил меня войти в свой дом.

Я вошёл вслед за ним. Как и в доме Киприана, здесь всё было просто: аккуратно и чисто. Ничего лишнего, только самое необходимое. Мужчина предложил мне покушать, но я отказался. Есть я не хотел. Мне нужно было увидеть Киприана. Он, я чувствовал это, мог мне немного помочь, и я спросил:

– А где Киприан? Когда он вернётся?

На мой вопрос мужчина резко повернулся в мою сторону и с интересом посмотрел на меня.

– Ты можешь подождать, или тебе нужно его увидеть сегодня? – спросил Ераст.

Его имя я узнал несколько позже, а пока мне не терпелось поговорить с Киприаном, и я воскликнул:

– Да что – сегодня?! Я хочу его видеть сейчас. Мне надо поговорить с ним..., я не могу ждать... – От волнения у меня перехватило судорожно горло, и я смолк.

– Вот фрукты, подкрепись, – Ераст достал из буфета вазу с яблоками, инжиром и гроздьёю винограда, – не уходи никуда, я скоро вернусь.

– Ты за Киприаном?

– Да, он с Павлом в долине, – и мужчина вышел из комнаты, а я догадался о его имени – Ераст.

До возвращения Ераста я ходил по комнате от окна до кровати и обратно к окну, словно маятник. Я не знал, как отнесётся к моему возвращению Киприан. Он говорил, что будет рад, но ведь я не знал о себе ничего, а он этого знать не мог...

– О! Знакомые лица! – услышал я за спиной голос Киприана.

Я оглянулся и не мог не улыбаться. Киприан был искренне рад мне.

– Ераст мне толком и объяснить-то ничего не мог, говорит: «Иди домой, тебя человек хочет видеть, ждать не может». Вот это-то и сбило меня с толку. Но я сразу догадался, что это ты, – Киприан подошел ко мне и обнял за плечи. – Идём ко мне, там поговорим.

– Ераст, благодарю тебя за радушный приём и за помощь, – обратился я к хозяину дома.

– Всегда рад помочь, – отозвался он.

И вот мы с Киприаном в его доме. Я уже был здесь, и обстановка в доме меня успокаивала: хоть что-то уже знакомое... Я устал. Устал от неизвестности и собственной ненужности. Так я считал, что никому не нужен, что меня никто нигде не ждёт; и от этого было тяжело на серд-

це. Всё же я живу! Значит, просто что-то случилось, и я должен всё вспомнить, а Каприан должен мне помочь. Поэтому я был здесь, в его доме.

— Что-то случилось в дороге? — вкрадчиво спросил Киприан. — Ты так скоро вернулся.

— Нет, всё в порядке. Только... Проблема во мне самом... Я никому не нужен... даже себе самому...

— Стоп-стоп! Что это за бред?

— Всё так, как говорю. Я ничего не знаю, не помню... Понимаешь? Ничего!..

— Нет, не понимаю, — Киприан подошёл ко мне, взял меня за руку и сильно сжал её.

— ...? — я вопросительно посмотрел на него.

— Давай договоримся: ты рассказываешь всё, как есть по порядку, чтобы я мог разобраться, что к чему. А то я не совсем тебя понимаю.

— А что понимать? Я и сам не понимаю. Я знаю название вещей, предметов. Знаю, для чего они, и как ими пользоваться. Знаю, как передвигаться в пространстве, как обращаться к людям, и всё тому подобное. Но... Я не знаю, кто я и зачем живу! ...

— Как это ты не знаешь «кто ты»? — Киприан был удивлён и озадачен.

— Я не знаю даже своего имени... — сказал я, едва расслышав свой голос.

— Не знаешь имени?

— Я... я... не помню... Ничего не помню из прошлого...

— Да... Озадачил ты меня, — немного помолчав, сказал Киприан и, как-то загадочно глянув на меня, добавил: — Если ты всецело доверяешь мне, попробую тебе помочь.

— Доверяю ли? Если б не доверял, не пришёл бы к тебе. Я чувствую, что ты можешь помочь...

— Что ж, я только позову Ераста. Он мне поможет.

Киприан силою мысли вызвал Ераста. Что он передал ему — не знаю, но в этот миг в дом вошёл Ераст и приветливо улыбнулся мне. Он, не говоря ни слова, взял из шкафа лист бумаги и ручку, и обратился к Киприану:

— Я готов.

— Хорошо, идёмте, — и Киприан прошёл в соседнюю комнату, а мы — за ним.

– Ераст, тебе только надо быть внимательным и записывать всё, что он скажет. А ты, – Киприан обратился ко мне, – приляг на кровать. Постарайся расслабиться.

Я лёг, но чувствовал напряжение в теле.

– Закрой глаза и постарайся не думать о своих бедах. Вспомни что-нибудь красивое, что ты видел в дороге.

Я погрузился в воспоминания. А вспомнить было что. Не знаю, что делал Киприан, только меня окутал тёплый туман, лучистый, светящийся мелкими искорками, и я будто бы погрузился в «сон».

– Николай, – меня кто-то тряс за плечо.

Я открыл глаз. Увидел знакомую мне комнату. Киприан держал в руках лист бумаги и смотрел на меня, улыбаясь. Ераст стоял рядом.

– Скажи мне, Николай, – заговорил Киприан, – ты что-нибудь помнишь?

– О да! Я вспомнил Марту и Бена! Это мои хорошие друзья...

– Может, они смогут при встрече чем-нибудь помочь тебе? Ты сможешь их найти?

– Да, конечно, я помню их дом и где он...

– Подожди, – Каприан взял меня за руку, – я иду с тобой.

И вот мы у того самого места, где был дом Марты и Бена. Однако... Дома нет, сад зарос... Каприан закрыл глаза, а через несколько мгновений сказал:

– Ни женщина, ни молодой человек нам не помогут. Они на Земле... Вернёмся ко мне домой. Думаю, ты со временем восстановишь своё прошлое... Скажи, Николай, кто такая Инна? Ты что-нибудь вспомнил о ней?

Я бормотал это имя, оно мелодией звучало в моём сердце, мне стало легко-легко. «Это моя мама!» – пронеслась мысль. И я сказал Киприану:

– Это моя мама.

– Да нет, не может быть этого, ты не связан с нею серебряною нитью астральных тел.

– Тогда я не понимаю ничего...

– Ну, Николай, разве можно отчаиваться в начале пути. Я обещал тебе помочь и сделаю всё, что в моих силах. А ты помогай мне. Старайся усилием воли пробить блок забытья. Ты – сильный и сможешь со многим справиться сам. А сейчас вернёмся домой.

Я остался в доме Киприана. Идти мне было некуда. С интервалом в несколько дней Киприан повторял со мной «погружения в сон». С каждым разом я вспоминал всё больше и больше. И мы с Киприаном восстанавливали последовательность событий. Я вспомнил то, что болью отозвалось в моём сердце, когда я смотрел из окна в первый свой приход к подвижникам: я был здесь раньше с той, которую назвал своей мамой.

Что-то не укладывалось в общий порядок событий. А я не мог вспомнить что-то очень важное для меня.

— Пойми, Николай, — говорил мне Павел, — тебе недостаёт самой малости, чтобы вспомнить всё. Ты уже сделал очень многое, но твои воспоминания не последовательны и обрывчатые. Что-то главное от тебя ускользает. Постарайся уловить «это» ...

— Но как, Павел? Я пытаюсь...

— Николай, хочешь пойти с нами в долину? — Обратился ко мне Ераст. — Отвлечёшься. Сердцем отойдёшь, может, легче станет...

— А что, это хорошее предложение. Иди, Николай, — подбодрил меня Киприан.

— А может, нам всем вчетвером подняться на нашу вершину и вознести Гимн Всевышнему? — предложил Ераст, глядя на Киприана.

Павел тоже посмотрел на него. Киприан оглядел всех нас поочередно и сказал:

— Что ж, это неплохая мысль. Идёмте.

Взявшись за руки, мы перенеслись к подножию не то горы, не то холма. Это возвышенность среди равнины, которая сплошь изрезана речушками и время от времени взрывающимися гейзерами. В гору шли пешком по тропке. И вот мы вышли к её вершине. Открылся живописный вид! Я некоторое время с восхищением смотрел вокруг. Мужчины ждали, пока утихнет мой восторг. Затем все по знаку Киприана опустились на колени. Я последовал их примеру.

— А теперь помолимся каждый о своём, — проговорил Киприан и, закрыв глаза, простёр руки вверх.

Павел сложил руки ладонь к ладони и поднёс их к губам, он тоже молился, закрыв глаза. Ераст стоял, опустив руки, и, глядя куда-то вдаль, что-то шептал...

Слова молитвы, обращённой к Богу, приходили сами по себе. Мне становилось легко и радостно, даже сам не знаю, отчего. Может, потому что я ощутил рядом с собой Его присутствие! Тепло облаком объяло

меня. И ещё долго после молитвы я чувствовал на лице, руках — словно прикосновение, ощущение тепла...

Мы пешком спустились к подножию горы, а оттуда перенеслись домой. Я испытывал облегчение...

Со мной по возвращении с горы начало происходить нечто странное: меня знобило, слегка кружилась голова, подташнивало.

— Киприан, — позвал я друга, — мне что-то не по себе. Я себя плохо чувствую.

— У тебя озноб, — проговорил Киприан, подойдя ко мне, — сейчас я приготовлю тебе тонизирующий напиток.

И он вышел. А у меня потемнело в глазах. Всё стало чёрно-белым с серебристым отливом. Я дошёл до кровати и лёг. Я чувствовал невероятную слабость. Вошёл Киприан, держа в руках высокий бокал. По комнате расплылся терпкий запах. Он подошёл ко мне и предложил:

— На-ка, выпей всё сразу, только мелкими глотками, а я побуду с тобой.

— Я выпью остальное после, — протянул я бокал Киприану.

— Нет, нет. Всё! Сейчас, при мне выпей.

— Очень приторный вкус..., — пытался я возразить.

Но Киприан настоял на своём, а мне особо сопротивляться не было сил. Я допил напиток, и меня поглотил «сон», словно я окунулся в прохладу тумана. Я и спал, и не спал. Это очень странное состояние, когда находишься между сном и бодрствованием. Внезапно меня начало трясти. Я чувствовал, как сильные руки Киприана прижимали меня к кровати. Потом подошёл Павел. Я слышал, как они переговаривались меж собой, но смысл слов не улавливал. У меня в голове образовалось некое пространство, оттеснив все мысли, и в этом пространстве развернулся экран. А на экране стало появляться изображение чего-то, что я ещё не мог вспомнить. Это изображение пульсировало, становилось то ярче, то бледнее, и так до тех пор, пока я не вспомнил что это и где. Потом были события, которые я отчасти вспоминал, при помощи Киприана, под влиянием его воздействий. Каждый раз, когда я не помнил имён и места действия, изображение на экране начинало пульсировать. Память восстанавливала события, и лента моего прошлого вновь вертелась.

Меня уже не трясло, прошли озноб и тошнота. Я находился в смятении от такого избытка информации, восстановленной мозгом. Чувствовал я себя обессиленным. Мне хотелось спать... Но теперь меня

одолевал здоровый сон. Мои друзья моё молчание истолковали иначе: они решили, что я потерял сознание. И Киприан стал трясти меня за плечо:

- Николай... Николай Ты слышишь меня?
- Да, да... я слышу...
- Что с тобой? Что ты пережил?
- Я всё расскажу потом... Сейчас хочу спать...
- Николай, – заговорил Павел, – ты как себя чувствуешь?
- Всё хорошо. Да не волнуйтесь вы так. Я устал и очень хочу

спать...

– Пусть отдохнёт, – вставил своё слово Киприан. – Мы с тобой, Павел, вернёмся в гору, а Ераст побудет с Николаем на случай... – голос Киприана звучал всё глуше и глуше. Конца фразы я уже не слышал, потому что уснул.

Пробуждения моего мои друзья-подвижники ждали трепетно, с нетерпением. Я проспал трое суток, а проснувшись, онемел от осознания всего происшедшего со мной. Я понимал, что они ждут моего рассказа обо всём случившемся, но... я не мог тратить время на разговоры.

Теперь я всё вспомнил: я знал, что мне надо делать. Принеся слова извинения моим друзьям, я покинул их, пообещав вернуться несколько позднее и всё объяснить.

– Поступай, как считаешь наиболее важным для тебя, Николай, – сказал мне Павел, – а мы уж никуда не спешим.

– Киприан огорчится, узнав, что ты покинул так спешно нас в его отсутствие, – добавил Ераст и продолжил, улыбаясь: – Я рад за тебя, и до встречи, Николай.

- До встречи. Я обязательно вернусь ещё к вам!..

Теперь мой путь лежал в дом Учителя. Я только и думал: «Лишь бы он был дома... лишь бы он был дома» ... Ещё миг и я у порога дома Учителя. Моё сердце радостно затрепетало: Учитель дома!

Когда я вошёл в дом, Учитель сидел за столом, сложив голову на согнутые руки. Видимо, он читал и задремал. Рядом лежала большая книга, раскрытая почти на середине.

- Учитель, – позвал я его, подойдя, – Учитель!

Он встрепенулся. Поднял голову, тряхнул ею. И на меня уж смотрели чистые глаза, свободные ото сна. Они излучали тепло. Лицо Учителя преобразилось – он улыбался.

– О! – воскликнул он, – Николай! Это в самом деле ты? Я не грежу?

– Нет, Учитель. Это действительно я, Николай. Скажи мне, как они? – сразу же я задал вопрос, терзавший меня.

И Учитель понял меня. Он просто ответил:

– Смотри, – и взял меня за руку.

Я увидел ту, которую люблю больше жизни. Я видел её живой и здоровой. Я видел её, которую должен был назвать мамой... Она кормила грудью туго спелёнатого младенца... Значит, всё обошлось... Господь не допустил непоправимого... Жива она..., жива и малышка – моя сестра...

Перед Инной на столике лежала раскрытая тетрадка с недавно написанными стихами, а сама она смотрела в окно и улыбалась, вспоминая о чём-то:

Ждали сына,
Родилась – дочь!
Она пришла светлым днём,
А не в тёмную ночь.
Здесь тайна Твоя,
Господи, сокрыта.
Ведь знала только я,
Что дочь родится ...
Только имя ей
Не знаю, какое дать ...
Как хотел Николай –
Александрой буду звать.
Он, она ли...
Всё одно – Саша.
Пусть растёт сильной
Дочурка наша.

Я вздохнул облегчённо.

– Учитель, сколько времени я отсутствовал?

– Земным исчислением – два месяца и... семь дней.

Я сел на стул, на котором только что дремал Учитель. Он же сел с другой стороны, напротив меня и спросил:

– Хочешь чего-нибудь поесть или освежающего?

– Нет, я не голоден, пить тоже не хочу.

– Тогда рассказывай, что произошло с тобой? Где ты был всё это время? Я уже не знал, что и думать...

– Хорошо, я расскажу... – и я поведал всё то, что произошло со мной с того момента, когда я простился с ним и до нашей встречи сейчас.

Выслушав меня, Учитель вздохнул:

– И почему я послушал тебя? – спросил он не то меня, не то себя самого.

– Кто бы мог подумать, Учитель, что подобное случится со мной в Пути к Озеру Забвения? Разве мог я или ты это предвидеть? – попытался я его утешить, потому что по его виду догадался, что в случившемся он винит себя.

На мои слова утешения или оправдания, он ответил:

– Я предполагал о такой возможности...

– ...?!

– Да, это так. Но я не хотел тебя беспокоить ещё и этим перед тяжёлым испытанием – возвратом на Землю. Я не думал, что она так решительна...

– Кто она?! – воскликнул я вопросительно, и тут же меня сразила мысль: «Тамара!»

Всего одно слово, а сколько оно значило! Я вопросительно глянул на Учителя. Он также взглядом ответил мне подтверждающе. Я не ошибся. Мои сомнения относительно Тамары подтвердились.

– Почему она это сделала? – недоумевал я. – Зачем?

– Она хотела удержать тебя здесь... Любой ценой... Она хочет быть рядом с тобой всегда...

– Но я не хочу!

– Для неё её желание оказалось превыше.

– Учитель, а как же она так смогла воздействовать на меня? Какой такой Силою?

– О, Николай, этого не знаю и я.

– Что же теперь будет с ней?

– Она будет наказана.

– Как и чем?

– Николай, – улыбнулся мне Учитель, – ты задаёшь мне такие вопросы, словно я Сам Господь Бог.

Я улыбнулся в ответ Учителю.

В этот вечер мы долго разговаривали. Нам было о чём поговорить.

Я чувствовал, что Тамара ищет меня. Видеть её зачем бы то ни было я не хотел. Поэтому, оградив себя, как и она ранее, когда я искал её, «стеной непроницаемости» по совету Учителя, я отправился к подвижникам. Сдержав своё обещание рассказать всё, происшедшее со мной, я впал в меланхолию. А несколько позже мной овладело отчаяние.

Я потерял связь с той, ради которой шёл на Землю. Я не знал, как вступить с ней в контакт. За время моего отсутствия она получила несколько моих «писем» из той информации, которую я оставлял для неё. Я видел, что моя «мама» пережила большую драму души, ведь она ждала сына, а родилась дочь. Она приняла её и смирилась перед Ликом Всевышнего, считая рождение девочки даром Божиим. Я был часто рядом с нею. Видел её слёзы, стенания, мольбы... От этого мне не становилось легче, скорее – наоборот... Я пытался её утешить, силою мысли обращаясь к ней. Но она гнала от себя мой голос. Она слышала меня, но не верила, сомневалась...

Нет, я не осуждал её за это, она всецело права! Взаимодействие двух наших Миров таит немало коварств и опасностей. Она поступала разумно, заботясь о себе и малышке. Но что? Что было делать мне? Я всё знал, но ничего не мог ей ни объяснить, ни помочь.

Я был у подвижников, когда она приходила в мой дом. Найдя сад в запустении: клумбы не были вовремя политы и цветы привяли, она полила их и, вернувшись, вспомнив увиденное, утвердилась в мыслях, что я рядом с нею, что мой дух живёт в тельце маленькой девочки, её доченьки, к которой она испытывала с каждым днём растущую привязанность и любовь. Заботы о ней, о малышке, всецело её поглощали, и она все силы отдавала ей.

Сблизиться и войти с ней в контакт помог случай. И я благодарен Богу за дарованную нам возможность общаться вновь.

Всё происшедшее с нами до сих пор не укладывается в голове. В силу чего всё это произошло? Я не знаю. Есть в Жизни нечто, что сокрыто ото всех. То, что во власти Всевышнего.

А я, пожалуй, должен кое-что объяснить...

В последние годы Тамара стала приходить ко мне. Она хотела общения и стремилась вновь завоевать моё сердце, как это было когда-то на Земле. Однако... Это её решение запоздало на добрую сотню лет. За долгие-долгие годы ожидания и поисков, а после — и нашего разрыва, и не с моей стороны, а с её, — ведь она не желала ни видеть, ни общаться со мной, — очень многое изменилось. А Тамара, поняв, что моё сердце уже остыло к ней, стала мне вроде как мстить, и язвила при удобных случаях в разговорах. Я пытался ненавязчиво дать ей возможность разобраться окончательно в наших отношениях и в своих чувствах. И она смирилась... Во всяком случае, так казалось мне. Она более не навещала меня, а я готовился идти на Землю. Всё же смирение её было показным... Она не хотела, чтобы я ушёл на Землю, вот и вмешалась в естественный ход событий моей жизни...

За содеянное она понесла наказание.

Спустя некоторое время после моего возвращения домой, я случайно столкнулся с Тамарой у Николоса. Ведь она — подруга Лючии. Я был поражён увиденным!.. Тамара вела себя странно: она знала, что и как делается, но только — необходимое. Она знала своих друзей, но общаться с ними могла только о самом необходимом. Когда же разговор заходил о чём-то более пространным и возвышенном, она теряла к нему всякий интерес и оживлялась, лишь если говорили о том, что ей интересно: о еде, одежде, домашнем хозяйстве. Наблюдая за Тамарой, я был поражён тем, что она относилась ко мне, как к человеку, которого видит впервые.

В беседе с Николосом я спросил:

— Почему она так изменилась?

— Из-за чего это произошло? — словно переспросил меня Николос, и сам ответил на вопрос. — Жизнь даёт человеку Свыше — от Бога. И никто не имеет права обрывать её: ни сам себе, ни кому-либо другому. А про Тамару Лючия говорила мне, что у неё отняты все её знания прошлых лет. Она готовится к сходу на Землю. Ей подобрали родителей и Путь. Но кто эти люди, ей не сказано. Да и, как говорит Лючия, это не имеет для неё теперь значения, потому что познания её сведены до минимума. И по Земле она пойдёт, как если бы родилась впервые, чистой энергией сошла в тело.

— Николос, тогда ей всё надо начинать сначала? Учиться, познавать...

— Да, ей всё надо начинать, что называется, с нуля... — вздохнул Николос и продолжил. — Я не понимаю, что её заставило так поступить. Ведь она не глупая. Ведь она должна была знать, что её ждёт после...

— Сказать откровенно, Николос, я не знаю, что двигало ею. И мне как-то не по себе. Её вид..., разговор..., ограниченность... Может, я в чём-то виноват... Я... не знаю...

— Не казни себя, Николай! Ты-то здесь при чём? Она что, не понимала, что делает? Понимала. И всё же пошла на этот шаг преступления. Конечно, она — сильная женщина, но это не сделало её мудрой! Разве она не понимала, сколько жизней может быть оборвано в один миг? ...

— Николос! ... — воскликнул я, а он продолжил:

— Разве я не прав? Могло оборваться сразу две жизни — твоя и твоей матери...

— Николос... — произнёс я подавленно.

— Прости, если причинил тебе боль разговором, но это так. Разве — нет?

— Ты прав... Она и плод могли погибнуть... Когда в назначенное время я не пришёл, Силы Космоса запустили механизм на уничтожение плода... Ты знаешь, что этот процесс необратим... И лишь Господь в последний миг своей Силою вырвал малышку из вод и вдохнул в неё Жизнь...

Я замолчал. Николос дотронулся до моей руки и тихо спросил:

— Ты сказал, что Всевышний вырвал малышку из вод?

— Да. Плод должен был захлебнуться в водах на выходе. Однако... всё обошлось... Но воды собрались в организме. Их надо было вывести, только откуда об этом было знать врачам, принимавшим роды. И если бы не вмешалось Провидение..., малышка осталась бы без матери...

— Ты говори, Николай, говори... Тебе легче станет...

— Что-говорить-то... Я переболел... Всё обошлось. Все живы... Разве это не счастье? И к чему грустить?

— Ты говоришь верно, да, боль осталась и у тебя и у неё, и малышка травмирована.

— Что верно, то верно. Она знала, что срочно сходит на Землю, знала, что родители её очень ждут, что она идёт в хорошую семью, где найдёт заботу и Любовь... А получила...

– Николай, конечно, рождение девочки, когда ждали сыном тебя, было шоком для родных. Поэтому и малышка всё восприняла болезненно.

– Да, теперь всё прояснилось. Её приняли и любят. Но она гонялась за матерью и будет всегда глубоко подсознательно помнить, что её рождение шокировало мать. А она, малышка, и в эти дни боится потерять свою мать, и её строгость для девочки – сильное наказание.

– Николай, она боится потерять мать?

– Да... Она видела рядом с нею Смерть. И это запечатлено в сознании малышки...

– Не грусти, с годами всё поутихнет. А рано ли, поздно ли, живущие на Земле должны возвращаться к своему Началу, оставив плоти – плоть...

ЭПИЛОГ

Прошло четыре года...

Я был счастлив: моя милая снова носила частичку меня под сердцем... Я жду-не дождусь встречи с ней...

Мои тесные контакты с ней прекратились, мне это было запрещено делать: беременность протекала очень тяжело, и непосредственный контакт мог привести к плачевным последствиям, да и Инна была обременена заботами... Моя сестра Саша росла очень беспокойным ребёнком и доставляла много забот как родителям, так и воспитателям... И не мудрено: ей было суждено родиться девочкой, но программа, заложенная в ней до рождения, была предначертана для мальчишки...

Вмешательство Тамары в её судьбу оставило коварный отпечаток: моя сестра, чтобы защитить себя от опасности или нежелательных последствий, оборонялась ложью, чем часто сталкивала между собой бабушку и родителей. Делала она это по-детски наивно и неправда сразу раскрывалась, но ничего с собой поделать Саша не могла...

Я немного отошёл от сути...

Так вот... Я заканчивал последние приготовления к переходу на Землю... До встречи с моей любимой оставалось чуть больше месяца... Как вдруг передо мной практически одновременно возникли Николос, Учитель и ... Герман... Я оторопел...

– Герман? Неужели это ты? Откуда ты тут взялся?

– Потом, Николай, потом... Не время..., – прервал меня Учитель, – Герман, закончи начатое Николаем! А нам пора...

Учитель и Николос взяли меня за руки... Одно мгновение... и мы очутились на знакомом берегу у Озера Забвения. Там нас поджидал Марк.

– Что случилось? Друзья мои...

– Не время объяснять... Счёт идёт на секунды...

– Воды отошли..., – коротко пояснил Николос.

– Мы не хотели тебя тревожить, чтобы ты успел завершить нача-

тые тобой дела и подготовить как можно больше информации для последующей передачи на Землю... — вставил своё слово Марк. — А теперь — пора! Ты готов?

... Я смело шагнул к спокойной глади Озера ...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Человек – Личность индивидуальная и неповторимая, сущность разумная и мыслящая. Разум же – высшая награда Творца для бездушной плоти, которую оживляет Дух.

Жизнь Человека на Земле сложна и не лишена смысла. Но для чего и зачем живёт Человек на Земле, почему так, а не иначе развиваются вокруг него события – ни один прорицатель не ответит! Можно разными путями приблизиться к сокрытому, даже предугадать грядущие события, однако ответов на вопрос: «Зачем или почему всё будет так» – не найти.

Можно возразить, говоря о пророчествах, которые сбывались и были объяснены. Библейские пророчества были посланы Свыше, от Бога, поэтому и сбылись. А как же сейчас? Есть ли пророки? Есть. Они всегда были и будут. Однако во время, когда пишется эта книга, трудно разобраться в столь обширном потоке информации, что есть Истина, а что – Ложь. Такое время тоже предсказано в Библии. Поэтому всё принимать на веру нельзя!

Человек – существо разумное и мыслящее, и не надо предрекаемое склонять в удобном для себя направлении, потому что в Человеке есть эгоистическое начало, вложенное Искусителем «от вождения Райского Яблока». Не надо давать эгоизму поднимать голову, так будет легче противостоять Лжи. Правду же, какой бы она ни была, лучше принять, чем, оттолкнув, допустить к себе ложь в красивом облиции.

Всё, что слышишь и видишь, надо пропустить через призму собственного «Я», полагаясь на здравый ум и прислушиваясь к внутреннему голосу. Помня при этом, что Истина восторжествует. А думающего Человека труднее сбить с пути Истины.

Что же касается этой книги, она пишется спиритически, то есть работа в контакте «через руку» – человек и дух. Я передаю то, через что прошёл сам, что узнал и увидел. Это мой опыт жизни во Вселенной. Кто-то может сказать, что в книге говорится и о Боге, и о Библии, а ведь в Библии даётся запрет на разного рода гадания и спиритизм. Как же быть? Написание этой книги дано разрешение Банка Информа-

ции Космоса, поэтому до людей дойдёт то, что было сокрыто и содержалось в тайне от Человека. Теперь же грядут иные времена, и люди должны знать хотя бы то небольшое, что раскрывает эта книга.

Эта книга пришла в Мир таким вот образом. И я не скрываю этого. Тот, кто прочтёт её, волен и свободен в выборе: принять её или отвергнуть. Её основное предназначение не пророческое, ибо пророчеств в ней нет. Она преследует одну цель – повлиять на Разум Человека, заставить его мыслить и взглянуть на Мир, на Вселенную, Жизнь и Космос иначе.

Ведь и Библия не отвергает невидимый для Человека Мир. Творцом был создан этот Мир – Воинство Небесное – Мир Ангелов и Мир Духов.

Я – приверженец Православия и на этой основе приведу такие примеры. При Крещении Человеку даётся Ангел-Хранитель, а людей, уходящих в Мир Иной поминают и почитают (тех, кто этого достоин). Так, если не существует Миров, параллельных Земному, то откуда же берутся Ангелы-Хранители, и где пребывают усопшие? Значит, эти Миры реальны. А запрет на спиритизм даётся в Библии, в моём восприятии, вот почему: при контакте Человек-Дух, последний невидим для Человека, и тот не знает, по сути, кто вошёл с ним в контакт. Этот некто может говорить очень много правды, чем ввести в заблуждение Человека, а потом воспользоваться податливостью к восприятию информации и увести в сторону с пути Истины. Вот в чём кроется опасность со стороны Сил Зла.

Запрещено и гадание картами. Почему? Ведь карты – это Силовой Код Земли. Иначе можно сказать так: вокруг Земли проходит силовое энергетическое поле из тонкой материи, близкой по структуре к матрице. На этой матрице с рождением ребёнка запечатляется вся его жизнь во всех проявлениях и исчезает со смертью Человека. Гадая по картам, можно заглянуть в будущее, хотя то, что «скажут» карты, совсем не обязательно к исполнению, потому что это лишь вариант жизненной ситуации, зная о котором, можно вмешаться в ход события и изменить его. Всё зависит от Человека, от того, как он поступит.

Однако карты не всегда попадают в руки чистых душой и помыслами людей. А это значит, что в личную жизнь вопрошающего может вмешаться коварный Человек и изменить то, что предназначено Свыше. А такие вмешательства «гадателей» в Человеческие судьбы ведут к

полному хаосу в Мире и Вселенной. Что, пожалуй, люди очень сильно ощущают в конце второго тысячелетия.

Также и другие виды гаданий в запрете, и всё из-за возможности вмешательства Сил Зла, которых порой очень трудно остановить, а иногда и невозможно. Всё, что существует на Земле и вне её, если об этом говорится, значит оно реально, пусть отчасти, но реально. Человек способен силою воображения любую реальность облачить в несуществующее, однако от этого реальность не прекратит своего существования.

Так, прекрасный сказочник Андерсен написал красивую сказку о Дюймовочке. Видимо, его разум на путях Мироздания соприкоснулся с Миром Эльфов, а фантазия породила сюжет.

Эльфы, гномы, привидения – кто или что это? – Существующие Реальности. Во Вселенной есть Миры Эльфов, а гномы – это ветвь, развившаяся в Мире Эльфов. А привидения? В большей мере – это воображение людей или мыслеобразы, которые реальны, но бездушны и неразумны. С другой стороны привидениями люди часто называют ушедших в Мир Иной, в силу того, что видят их нечётко, призрачно, расплывчато. Говорят: «Привиделось», вот и родилось понятие – привидения.

Эльфы – маленькие человечки, разумны и высокоразвиты. Вечны ли они? Утвердительно ответить «да» или «нет» не могу. Эльфы живут в Мирах с иным течением времени и в ином измерении Вселенной.

Также реальны и водяные, лешие, кикиморы и прочие. Потому что каждый лес, а в лесу – ручеёк, родничок имеет своего духа или существо, которое охраняет и оберегает вверенное ему. В домах есть домовые, а сёла и города имеют также своих Духов-хранителей. И эти Миры уживаются между собой.

Я же побывал однажды среди эльфов в стране Горного Хрустала, которая находится в созвездии Горных Королев. Здесь я был с той, чей образ сохраню в веках. Мы были с ней, моей чистой Любовью в театре эльфов. Постановка была простой с незамысловатым сюжетом, но как много было вызвано чувств и эмоций в наших сердцах!..

Маленький отважный эльф, чтобы сохранить жизнь другим, дарит чванливой и грубой жабе прекрасную розу (свою чистую Любовь и Нежность), чем отвергает жабу в поток иных чувств и помыслов. Его Любовь возвращает жабе её прежний образ, ведь это не просто жаба – это заколдованная маленькая фея.

Я не пытаюсь навязывать свои мнения и взгляды кому бы то ни было. Книга написана. Она прошла трудный путь в написании. Но все сложности позади. Теперь её смогут прочесть люди. Возможно, кто-то многое воспримет как сказку, кто-то откроет для себя что-то новое, над чем стоит подумать. Но дочитавший до последней строки едва ли останется безучастным ко всему, изложенному в книге.

Пусть она не велика по объёму и проста в изложении, но... доступна восприятию любого, кому бы ни попала в руки. И если прочитавший эту книгу хоть ненадолго задумается над смыслом жизни и бытия, над своей ли собственной жизнью, или откроет, или найдёт ли для себя какую-то Истину, я буду рад: труд не пропал понапрасну. Он достиг своей цели.

Всякое в жизни бывает,
Не лёгок и твой путь.
И порою сил не хватает,
Чтобы просто — вздохнуть.
Но отчаянью не позволяй
Душу свою томить....
Ты верь и всегда знай,
Что хуже, чем было - не быть!
Если прошлое пережито,
Значит, будущее - есть. О, да!
И что-то будет позабыто
И канет в уходящие года....

Слушай разум. Духом крепись.
В тебе пребывает чудо -
сама королева - Жизнь!
Во всём уповая на Бога,
Сам себе выбирай дорогу
и суди себя строго!
Стремись душою быть чище!

Чтобы зла полчища
Не овладели тобой -
На Зло отвечай Добротой!
Стремись быть сильным всегда.
Достойно проживи года,
Что тебе отпущены Свыше!
Умей владеть собой
 в ситуации любой!
Чти Библию - слово века
И не пятнай имя Человека!
Верь во спасение во Христе,
Что распят был на Кресте!
Голгофа... Лобное Место... Верь,
Что здесь открыта в будущее дверь!
Её открой рукой своей,
Не торопись, но... успеи...

*Николай Осеев - Инна Волошина
январь 1992 - март 1994,
г. Алма-Ата, Казахстан.
апрель 1994 – июнь 1995,
январь 1999,
г. Сызрань, Россия.*

WEB-сайт: <http://alexeyvoloshin.narod.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 26. В "газетном" варианте говорилось о гибели Николая под колёсами конного экипажа в 1851 году. В оригинале, предлагаемом Вам сейчас, повествуется о гибели его под колёсами автомобиля (современное понятие). Возникает вопрос: откуда в 1851 году взялся автомобиль? Да, первый автомобиль с двигателем внутреннего сгорания, действительно, появился намного позднее гибели Николая... Чтобы избежать подобных вопросов, Геннадий Белимов, редактируя роман для размещения на полосах газеты "Волжская правда" в 2001 году, заменил автомобиль на конный экипаж. На самом деле это была самокатная конструкция — деревянная телега без двигателя, управляемая рычагами. Она спускалась с горки, а Николай, задумавшись, попал под нее.

Книга принята автописьмом. Николай в своем изложении тех событий, чтобы читателю было более понятно, передал информацию именно так.

Стр. 353. Раньше покончивших жизнь самоубийством хоронили за оградой кладбища. С годами это ограничение было снято. Со временем смягчилось и отношение со стороны Церкви к самоубиенным. Их заочно отпевают в случаях, если факт самоубийства был совершен по принуждению, в состоянии невменяемости или психического давления (например, гипноза). Позднее решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 июля 2011 года (журнал № 87) <http://www.patriarchia.ru/db/text/1586149.html> утвержден текст молитвы чинопоследования о самоубийцах. Отпеванием данная молитва не является.

Книга принята автописьмом задолго до нововведений, почему именно так передал информацию Николай Осеев - остаётся только догадываться...

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ ······	3
ВСЁ О БЫЛОМ... ······	18
ГЛАВА 1 ······	22
ГЛАВА 2 ······	29
ГЛАВА 3 ······	71
ГЛАВА 4 ······	97
ГЛАВА 5 ······	126
ГЛАВА 6 ······	147
ГЛАВА 7 ······	167
ГЛАВА 8 ······	196
ГЛАВА 9 ······	212
ГЛАВА 10 ······	245
ГЛАВА 11 ······	276
ГЛАВА 12 ······	305
ГЛАВА 13 ······	327
ГЛАВА 14 ······	358
ГЛАВА 15 ······	373
НОВАЯ ГЛАВА В КОНЦЕ КНИГИ ······	401
ЭПИЛОГ ······	421
ПОСЛЕСЛОВИЕ ······	423
ПРИМЕЧАНИЯ ······	428

Популярное издание

Инна Александровна Волошина

**За порогом жизни, или
Человек живёт и в мире Ином**
(Книга из «Тонкого Мира»)

Ответственный за выпуск Г.С. Саломатина

Подписано в печать 06.12.13.

Формат 60×90 1/16. Гарнитура Ньютон.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,00.

Тираж 3 000 экз. Заказ №

ООО Издательский дом «Роса»,

107031 г. Москва, Кисельный тупик, д. 1, стр. 1

Тел. (495) 979-15-38

Отпечатано по технологии СтР в ОАО «Первая Образцовая Типография», Филиал
«Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

За порогом жизни, или Человек живет и в мире Ином

ISBN 978-5-903381-39-5

16+

9 785903 381395

